

ИЗЪ УСТЪ НАРОДА.

Малорусскіе разсказы, сказки и пр.

Б. Д. Гринченко.

Черниговъ, 1901.
Земская Типографія

Доволено цензурою Одесса, 12 Апрелья 1901 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловіе	V—VIII
I. Представленія и разказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ	1— 18
II. Примѣты и повѣрья	19— 42
III. Знахарство, заговоры и проч.	43— 87
IV. О сверхъестественныхъ существахъ	89—128
V. О мертвецахъ	129—142
VI. О людяхъ съ чудесною силою	143—176
VII. О кладахъ	177—188
VIII.	189—206
IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной.	207—283
X. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ	285—306
XI. Преданія о жѣсткостяхъ	307—328
XIII. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія	329—376
Матеріалы, поступившіе во время печатанія книги	377—401
Прибавленіе: Старая рукопись	402—420
Примѣчанія и параллели	421—454
Указатель содержанія	455—488

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга должна была-бы составлять новый, четвертый, томъ изданныхъ мною раньше „Этнографическихъ Матеріаловъ, собранныхъ въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ“. Но, подобно предыдущимъ, и этотъ томъ долженъ первоначально появиться въ видѣ приложения къ „Земскому Сборнику Черниговской губерніи“, и форматъ какъ приложения, такъ и отдѣльнаго оттиска всецѣло зависить отъ формата „Сборника“. Между тѣмъ послѣдній въ настоящемъ году своей внѣшней видъ измѣнилъ, и если-бы я оставилъ старое заглавіе, то новый, четвертый, томъ настоящаго формата выглядѣлъ-бы довольно странно рядомъ съ тремя своими, очень высокими, старшими братьями. А такъ какъ, кромѣ того, прежнее, слишкомъ длинное, заглавіе не вполне отвѣчало содержанію книги и появилось на ней въ силу случайныхъ причинъ, то этотъ томъ и получилъ новое имя, болѣе краткое и болѣе точное.

Какъ и прежнія, настоящая книга составлена изъ матеріаловъ, сообщенныхъ разными лицами. Болѣе всего доставлено было г-жею *М. С. Чудновскою* (свыше ста рассказовъ, не считая мелкихъ примѣтъ, заговоровъ, пословицъ и проч.), а затѣмъ г-жею *М. Н. Гринченко* (болѣе сорока рассказовъ, кромѣ прочаго), принявшей на себя также подборъ части малорусскихъ параллелей. Кромѣ того,

въ книгу вошли еще записи слѣдующихъ лицъ: *В. Т. Андриѣвскаго* (сообщившаго также и записи *Я. Бондаренко*), *В. В. Боржковскаго*, *Н. Д. Билокона*, *Е. Н. Гаврилея*, *В. П. Горленко*, *Е. С. Грибенюка*, *Н. Б. Г...*, *Ю. Н. Долинской*, *Г. В. Дорошенко*, *А. В. Заблочкаго* (отъ г-на *В. Г. Кравченко*), г-жи *Наталии Кобринской*, *И. Е. Коновала*, *Ө. Кондратовича*, *М. М. Коцюбинскаго* (сообщившаго и запись *А. Дуляка*), *В. П. Кошоваго*, *М. Л. Кропивницкаго*, *Д. К. Лебеда*, *А. П. Лукашевича* (отъ *В. П. Горленко*), *Г. С. Неводовскаго*, *В. В. Полуботко*, *И. М. Руденко*, г-жи *Одарки Романовой*, *В. Ф. Степаненко*, *В. П. Цымбала* (сообщившаго и записи *Т. Галушки*). *В. Г. Шевченко* и, наконецъ, составителя книги. Нѣсколько неизвѣстно нѣмъ записанныхъ номеровъ найдено было мною въ случайно доставшемся мнѣ собраніи разныхъ бумагъ.

Кромѣ этихъ, вновь появляющихся, матеріаловъ, читатель найдетъ въ книгѣ, по большей части въ видѣ вариантовъ къ печатаемымъ впервые записямъ, нѣсколько перепечатокъ изъ двухъ-трехъ старыхъ изданій, сдѣлавшихся такой большой библиографической рѣдкостью, что, напр., даже въ самомъ Черниговѣ я не могъ найти полнаго экземпляра „Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей“ за всѣ годы. Такимъ образомъ все, напечатанное тамъ, является совершенно мертвымъ капиталомъ, недоступнымъ для научнаго изслѣдованія. Простое указаніе варианта, помѣщеннаго въ такомъ изданіи, въ сущности было поэтому бесполезнымъ. Вслѣдствіе этого уже и раньше гг. Рудченко, Номисомъ и П. П. Чубинскимъ перепечатано было изъ упомянутыхъ „Вѣдомостей“ все, что попалось въ руки составителямъ „Южно-русскихъ народныхъ сказокъ“, „Украинскихъ приказокъ“ и томовъ „Трудовъ этн.-стат. экспедиціи“, посвященныхъ юго-западному краю. Слѣдуя ихъ примѣру, и я внесъ въ свою книгу нѣсколько такихъ перепечатокъ, между которыми есть имѣющія большой интересъ записи П. С.

Ефименко, П. Кузьменко и др. Одна или двѣ небольшихъ перепечатки изъ современныхъ газетъ объясняются желаніемъ сохранить сообщеніе отъ общаго для такихъ издѣній нечезновежда видѣтѣ съ истребленіемъ газетныхъ листовъ. Всѣ перепечатки отмѣчены или при текстѣ ихъ, или въ отдѣлѣ „Цримѣчаній и параллелей“.

Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ 369 номеровъ съ десятокъ записей, быть можетъ, могли бы и не появляться въ печати, такъ какъ представляютъ слишкомъ близкіе варианты уже раньше опубликованнаго. Но условія изданія книги были таковы, что я долженъ былъ или совсѣмъ отказаться отъ опубликованія ея, — по крайней мѣрѣ, на весьма долгое время, — или начать печатаніе въ то время, когда матеріалъ подвергся только первой, предварительной провѣркѣ по печатнымъ сборникамъ. Впрочемъ, эти записи взяли не много мѣста, и я постарался вознаградить читателя, обставивъ ихъ возможно обширнымъ указаніемъ параллелей.

№ 112 и „Прибавленіе“ (стр. 402) не подходятъ подъ избранное для книги заглавіе, потому что являются воспроизведеніемъ рукописей; но такъ какъ изученіе фольклора и подобныхъ рукописныхъ произведеній тѣсно между собою связано, то мнѣ и показалось не лишнимъ опубликовать ихъ здѣсь.

Систематизація матеріала осталось та-же, что и въ первыхъ двухъ томахъ моихъ „Этнографическихъ Матеріаловъ“, а относительно правописанія я придерживался тѣхъ-же основаній, которыя изложены мною на стр. XVI—XVII предисловія къ третьему тому помянутаго моего труда. Прибавлю только, что при перепечаткахъ изъ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ я сохранялъ правописаніе оригинала, стараясь объ этомъ даже тамъ, гдѣ приходилось переводить установленное фонетическое правописаніе на употребленное въ настоящей книгѣ, крайне неудобное для малорусской фонетики. Нѣсколько записей въ отдѣлѣ третьемъ (онѣ всѣ отмѣчены) напеча-

VIII

таны съ рукописей со всѣми неправильностями правописанія — за невозможностью установить съ точностью текстъ. Относительно передачи двухъ вышеупомянутыхъ старыхъ рукописей сдѣланы примѣчанія въ соответствующихъ мѣстахъ. Извиняюсь за искаженіе чешскаго и польскаго правописанія (въ „Примѣчаніяхъ и параллеляхъ“): оно обусловлено недостаткомъ соответственныхъ буквъ въ типографіи.

Всѣмъ поименованнымъ выше лицамъ приношу мою глубокую благодарность за оказанную ими, въ составленіи настоящей книги, помощь, вызванную ихъ благороднымъ сочувствіемъ дѣлу народоизученія.

1900. XI. 24.

Черниговъ.

Б. Гринченко.

I.

Представленія и разказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ.

1. Сонце.

Убытои гадюкы не кыдай на выдноци—сонце плакатыме.

Е. Н. Гаврилей въ м Веркѣвкѣ Нѣжинск. у.

2. Змій летивъ (метеоръ).

Я уже не докажу, куды той змій летивъ и кому винъ нисъ гроши,—кажуть люде, що винъ носыть тому шевцю, що на краю села,—а що своїмы очыма бачыла, якъ винъ летивъ. Я йшла додому, колы летыть—дѣвгый, довгый, икразь якъ коромысель; стала я къ плетню и нагнулась, бо винъ такъ низенько летивъ, та усе и хыляється, та блестыть же такъ! Чуть-чуть не зачепывъ мене и пролетивъ удовжъ села.

М. С. Чудновская отъ крестьянки г. Березнаго Черниг у 1898

3. Змії носять гроши.

Багато насъ, хлопцивъ, йихало на ночлигъ и бачылы, шо змії, увесь красный та блискучый, то подыметься вгору, то зновъ опустыться и такъ до трохъ разъ, а у трейте пиднявся и полетивъ. Мы бачылы, якъ винъ пролетивъ скрызъ церкву и повернувъ до П-ча. Кажуть, шо сьому чоловіку змії носять гроши.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, Чернигов. у, отъ Демьяна Конопки въ 1898 г.

4. Змії якъ куль соломы.

Одынъ чоловікъ ишовъ селомъ и бачывъ, якъ надъ його головою пролетивъ змії—икразъ якъ куль соломы, а зъ того куля такъ и сыплються искры, и винъ такъ увесь и сяе. Чоловікъ дуже злякався, та все такы хотивъ подывыться, кому се змії несе гроши. Ажъ винъ такъ и полетивъ на кутокъ, и якъ долетивъ до Б. хаты, то де и дився, тилькы дымъ пиднявся вгору.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Захарія Леуса, въ 1898.

5. Змії видьми гроши носять.

Мій батько бувъ разъ обходчыкомъ. Иде винъ зъ другимъ и бачыть, шо на стреси у однійи бабы щось блищыть, наче жару насыпано Пидойшылы вони блыжей, щобъ розглядить, шо воно таке, ажъ изъ хаты выйшла хазяйка, щось промовыла, и тее блискуче загуло такъ страшенно и провалылося. Кажуть, шо се змії носять гроши сій баби, а баба та—видьма: вона и змія прымае до себе, и зъ нечыстою сылою знаеться.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ, отъ Петра Мушкаго, 1898.

6. Змії скидає своїи крыла.

У одной хати зависылась молодыця, и ставъ туды шо ночи литаты зміи Прылетыть було, покладе коло хаты крыла, а самъ зробіться чоловикомъ и иде у хату. Постеригъ разъ челядникъ, якъ зміи скинуувъ крыла, и зробывъ такъ, якъ раелы люде перехрыстыувъ ихъ (крыла). Вышовъ чоловикъ тои зъ хаты, да не може узятъ крыль, и даван винъ кланяться та просыть наймыта подать йому крыла

—Насыпъ,—каже наймытъ,—мени повну шапку грошей, тоди подамъ

Ставъ зміи сыпать у шапку гроши, а шапка да була зъ диркою Насыпавъ уже стилько, шо ажъ пидъ самый бовдуръ.

— Ну,—каже тоди наймытъ,—нѣ твойи крыла, та бильшь до насъ не летай, бо останешся безъ крыль.

М С Чудновскля, вѣ с Выблячъ, огы Владимира Ковпыты,
въ 1898 г

7. Одуреный змії палывъ чоловика.

Ученые не вирять, шо сатана може зробіться чымъ завгодно и йиздыть, чы тамъ летать до того, кого вже уподобае, адже жъ сьому правда. Мени самій хоть и не траплялось бачыть, а багато людей розказують, якъ у опивничъ вельчезный, якъ коромысель, та блискучый, блискучый, мовъ золотый, змії летавъ до Б., того чоловика, шо жыве на конци села. Не скажу вже, якъ вони потоварышылы, и змії помився сьому чоловику наносыть мирку грошей. Б. забажалось грошей ще бильшь видъ миркы; выкопавъ винъ у хливи глыбоку яму и всунувъ туды бездонну зелизну мирку. Ставъ

змій шо нocy летать до того чоловика и насыпать ту мирку грошыма; тилькы якъ винъ не старається насыпать повну,—ніякъ та й годи!

А дали змій якосъ то уже прыдывввся, шо мужыкъ його одурывъ и шо грошей тамъ уже багато, не миркою пахне.

Росердывся тоди змій, звеливъ мужыку уризать палца и кровью распсыаться, шо гроши винъ получывъ; а тоди спалывъ того мужыка разъ, спалывъ удруге, и давай його шо году палыть.

Люде и прымитылы, шо якъ уже усе кончыться, позальвають, бере тоди сей чоловикъ заступъ, выкопае гроши и клункамы тоди уже зъ сынамы и носыть у друге мисто. Опротывело чоловикови горить та таскаться зъ тымы грошыма, и давай винъ хвалыться людемъ, шо «такъ и такъ, каже, наносывъ мени змій грошей, а теперь палыть,—шо його въ свити дять?»

Ну, звисно, у каждомъ сели е таки люди, шо видъ усього знають, и пораялы воны йому каженъ рикъ робыть яку небудь нову прыстройку, чы тамъ хливъ якый, чы повитку, чы покрывлю перекрыть, абы то шо небудь нове.

И съ тыхъ поръ переставъ той чоловикъ горить. Винъ и теперь живъ, палець у його и доси не зрися и робыть винъ такъ, якъ йому раялы люде; тилькы, звисно, уже збиднивъ, бо килькы разъ горивъ, подилывся зъ сынамы, къ тому жъ и дорогу до шынку добре знае, та такы, правду кажучы, де то вже дыввольськымы грошыма й забагатіешъ?..

М С Чудновская отъ Хведоры Непомнящей въ с, Выбляхъ Чернигов у.

8. Визъ (зиркы).

Когда «визъ» перевернется «до горы ногамы», т. е., когда «кони» будутъ впереди—начинаетъ свѣтать.

В. П. Горленко, Прилуцкій уѣздъ, Полтавской губ

9. Витеръ.

Якъ витеръ дуже великый, такъ люде кажутъ:

— Це десь йому жинка товсту сорочку дала, такъ винъ сердыться та й рве ййи.

А якъ маненькый, такъ кажутъ:—О, це десь жинка тонку сорочку дала.

Записала Н. Г. С. Жеведь, Черниговск. у.

10. Грядъ.

Грядъ того буває, що въ празникъ люде на поли роблють,—се Божа кара. Щобъ грядъ переставъ,—выкыдають на двиръ, тоди якъ винъ иде, лопату або соқыру. А то святу вербу кыдають на огонь, якъ грядъ або гроза.

С. Жеведь, Черниговск. у Б. Д. Гринченко.

11. Зима стае теплиша.

Се видно уже земля поворачується другимъ бокомъ, бо колысь, кажутъ, булы таки холода, що хай Богъ мылуе. Птыци, кажутъ, на лету замерзала, одмерзала у скотыны хвосты, а якъ лынуть було угору воду, то вона за-

разъ и замерзне, не вспившы упасть на землю. А теперь, бачте, якъ тепло, и не похоже, що зима. А мо скоро у насъ и зовсимъ не буде зимы?

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, отъ Петра Муцкаго, въ 1898

12. Чомъ зима безснижна.

I.

Бачте жъ яка сей рикъ зима—нема снигу та й годи. Се, кажуть люде, тому, шо у одной слободи родылось якесь дытя. Повезлы його хрестыты, и куды не привезуть—нема попа дома. И такъ багато зъ йимъ попойздылы, помы вже десь засталы. Ставъ той пипъ хрестыты и саме якъ умочывъ його у воду, воно якъ закрычыть:

— Йисты хочу!

— Оце,—каже пипъ,—яке! Не давайте жъ йому хлиба, бо буде голодъ, а давайте йому тилькы снигъ, то буде симъ рокивъ безснижна зима.

Сталы тее дытя годувать снигомъ и не ставъ снигъ иты, або колы хочъ и упаде, то де й динеться.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ Черниговск. у. отъ Петра Курильца, въ 1898 г.

II.

Отъ я сьогоднѣ чула, шо, кажуть, десь оце вродыласе дытына, и понесли ййи до попа, хрестыть, значыть. Несуть, а воно просыть іѣсты. Значыть, говорыть: «Іѣсты!» Сталы хрестыть, а воно зновъ: «Іѣсты!» Батюшка каже:

— Отъ, Боже мой, шо ййи дать іѣсты?

А кумъ пошовъ та грудку снѣгу зліѣпывъ да й давъ ййи, у рота пхнувъ. Такъ уже якъ перехрестылы, такъ вона, та дытына, вже й каже:

— Ну, щастя ваше, що дали сніґу! А якъ бы дали хлі́ба, то три годы хлі́бъ бы не родывъ.

А теперь, кажуть, три годы отака зима буде безъ сніґу, що значить кумъ давъ тій дытнини сніґу зві́сты.

с. Жеведь, Черниговск у. М. Н. Гринченко въ 1898 г

13. Обизяны.

А обизянь, кажуть, такъ ловлють. Вони жъ у лі́си живуть, такъ бабы пойдуть по абабки (грыбы) та й поскыдають постолы. А обизянамъ антыресно. Вони повбувають постолы и почнуть лі́зты на хвою, та ніякъ не злі́зуть, а бабы йихъ и поберуть. Та ото йихъ тоди и водють.

М. Н. Гринченко С. Жеведь Черниг у. въ 1899 г

14. Вовкамъ св. Юрій роздае що йисты.

I.

Правду кажуть, що вже якъ найменуе яку скотыну вовкамъ св. Юрій, то передъ очыма визьмутъ. Отъ и намъ була разъ така прыдыбачка. Оралы мы и тилькы що выпрягли воливъ зъ плуга, вони одійшы одъ насъ може сажнивъ пъять,—колы наскочылы вовкы и задавылы.

П. С. Ефименко С. Напоровка

II.

У насъ було прудке славне лоша. Якъ нападуть звіры, то воно завсегда впереди, а то якъ судылась йому

смерть, то воно зосталось позаду и не тика; вовкы вхопылы й задавылы.

П. С. Ефименко. С Напоровка

III.

Йихавъ одынь ганчаръ зъ Рипокъ, прыйихавъ у долину, остановывся, колы бижыть сыла вовкивъ. Винъ бачыть, що беда и злизъ на дуба. Потимъ того прыйшовъ якыйсь чоловикъ (а то бувъ Егорій святыи).

— А злизь,—каже,—якъ тоби смерть, то й на дуби буде смерть. Злазь, ничего тоби не буде, лягай!

Той чоловикъ злизъ и лигъ. Винъ (св. Юрій) ставъ йихъ расправлять: тому туды, тому туды, а дванадцять чоловика у двиръ до знахаря, кажучы:

— Колы винъ знахаръ, то я луччыи за його знахаръ.

А въ того знахаря та була *саросня* (сорокъ) коней. Такъ вони йихъ усихъ до свита й выложиы. А той чоловикъ уставъ уранци й поихавъ.

П С Ефименко С Напоровка

IV.

Ночувалы ночлижныкы трыдцять чоловика. Вовкы выють та й выють коло одного дуба. Отъ вони й кажутъ, що якъ бы найшовся такый, що переночувавъ на тому дуби. Отъ одынь и каже:

— Я переночую

Согласылысь даты йому одъ души по рублю. Отъ той прыйшовъ до дуба, злизъ, сивъ мижъ роскаракамы; колы прыйижжа на билимъ кони св. Георгій и вовкивъ передъ нымъ чоловика трыдцять; тому каже вивцю ззисты; тому—ягня, тому—гуся, «а тоби, кривый—що на дуби». Тилькы прыходять парубкы на другый день, ганяють, ганяють вовка, винъ не йде, насылу одбылы. Отъ злазыть той и каже:

— Вже мени, братця, не животиты.

Винъ и не бере тыхъ грошей, и каже, щобъ похоронъ одправили. На другу ничу полягали, посередыни положили його, и вси головами на його лягли. Свитомъ прокынулись ночлижники — нема товарища — хто його зна, де й дивсь.

Записалъ С. Д. Носъ въ Черниговской губ

V.

Заночувавъ разъ польованникъ въ лиси на деревина и чувъ, шо його назначено вовкови. «Не злизу жъ — миркуе, — зъ дерева, хочъ умру тутъ — не злизу». Лежавъ, лежавъ вовкъ биля древа, а дали й пишовъ. Тоди польованникъ зъ древа та додому. Прыходять, ажъ дома въ брата хрыстыны. Братъ його просыть выпыты горилки. А винъ:

— Ни, — каже, — братику, не хочу: вже мени не животиты.

Та й полизъ на пичъ. Вранци зшукались брата. Коны глянули на пичъ, ажъ тамъ тилько кисткы, — а то вовкъ зкынувся котыкомъ, вбигъ у хату да, якъ вси поснули, и ззивъ його на печи.

Городничий у. Черниговск. губ А А Тишинский

Разказы этого № номера I—IV взяты изъ «Черниговскихъ губ Вѣдомостей» 1859, № 23, а разказъ V-й — изъ № 38

15. Вовчий богъ Полисунъ.

Крестьянинъ разказывалъ записывателю сказку, напечатанную у Рудченка, I, № 2. Сказка начинается словами: «Не давъ богъ прокорму вовкови». Записыватель спросилъ: «Що то за богъ?» Разказчикъ отвѣчалъ:

У вовкивъ есть пастырь Полисунъ. Винъ, значыть,

гоне йихъ якъ овецъ; де война, то винъ туды й турять йихъ на прокормъ. Винъ увечеря якъ свысне пугою, то й чуты. Винъ великый и похожъ на чоловика; безъ його ярмарка никола не буде, винъ на все цину зводитьъ.

Х. Николаевъ, Борзенскаго у П С Ефименко.
Изъ № 23-го «Черниг губ вѣдомостей» 1859 г

16. Лисунъ годуе вовкивъ.

Було колысь два браты. Одынъ багаты, другы бидны, бо въ сього (бидного) нишо не велось. Оце було посіе що,—на помижній ныви вродыть таке, що любо й мыло; на його жъ ныви голе якъ колино, неначе ничего й не сіяно. Терпивъ винъ, сердека, терпивъ, а дали годи й господаруваты.

— Колы,—каже,—нишо мени не ведеться, кыну все й пиду свить за очыма.

Отъ и пйшовъ тыняться по лисахъ,—не то щобъ тамъ зробывсь розбышакою, або що, а такъ—пишовъ, щобъ и помижъ мыромъ не жыты... Чы довго, чы коротко винъ тынявся—не скажу; тилькы разъ и зустрила його ничъ у лиси, такъ саме якъ разъ передъ Юрьемъ. Злизъ винъ на дуба ночуваты... Колы такъ опивничъ якъ загуде въ лиси, якъ пиде гоминъ, та все блыжче, блыжче... Жде винъ, що зъ сього буде. Ажъ бачыть, якыйсь чоловикъ гонить сылу звиря, а позаду другы чоловикъ йиде на вози. Отъ прыгнавъ Лисунъ (се винъ бувъ самый), звиря, да якъ разъ пидъ того дуба, де сыдивъ чоловикъ, и почавъ роздильаты вовкамъ ти окрайци хлиба, що булы на вози. Эге, бакъ! я й забувъ сказаты, що визъ бувъ накладены окрайцямы хлиба,—такъ кулыдка переризана навхрестъ, на четверо,—дакъ отакымы то окрайцямы и бувъ накладенъ увесь визъ. Визьмне зъ воза окраецъ та й дасть вовкови. Вси чысто роздавъ, зоставъ на вози тилькы одынъ. Отъ Лисунъ и каже:

— Кому його виддаты? Виддамъ,—каже,—хочь отому чоловикови, що на дереви... А ну,—каже до нашого сердечки,—годи тобі тамъ сидити, злазь, бери свою дильню та йди додому!

Злизъ, узявъ. Ти люде пишли своєю дорогою, а винъ пишовъ своєю.

Прыходьтъ додому, хвалыться брату та жинци про сей окраець. Братъ и каже

— Се тобі давъ Господь щасте. Зъ цього окрайця ты вже певне що розживешся.

Ажъ и взаправду—такъ розживсь, що ставъ багачный надъ брата. Ажъ брату стало завидно. Окрайця жъ того ниякъ не можно зистн: оце що надидять до половыны, на завтре винъ зновъ и стане такы, якъ бувъ,—ниякъ його не зидять, усе прыростае. Завидно братови:

— Пиду,—миркуе,—й я проты Юря въ лисъ, чы не дасть Богъ и мени такого окрайця.

Дождалы Юря. Роспытавсь винъ, де те древо. Прышовъ, злизъ, дожыдае... Такъ, зновъ прыходять ти люде, зачалы роздильять звирюкъ; роздильлы,—одному й не стало.

— Ну, вовче, колы тобі не стало хлиба, нехай тобі оте, що на древи.

Почувъ мій багатыръ сю ричъ, да такъ злякавсь, що ажъ не вдержевсь на древи, та якъ снпъ и скотывсь додолу. Вовкъ його заразъ и розирвавъ. Оттакъ Господь завсегда дае тымъ, въ которыхъ ажъ зъ глоткы преться, а ймъ ще мало *).

Городницкий у, Черниг губ А А Тишинский

*) Кромъ того, рассказчикъ сообщил мнѣ, что Лисуна въ нашихъ лѣсахъ нѣтъ, а что онъ живетъ только въ литовскихъ. Онъ же сообщил, что узнать Лисуна на ярмаркѣ можно только потому, что у него лѣвая пола свитки наверху, а всѣ обыкновенно носятъ одежду правою полою наверхъ *Примѣч записывателя*

17. Лисунка выкупила свою дытыну.

Кольсь баба ходыла въ гаи по ґрыбы да знайшла Лисункыне дыгя. Взяла його и пишла додому. Ажъ ось чуе, щось доганя ййи. Гляне—ажъ то Лисунка. Догнала.

— Жиночко,—каже,—голубочко, оддай дыгя! Кажы, що тоби треба, всього дамъ тилькы оддай!

— На, беры! Мени жъ опричь хлиба святого бильшь ничего не треба.

— Иды жъ додому,—буде все, чого забажашъ.

Прыйшла баба додому. Якъ же глянула въ ко-мору, ажъ жахнулась: повнисеньки засикы борошна, а не було ничогисенько. И було оце, чого схоче, такъ и вродыться. Багата така зробылась, що страхъ. Якъ преста-вылась ся баба, Лисунка ажъ тры дни ходыла пидъ ха-ту тужыты. Оце прыде, ходыть кругомъ хаты, да такъ жалибно тужыть, що ажъ сумно. Тры дни тужыла, а дали взяла та й запалыла и двирь, и все.

Городницкій у Черниг губ А А Тишинскій

18. Лисунка вкрала чужу дытыну.

Лисунъ такы, якъ чоловикъ, тилькы въ його нема тини. Усе мае тинь, а винъ—ни. Въ його й жинка е. Кольсь мій батько носывъ лысгы изъ Бречи въ Топо-ливку. А Лисунка да вкрала въ соннойи жинкы дытыну да й держала його въ лиси. Небагато жъ вона його держала висимъ недиль держала. Дакъ ото, кажу, но-сывъ багыко лысты въ Тополивку, до ейи жъ треба йты лисомъ. Отъ батько, увийшовшы въ лисъ, лигъ спочыты. Колю чуе --щось голосыть. Схопывсь та й угледивъ бияя древа дытыну. Винъ до його

— Чого ты,—каже,—тутъ?

Мовчыть. Удруге—ни пары зъ усть, усе тильки пыхка. Тоди винъ узьявъ те дытя на руки, укутавъ його въ свытynu, бо воно, безщасне, зовсимъ голе, тильки ковнирець зостався зъ сорочки да рубчыкы съ пазухы, а то вся на йому сорочка попадала. Якъ то його ще не зайилы комари,—звисно вже вона його зоберегла... Принись його батько въ Тополивку да й пытае:

— Чи не чутно, щобъ хто дытynu загубывъ? Осб я знайшовъ у пуши.

— Чулы,—кажуть,—його вже давно шукають, вже й обидъ по йому становылы. Несы ты його въ Погорильци до оттакого й такого чоловика.

Отъ батько й понись. Ради булы и чого то вже не надавалы батьку! Господы! и пыты, й йисты—всього, всячыны.

Городняцкій у. Черниг губ. А А Тишинскій

19. Виль и кинь.

Виль съ конемъ заспорылы—хто швыдче бига. Кинь каже, шо винъ швыдче, а виль: «Я бъ ище дужшей за тебе побигъ, да въ мене сылы багато, дакъ боюся, щобъ земля не провалылася.»

Ну, а такы побиглы вдвохъ наввыпередкы. Отъ виль бигъ-бигъ, та набигъ на ривъ та такъ и загурчавъ туды. Лежыть та и думает: «Оце жъ уже земля провалылася!»

Такъ съ того часу волы вже й не бигають, тилькы бигають зъ дроку.

Черниговск. у 1900 г. Б Д Гринченко

20. Чомъ ежакъ схожый съ свынею.

На Велькдень нись чоловикъ изъ церкви паску и порося. Хата його була за селомъ на хутори; чоловику треба було иты гаемъ, а у тимъ гаю стояла хата. Доходять чоловикъ до хаты и бачить, що у йй свитыться. Поставивъ винъ те, що нись, а самъ зайшовъ у хату, а у хати та всякого краму розложено. Не прыдумае чоловикъ, за що й узяться. Думае винъ, думае и узявъ нижъ. Выходыть зъ хаты, узявъ ящыкъ, а въ ящыци тильки паска, а порося де й дияось. Прыходыть винъ додому, жинка сядыть уже за столомъ, — жде розговляться.

— Ты,—каже,—туть сядышь, а порося зъ ящыка утекло.

— Такъ видно онде воно прыбигло,—каже жинка—я бачыла, що щось бигло у хливъ.

Пошлы воны у хливъ, а тамъ сядыть ежакъ.

Такъ видно порося тее, що нись чоловикъ зъ церкви, було заколдоване—стало ежакомъ, и зъ того часу и пошлы ежы.

М. С. Чудновская, въ с. Выбляхъ, Чернигов у. отъ Петра Муцкаго,
въ 1898 г

21. Сорока.

На Хресте сорока починое гнзидо, положывшы на-
вхрестъ палкы.

М. Веркiевка Нiжинск. у. Е. Н. Гаврилей

22. Бусоль.

— Ну, нехай уже це й брехня, а оце такъ уже правда. У насъ у слободи есть ясенъ и такый же старый та высокый-высокий. И на йому гнздо було: жылы бусель и буслыця. И хлопци взяли, зробылы довгый-довгый штыхъ и тыхъ штыхомъ поранылы йихъ: и бусла, й буслыцю. И воны попадалы и попропадалы, бо воны йихъ дуже поранылы штыхомъ. И тоди впъять бусоль на тому ясени оселывся. Такъ отъ же кажуть мужыкы наши и божуться, шо правда. Оце, кажуть, по весни возьме винъ и выкыне зъ гнзда хочъ бусленя таке, шо трошкы тилькы пиръямъ обросте, хочъ яйце. Уже неодминно шо небудь выкыне, и мужыкы знайдуть. Такъ, кажуть, якъ бусленя выкыне, такъ гарный годъ буде, и хлибъ уродыть, а якъ яйце выкыне, такъ голый годъ буде. Це такы правда. Отъ винъ уже годъ 15 живе, и шо году хочъ яйце, а хочъ бусленя выкыне.

С Жеветь, Черниг у М Н Гринченко въ 1899 г

23. Дятель.

Боже бороны всякого хрещеного робыть всяку роботу у светую недѣлю: Буогъ покарае за це и въ полѣ и въ домѣ. Колы хочте, хлопцѣ, декъ послушайте мене, я вамъ раскажу про бѣднаго дятла, шо нема ему, бѣднязѣ, угомону. всякій Божій день товче носомъ объ дуба, а къ вечеру и головы своѣ не чус; ни годна птица такечкы не трудитця, якъ той бѣдны дятель. А за шо жъ такъ Буогъ ему давъ? Отцей дятель бувъ колись чалавѣкомъ. Чалавѣкъ сей усе було рубает дрова;

чы то празныкъ еки, чи светая недѣля, усе вуонъ рубае; декъ Буогъ его и накоривъ. коли, каже, ты усе рубаешъ дрова, а недѣлѣ моѣ не считаешъ, то будь же ты дятломъ; коли ты усе рубаешъ, то рубай носомъ дуба до вѣку вѣшнаго. — Отъ якъ, братцѣ, буде тому, хто светоѣ недѣлѣ не считае и Божихъ празниковъ за святость не считае.*)

Черниговскій у Записалъ Г Лѣневичъ

24. Журавли.

I. На дванадцятій вылітають журавли зъ ырія.

Е. Н Гаврилей. М Веркиевка, Нѣжинск у

II. Якъ летять журавли, дакъ стань оце да кажы: «Веселокъ, веселокъ, колесомъ, перевѣяжы дорогу краснымъ поясомъ!» Такъ шо люблють! Заразъ такъ и почнуть кружкомъ, кружкомъ надъ головою. А якъ скажы: «Журавель»,—такъ не люблють.

С Жеведь, Черниговск у М Н. Гринченко въ 1899 г

25. Лыша та осыка.

(Де дивається жоноча клятьба.)

Не дай Богъ якъ бы те ставалось, що жинкы бажають чоловикамъ у лайци! Звелся бъ чоловикы не

*) При чтеніи разказа о дятлѣ должно произносить букву ѣ нѣсколько какъ и (ъіе), е—тверже, почти какъ э, ѡ и ѡ нѣсколько мягче русскаго ѡ, т передъ с и ц выговаривается почти какъ ѡ. Примѣч. записывателя

звать на шо; та Богъ зробиwъ такъ, шо вся та нечысть-дурныця прыстае не до чоловикивъ, а до лыпы, та до осыкы й нарастае наростгнями, а чоловики ще й корыстуются—роблять наростневи люльки.

Е Н Гаврилей, въ м Веркiевкѣ, Нѣжинскаго уѣзда

26. Чого стали неврожайи.

Колысь, якъ не було ученыхъ, та люде глядили на прымиты,—яки були урожайи, Господы, яки були жыта, яки були лены гарни,—высоки, высоки! А теперь перестали гледить на прымиты, та стали насъмихаться съ того, шо робылы диды, ну и урожайи стали плохи. Колысь було молодыця якъ несе обидъ ратаямъ, то убереться якъ на Велькдень: надине плахту гарну, роспустыть намитку предовгу. Отъ и жыто и лены родылы такi гарни, высоки. А теперь повыводылысь и намиткы, и плахты выводятся. Теперь иде молодыця, просты Господы, якъ та расамаха: у однимъ чепци, ще й начосы повыпускас, а замисть плахты—задрипана спидныця. Учени усе понаставалы, не вирять ничому, усе у йихъ пустякы. Ни, се не пустякы! Якъ бы не заводылы нового, та слухалысь старыхъ людей, то й жылось бы луччей!

М С Чудновская отъ диды С Муцкаго, въ с. Выбляхъ Черниг. у.
въ 1898 г

II.

Притъты и повъръя.

27. Яка колы годына бувае.

1. Грибы якъ чорни растуць—буде ранняя осінь, а жовти—пуизна.

2. Якъ до Стритення пивень нап'ється воды пидъ стрихою, то писля Стритення вже нескоро побаче воду.

3. Якъ зима холодна, то литомъ жара буде и на-впакы.

4. Грибы якъ растуць на гори весною—буде моча влитку, а якъ на нызу—буде суша.

5. Якъ нап'ється на Стричанья пивень съ калю-жи—буде лито мочлыве.

6. Въ дець Покрова Пресвятой Богородицы, т. е. 1-го октября, съ когорой стороны пов'ѣть в'ѣтеръ, то должно ожидать, что по большей части и во всю зиму съ той стороны будетъ в'ѣтеръ, и если въ этотъ день погода будетъ благоприятна, хороша, то наступающая зима должна быть постоянна; если-же въ этотъ день погода будетъ подвержена различнымъ перем'намъ—это в'ѣрный знакъ непостоянности зимы.

7. Треба на Стричення до схиць сонця набраты мыску вщертъ снигу, не натоптуючы. Якъ зъ його багато воды буде, то велька вода прыбулна по весни буде, а якъ мало, то й по весни вода мала буде.

8. Если дворовыя птицы—гуси, утки, сидя зимою на снѣгу, машутъ крыльями, какъ будто плещутся на водѣ,—то предсказываютъ этимъ значительную оттепель; то-же предвѣщаетъ и собака, качаясь по снѣгу.

9. Кишка лягае на доливици—буде тепло.

10. Если дымъ, выходящій изъ трубы, идетъ столбомъ вгору къ облакамъ,—означаетъ наступление сильныхъ морозовъ, ибо передъ оттепелью онъ всегда стелется, клубится по землѣ.

11. Попилъ у печи збывается у грудки,—буде морозъ, а розсыпается—одлыга.

12. Жабы у болоти почнуть кричать, буде вода одбывать.

13. Въ зимнее время часто видимъ луну въ кругѣ, что въ народѣ называется—*мисяць обгородывся*. Это—вѣрный признакъ вѣтра.

14. Когда вороны и галки, при закатѣ солнца летая стаями, кричатъ и садятся на верху деревьевъ, то надобно ожидать вѣтра и съ той стороны, куда онѣ будутъ обращены головами. Предъ наступлениемъ же мятели, вьюги—*фищи*, онѣ всегда садятся на половинѣ деревьевъ, между вѣтвями.

15. Жаръ самъ соби розжевернется на витерь.

16. Гайворонье крякае—буде витерь, а взимку—хвыща.

17. Гайворонье сидае по деревьяхъ угори—буде година

18. Цвиркунъ цвирчыть—на году, а мовчыть—на дощ.

19. Лягушки при началѣ весны, по вскрытии земли отъ снѣга, крикомъ своимъ возвѣщаютъ наступление теплой погоды; а лѣтомъ крикъ ихъ предъ закатомъ солнца предсказываетъ дождь.

20. Куры рано сидають на сидало,—буде дощ.

21. Якъ не буває цилу весну дощу, то сподивайся вже къ десятуси пятницы, або на Купального Ивана.

22. Якъ на жныва лаштуешся, то не внось у хату серпивъ,—зорвешъ дощъ.

23. Во время дождя, когда пузырьки вздуваются и плаваютъ на водѣ,—это означаетъ продолжительность дождя.

№№ 1, 3—5, 15, 21 и 22 записаны Е Н Гаврилеемъ въ 1897—1898 г.г. въ м Веркевкѣ Нѣжинскаго у, №№ 2—А А Тишинскимъ въ Черниговской губ, №№ 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23—священникомъ Петромъ Огневскимъ въ Данинѣ Нѣжинскаго у., № 7—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у., №№ 9, 11, 12, 16—18 и 20—М. С. Чудновскою въ с. Выблякъ Черниговск. у.

28. Весилля.

1. Якъ на Покрову пройиде по селу ганчаръ, буде багато веселивъ, а якъ дьогтярь, то будутъ дивкы сыдты ще рикъ.

М. С. Чудновская. С. Выбли Черниговск. у.

2. Посватавшысь купуе молоды молодій чоботы, насыпае одынъ жытомъ, а другій горихамы и дае, и якъ вуизьме молода попереду зъ жытомъ, то жытте буде влагодне, а якъ зъ горихамы, то нешасне.

Е. Н. Гаврилей М. Веркевка Нѣжинск. у.

29. Дытына.

1. Вагуити жуинци не треба на празныкъ рубать м'яса и сорочокъ качать—дытына буде калика.

2. Вагуитни жуинци Боже храны, воду бравшы, надлывать у колодязь—дытына блеватыме.

3. Если перемѣнить имя при крещеніи (священникъ дастъ одно, а потомъ, во время крещенья, по

просьбѣ родителей или кумовей — дадутъ другое), то тогда мѣняется счастье того человѣка.

4. Якъ хто крестить дивчыну, въ того кобылы плодытуться.

5. По заходи сонця не вынось мытлю съ пидъ дытны, якъ купалы — не спатыме вночи.

6. Не годиться дытны рыбы давать, щобъ зубы швидче росли.

№№ 1, 2, 5 и 6 — записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск. у.; №№ 3 и 4 — В. П. Горленко въ Прилуцкомъ у. Полт. губ.

30. Здоровле. Хвороба.

1. Наканунѣ Рождества Христова, Богоявленія Господня и Новаго Года, т. е. *на всѣ три куты*, если ночи свѣтлы, и на небѣ будутъ видны звѣзды, то наступающій годъ, по увѣренію стариковъ, будетъ благополучный — здоровый на людей; а когда, напротивъ, всѣ эти три ночи будутъ пасмурны, и звѣздъ на небѣ не будетъ замѣтно, — то въ наступающемъ году должно ожидать свирѣпствованія разнаго рода болѣзней.

Данина Нѣжинск. у. Свящ. Петръ Огневскій

2. Не потягайся на лядыну — не ростыме.

3. Не переступай лядыны — не ростыме.

4. На заходи сонця не спы — поганка нападе.

5. Въ зеркало проты ночи не выдвляйся — лице зминуться.

6. Не можна мочиться на дровяный трусокъ — на пальцахъ задьоры будутъ.

№№ 2—6 записалъ Е. Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжин. у.

7. Не годяться росчисуваты голову, якъ сонце зайде.

М. С Чудновская С Выбли Черниговск у

8. Якъ кажанъ голову вмаже, такъ голова облизе.

Е Н Гаврилей М Веркевка Нѣжинск у

31. Сонъ,

Якъ лягаешъ спаты, такъ треба спершу на ливый бикъ хочъ трохи полежаты, бо зъ ливого боку нечистый, а съ правого янголь-хранитель. Такъ треба, щобъ винъ зверху бувъ.

Богодуховск. у Харьк губ М Н Гринченко.

32. Поганый на езыкъ.

Ни, вы бо уже мени не кажитъ, а поганы очи и езыки е у людей, се я вже по соби знаю.

Служыла я у попа, ну, звисно, у батюшки усякого народу за день перевернется. А я була до работы охоча, такъ було коло работы проворно поворачуюсь. Ну було якый поганымы очыма гляне, чы то шо скаже,—и почне тебе ламать, та мѣять,—хавкаешъ, хавкаешъ, чутъ рота не роздерешъ.

Або хочъ и се: одного году у насъ такы, у батюшки, та такъ гарно утенята вывелысь, угенять изъ сто вылушылось и уже такы булы гарненьки. Колы прыйизжае якыйсь генераль, чы тамъ охвыцеръ якый зъ золотымы кгузыкамы; погостювавъ и выходыть уже садыться у свй хвайтонъ, щобъ йихать. А я тутъ саме утеня-

токъ годую. Глянувъ винъ на птыцю, та й каже: «Ого каже, какъ у васъ этой птыци много!» И що жъ бы вы думалы?—тыльки шо генераль зъ двора,—якъ стали наши утенята дохты: перевернется догоры, дрыгне нижкамы, та й нема. И такъ до вечера одно однимъ осталось. Зъ чого жъ бы воно такъ сталося? Звисно генераль бувъ поганный на языкъ.

М. С. Чудновская отъ бабы Хвеськи, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.

33. Смерть.

1. Якъ у пасци въ середины буде дирка, такъ той руикъ у симйи щось умре.

2. Якъ обручъ на пекельній дизи лопне—хазяйка умре.

3. Колы прыснуться колодязъ або зубъ выпавъ, або въ хати вуголь розвалывся—такъ умре щось изъ родыны.

4. Якъ выносятъ мерця зъ двора и стринеться хто йидучы, то зновъ у туый хати той руикъ умре хтось.

5. Курка якъ заспивае, то треба ею перемирать хату видъ покутя до привалка и чымъ упаде, чы головою, чы хвостомъ, то треба одрубать хочъ голову, або хвистъ; а якъ сього не зробишь, то кому небудь у сій хати прийдеться скоро умерты.

6. Кажуть-говорять, что какъ прийдеть священникъ къ больному да положитъ палку, такъ ужъ не вставать больше съ постели той *людьни*; а если поставитъ, то можетъ быть еще и выздоровѣть.

7. Не годыться пересаживать дуба, а то якъ пересадышь и дубъ вырасте зъ того чоловика, который його садывъ, тоди винъ умре.

№№ 1, 3 и 4 записаны Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркиевкѣ Нѣжинскаго у, №№ 2, 5 и 7—М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговск. у, № 6—священникомъ Федоромъ Боровскимъ въ с. Крупицполѣ Борзенск. у.

8. Не можна стояты на межи або на порози, якъ гримъ гремыть, а то вбѣе.

М. Н Гринченко С. Коты Черниговск уѣзда

34. Мрець.

I.

Лубокъ. Першого вечора, якъ тило лежыть на лавыци, люды сходяться на *Лубокъ*, переважно дивчата й хлопци. Посидають коло стола та й граються:

1) «Перстенця».

2) Беруть такожъ кусень патычка, запалюють и борзо подає оденъ другому, ажъ докы патычокъ не згасне. У чыйихъ рукахъ згасне, той найскорше вмере.

3) Такожъ выпыхають михъ соломою. Оденъ лягае на той михъ зъ завязанымы очыма, а вси идуть йего быты; якъ згадае, хто йего ударывъ, тогди той мусыть на михъ лягаты.

4) Старшійи чоловики и жинкы, що сыдять пры мерци, спивають:

Ой же ой, Боже мій!

Скороты вже викъ мій!

Не поможе отець,

Бо вже прыйшовъ мій конець.

Ой же ой, Боже мій!

Скороты вже викъ мій!

Не поможе маты,

Бо прыйшовъ вже часъ вмираты.

Ой же ой, Боже мій!

Скороты вже викъ мій.

Не поможе ридный братъ,

Бо прыйшовъ часъ акурать.

Ой же ой, Боже мій! и. т. д.

Якъ мають выносыты мерця зъ хаты, тогды має буты ціла родына въ хати; колы вынесуть до синей, то борзо замыкають двери, и вси сидають, де хто попаде, на лаву, подушкы, де лежавъ мертвецъ. Найстарша жинка бере зъ стола прылаженный хлибъ и силь, подає найстаршому зъ родыны и жычыть въ имени помершого щаслывого поводженя. Одна зъ жинокъ замитає хату и выносыть смитте на те, абы уже нихто бильше въ тій хати не умеръ, и ажъ тогды идуть за умершымъ.

У хати, съ котрой вынесли мерця, горыть цілу ничъ свитло и ставляють въ горнятку молока або воды и хлибъ. Звычайно пры тымъ сыдыть якась стара жинка. Рано дывляться, чы була душа и чы пыла и йила, що для нейи було прызначене.

Похоронъ кгазды и жинкы однакый. Колы однакъ трафыться, що жинка въ тяготи умре, то тогды якій бидній жинци у вику помершой дають курку зъ яйцемъ, а бо, якъ у богацтви дієся, то китну вивцю.

Шнурокъ, що були звязани ноги мерця, ховають, а тымъ потому колы кого щось болыть—перевязують; такожъ ховають той шматокъ, що бороду пидвзують, и тымъ видъ переполоху пидкурують.

Якъ тато або мама умре, то донькы (дивкы) идуть зъ розплетенымы косамаы за трумною. На цвынтари жинкы заплитають йимъ косы на те, щобы довго не тужылы.

Про душу покійныка говорять, що вона доты держыться тила, докы грибъ не запечатаный.

Наталя Кобрыньська. С Белелуи (подъ Святиномъ, на границѣ Буковины, Коломийщина, Восточная Галиция)

II.

У насъ якъ умре удова, такъ подарки якъ за діввкою дають Отъ я за маткою, якъ вона вмерла, такъ

35. Той свить.

1. Однимъ рушныкомъ не можна утыраться удвохъ разомъ—на тимъ свити не побачышся.

Г. С. Неводовскій С. Евминка Остерскаго у.

2. Щобъ побачыться на тимъ свити—писля прычастя обдиллюються бублыкамы.

Г. С. Неводовскій, с. Евминка Остерскаго у. Е. Н. Гаврилей, м. Веркиевка Нѣжинскаго у

3. Скуилькы седитымешъ не йившы за столомъ, покель инши ще йидять, стуилько въ райи седитымешъ, хочъ и гришенъ.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинскаго у и Г. С. Неводовскій въ с. Евминкѣ Остерскаго у

4. Выбравшы хлибъ зъ печи, вкынь ломаку дровъ на те мисце, де вуинъ седивъ, и чымъ товща, то краще: скорышъ загатышъ пекло, идучы въ рай.

Е. Н. Гаврилей, м. Веркиевка Нѣжинскаго у

36. Йижка, напыткы.

1. Колы кусокъ *хлиба* падае до долу, треба пиднять, обдуть, поцилувать и звисты.

2. Якъ неруивны *хлибъ* печешъ, такъ що менчи вже выпикся, а той ище въ печи, то Богъ храни ризать ножемъ выпечены, а ламны рукамы, якъ ничего бильше йисты, а то отой, що въ печи, буде глызвяый.

3. Якъ печуть *млынцы*, такъ первого хлопцямъ не годыться йисты—сокрыра ламатыметься, а хай йидять дивчата—хлопци хапатымутся *).

*) Въ с. Жеведи, Черниг у, иначе «На вечерныцяхъ вечерня matka первый млынець рве на шматочки и кожний дивци й парубкови

4. *Вариво* треба класты у третью середу и на сходнихъ дняхъ, не бачывшы ни старого, ни молодого, або у посны дни.

5. Дивчата одъ Семена (IX. I.) не йидять свижихъ *отиркивъ*, щобъ за пряжею не дрималося.

6. *Гурки* треба солить на молодыку и крайними днями, а якъ положить у третью недилу, то будутъ м'яки.

7. Не нальвай *квасу* у четвергъ, щобъ нищо не топылось.

8. Якъ зайде сонце, не точы *соку*, чы *квасу*—зминыться.

9. Не тягай зъ *квасу яблукъ* уночи—почорніють.

10. Одъ обиду *по воду* до колодязя не ходы—нечысть буде заводыться.

11. *Колы обидаютъ*—не кладуть ложки такъ, щобъ держално лежало на столи, а другый кинецъ на пругу мыскы, щобъ злыдни не лазылы въ мыску.

12. *Дойимъ кусокъ*, щобъ слидомъ за мною не бигъ, а то и вночи спокою не дасть. Якъ я була малою, такъ мене страшылы: якъ не дойисы куска, то буде за тобою ганяться. Такъ мени хочъ и не хочеться, то я вже дойимъ—боюся. (1899 г.).

№№ 1 и 11 записалъ Г. С. Неводовскій въ с. Евминкѣ Остерск. у., 2, 3 и 8—10—Е. Н. Гаврилей въ м. Веркевкѣ Нѣжинскаго у., 4, 6 и 7—М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., 5—М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниг у., 12—Б. Д. Гринченко въ с. Жеведи Черниговскаго у.

13. Кто обидаетъ або вечерае у шапци, у того буде теща глуха.

(С. Голенка. М. Исаенко)

14. Попойившы не облазь кругомъ стола—блудытмешъ и вдень.

15. Не годыться дивчатамъ йисты яйца оти, шо восталысь розбовтнями—засыдаться на вики.

дае по шматочку щобъ парубокъ першу высватавъ, до якои пида, а дивку щобъ першый той посватавъ, кого вона хоче» Записалъ М. Н. Гринченко

16. Вечеряючи на голодну кутю и обидаючи на Велыкдень не пий воды, щобъ на жнывахъ не хотилось.

17. Огришывшись не годиться проскуры йисты—напасть буде.

18. Якъ сятю паску йисы, такъ живо въ ротъ не несы—вдавшися.

19. Не лузай насинного насиння—останешся на насиння.

20. Не втырайся обь настуылныкъ—напасть буде.

№№ 14—20 записать Е. Н. Гаврилей въ м. Веркевкѣ Нѣжинск. у.

21. Въ насъ на сели на *кутю* навить и слово бояться вымовить: «макъ». Зроду не йидять кути зъ макомъ, якъ отуть у Києви. Знаете чому се такъ? Бо хто побаче у сей день макъ, на того блохы нападутъ таки дрибни, якъ макъ, и ниякъ йихъ не выведешъ.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василисы Наконечной

37. Одежа, обува.

1. Снувать треба на сходнихъ дняхъ, або у другый овторокъ—пиде меншъ пряжи, а якъ на молодьку, то пиде бильшъ, бо молодькъ на рижкы бере.

2. Якъ надумаешъ сновать уснову на що тамъ и внесешъ у хату зайвыхъ клубкуивъ, такъ мерщій накрый чымъ небудь йихъ, щобъ воны не дывылысь на уснову, бо буде вона плутаться, та ще й пряжи не хопыть на скуилько хочешъ основать.

3. У той день, колы снуешъ уснову, не перенось ейи у другу хату, бо якъ стринешъ важку жуинку, такъ у нейи вродыться дытына зъ сухотамы. Та й ква-

суль тыхъ, чы гороху, що пидъ клубкы пидсыпалыся, не йижъ—голова крутытymesя.

4. Шыючы сорочку, не йижъ ничего надъ нею, а то буде вошыва.

5. У понедилокъ не берутъ чыстойи сорочки, бо не шастытые ни въ чому.

6. У сухой четвергъ годыться просушуваты одежу на двори.

7. У кого къ празныку не буде новынкы, тому горобецъ голову вмаже.

8. Якъ вертыть кравецъ на столи ножыци, то не буде въ його роботы.

9. Якъ хто зъ дивчатъ виддае квиткы з-за головы подругамъ носыть—женыха перелюблять.

10. Не клады ношеного постола на огонь—пидошвы свербитымутъ.

№№ 1 и 5 записала М С Чудновская въ с Выбляхъ Чернигов. у. 2—4, 7—10—Е Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск у., № 6—М. Н Гринченко въ с Исаковѣ Славяносербск. у. Екатер. губ.

38. Хата. Погрибъ.

1. Строить хату нельзя въ высокосный годъ, оттого наканунѣ высокоснаго года строится больше хатъ, чѣмъ обыкновенно. Если хата *заложена* въ простой годъ то въ высокосный можно доканчивать, но начинать нельзя. Другія хозяйственныя постройки можно строить и въ высокосный годъ.

В П Горленко. Прилуцкий у Полтавской губ

2. Якъ зробишь хату, то першого году не годыться билыты з-окола.

Б. Д Гринченко Харьковъ 1898.

3. Не замитай хаты, якъ сонце зайде.

М. С Чудновская с Выбли Черниговск у.

4. Якъ будуть на Велькдень веретена у хати,—плodyтyмуться гадюкы.

С. Голенка Конотопск у М. Исаенко

5. Не свысты въ хати—черты заведуться.

Е. Н Гаврилей. М. Веркиевка Нѣжинскаго у.

6. До погреба съ кускомъ хлиба не ходы, бо мыши та жабы заведуться.

М. С Чудновская С Выбли Черниговскаго у.

39. Урожай.

1. Якъ на щедруху буде иней, то буде й урожай.

2. Якъ выпадуть проводы у старому мисяци,—держьсь старого хлиба.

3. Якъ на голе дерево груимъ загремыть,—буде й руикъ голы—на все незрожай.

4. Якъ багато сморшкуивъ або рыбы,—буде недоруидъ.

5. Якъ на Велькдень иде дощъ,—незрожай буде на все.

6. Якъ журавли вылитають зъ ирїя по одному, а не нызкамы, такъ чекай умолотного жыта той руикъ—по однуимъ снопу носытымешъ.

7. Якъ не вбачышъ до Миколы (9 мая) колосу,—буде плачу й голосу.

8. Якъ на пару росте лобода, то й жатымешъ лободу.

9. Если май мѣсяць будетъ дождливый, то ожидать должно урожаю болѣе сѣна, чѣмъ хлѣба; если же напротивъ—сухой, погодный,—то будетъ много хлѣба, а мало сѣна.

10. Де на поли на Благовищеня буде лежать снигъ,—на тому мисци хлиба не буде.

№№ 1—8 записалъ Е. Н Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск у.,
№ 9—священникъ Петръ Оглевскій въ с. Данинѣ Нѣжинскаго у.,

№ 10—А. А. Тишинскій въ Черниговской губ.

40. Ыолы и якъ ораты й сiяты.

1. Йидучы уперше ораты, дывысь, щобъ хто, боронь Боже, не перейшовъ дороги зъ пустыми видрамы, а то у клуни буде пусто.

2. На дванадцятуй пахарь уже наореться, та й удовынъ плугъ уже выходе.

3. Не носы на правуй руди каблучокъ,—не родытме жыто, якъ сiятимешъ.

4. Не сiй жыта у дощъ, бо буде зъ метлыцею.

5. Жыто сiй у той день, у який бувъ першый снигъ.

6. Якъ гречку сiешъ, такъ не можна йисты, ажъ покы досiешъ, бо порожня буде. Одынъ чоловикъ везе гречку съ поля, такъ на двохъ возахъ добра гречка, а на одному сама половка. А якась жинка пытае:

— Чого це въ тебе така гречка вродыла?

— Та то,—каже,—я проснидавъ гречку: сiявъ та здорово отощавъ, та й извивъ манесенькый шматочокъ; такъ ото та, що до снидання сiявъ, а оце та, що пiсля сниданья.

Дивчына, чуючы сю розмову, озвалася:

— Бачъ, а я й не знала, чого то воно такъ, що було якъ пойдемо зъ братомъ на поле, винъ сiе, а я волочу, то винъ дасть мени хлиба, а самъ не йистъ. Я пытаю: чому жъ ты не йисы? А винъ каже: «Та я ще не хочу». Й якъ досiе, тоди вже снидае.

7. Гречку сiй у той день, у який бувъ першый иней.

8. Конопли сiй у середу на молодыци—гарни будуть и нищо симъя не пытме.

9. Конопли сiй надъ вечиръ, и того дня вже ничего не роботы, особлыво въ землю ничего не забывай, бо й конопли въ землю пидуть.

10. Якъ сiешъ льонъ, такъ терпы, не сидай на ныви про себе—вродыть серуха.

11. Прымичай, откуль на Евдохы дуге витерь. якъ зъ горы—сїи льонъ на гори, а якъ зъ долины—сїи у долини.

12. Якъ ще въ себе льонъ не посянний, такъ не можна никому давати, бо въ себе зведеться

№№ 1, 4, 5, 7 и 11 записаны М С Чудновской въ с Выбляхъ Черниговск у., №№ 2, 3, 8—10—Е Н Гаврилеемъ въ м Веркиевкѣ Нѣжинск у., № 6 и 12—М Н Гринченко въ с Жеведи Чернигов. у. въ 1899 г

41. Садъ.

1 Не сады дерева тоди, якъ свитыть мисяць, бо буде пустоцвить.

2. Хто хоче заводыть садъ,—не клады мерця въ труну.

3. На родючы садъ—на яблоню, чы грушу, якъ полизешъ у чоботяхъ, и найпаче жуинка, то на другый руикъ не вродыть, або й зовсимъ посохне.

4. Яблукъ шыягаца (??) пидъ яблунею не можно, бо на друге лито не вродять.

№ 1 записанъ М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниговскаго у., №№ 2 и 3—Е. Н. Гаврилеемъ въ м Веркиевкѣ Нѣжинскаго уѣзда, № 4—Г С Неводовскимъ въ с. Евминкѣ Остерскаго у

42. Городъ

1. Не *полы* у сухой четвергъ, бо будуть сохты города.

2. Якъ до схиць сонця на Благовищенне потрусить качана, то зъ його посыплеться насинне. Зъ сїей *росады* якъ посешъ, добра буде капуста.

3. *Гарбузы* треба садыть тоди, якъ скотына лежыть.

№№ 1—3 записаны М С Чудновской въ с Выбляхъ Черниг у.

4. У грядци не можно йисты *гуркивъ*. Не можно чыстыть у грядку гурка.

Г С. Неводовскій. С Евминка Остерскаго у.

5. *Оиурки* садыть у той день у тыжни, въ котрый на весни першый разъ гремило.

Наталя Кобрынська. «Зъ Бойкившыны зъ пидъ Вирла» (Восточная Галиция)

6. На Велыкдень не лузають *сонешныку*, щобъ не пылы горобци його на городи.

Е. Н Гаврилей. М Веркиевка Нѣжинск. у

43. Свѣйська тварь.

1. Яку шерстыну найдешъ на пасци, прынисшы ййи съ церкви—такойи масты й *скотъ* держы.

2. Якъ пры торзи та *скотына*, що купуешъ и зидесся вже на цину, каляе, то на таланъ, а якъ мочыть—лучче касайся ейи або переторгуй.

3. Оти *подарунки*, що дарують на весилли молодымъ, ведуться туилько симъ рокивъ, а тоди вже зводтымутъся.

4. Стари люде кажутъ, шо якъ погнать *скотыну* на Юрьеву росу, то вона буде увесь годъ лучча и гладчѣйша, и жыто пиде лучче. У насъ на Юрѣя скотыну выганяють вси хазяйины, несуть хлибъ и дрибокъ соли. Хлопци складаються, пѣють и йидять на жытахъ.

5. Щобъ у *скотыны* не заводылись червы, не треба шыть видъ Риздва до нового году и по усейидныхъ середяхъ и пятныцяхъ.

6. Моя сестра ходыла въ степъ грошей зароблять. Такъ каже, шо тамъ у Полтавщыни и дали туды, такъ у дворѣ привѣязжуть *корову*, або й такъ непрывѣязжану доють и ничого. Ну, а въ насъ такъ не можна.

— Чому?

— У насъ якъ здойить такъ, такъ другого дни молоко пропаде, а тамъ ніѣ. Тамъ, выдно, люде добріѣйши.

7. Не крышы надъ молокомъ хлиба ножемъ—*корова* не стоятыме въ дойинню.

8. Я скруозъ чысту сметану продаю. Бувае, шо якосъ тамъ бабы ростырають сыръ та жовтокъ изъ яйця та съ того сметану роблють, кажуть, шо й крохмаль сыплють, а я ничего не роблю: и не знаю якъ, та й не хочу, бо кажуть, шо то *коровы* погано та й гріѣхъ.

9. Боханця, помазаного сметаною, не рижъ ножемъ бо въ *коровы* діякы порепаються.

10. На перву кутю пида рано до *коровы*, якъ тильна, и куда лежатыме мордою, въ таку добу й теля знайдеться.

11. Якъ корова отелыться бычкомъ, такъ бильше молока даватыме, нижъ якъ тельчкою. И молозыва тоди бильше.

12. У той день, якъ найдеться *теля*, никому ничего не давай, а то буде блудыты.

13. Не бый *теляты* ганчуиркою—жоватыме одижъ.

14. Надовго *коню* хвоста не завязуй—схудае.

15. Якъ у хазяйина шыя товста, то въ *конякы* його певно тонка.

16. Проты ноци писни не кинчають—вовкъ *порося* зйишь.

17. Якъ *птиця* сыдыть на яйцяхъ, то не можна пекты у печи ни яецъ, ни картопли, а то позапикаються яйця.

М. Н. Гринченко въ с. Жеведи Черниговск. у (1900), М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ Черниг. у, Е. Н. Гаврилей въ м. Веркевкѣ Нѣжинскаго уѣзда

18. На Стричення дають *гусакамъ* та *пивнямъ* перецъ, щобъ зли булы та посылювалы чужыхъ гусакивъ та пивнивь.

19. Якъ порве собака *гуску* зъ табуна, то ти гусы вже зведуться.

20. *Пчиль* пидрижують у чыстый четверь, щобъ булы чысти.

№№ 1—3, 7, 9, 10, 13—16 и 19 записаны Е Н Гаврилеемъ въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск у, № 4—П С Ефименко въ с Напоровкѣ, №№ 5, 12 и 20—М С Чудновской въ с Выбляхъ Черниговск у., №№ 6, 11 и 18 (с Жевель Чернигов у) и № 8 (Сядричи Чернигов. у., 1899)—М Н Гринченко.

44. Колы не треба робыты.

1. У пятницю Хрыстось страждавъ и тому у сей день не слидъ робыты ніякойи чорнойи роботы: ни пряс-ты, бо летыть кострыця, ни золыть, бо попилъ трусыть-ся, ни трусыть сажу, ни иншойи такойи роботы.

Записала въ с Выбляхъ Чернигов. у М. С. Чудновская.

2. Одна молодыця потрусыла сажу у пятницю и похвалылась на вулыци. Сусидкы ажъ полякались, почувшы, що вона таке зробыла. «Якъ, кажуть, у такойи день, та трусыть сажу? За се Богъ покарае тебе и на симъ свити и на тимъ не простыть. Сама ще не тямышь чого, то треба пытаться людей,—а то за се велькый одъ Бога грихъ».

Бидна перелякана молодыця такъ зажурылась, ждучы кары за свій велькый грихъ, що, чысто высохла и на третій тыждень Богу душу оддала.

Записала М. С. Чудновская отъ крестьянъ с. Буды Черниг. у.

3. У Велькодну суботу найменчъ роботы дила, щобъ литомъ спуирно робылось.

Е Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск у.

4. Понедилокъ и середа—важки дни.

Е. Н. Гаврилей въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск. у

5. Якъ идешъ куды за диломъ, та куотъ перебижыть дорогу, то луччей вернысь.

М С. Чудновская. С. Выбли Нѣжинск. у

6. Якъ перебижить куйтъ дорогу, або перейде хто съ порожнимъ видромъ, такъ лучше ворочайся назадъ— нещастя буде, хыба вже куды пыльно треба, такъ не инакъ иды, якъ перекинувшы черезъ те мисце хочъ паличкою.

Е Н Гаврилей М. Веркiевка Нѣжинск у.

45. Съ краденого швыдче заведешъ.

У насъ кажутъ, шо съ краденого швыдчей заведешъ, нижъ ись купованого. Я колысь ище якъ малою була та почувла це, такъ и нарвала въ Мыны повну хустку проса, а тоди вымѣяла його, ссыпала въ торбынку и матци оддала. Такъ братъ клынчыкъ на новыни засiявъ тымъ просомъ. И таке гарне вродыло. И съ того вже й стали мы сiяты. И льону два снопы вкрала, такъ гарный и въ насъ льонъ ставъ. А сестра моя гуску вкрала. Подумайте, верстовъ за петнадцять, чы мо й за симнадцять зъ однею дивчыною ходылы и такы вкралы по гусци. Такъ дуже добре гусы выводылысь и въ тiйи дивчыны и въ насъ.

— Значыть шобъ гарне шо въ хазяйстви було, такъ треба все съ краденого заводыты?

— Ни, всего не можна. Уже жъ коровы чы кобылы не вкрадешъ. А такъ шо посiять, чы птыцю—такъ лучше съ краденого.

С Жеведь Чернигов. у. отъ дивчыны М Н Гринченко. 1899.

46. Даваты.

1. Съ того чоловика, кому дарышъ шо небудь изъ хазяйства, треба узять килькы небудь копiюкъ, а якъ будешъ давать такъ, то можно у себе позводыть.

2. Якъ зайде сонце, не годяться давати шо небудь зъ двора, а найпаче не давай молока.

М С Чудновская С Выбли Чернигов у

47. Жылавый понедилокъ.

У жылавый понедилокъ (першый понедилокъ у великий пистъ) бабы не продають бурякового квасу.

Прымичають, хто першый у цей день увийде въ хату якъ шо чоловикъ, то це добре, а якъ шо жинка, такъ погано въ симьи буде.

Цей понедилокъ зветься жылавый черезъ те, шо ничего не варють, а йидять редьку та коржи на самій води мишени—*жыляныкы* звуться.

У цей понедилокъ не можна шыты, бо пучкы обирве.

Богодуховский у. Харьковский губ и Славяносербский у. Екатеринославск. губ. М. Н Гринченко

48. Зустрічь.

Якъ идуть проты тебе два чоловики, дакъ никола не йды усередыну, хоть бы вони й нарочыто розступались передъ тобою.

С Голенка Конотоп у. Черниг губ М Исаенко.

49. Що вищує.

1. Ньохти цвितуть—жды подарунка.
2. Якъ заплитаешъ косу та останется пасмо—дорога.
3. Очи або нисъ свербыть—плакать.

4. Борода свербыть—горилку пыть.
5. Права долоня свербыть—гроши получать, лива—
оддавать.
6. Павукъ спустыться—почуешъ вистъ.
7. Якъ сиренькый павучокъ спустыться—добра бу-
де звистка, а якъ чорненькый—погана.
8. Қитъ умывается—гостей сподивается.
9. Вугиль скаче съ печи—буде гистъ.
10. Якъ пивень на покути спивае—будуть гости.
11. Якъ куйтъ умывается на якый край, звидтиль
будуть гости.
12. Якъ забудешъ по обиди ложки—будуть гости.

№№ 1—6, 8—9 записаны М. С. Чудновской въ с. Выбляхъ Черниг. у.

№№ 10—12—Е. Н. Гаврилеемъ въ м. Веркиевкѣ Нѣжинск. у., а № 7
М. Н. Гринченко въ Харьковск. губ.

50. Злодій.

На злодія пануе—на голе дерево груомъ загре-
міѣвъ. (Тобъ то: не знаходытymesъ крадене).

М. Н. Гринченко С. Жеведь Черниговскаго у. 1899.

III.

Знахарство, заговоры и проч.

51. Угадать, чы довго прожывешъ.

Назбиралы мы на Йвана Купала купальнычкивъ и позастыркалы у хати на усихъ и на батька, й на матку, и на бративъ, на усихъ. На другой день подывылысь, ажъ батькивъ и старшого брата купальнычки повъялы, а наши уси порозывалысь. Такъ скоро батько и умерлы, а посла батька скоро и старшого брата на поли гримъ убывъ. А мы уси, слава Богу, и по сей день жыви.

Записала отъ Ульяны Килочицкой, въ с Выбляхъ, Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

52. Угадать, чы вси у симйи будутъ жыви.

Нарижъ трейчи по девъять гиллючокъ глоду и звары; якъ що вода буде сыва,—хтось скоро умре, а якъ вода буде жовта, то вси будутъ жыви.

Записала отъ Трыхвона Кныша изъ д Песокъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская

53. Щобъ быть здоровымъ.

1. Почувшы першыи гримъ, стань коло печи и скажи: «Дай, Боже, быть такой здоровый, якъ пичъ, щобъ було биганне заече, волова сыла, щобъ не болила ни голова, ни спына».

Записала М С Чудновская отъ крест Курской губ. Рыльск у.

2. На Велькдень попередъ паскы годыться извисты хрину, щобъ быть крипкымъ да здоровымъ.

С Голенка Ковотоп у. Черниг губ. М Исаенко.

3. У чысты четверъ умывайсь на бегучий води—чысты будешъ.

Е. Н Гаврилей М Веркiевка Нъжин у.

54. Щобъ щастыло на войны и на суди.

Иноди трапляеться бачыть, якъ вужака нападе на жабу, щобъ извисты ййи. Возьмы тоди ломачку и розбороны, та тилькы не убывай и тую ломачку ховай: чы прыдется иты на войну, чы на судъ—беры зъ собою: на войны не убъють, а на суди завсегда будешъ правый.

Записала отъ Арины Непомнящей въ с Выбляхъ Черниговск у.
М С Чудновская

55. Одъ усякойи боллизни.

а) Передъ тымъ днемъ, у который случыться Сри-тенне, узять соли, завернуть у тряпычку да й укынуть у жарь, а до схидъ сонця вынять. Хто занедужае чымъ, тому и йисты сюю силь.

б) Якъ хто нездоровъ чымъ, дакъ нехай у чыстый четверъ, чуть свитокъ, пійде на ричку, поky нхто ище воды не бравъ да й умыеться; тоди й болизнь усяка пройде.

М Исаенко. С. Голенка Ковотопскаго у. Черниговской губ.

56. Передать болизь другому.

Щобъ излчыть лышай, чы другу яку болизь, возьмы обмый водою болуче мисто и увечери, або вранци перелый тїею водою вулицю. Кто першый перейде черезъ перелыте мисто, той прыйме и болизь.

Записала М. С Чудновская отъ крестьянъ въ с. Выбляхъ Черниг. у.

57. Одъ урокивъ.

I.

Ой дай, Боже, ой дай, Боже, щобъ день та й неділя:
Щобъ тая Маруся робыты не вмила.

А щобъ вона, молодая, конопель не мняла,

Ой щобъ ййи головонька пыломъ не прыпала.

Ой мы везлы, ой мы везлы зъ новымъ медомъ бочку;

Ой мы взяли, ой мы вкралы въ нашойи свахы дочку.

Бабська прымова, уроки, урочыны!

Я васъ прыклякаю, господа мылосердныє.

Въ помощь прыклякаю! Господь зъ помощама,

А я зо словама, я васъ вышептую,

Выклякаю зъ очей, зъ плечей, зъ рукъ, изъ нигъ,

Изъ семьдесяты жылъ, изъ румъяного лыця, изъ шырокого серця.

Тутъ вамъ не буты, тутъ вамъ не гуляты,
Буйнойи головонокы та й не ламаты,
Рум'яного лыця та й не палыты;
Шырокаго серця та й не нудыты;
Семьдесяты жылъ та й не стягаты
И пидъ серденько та й не пидпираты.
Поты вы нудылы,
Покры я Господа мылосердного та на помощь не пры-
кыкала:

Господь зъ помощамы, а я зо словами.
Я васъ вышептую, выкылаю на очерета, на болота.
Вызываю—йдить соби та й на очерета
Та й на болота,—
Тамъ вамъ столы застеляни,
Чаркы поналывани.
Тамъ вамъ пыты, гуляты и роскоши маты,
А одъ рожденнойи, мольтвованойи, хрещенойи
Рабы Божойи Маруси утикаты.

Подольск г А В Заблоцкй изъ альбома

II.

Видкыля сонце сходыть, видтыля помощь прыхо-
дыть; видкыль свить наставъ видтыль Богъ помощь
пославъ. Уроки-урочыща, прыстриты-прыстритыща, лыхо-
радкы-лыхорадчыща, тутъ вамъ не буваты и не ходыты,
червонойи кровы не пыты, серденька не сушыты, жов-
тойи косты не ломыты, билого лыченька не в'ялыты. Я
васъ высылаю, вымовляю, вышиптую; я васъ посылаю на
очерета, болота, на густы лиса, де дивка косы не носыть,
де парубокъ коня не сидлае, де шивень не спивае. Баба
золотовыда, котора Христа прыймала, людымъ помощь
посылала, я вызываю, я вышиптую изъ ручокъ, съ пучокъ,
изъ очей, съ плечей, зъ семьдесяты суставовъ. Я вымов-
ляю, Маты Божу на помощь прызываю. Я словами,

Маты Божая диламы; я хухомъ (дуетъ на крестъ), Маты Божа духомъ. Уроки-урочыща зъ карыхъ очей, зъ сирыхъ, бурыхъ и понурыхъ, чоловичыхъ и жиначыхъ, парубочыхъ и дивочыхъ. Колы буду сыне море переплываты, тоди буду на уроки и на прыстриты горюваты. Сама соби сорочку мыла, сама и вносыла, сама соби прыстритъ одходила.

Изъ бумагъ П А Лукашевича

III.

Щобъ диты булы неврочлыви, то треба умывать йихъ въ помыйныци.

М С Чудновская въ с. Выбляхъ Черниговск. уѣзда.

58. Видъ прыстриту

1. Прыстриче, прыстриче, добрый чоловиче! Сядь соби на мислечку, на золотимъ крислечку, тутъ тоби не бушавать, не воевать и костей не ломыть. Иды соби на море, на тимъ мори камень, на камени зрубъ стоявъ, самъ тамъ Богъ по имени называвъ, а тоби, мій малый, (чы мала), щобъ прыстрикъ бильшъ не упомынавсь.

Записала въ с. Выбляхъ отъ Евдокии Чирковой М. С Чудновская.

2. Якъ хто тебе изурочыть, то возьми здымы зъ себе сорочку и положъ, звернувши, пидъ камень. Пройде. Отъ Ульяны Килочицкой въ с. Выбляхъ Черниг у М. С. Чудновская

3. Навыворотъ сорочку носы, прыстритъ не нападе.

Е Н. Гаврилей. М. Веркевка Нѣжинск уѣз.

59. Одъ простуды.

Узявъ жывыци такъ якъ изъ куряче ейце, изтерты ййи да й укынуть у пляшку зъ пивквартою горилкы, да тоди поставыть у тепле мисто, поky добре настойить-ся да й пыть по тры чаркы на день.

С. Голенка Конотопскаго уѣз Черниговск губ М Исаенко

60. Одъ лыхоманкы.

1. Узять печене яйце да облупыть його такъ, щобъ шкурка цила восталась на йому, да тоди и завъязать у ластку пидъ ливою рукою, та й держать його тамъ, поky воно зовсимъ изсохнеться.

С Голенка Конотопскаго уѣз Черниговской губ. М Исаенко

2. Одъ хынди. Треба мовчкы йты за домовыною мертвого до могылокъ, и якъ коло ямы уже уси прощаються, поцилуй мертвого у мызынци на рукахъ и на ногахъ и йды до дому, ни съ кымъ не балакаючи.

Записала въ с. Гусавкѣ Черниг уѣз. отъ крестьянки Христины Губки М С Чудновская

3. Узять шматокъ хлиба, соли и яйце и треба питы до мосту, зъ мосту кынуты тее усе черезъ плече у воду, проговорывшы: «вась, тигочки, симдесять симъ, прынесла я вамъ полуднувать усимъ». Додому йшовшы, не треба озыраться назадъ и балакагы. Писля сього хындя безпреминно покыне.

Записала отъ крест с. Гусавки, Черниг уѣз Катерины Васьковой.
М С Чудновская.

4. Молитва отъ лихорадни. «Взбунтовалося море взвольновалася вода, отъ туда выходитъ четыре пани красныя дѣвицы напротивъ ихъ выходитъ отъ царя Ирода

святой Мохнованій и спрашиваетъ ихъ, куда вы идете. Мы идемъ къ нарожденной Молитвенной крещенной Марфѣ жолтіи кости ломити сердца вялити бѣлаго тѣла сушити якъ выхватилъ святой Паухлатій свой приострій мечъ и вдаривъ ихъ по четыре раза а они по отвѣчали ему если Марфа сію молитву будетъ знати то мы ее будимъ на шесть лѣтъ минати». (Ореографія подлинника).

Полтавск губ

61. Одъ жовтяныци.

На зори уранци треба пойти на ричку изъ суденцемъ изъ жовтойи миди, набратъ у його воды, поставыть на верхъ хаты да й прыговорювать: «Зори зоряныци, возьмишь раба Божого № жовтяныци—ранни й пивранни, денни й пивденни, вечерни й пиввечерни, ночнійи й пивночнійи». Якъ пройде тры дни, тоди изнятъ да й умывать жовтяныци, прыговорючы те саме.

С. Голенка Конотопскаго у Черниговск губ. М. Исаенко.

Одъ жовтяныць треба купаты у злоти: у купель кыдаты золотый перстинь.

Богодуховск. уѣз. Харьк. губ М. Н. Гринченко.

62. Голова.

1. Острыгшысь, не кыдай чуба въ пичь, або скуилько чубъ горитыме, стуилько голова болитыме, а кыдай чубъ пидъ вербу—буде скоро рости, якъ верба.

2. Мертяковымъ черепомъ давять свою голову, щобъ не болила, а щелепы на ротъ надивають одъ вубуивъ.

3. Изъ сятои вербы назбирай у церкви потерти й бережы, щобъ на злучай, якъ заболыть голова, такъ парыться тымъ окропомъ, що нагрієшь зъ тою потертю.

№№ 1—3 М. Веркиевка Нѣживскаго уѣз Е Н Гаврилей.

4. Учадившы, треба положыты у вуха калыны (ягидъ),
—вытягне чадъ.

Богодуховск у Харьк губ М. Н. Гринченко

5. Щобъ булы довги косы, треба на молодку стать на порози и трохи пудривать.

М. С. Чудновская С. Выбли Черниговск. у.

63. Одъ болячкы у вуси.

Пидкурують льономъ—лушыкомъ. (Насиння зъ льону, що саме высыпається). Насыпають у черепокъ жару и сыплють льонъ, а хворый нахылытьса вухомъ до дыму, та ще й рядомъ його прыкрыють. Якъ добре пидкуруты, такъ болячку прорве, и вона вытече.

С. Жеведь Черниговск. уѣз М. Н. Гринченко. 1899.

64. Одъ зубивъ.

1. Якъ уперше побачышь молодыка, зупынысь и трейчи скажы: Молодыкъ молодой, чы бувъ ты на мори? Чы бачывъ ты морськихъ людей? Чы болятъ у йихъ зубы? Хай у йихъ болятъ, а мени (имъя) не знать. Промовывшы, иды не озыраючысь.

Записала отъ бабы шептухи Вар Мулочовой въ с. Выбляхъ Черниг.
у. М С Чудновская

2. Побачывшы уперше молодыка, зупынысь, прокажы трейчи «Оче нашъ», трейчи плюнь черезъ ливе

плече и йды не озыраючысь. Щобъ не болилы зубы, треба такъ робыть що молодыка.

Записала отъ Лук Новиковой въ с Выблячъ Черниговск. у М С. Чудновская

65. Якъ охрыпнешъ.

Якъ охрыпнешъ, то пый сыри яйца, чы йижъ гречани крупы.

М Верклевка Нѣжинск. у Е. Н. Гаврилей.

66. Видъ очей.

1. На Благовищеня идуть люде дывытыся до рикы на дрибну рыбу, та й кажуть тры разы: «абы мене тогда очи болилы, якъ рыбу».—Ходять такожъ дывытыся на другый день Велькодна.

Наталія Кобрынська. «Зъ Бойживщныи въ пидъ Вирла» (Восточная Галиция)

2. Въ страсны четверъ годытыся вмываться бегучою водою, щобъ слипота не напала.

Е. Н. Гаврилей М. Верклевка Нѣжинск. у

3. Молодыця, якъ мае ще тилькы одно дытя и хлопця, нехай своимъ молокомъ капне у очи у кого болять.

Совитуйте вирне средство. Видъ сього и бильма проходятъ.

Записала отъ Л. Новиковой въ с Выблячъ, Черниговск. у М С. Чудновская.

4. Отъ бильма. Ехалъ святій Ерій на биломъ конѣ набѣломъ сидлѣ въ бѣлой одеждѣ съ бѣлыми слугамы вилѣлъ бѣлимъ слугамъ бѣлое бильмо сикти рубати

мютламы смитаты туї тобы небуваты жольтой косты червоной крови не ламаты. (Правописание подлинника).
Изъ рукописи «Примѣты разныхъ примовъ Просто-народія», со-
общенной М Л Кропивницкимъ.

67. Одъ грудной боли.

а) Узять того сала, що якъ бѣють кабана або свиню да хрестъ ножемъ пышуть, прыжарыть трохи да й мазать груди.

б) Потерты на тертушку чорну редьку да й выжать изъ иїи сокъ; сокъ той измишати изъ меншою часткою горилки да й пыть по тры маленьки стаканы у день.

в) Весною, якъ ище мале буває жыто, ходыть по йому уранци босымы ногамы часивъ два.

г) Узять кинського гною, якъ перепріе добре, да й прыкладувать до грудей.

д) Запекать йоловийи шышки у горилци да й пыть.

С Голенка Черниговскаго у. М. Исаенко

68. Одъ жывота.

1. Якъ йисты гориле, то жывить не болитыме.

Б. Д Гринченко Черниговск у

2. Одъ жывота росколоты чарку соли чы попелу та й выпый, або иды на двиръ (про себе), хочъ и не хочеться.

М Веркевка Нѣжинск у Е Н Гаврилѣй

3. Отъ затверденія желудка На весни, до грому, нарвы деревю съ кориннемъ, горыцвиту съ кориннемъ, да возьмы вербы свяченойи и, зварывшы, пыи и плечи мажъ.

4. Употребленіе горьцовиту противъ серозныхъ скопленій. Въ перви десять днивъ лику: узять кварту воды, налить у польвъяный горшокъ и положить туды тры коринци горьцовиту, закрыть горшыкъ по-крышкою та й замазатъ и варыть поты, поky выварытьсѧ съ кварты пъята частка, и даватъ сього зилля на тры чашкы (чайныхъ) рано, въ обидъ и ввечери. На други десять днивъ лику узять тилько воды, якъ и перше, да тилько положить чотыри корини и выварыть стилько, якъ и перше, и пыть по тры чашкы въ день. За часъ передъ ликарствомъ и пиcля ликарства не можно йисты ничего. Писля двадцѧты днивъ лику пыть первого ликарства (що по тры коринци) по дви чашкы. Во вси разы, якъ сечи мало, прибавляють у горшокъ лысту въяленого изъ калачыкывъ, такъ якъ у пучкы взять, та й варыть разомъ. Рыбы и мъясного жырного не можно йисты, зилля держатъ въ холодному мисти (у погреби) не бильше трьохъ днивъ (бо почне портытьсѧ). Якъ сечь дуже пиде, то й можно перегодыть одынъ день зъ ликарствомъ.

Черниговск г. (№№ 3 и 4 взѧты изъ «Черниговск г. вѣдомостей» 1860, № 6 С. Д. Носъ).

69. Якъ нудно.

Якъ нудно, то перекусы въ соломыни колинце.

М. Веркїевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей

70. Одъ печайкы.

Одъ печайкы лыжы праву долоню на тимъ мисти, де пысавъ хресты на голодну кутю, або крейду йижъ.

М. Веркїевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

71. Одъ піяцтва.

1. Щобъ пъяныця кынувъ пыты, треба назбирать пини изъ утомленого коня такойи масты, якого цвиту косы у пъяныци, и дать выпыть зъ водою.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с Выбляхъ Черниговск уѣз. М. С Чудновская.

2. Щобъ не воняла горилка зъ рота—жуй бумагу або гречани крупы, а щобъ не пъяны бувъ—выпы чарку карасину.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркиевка Нѣживск у.

72. Щобъ не болилы руки и ногы.

Вытягны зъ пояса красну шерстяну нитку и пережемы болочу руку, чы ногу,—перестане.

Записала отъ крестьянъ въ с Выбляхъ Черниговск. уѣз. М. С. Чудновская.

73. Отъ бежа, бешыхы и прыстриту.

I.

Отъченашъ: Богородице Дѣво: Честный Кресте. Иоане Крестителю и Всѣ Небесни Сили, и Св. Апостоли, Пророки, Пророчицы св: Святители Приподобныи Отци, св: Мученики Священо Мученики, и Преподобни Мученики св: Мученици. Преподобни жени, Преподобно Мученици и Сповѣдникъ и Безсребреники и Христароди Юродиви и вси въ Киево Печерскѣ и Ерусалимской Почаевскѣ, и Перижловскѣ и Вси Святїи Станьте Мени въпомочи Господу Богу помолюся Пречистѣй святїй Матери Божїй Поклонюся ковсѣмъ Святимъ Станьте мѣнѣ въ помочи Бежа бишику или пристрѣтъ тоже такъ само 1 вызвать—2 Вишиптать Зѣмову Висняну Лѣтню

Осѣнну Гадину мѣсячну дену полудену, ночну, полуночну Часову, Чоловѣчу, Жоночу, Парубочу, Дѣвчачу, Хлопячу, Огнену Вѣтряну, Водяну, попѣвску, Паньску Лядьску наслану Подуману Погадану, Тута Тобѣ Небуваты Тута тобѣ небуяти Жовтои кости неламати Червонои Кровѣ, неспивати Бѣлого тѣла невялити Сердца не нудити кости и Составъ некрушити теперь тебе Визиваю зъ Три Девяти Составъ Вишѣптую Викликаю на Пуши и Нетри Отсилаю Де Сонце Праведне не Грѣе, де мѣсяцъ не свѣтитъ де люди не ходять и де христьянскый Гласъ не заходитъ тамъ Собѣ Гуляй, тамъ Собѣ Буяй,—

Пречистая Богородица, Обѣдъ Становила склепина и склепенивъ, въ Сѣхъ наобѣдъ звала бежа и бишиху незвала бехъ и бишиха сами пришли, Господня помѣщъ (дальше слово неразобрано) немѣй Духъ Господнѣй Духъ помагае Рожденному и хрещеному Рабу Божому Филиппу напомящъ Ставаеи тогда Духомъ подуть навхрестъ 3 рази говоря Си Слова, начиная отъ словъ не мій Духъ Господнѣй Духъ, Это одинъ штихъ, тогда начинай и Другой и третій разъ отъ Словъ Пречистиі Богородици и Всѣхъ съ призывать напомящъ, акогда три рази переговоришь То начинай опять Сначала Отъченашъ Богородице Дѣво— такимже порядкомъ 3 рази якъ и Сначала отъ Слова до слова то будетъ шесть разъ тогда Возьми Красный плетеный поясъ Розложи на пухлое мѣсто въ одно Сталь и запали лянне либо и просто пачоски и тожъ другою сталкою пояса прикрой легко чтобы пламя помало зъ тухало и когда на Поясѣ на чинаешъ Это Дѣйствовать то знову начинай отъ Отъченашъ. Богородице Дѣво и всѣ Слова, отъ Слова До слова какъ Сначала прописано, атолько Якъ Вишептуешъ Визиваю Вишептую Викликаю прибавъ и Спалюю инапуши инетри, отъ Силаю и такъ дали Доконця какъ и прежде отъ Слова До слова, и такимъ Способомъ 3 рази переговорить и 3 рази спалить тогда кончить—Отче-

нашъ Достойно—Воимя Отца 3-рази—+.+.+. — Это Значить 9-ть разъ а Еще нужно такъ Само Дварази по Девять разъ тозначить будетъ 3-ри Девять разъ, Эти Дварази (слово не разобрано) послѣднии наветъ можно и позаглаза шептать, Звѣсно Лучше Быть при Болящому нежели заглаза. (Правописание подлинника).

Изъ рукописи, сообщенной В Ф Степаненкомъ

II.

Простое лѣкарство отъ Рожѣ которое принять то нетѣлько что она и Счезнетъ и Виздоровѣтъ Больное мѣсто А наветъ доказуютъ получивше или принявше Этое Лѣкарство то и никогда nebudeтъ болѣе Возобновляться на Этому Человѣку, нетолько На Этомъ Мѣстѣ.

взять на Ставетъ въ Чайникѣ, въ переваренной Водѣ, тоестъ какъ изъ Самовара, и Дать въ Эту Чашку Кофи съ паленой припорцію какъ слѣдуетъ, Чтоби на Стояла тогда въ стаканъ налить тоже воды зъ Самовара съ хорошъ Кѣлѣшокъ и вложить туда Секретнаго Лѣкарства, необявленнаго Болящему какое потому что Другой Болящій не захочитъ Може принять въпользованіе взять въ Чистую холстинку завинуть кусочекъ конячого г. и завязать и вложить въ Эту чашку чтоби натягло потомъ немножко поколотитъ Эту Завереніонку и тогда Этое винуть прочь А настояна вода пусть одъ Стоитъ, и тогда Еще процедитъ можно на холстинку и чистое Кляровное Употребитъ въ шклянку До лить на Стояноу кофию Для прятънишаго Духу или вкусу До Дать Сахару попринадлежности и Дать Болящему Принять Добраго Апетиту (Правописание подлинника).

Изъ старой рукописи, сообщенной В. Ф. Степаненкомъ

74. Опухъ.

Дивчына пился скарлатыны опухла. Баба порадыла таки ликы: узаты гостройи водкы, вкнуты туды дванадцять товстыхъ голокъ. Воны ростануть, бо гостра водка йихъ пойистъ. Тоди пыты це по скилькысь тамъ крапель съ простою горилкою.

С Алексѣвка Славяносербскаго у. М. Н. Гринченко. 1893.

75. Огныкъ.

Якъ нападе *огныкъ*, треба спалыты ганчирку и тымъ попиломъ затоптуваты.

Богодух. у. Харьк губ. М. Н. Гринченко.

76. Одъ бородавокъ.

Щобъ зогнать бородавки, треба на тоненькій нытощи навяззаты стилькы вузлыкыивъ, скилькы е бородавокъ и закопать у землю. Якъ нитка перегны,—и бородавки пропадутъ.

Можно ще такъ зогнать бородавки узать девъять гороховынъ, покачать йимы бородавки, загорнуть йихъ у чопурнееньку латочку и кынуть на вулицю. Хто пудыме сіе гороховыны, до того перейдутъ и бородавки.

Записала отъ Ульяны Половецкой въ с. Выбляхъ Черниговск у. М. С. Чудновская.

77. Раны.

1. Якъ урижешъ палець, то треба на трапочку взаты нагидковойи горилкы та й примочыты уризане мисце—заразь стягне.

2. Якъ попечешъ пальци зализомъ чы тамъ объ горщыкъ, такъ треба взятись за вухо и сказаты: «сьогоднѣ п'ятныця»—не такъ пектыме.

№ 2 записала въ с. Жеведи Черниговск уѣз. М Н Гринченко въ 1899 году.

78. Кровъ замовляты.

1. Щобъ перестала иты кровъ, треба сказаты: «За снимъ моремъ бувъ камень, на камени сидило чотыри дивыци: одна голку держить, друга нитку сажает, третья жылы зашивает, четверта кровъ замовляет.» Треба сее промовыть трейчи и кровъ перестане.

Записала въ с. Выбляжъ, Черниг. у. отъ Троф. Атрошенка М. С. Чудновская.

2. Разъ на ночлизи одинъ хлопецъ, стругавшы пуговье, поризавъ соби руку; кровъ такъ и побигла. Що мы не робылы—ніякъ не перестает. «Постойте жъ,—каже Омелько,—мени колысь дидъ казавъ, якъ треба замовыты кровъ, я знаю що треба казаты.» Тутъ Омелько перекрестывся и трейчи промовывъ: «Гуляю, гуляю, кровъ замовляю.» И кровъ заразъ же перестала текты зъ поризанойи руки.

М С Чудновская отъ Митрофана Шульги тамъ-же.

3. Калыновымъ мостомъ йшло тры сестри: калына, малына и шышпына. Не вмиѣлы йены ни шыты, ни прятѣ, туольки вмиѣлы сѣкты рубаты, рѣкы пропускаты—одна рѣка водяная, друга рѣка огненная, третья рѣка кров'яная. Водяною огонь зальваты, кров'яною кровъ суниматы (трейчи).

С. Осняки Черниговск у. В В Полуботкова

4. Заовляніе Крвы Двухъ Сортвъ.

1-й Въ неделю рано Причиста Дѣва плугомъ небо орала небо орала руту сияла Рута незшла чтобъ Кровь нешла. — Сей пунктъ виговариваетца заоднимъ духъ. аговорить Его Должно трижды.

2-й Ишла баба Камьяная Камьянимъ мостомъ съ Камяною Доюнкою Камяную Корову Доить какъ той бабы нельзя Коровы доиты щобъ такъ неможно скрещенного порожденного какого имя крвы итить трижды нада говорить. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи: «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народа», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ

79. Дытячи хворобы.

1. Вагутна жинка, якъ що вкраде, нехай лапнется за що деревьяне, або за прыпечокъ, туилько жъ не за свое тило, бо въ дытны буде родыме на тимъ мисци, за що вона себе лапнула.

Е. Н. Гаврилей. М. Веркевка Нѣжинск. у.

2. Щобъ дытя поправлялось. Якъ у кого мрутъ диты, то треба, щобъ якъ дытя занедужае, хто небудь його закупывъ. Той, хто закупает, дае матци копійокъ дви, чы тры грошей и вишае на шыю дытны хрещыкъ. Сей, хто закупыть дытя, и считается хрещенымъ батькомъ, чы хрещеною маткою. Часто писля сього диты поправляются и живутъ.

Записала отъ Ольги Герасименко, въ с. Буда, Черниг. у. М. С. Чудновская

3. У насъ якъ дытна не спыть та крычыть, такъ маты положе ййи на порози на кожуси и трычи переступыть, прыказуючы: «Яка породыла, та й одходыла». Тоди трычи злыже й сплюне.

— Воно жъ пособляе?

— У насъ пособляе, а въ панивъ хто-й-зна. Вони все сміються, кажуть. «бабськи выгадки». Вони заразъ дохторивъ кльчуть, а мы по простому—злыжешъ його, такъ и засне Я хотила сказаты Ганни Мыколаевни, та не смію, ще росердяться. А такъ жалко Володичкы, шо бидненьке такъ плаче.

Богодуловъ Харьковск губ М Н Гринченко 1899.

4. У новуи колыски годяться кота на почынъ положить, щобъ дьтя краще спало.

М Веркиевка Нѣжинск у Е Н Гаврилей

80. Щобъ довго не було дитей.

Якъ молода сидае на посади, то хай пидъ себе положить стилькы пальцивъ, скилькы рокивъ вона хоче, щобъ у нейи не було дитей.

Записала отъ Ганны Индачевой въ с. Выбляхъ Черниг уѣзд М. С.
Чудновская

81. Кумування.

Кумовью годяться переходить черезъ жаръ, якъ несутъ до хреста, щобъ одъ усього злого очыститься.

М. Веркиевка Нѣжинск у Е Н. Гаврилей

82. Змовленіе гада.

Насионской горѣ во Египетской Зимлѣ стоить Дубъ Евгимъ ивтомъ Дубу гниздо въ томъ гниздѣ гадюка сивилуха Гадюко сивилуха прикажы своимъ слу-

гамъ очеретянимъ, болотянимъ, стиповимъ, водянимъ камьянымъ ивсимъ находящимся пущай сію Ядь Розбырутъ. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи. «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народія», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ

83. Знахарка.

Раздѣвъ больную, врачъ увидѣлъ на ея шеѣ цѣлую связку талисмановъ.

— А это что?

— Да все-жъ «лики»: бабы давали.

Въ одномъ сверткѣ оказалась еще влажная лягушка, издававшая зловоніе, въ другомъ—иконка, въ третьемъ «выпыска», на которой карандашемъ было написано: «Рожденному, молитвенному, крещенному рабу Божию, помоги Господи! На морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ есть на камнѣ груша, на той грушѣ гнѣздище, а въ томъ гнѣздищѣ три царевны—Хивря, Вивря и Олипа. Хивря, Вивря и Олипа! И спеняйте, и стягайте по заповѣди моей, слуги вы мои...» и. т. д. Въ числѣ прочихъ амулетовъ былъ за паянный со всѣхъ сторонъ флакончикъ съ прозрачной жидкостью.

— Это для чего?

— Съ святыхъ мѣсть... странникъ даль... Носи, скажь, на шеѣ и, ежели вода убавится, умрешь, значить, а если нѣтъ—будешь жить.

Изъ газеты «Приазовскій край» перепечатано въ Киевлянинѣ 1897, № 212, а оттуда заимствовано нами

84. Позихання.

Якъ позихаешъ, то хресты ротъ, щобъ духы зли не нализлы.

М Веркиевка Нѣжинск. у Е. Н. Гаврилей.

85. Одъ вовкивъ.

Якъ оступлять вовкы чоловика, то треба назвать якого небудь умершого чоловика мення, чы родыча, чы знакомого, то й пидуть геть.

С. Напоровка Черниг. губ. П. С. Ефименко.

86. Щобъ плаваты гарно.

Якъ йисты цвилый хлибъ, то плаватымешъ гарно.
С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. 1885. Б. Д. Гринченко.

87. Спать лягаючы, промовляты.

За горами, за риками тамъ мы спать лягали. Матиръ Божа въ головахъ, Исусъ Хрыстосъ у ногахъ, ангелы хранители по бокахъ—хранять мою душу до самого ранку одъ ножа, одъ меча, одъ лыхого чоловика.

С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. 1885. Б. Д. Гринченко.

88. Щобъ не посердытыся, даючы.

Даючы кому голку, кольны його до крвы, щобъ не посердытыся.

С. Выбли Черниговск. у М. С. Чудновская

89. Любощи, сватання, весилля.

I. Прянымы зъ любощамы.

У насъ на храму уже звычайно хлопци купують дѣвкамъ прянѣкы. Ну, я брать брала, а іѣсты не іѣла. Возьму та небожатамъ або такъ дѣтямъ пороздаю.

— Чому жъ вы самы не йилы?

— Боюсе Думаю, що може вуонъ до бабы ходывъ, щобъ нашептала. Та ще якъ иззіѣмъ, то якъ прыйде свататы, то й нехотя пиду.

С Жеведь Черниговскаго у М Н Гринченко отъ дивчины 1899.

II. Щобъ хлопци вѣзлы.

Дивчатамъ годяться носыть завѣязаною въ кышени першу бубешку пивоны, щобъ хлопци вѣзлы.

М Веркиевка Нѣжинск у Е Н Гаврилей

III. Ворожиння на сонъ (за кого замижъ).

Треба на червоному пояси самою правою рукою завѣязаты тры вузлы, якъ лягаешъ спаты. Завѣязавшы першый вузлыкъ, прокажы: Узлыкъ вѣзжу, на сонъ закладаю, деньочки считаю: четвергъ за пѣтныцею, субота зъ недѣлею, понедѣлокъ зъ овторкомъ, а середа одыныця, то моя сестрыця, вона менѣ правду скаже. Уши чуйте, очи бачте, менѣ сповѣщайте: хто мене желае, той менѣ прыснуться.

Завѣязавшы другый вузлыкъ, каже те саме, тилькы кинчае такъ. кого я желаю, того я побачу. Третій вузлыкъ вѣязавшы—те саме, тилькы на кинци таки слова: зъ кѣмъ пудъ вѣнцомъ стану, той менѣ прыснуться.

С Осняки Черниговск у В В Полуботкова

IV. За якого выйдешъ замижъ.

На багату кутю треба питы, де ночують коровы и

заплющивши 'очи, простягты руки до коровы: якъ пападешъ за хвистъ, то пидешъ за багатого, якъ за рогы— за бидного, а якъ за спыну, чы за що инше--то за середного хазяйна.

Записала отъ Ив. Сапѣги, въ с Выбляль, Черниг у М С Чудновская.

V. Старосты.

У туй хати, де есть дивчата, годыться сидать за-разъ прышовшы, щобъ старосты сидалы.

М Веркиевка Нѣжинск. у. Е Н Гаврилей.

VI. Сватання.

Якъ парубокъ ниякъ не высватае соби дивкы, то треба питы до батюшки, попросыты пирога и зъ тымъ пирогомъ иты свататься,—буде удача.

Прийшовшы свататься, треба ступыть попереду правою ногою на поригъ, а правою рукою узяться за колочокъ и сказаты: йиду на судъ, йиду на ведмеди, гадыною поганяю, стою якъ овечка,—не мовте про мене ни словечка.

С. Выбли Черниговск. у М С. Чудновская.

VII. Весилля.

Годыться на весилли въ хати по куточкахъ повишати немолоченого жыта, щобъ молодымъ було жытте щаслыве.

М. Веркиевка Нѣжинскаго уѣзда. Е Н Гаврилей.

VIII. Щобъ зъ чоловікомъ зійтыся.

Щобъ исъ чоловікомъ зійтыся, треба питы до церкви, купыты дви свичкы, поставыты передъ царськымы вратамы, статы навколишкы и казаты: Во имъя Отця и Сына, одступыся, нечыста сыла, да вселься Духъ святыи и возлюбы насъ такъ, якъ насъ Богъ возлюблявъ, якъ

мы возлюбленно пудъ винцемъ стоялы, и якъ насъ ба-
тюшка благословлявъ, и на насъ винци надивавъ, щобъ
такъ мы й вику дожывалы у радости, веселосты и бла-
гословенно неосужденно.

И треба симъ разъ сказать: Господы, помылуй! Го-
споды, просты грихы мойи! Господы, благословы!

Черниговъ. М. Н. Гринченко 1900.

90. Варыво.

Якъ що варыво стане слызьке, треба його поми-
шать гарячою кочергою, або укынуть у дижку конопель
плоскуней.

Записала отъ Горпины, крест. с. Лукашевки Черниг у., М. С. Чуд-
новская.

91. Дижка.

1. Глянувши въ дижу, колы въ ній сходыть тисто,
треба безпреминно цмокнуть, щобъ хутній сходыло. Не
цмокнуть—грихъ.

С. Евминка Остерск у Г. С. Неводовскій.

Не можна лыты въ дижу окропу—дижа запарыться
и хлибъ не буде сходыть.

Славяносерб. у. Екатериносл. губ. М. Н. Гринченко 1892.

2. У чыстый четверть до сонця бабы выносять у
сины пекельну *) дижу, покрывають чыстою скатертю и
одна уже пытае: «Де це дижа?» А друга одказуе: «Пишла
говить.» Себъ то уже на те, щобъ дижа не портылась,
и щобъ бувъ смашный хлибъ.

С. Выбли, Черниг у М. С. Чудновская

*) Ту, що въ йій хлибъ печуть.

92. Одежа.

1. Щобъ плаття биле було—перы його на масныци, або якъ сады цвितуть.

2. Якъ надинешъ навыворотъ одежыну, — напастъ буде, а щобъ пройшла, — кынь на землю и тоди вже вдруге надивай.

Оба номера. М, Веркiевка Нѣжинскаго у Е Н Гаврилей.

93. Чы гарна на жыття хата.

Якъ закладають хату, то кладуть на туимъ мисци на нуичъ повернету сковороду, и якъ сковорода буде мокра, то жыття буде погане, а якъ суха, то гарне.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н Гаврилей

94. Щобъ у хати не велыся прусы, жуки, жабы.

1. Отъ якъ я въ своей сестры звела цыхъ *москалювъ (прус)*. Мени одна баба сказала, та не знаю, чы на смiѣхъ, чы й справди, шо такъ треба йихъ изводить. Ну, я такъ и зробыла. До сходуъ суонца набрала йихъ изъ добру жменю, высыпала въ постуоль и везу на рынокъ.

— Шо жъ то за рынокъ?

— То въ насъ у селiѣ такъ: одна вулыця туды пошла, а друга туды, а миждъ йимы такъ якъ бугоръ—ото зветься рынокъ, або ще ростанне. Такъ я везу йихъ, а сама собiѣ голошу: «Ой Боже муой, Боже муой!...» Такъ значыть баба менiѣ сказала. Вывезла на бугоръ и тамъ покынула съ постоломъ, а сама пошла не оглядаючысь. Такъ шо вы скажете? Не буольшъ. якъ недiѣль черезъ тры чысто всiѣ звельсе.

С. Жеведъ Черниг у, М Н Грявченко отъ дивчины

2. Прийшовшы зъ похорону, лапайся за комень,
або за прыпичокъ, щобъ жуки звельсь.

М Верхевка Нѣжинск. у Е Н Гаврилей

3. Щобъ у хати не було жабъ, треба у чыстый
четвергъ обмести хату виныкомъ.

С Выбли Черниговск у М С Чудновская

95. Огонь у хати и на поли.

I. Щобъ огонь горивъ.

— Оце въ васъ и доси въ груби не горыть? Вы огонь
постыдуйте, такъ и займеться.

— Якъ то огонь стыдовать?

— А отъ я заразъ: «Стыдно огню, шо дрова на верси!»
(каже голосно й зъ докоромъ).

— Отъ и не пособылося, и не займається.

— Треба дужшей: «Стыдно огню, шо дрова не верси!
Ай стыдно! Ай—яй якъ стыдно! Ай, шо то за вогонь,
шо дрова на верси! Ай стыдно!» О, бачыте—уже й зай-
нялосе.

М. Н. Гринченко. С. Жеведь Черниговск у 1899

II. Щобъ огонь горивъ.

Мы якъ пасемъ овечкы, такъ огонь кладемъ: мы
соби, а хлопци соби. Такъ мы въ хлопцивъ крадемъ
шобъ у насъ бильшыи бувъ, а то ще, й приказуемъ:

Горы, горы жарко!

Прийиде Захарко.

Самъ на кобыли,

Диты на лошатахъ,

Слугы на собакахъ.

Такъ и-и жарко горыть!

С Жеведь Черниговскаго у М. Н. Гринченко 1899

III. По огню воромыты.

Мы весною якъ пасемъ овечкы, такъ день такъ *истегається*.

— Якъ то *истегається*?

— Значить довгый дуже. Такъ мы огонь кладемъ и по огню визнаемъ, чы довго до вечора. Якъ биластый огонь, такъ швидко вечиръ, а якъ червонный, такъ нешвидко.

С Жеведь Черниговс. у. М. Н. Гринченко 1899

96. Скотына.

I. Щобъ пишло у руку.

Якъ купышь у кого яку скотыну, чы птыцю, та вона почынае хворить та марнить—не йде у руку, то треба, щобъ хто небудь изъ симъйи перекупывъ, щобъ скотына, значить перейшла, черезъ руки, и тоди вона поправыться и можпо буде розвесты. А то бувае така погана рука, що зроду нельзя ничего завесты.

Записала отъ Горпины Ермоленко изъ с. Лукашовки Черниг. у.
М. С. Чудновская.

II. Яна масть буде у руку.

Щобъ угадать, якои масти заводыть скотыну, коней, чы тамъ яку птыцю, треба, побачывшы уперше ластивку, пиднять зъ пидъ правойи ноги земли, высушыть ййи и тоди, розломывшы, знайдешъ тамъ волосыну. Якого цвиту буде волосына, такои масти и заводъ чы коней, чы що инше: буде добре вестысь.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. М. С. Чудновская. См. № 43 й этой книги.

III.

Якъ идешъ кумувать байстрыты-хлопця, такъ объ-

яжи по голому тилу обротъ, а дивчыну—такъ налыгать: скотъ у руку йтyme.

Якъ идешъ кумоватъ до дивкы, такъ кумови годьтсья пудвязатсья обротею по тилу, а куми налыгачемъ, щобъ скотъ водывсья.

IV.

Новитню скотыну загодовуй мишаныною зъ пашни—гладке буде й привыкне скоро.

V.

Выганяючы вперше скотыну на пашу, треба розо-слать поясъ у воротяхъ, зачепывшы середъ його замкну-тый замокъ, тоди й переганяй черезъ його скотыну, взяв-шы въ руки шматокъ стали, пугу й сятю воду и тоди вже махны трычи пугою й кропы сятюю водою; зробив-шы осе усе, не страшно щобъ скотына заблудыла, або ййи вкрадено, чы вовкъ изивь.

Уперве пастуху не годьтсья хлиба брать и ничего не йисты, щобъ циле лито скотъ уберигсья одъ вовкуивъ.

VI.

Якъ сохне и чавядіе людына, чы скотына—годьтсья, щобъ хто закупывъ и давъ задачи хочъ бы й шагъ—вы-людніе.

ММ III—VI записалъ въ м Веркiewкѣ Нѣжин у. Е. Н. Гаврилей.

97. Корова.

I.

Куплену корову обведы трычи въ хлеви кругомъ сохы, щобъ скорій привыкла.

М. Веркiewка Нѣживск. у. Е. Н. Гаврилей.

II. Щобъ у коровы прыбуло молоно.

Обвязавшы ниткою окраецъ хлиба, треба спустить його у колодезь, такъ, що якъ за ничъ прыбуде вода, щобъ винъ бувъ у яоди. Вранци вытягны сей хлибъ зъ колодезя и дай зсисти корови. Одъ сього у коровы побильшае молока.

III. Щобъ корова давала багато молона.

Якъ корова тильна першымъ телямъ, то на послиднихъ дняхъ треба повертить йй рога и положить туды ладану: буде давать багато молока.

IV. Якъ добувають гарну сметану.

Ты хочешъ мать такую сметану, якъ у мене? Добре, я тебе навчу якъ се зробить. Возьмы икону и уопивночь заходь по мене — Я такъ и зробила. Уопивночь узяла икону и прихожу. Повела вона мене на растаньки. — Поплюй же, каже, на икону и жды, та ничего не бйсь: заразь до тебе будуть приходять усяки звиры и гады. — Усе сее, хай мене Богъ простить, я зробила и бачыла, якъ стали пидходить велики табуны жабъ, гадюкъ, ящерокъ, усякихъ звирюкъ и птыць. Я дывылась и не пужалась, поky шось не загуркотило и не прйшли страшенни черты зъ рогами й съ хвостами. Я дуже злякалась, хопыла зъ пидъ себе икону и стала хреститься. Черты стали утикать и крычались: — А колы молышся Богу, то насъ не зовы! — Косы у мене стали дыбомъ, я не своимъ голосомъ стала крычать, звать ту жинку, що прывела мене сюды.

— Бачъ, каже жинка, якъ достається намъ гарна сметана. Мы й самы знаемъ, що грихъ, та не можемъ уже одкастаться одъ биса. — Писля такого страховыння я занедужала, пролежала цилый рикъ и чуть-чуть не умерла; та ще видно Богъ пустывъ душу на покаяние.

V.

Якъ несешъ молоко черезъ дорогу, то грошки посолы.

VI.

Якъ берешъ у кого молоко, то вылившы, вкынь у гладышку хлиба й солы.

VII. Направыты порчену корову.

У опивночь треба узять великый, якый хочешъ, щобъ корова давала молока. глекъ, набрать зъ колодезя воды и йдучы додому, штовхны глекомя першого, кого зустринешъ, бо то буде видьма. Такъ якъ зробишъ, порчена корова поправытся и буде багато давать молока.

VIII. Перелогы у коровы.

Треба даваты корови тры зори по тры жмени усякойи пашни. Тилькы якъ корови зроблено,—треба просить знахара, бо корова не буде сійи пашни фисты. №№ II—VIII записала М. С. Чудновская, изъ нихъ № II въ с. Лукашовкѣ Чернигов. у., №№ III—VI и VIII—въ с. Выбляхъ того же у., а № VII отъ крестьянина Курской губ. Рыльского у

IX. Зивленіе перелоговъ.

Литѣль орель сизокрилий дай сѣль наколючей груши якъ тую грушу нельзя безъ сѣкири срубаты безъ огня спалиты чтобъ такъ неможно перелогамъ жольтой косты червоной крови какой шерсти ломиты три раза въ одинъ Духъ. (Правописаніе подлинника).

Изъ рукописи «Примѣты Разныхъ примовъ Просто народа», сообщенной М. Л. Кропивницкимъ.

98. Кинь.

1. *Щобъ кони не рушылы зъ мисця.* Казавъ мени дядько въ Дивыци, шо якъ знайдешъ таки стручки, шо по девъять горохвынь, то тры такихъ стручка положи у визъ молодымъ и скажы: девъять четвертей гороху, десята невеста, щобъ не повезлы кони зъ миста—и кони зроду не повезуть. Я такъ разъ и зробыла. Коней пидъ молодыхъ такихъ страшенныхъ запреглы: такъ ажъ хропуть, та рють землю копытамы. Выведемъ, кажуть, йихъ зъ двору, щобъ ще молодыхъ не побылы. Сталы выводять, такъ ажъ дуга скрыпыть, такъ рвуться. Ну, думаю шо съ сього буде! Дрыжать кони, насылу молодойи посадалы. Посадалы, и кони утышылысь: Но, но!—та хочъ ты шо, не йдутъ кони; былы, былы, такъ трохи рвонулы, та й зновъ сталы. Пывылазылы тоди молодойи зъ саней, усе поскыдалы, и тоди вже кони такъ пошлы, шо ажъ страшко було. Съому правда, ось колы хочете и самы звирте. Такихъ стручкывъ по девъять горохвынь улитку можно багато найты, а слова си замитьте.

Записала отъ Орны Непомвящей, въ с. Выбляхъ Черниговскаго у.
М. С. Чудновская.

2. *Потною коня якъ напувашь.* Якъ пойишь потного коня, то треба сказать: Добрыдень, водыце-царыце! Богъ тебе создавъ, попъ светывъ и намъ пыть веливъ. Ты, скотынка, не опывайся и на себе не оглядайся, воронойи шерсти, воронойи масти.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск у. отъ Петра Муцкаго М. С.
Чудновская

99. Свыни.

1. Першымъ хрестовальныкамъ дають по пари яецъ, щобъ родылысь кабанци чысты, а не кишкунуы.

2. Щобъ не було икловъ, поросятамъ одкусують хвосты круузъ пелену.

3. Побачывши на поли въ жныва першы полукипокъ, вырвы въ його скуилько тамъ колоскуивъ и нмы загодуй кабана.

№№ 1—3 записаль въ м Веркевкѣ Нѣжин. у Е. Н. Гаврилей.

4. Щобъ поросять не хваталы вовкы, треба йимъ поодкусувать зубамы кинчыкы одъ хвостивъ да й поховать за пазуху.

М. Исаенко въ с. Голенкѣ, Конотопск. у.

100. Ягнята.

Пры кинци молотъбы, отдай снуипъ жыта овечкамъ, щобъ ягнята кучеряви родылся.

М Веркевка, Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

101. Гусенята да курчата.

1. Моя покуойна матка було якъ вылуплютьсе курчата, такъ забере йихъ у прыпуоль та й переносыть черезъ поруогъ сюды та туды—не знаю, чы шіѣсть, чы сіѣмъ разуовъ, щобъ вороны та коршака не хваталы. А гусенятокъ було якъ почне мучыть, такъ ажъ дывытьсе жалко. Заразъзапалыть страшну свіѣчку и прысмалюе йимъ голуовкы. Да прысмалыть, а тоди ще й капне. Господы, жалко дывытьсе! Тамъ же голуовочка така, що такъ наче до муозку й пропече. Тоди набере пуху съ кубла, де гуска сядіѣла и вербы святойи, а гусенягъ пудъ решето та тымъ пухомъ та вербою и пудкуруе. Такъ вони такіе стануть, якъ пьяные. И шо вы думаете? Не хваталы въ насъ вороны. Ну, та въ насъ, сказаты, й гусакы такіе булы злые, шо не дадутъ, бо мы йихъ перцемъ загодувалы.

С Жевель Черниг. у М. Н Гринченко отъ дивчины въ 1900 г.

2. Щобъ гусенятъ да курчатъ не хваталы шулякы, треба йимъ попрысмалювать страсною свичкою головки тоди, якъ повылушлюються.

М Исаенко. С. Голенка, Конотовск у.

102. Вджолы.

1. Пасика, се таке дило, що треба багато де чого знать, щобъ вельсь пчолы, щобъ получать зъ йихъ барышъ. Другый пасишныкъ якъ ходыть коло йихъ, а глядышъ, то рій утикъ, то нападъ, то гнылецъ, або зовсимъ пропадутъ зимою. А хто знае, то ничего сього не бойться. Отъ хоть бы мій батько, царство небесне, винъ усе знавъ, и яка въ його була пасика! Знимаючи роя, винъ каже, не светою водою треба побрызкати пчолы, а тїєю водою, що набрато у чыстый четверъ до схида сонця. А рій було зроду не втече: выйде, и якъ нема никого у пасици, сяде и дождыдае хазяйина; а одынъ разъ не було батька, а я ще не вмивъ ходыть коло пчоль, отъ ажъ тры ройи и втекло, не дождавшысь хазяйина.—Такъ и такъ, кажу, батьку, утекли ройи.—Ну, дарма, иды на схида сонця и дывысь, вони вернуться.—Пишовъ я, дывлюсь—летыть одынъ, другый, а потимъ и третій. Поприлеталы и посилы у пасици, тамъ батько йихъ и познимавъ.

Также знають пасишныкы и одъ напади, и одъ гныльця, и пчолы у йихъ добре ведуться.

2. Щобъ не було напади на бджолы, щобъ бджолы были злые и дужые, треба загодовать йихъ медомъ зъ перцемъ.

Записала оба номера отъ Хведора Новика въ с. Выбляхъ Черниговск.
у М С Чудновская

103. Садъ.

1. Щобъ добре родыла садовына, треба на голодну кутю обяызать дерева соломою.

С. Выбли Черниговск. у. М. С. Чудновская

2. На риздвяныхъ сяткахъ годыться до щедройи кутти смиття въ хати замитать пидъ покуть, а тоди обкурювать йимъ садъ и трусуть пидъ жодне дерево, щобъ хвыля не нивечыла й зрожай добры бувъ.

М. Веркиевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

104. Городъ.

1. Щобъ *гарбузы* булы солодки, треба посадыты у пичъ коржа, а тоди иты садыты гарбузы.

2. Щобъ було на гарбузахъ багато завези, треба попереvязувать йхъ тыма нытками, що попереvязувалы ковбасы.

3. У той день, якъ збираються садыть *цыбулю*, не можна сердыться и лаяться, а якъ идешъ садыть, треба поцилуваты чоловика, чы такъ кого, щобъ цыбуля була солодка.

№№ 1—3 въ с. Выбляхъ Черниговск. у. записала М. С. Чудновская

4. У насъ на Покрову де не пойды, такъ бабы зъ вѣнками бѣгають,—*цыбулю* черезъ огонь переводють, шобъ у стрѣлки не йшла. Оце запалють солому, да всѣ чысто вѣнки й попереvодють черезъ огонь.

С. Жеведь Черниговскаго у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

5. Щобъ *не йивъ червякъ* городыны, встромы въ городи зъ труны триску.

М. Веркиевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей

105. Поле.

1. *Щобъ у хлиби не було спору.* Одна жинка хотила, щобъ у ййи ворога та жыто не було спорне—щобъ то вже увесь споръ перейшовъ у ййи хлибъ. Отъ вона и посылае наймычку на ворогову ныву исказать таки й таки слова. Дивка полинылась иты на поле, та пидйшовшы до дуба и промовыла той заговоръ. Не вспила вона ще й додому вернуться,—якъ понесе зъ дуба лyste, та усе до сйи жинкы у двиръ,—такъ за яку годыну дубъ чысто и оголыло. Оттакъ бы було и зъ хлибомъ: чысто увесь споръ перейшовъ бы у хлибъ до сйи видьмы.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с. Выблячъ Черниговскаго у
М. С. Чудновская.

2. *Заговорыть споръ.* Колы хочешъ, щобъ у твого ворога не було спору у хлиби, тобъ то, якъ стане пекты, го щобъ хлиба выходыло не бильшъ нижъ муки, то треба на Юръя до сонця намиткою зобратъ на його жыти росу.

Записала отъ Ульяны Ключицкой въ с. Выблячъ Черниговск. у.
М. С. Чудновская.

3. Увесь ризвяный тыждень печуть хлибъ зъ несяного борошна, щобъ жыто родыло.

4. Щобъ бувъ гарный головныстый льонъ, треба у коробку, якъ сють, положыты двое вареныхъ яецъ.

5. Якъ забудешъ у печи хлибъ печучы, то не йижъ його—забудышъ, а якъ хочешъ повернуть його на корысть соби—обойды зъ нымъ до скидъ сонця трычи просо, чы конопли—птыця не нападе.

6. На куттю годыться пидкладать довгого сина на поути, щобъ льонъ высокы рись.

7. Щобъ горобци не пылы проса, треба, роздягышысь, трейчы оббигты круга того мисця, де посходыло просо.

№№ 3, 4 и 7 записала въ с. Выблячъ Черниговск у М. С. Чудновская, а №№ 5 и 6—въ м. Веркиевкѣ Нѣж у Е. Н. Гаврилей.

106. Щобъ дощъ ишовъ.

Пидъ засуху, щобъ дощъ ишовъ, вишай на тынъ
земляного рака.

М. Верклевка Нѣжин у Е. Н. Гаврилей.

107. Бычь на щипъ.

Молотныкы миряють дубынку на бычь корхамы й
приказують, переминаючи корхъ за корхомъ, такъ:—Ма-
гай-би!—Здоровъ! Чого ты прышовъ?—Дубынкы на бычь,—
позычь!— А покы?—Одпoty.—Одрубай!

М. Верклевка Нѣжин. у. Е. Н. Гаврилей.

108. Щобъ була удача.

Якъ хочешъ, щобъ гарно ловылась рыба, чы щобъ
побывать багато дычи, чы тамъ що инше, то якъ ска-
жуть на первый день Паскы: «Хрыстось Воскресь!»—ска-
жы: а у мене рыба, чы що друге, е.

Записала въ с. Выблякъ отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская.

109. Щобъ була удача на охоти.

На первый день празныка треба питы на кладовы-
ще зъ ружжомъ, и якъ тилькы уперше ударять у дзво-
на на утренью, треба выстрелыть. Якъ се зробишь, то
будешъ багато побывать дычныны.

Записала отъ Ул. Кялочипкой въ с. Выблякъ Черниговскаго у.

М. С. Чудновская.

110. Угадать, чы знайдеться пропажа.

Одрижъ видъ звона, що на звонци, шматокъ верьовки, укачай, розскубшы, у вискъ, и тоди сюю свичку поставъ у церкви догоры и примичай: якъ свичка згорыть уся, то й злодій прыбжыть и пропажа знайдеться.

Записала отъ Васыльны Шульгиной въ с Выблякъ Чернягов у.
М. С Чудновская

111. Злодѣви одъ суда спосибъ.

— Знаете, у насъ такъ кажуть, шо якъ оце горыть у печи або въ груби, и выскочыть вугиль, такъ його злодѣи ховають и якъ идуть на судъ, такъ изъ собою берутъ. Такъ, кажуть, хочъ який злодій, а выскочыть.

— А якъ же по вашому—це такы пособляе?

— Якъ справди попадеться, такъ лыха пособыть,—посыдыть увъ острози.

С. Жевель, Черниговск. у. Б. Д. Гринченко.

112. Изъ старой рукописи.

Ниженапечатанное представляетъ выписки изъ старой рукописи въ четвертушку, бывшей въ полотняномъ синемъ перепле ѣ. Осталась въ цѣлости только верхняя доска переплета, и нѣтъ поэтому возможности опредѣлить, не утраченъ-ли конецъ книжки; въ срединѣ же нѣкоторые листки цѣликомъ или частью вырѣзаны. Записи (малорусскія, отчасти церковно-славянскія и польскія) сдѣланы различными почерками. Главная часть рукописи озаглавлена: «Инструкци албо тежъ Способи Довшелякихъ писарскихъ Потребъ Информаци Доклади: всей книжки обрѣтаются Розмаитие». Внизу на лист-

кахъ этой части приписка: «Сия книга глаголемая Листовня Священного Иерея Даниела Родомъ слободки; Богушковой; Захариевича Попрозвиску Гирмана; и Братовъ его Демяна И мойсея; А сия списася вся вмѣртоводѣ наперевозѣ; взѣмовнику; Богомѣртоводскомѣ; Року ,а, ѱ, к.. (1720) мѣсяца` Декамѣврия;..... рукою его». Это ничто иное, какъ собраніе различныхъ шаблонныхъ формъ (до 40), по которымъ въ то время писались официальные бумаги. Оригиналъ, съ котораго списывалъ іерей Даниилъ Захаріевичъ Гирманъ, былъ, однако, старѣе 1720 года, такъ какъ въ первомъ номерѣ образцевъ («Листъ Подорожній Которій якимъ Способомъ пишеться») стоитъ фраза: « Подреементомъ Ясне Велможнаго Его Милости, Пана Івана Ілѣча с(к)оропадскаго, обоихъ сторонъ днепра; *ново избраннаго* Гетмана». Къ этой основной тетради кто-то прибавилъ меньшія тетрадки, даже отдѣльные листки, писанные иными лицами, и переплелъ все въ одинъ переплетъ. Въ добавочныхъ частяхъ заключаются, кромѣ всякихъ пробъ пера и чернила, такіе-же образчики, какъ и въ основной части, «лекціи зписма святого», нѣсколько польскихъ стихотвореній и образцевъ писемъ, различныя замѣтки (записи дней рожденія и смерти дѣтей, отрывки, повидимому, черновиковъ проповѣдей и пр.), нѣсколько стихотворныхъ «Нарождество Христово орацїи», «на воскресеніе Христово повѣншованіе», «суплѣка навеселье» и затѣмъ то, что напечатано ниже.

Печатаемое находится въ рукописи не вмѣстѣ, но записано въ разныхъ мѣстахъ, прерывается иными записями. Мы печатаемъ все въ такомъ порядкѣ, въ какомъ оно стоитъ въ рукописи, опуская «орацїи» и всякія замѣтки, относящія къ инымъ предметамъ,

Вслѣдствіе ограниченности средствъ типографіи нельзя было не только сохранить церковно-славянской азбуки, но пришлось раскрыть и титла. За этимъ исклю-

ченіемъ мы старались точно передать всѣ подробности рукописи. Если случалось иногда вставить пропущенную переписчикомъ букву, то каждая такая буква стоитъ у насъ въ скобкахъ.

Рукопись сообщилъ намъ И. М. Руденко.

**Оне Оказанне Опчелахъ Любото отовятаго зосима чома
не знаю;**

Сказаніе И наука; Насвятї вечеръ Рождественскї. Потреба достати Риби шуки Изробити ей отрѣзати голову албо иной Риби аби зикроу толко щобъ била живая вибери знеи икру исховай исушивши Іякъ будешъ пчели годовати, Розотри тую икру измѣшай змедомъ ичебрецемъ, изборсуковимъ саломъ, и мало потрусить Ледовою солгю, и тое даючимъ мовить, Якъ риба тая по водѣ гуляетъ, албо вморѣ или врѣкахъ, плодна иродна, и весела, божимъ повеленіемъ исвятаго Зосима аминь; такъ би мой пчели весели били. Сврида и врида; замолитвами Святаго Зосима;

Насвятї богоявленскї вечеръ якъ святитимуть воду возми жъ тоей води наперед, и мовить такъ, якъ до тоей води т(о)вплятся люде з(о)хотоу веселячись, та(къ) би мой пчели радовались и веселились испасѣки у поле по роботу идучи, а исполя допасѣки, абимоцни й здорови, Забожиею помощію, и замолитвами Святаго Зосима; потреба мовити я(къ) безтоей води Люде не могутъ обитися такби мой пчели от моеї пасѣки немогли нѣгде отїти, толко абися множили Ройли и плодили, Замол(и)твами пречисто богородици исвятаго отца Зосима, И тую воду отроку дороку упасѣцѣ своеї держати; а на кажды урочитїй празникъ тоєю водою окропляти;

А коли будешъ випускати пчели, насвятаго Алексѣя Человѣка божия то посеред пасѣки викопай дернину малую и обнеси пасѣку тоєю дерниною трижди; Затре-

тимъ же разомъ притикай тую дернину до каждого улья и мовь такъ, якъ тая земля не можетъся рушити Истого мѣста и мисли тоей немаеть; такъ би от моей пасѣки нѣгде розно немислили ити рой и парой *), от мене Господаря своего през божие повеление и за молитва ми святаго Зосима, И положи тотъ дернокъ Где его викопавъ и приби приколнемъ найденимъ тимъ що конь припинають—А когда будешъ выпускати то пускай скрозъ щучую Голову; и мовить такъ якъ тая Рыба вморѣ гуляеть буетъ Родна и плодна и весела, такъ би мой пчели Гуляли буяли и били весели,—плодни и родни, якъ щуки Рибѣ вшелякая Рыба боиться, и лякаеться такъби и отъ мойхъ пчолъ, чужие пчоли лякали и моцне втѣкали, молитва ми Святаго Зосима;

А коли будешъ выпускати то возми огню на вущо положи ладану цвѣту житнаго; акъ упершое побачишь та нарвешъ тотудажъ изладаномъ искин и рибячую икру тую що на святи вечер заховаешъ и покади каждый ульѣй, И мовь Господи Боже приди мнѣ напомощъ, и вси святи помогите мнѣ тактеж молитва ми святаго Зосима; а васъ пчели выпускаю на вшелякѣй цвѣтъ от бога даннѣй, идѣте божимъ повелениемъ начотири штуки; свѣта сего; аби есте Гуляли Зродостию молитвамъ святаго Зосима Амин: Аще Хладно будетъ насвятаго Алексея виставляти пчолъ то влѣзши впогребъ поворушити мало, каж каждый ульѣй и мовити божиею Помощию святаго зосима нуте пчели Роботу зачинайте бо уже часъ намъ пришолъ, зачинати дѣло богу на офѣру и мнѣ на пожитокъ;

На Благовѣщение когда дадутъ Просфору всенощную то принести до пасѣки тактеж и оливи естественния, И мазати ульѣй **) Господи Боже когда благовѣствовал Архангель дѣвѣ зачатие, и зачатъ предвѣчное слово

*) Т. е. ройи и паройи. Рукопись не различает И отъ ИИ и въ обоихъ случаяхъ ставитъ надъ И одинъ и тотъ-же значекъ

**) Т. е.—ульѣйи

такъ благослови и моймъ пчеламъ зачати дѣло робити, начастй рой (*) на густй меди; от влаги земной и от роси небесной и от всѣхъ зель цвѣтушихъ; и держи тую проскуру у пасѣцѣ, и на великден освяти медъ, и коли будешъ Загодововати то давай тотъ медъ для врокувъ I для зносу;

На воскресение что возьмешъ дари, и аргуса то тое сушити и ростерши пчеламъ давати; и мовити я(къ) тиснулися люде до дари и артоса так би тиснулися до моей пасѣки пчели и рой; божиею помощию и молитвами Святаго Зосима; Аминъ;

Когда по бачишъ перше цвѣтъ нажитѣ то на брати вплатъ, и держати; Когда купишъ у кого Пчели то нахилившисъ Заглянь внихъ и возми трема персти Землѣ и кинь наних навхрестъ, я не з(е)млю то беру. но беру себѣ спчела ми Рой и парой (***) до своей пасѣки; божиею Помощию И молитва ми Святаго Зосима Заего Святыми Молитва ми Спаси нас Аминъ Конецъ.

Аще ехидна кого угрызеть: и хто тебѣ искажетъ тоистого мѣсця нейди; и непоступи; кажи води принести; и сие трижди измовъ; дай напитись и рану омити;

На полѣ на потоцѣ стойтъ дубъ крѣсловати, А(на) томъ думѣ гнѣздо золотое крѣсло; аутумъ Гнѣздѣ сидитъ гадина царица черница; и приходила до ней лютая половая Гадина; и прохала ей; Гадино царице чернице ходи до мене вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона ей не послухала и не пошла и я Рабъ Божій; имя рекъ: пришовъ до ней и ставъ ей прохати Гадино царице Чернице Ходи до ме(не) вимовляти и вишѣптовати отъ кузя зуба; и вона мене послухала и пошла; и тая Гадина Котора шкоду учинила; Рабу; или статьячнѣ ткой масти] то нехай бѣжитъ доакиян моря Где Собѣ право Знайдеть, тамъ ей хвустъ понерестѣю отпадеть;

(*) Т. е. на частыйи ройи—см примѣчане выше

(**) Т. е. ройи и паройи.

А сей Рабъ Божій Где води напеться та(мъ) ему 'и мнеться (другими чернилами:) скоропаха; путиха домаха;

Аще перелогѣ Ю(н)я нападуть; то трижди мовь такъ;

Ишовь Господъ Богъ моремъ золотимъ мостомъ
Стрѣвъ потокъ; мару покусу Згинь маро покусо; ставь
Господъ Богъ судій судити; Господу Богу нагавицѣ
судьямъ Рукавицѣ; а чорту перелогѣ; через божое Рос-
казане возми ти чорте свой перелогѣ отрижой; отъбѣ-
лой кости и пуди намхи на болота Где и голос христи-
янский незаходитъ; И потягти трижди зачолку; и за
фостъ; и по боках ницъ рукою ударити; трижди по
трижди:

Кровь человекѣвои замовляти;

Е вморѣ шука та врѣжу пупа та кровь не пуйде]
—Цмокни трижди пучки стуливши: Палцей трехъ догори
своей руки;

Черви вишѣштовати; учеловѣка;

Ишовь святой Адамъ несъ четверть мяса А второй четвер-
ти тридевять червяковъ; не одинъ; недва; нетри нечтири;
непяты; нешѣсть: несѣмъ; неосмъ; недевяты; трижди такъ
мовь Заеднимъ духомъ;

Кровь опять; замовляти и такъ;

Ехавъ Святой Юрей истрема хортами Кривѣ замов-
ляти, а тѣ *) хорти кривѣ хлелпати; кон ставь и онъ
ставь, хорти стали и кровь стала; И се трижди Заед-
нимъ духомъ;

Аще нориця у коня Ежели есть Тжаби сѣкти тие
що у погребѣ и класти до тих ран и еще зѣлемъ

*) Т. е. тѣи.

засипати, тимъ що нашталятъ бедринцю; или муравею Парити И тие рани промивати;

Лѣкарство отатчинѣ;

Ящерицѣ палити и ока засипати; аще есть бѣльмо; то гадячее Линовище терти; та засипатъ

Зѣлье Старовина аще дитя накричитъ луно то тое класти, варивши И окладати;

Аще кого утроба животъ возметъ то потреба Горѣлки Ладану Галуну, И тое у невеликій Горщикъ И вхлѣбъ Замазати та уже Пяти натѣще

Аще у кого волосъ есть то потреба шукати по долинкахъ зѣлье есть, коло краю зубчики, а оно нашталятъ буквицѣ толко трохи круглѣшее; *)

Аще гостецъ уротѣ псуеть; то потреба Сапарину напродь утерти, А потомъ мишаку; Селемоняку; Маркурь; бѣлила того шо жонки малюются; А иктимъ теди речамъ есть Зѣля и тое Зѣлье противку тихъ усе удвое потреба давати; испатокою измѣшавши; и павутини потреба умѣшовати; и шванокъ тотъ шмаровати; Опять ялового Репяха; и потреба варити противъ каждой суботи; идосходъ слонца напиватися и голову банити: а у борщъ варити;

Вѣльмо у коня albo у вола:

То знайшедши пчоль Спалити и тимъ засипати; Аще непородитъ яка невѣста оттрочати то треба коколю, и курит, albo мови тие слова.... **)

Отфрибрибри, виписовать на просфурѣ, небеснихъ войнствѣ, albo тропар аверкию, и кондакъ albo соборѣ

*) Затѣмъ слѣдуетъ маленький рисунокъ двухъ листиковъ съ «зубчиками».

**) Нѣсколько словъ выцвѣло и неравобрано.

святи аггелъ; и тою просфору подкраи подложити подъ
антимисъ наслужбѣ

Гнилецъ замовити;

Камень синій Галунъ, перец, Гвоздики, Инбѣръ,
полинъ, и тое докупи змѣшати, и засипати,

Гостецъ

Кропива, шавей великій, Борщъ уваривши на одномъ
мѣсцу держати, и тое подъ трема топливами варити,
и пити;

тактежъ и полуничникъ, по(дъ) трема топливами,
варити, аще гостецъ уротѣ плуеть; *)

аще естъ рана ножная,

Петровъ батогъ корѣня, товкти, любо иссметаномъ,
любо масть робити

Гостецъ аще ломить кооть

Вербу тую которую вѣтеръ албо громъ вивалить
то того Голъя нарѣз(а)ти и варити моцне; мѣсяця под-
повня; такъ тежъ и насходѣ; и паритис втомъ;

и то водѣ гостцу

Зозулѣ забити и варити иссереди начетверъ и до-
сходъ слонца исти, также мѣсяця подповня и насходѣ;
Конямъ вудкашлю давати коренъ отмановъ увоброцѣ;
Сверщокъ у ухо когда улѣзетъ то чорнаго кота

*) Слѣдуетъ *псуеть*. Затѣмъ здѣсь повторено средство отъ
гостця упомянутое выше («Сапарину» etc).

давяти щобъ умочився и тое пересолити и взявши *)
сипати у вухо и то наскоромъ часѣ;

Аще укого францѣ;

Потреба меркурій перше у подлой горѣвцѣ; и то по малой части терти а потомъ удоброй поболше удуху великомъ; мазатис; а пити так треба якъ поболше макового зерна утросе: яр палити; и минѣю не палячи галун палити: и тое укупу усилавши пити угорѣлцѣ

аще жона не погодуе дитяти, то воробинаго проса треба и тое пити..... той хлѣбъ що..... **)

Аще укого Зуби болять; То ивину Рубати; и ивернѣ тие варити, и тоєю юшкою парити зуби; албо насѣнѣя блекоти увоскъ мѣшати; и свѣчку исукать скрозъ цѣвку смоктати

Отрушницѣ отмовляти;

на чорномъ морѣ Стоить чорнй паколъ, а начорномъ паколѣ сидить чорнй ворон, носомъ откловуе крилами отбивае; а ногами отгрѣбае, хвостомъ откивуе, вроки врочища очи очища; очи сѣрие: очи бѣлие очи карие; очи чорние, и ненавистние, Слѣпие, отмоей слоти; вроки, чловѣчие, жоночие, удовиние, парубочие, дѣвочие; хлопячие, дивчачие; отмоей слоти;

*) Слѣдуетъ *взявши*.

**) Не разобрано, такъ какъ выпѣвли чернила.

IV.

О сверхъестественныхъ существахъ.

113. Чорта не страшно.

— Оларко, чого вы дужче бойтеся: чорта, чы русалкы?

— Чого жъ його чорта бояться? Одъ чорта перехрестывся, то винъ ничого й не зробить, а русалка якъ, попаде, то й до смерты залоскоче. Я чорта зогласна зустриты, а русалку ни.

— А кого страшнише зустриты: чорта, чы видьму?

— Хто його зна: одъ чорта хрестъ е, а видьма якъ сяде на плечи, то возытymesъ, покы схоче.

С. Жевель, Черниг у Отъ дивчины. Б. Д. Гринченко 1900.

114. Чортъ конемъ.

Устя та Олена пошлы ловыть бродныкомъ рыбу. Дывляться—ажъ коло ричкы стойить высокый, сирый кинь. Олена була баба смила,—пидійшла до коня, та рукою його по крыжахъ: рука ййи такъ и угрузла. Догадалась тоди Олена, що се за кинь, та давай гукать на Устю, щобъ скоришъ уतिकать, а то винъ, каже, нась дотопыть у рици. Кынулысь вони уतिकать, а вода якъ

вагуде, наче гримъ. Одбиглы воны геть одъ воды, Олена и каже:

— Ну, теперь не боюсь—не утопышь.

А кинь обизався:

— Щаслыви, що втеклы, а то бъ знали якъ мене по крыжахъ быть.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг у. отъ Р. Поляницы, М. С.
Чудновская

115. Чортъ панычѣмъ на пасици.

Ночувавъ я одного разу у пасици. Ничь була темна. Зибралась гроза. Гримъ потроху починавъ гуркотить, блискавка де-не-где мыгала. А потимъ якъ блисне, такъ и освитыла вкруга, хочъ голкы збирай. Дывлюсь,—коло мене панычъ, якъ есть справжній панычъ: и зъ золотымы кгудзыкамы, и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Що воно за таке, думаю, видкиля винъ узився? Тутъ уже и дощъ ставъ накрапать.

— Бувайте, кажу, здорови, суньтесь пидъ свытку.

Тилькы що я сее промовывъ, зновъ якъ блисне! Теперь я уже зовсимъ розглядивъ паныча, що сидивъ биля мене: винъ бувъ дуже худый и дуже чорный, такый чорный, якъ земля. На йому бувъ сиренькый каптанецъ зъ золотымы кгудзыкамы и зъ золотымы латочкамы на плечахъ. Не вспивъ панычъ до мене посунуться, якъ загуркотыть гримъ, я перехрестывся и дывлюсь туды, де сидивъ панычъ, а його и следъ простывъ. Сказано сатана, бойиться хреста.

Записала отъ Хведора Новика въ с. Выбляхъ, Черниг у. М. С.
Чудновская.

116. Нечысты́й на кони.

Прыйшлось мени разъ побачыць, якъ нечысты́й
йіхавъ на кони. Бувъ я на ночлизи. Дывлюсь, ажъ
йіде на высокімъ сиримъ кони; кинь такі́й ажъ білы́й,
та такъ и зихотыць, наче увесь у огни. Проскакавъ вінъ
мымо насъ, а тоди зъ кручи у Десну.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у отъ Петра Муцкаго М. С.
Чудновская.

117. Нечыста сыла йіде (на велосипедахъ).

Прыйіхалы мы пизно на ночлигъ, посадалы у кру-
та и сыдымо, колы звеныць. Дывымось, ажъ йідуть два
на тыхъ машынкахъ, що на двоухъ колесцахъ. Держаться
рукамы за правыла, коло рукъ телипаються били шыро-
ки рукава, и десь звоночки бряжчать. Не знаю и що
воно таке було, выдно манея яка, або нечыста сыла, та
йіде жъ такъ скоро, тилькы зъ мордъ у йіхъ искры
сыплються. Пройіхалы воны кризь насъ по трави, а тоди
такъ прямо зъ кручи у Десну—и пошлы по води. Се я
свойимы очыма бачывъ и такъ налякався, що Господы!
Хоча се мени и не вперше приходыться бачыць.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у отъ Петра Муцкаго, М. С.
Чудновская

118. Нечыста сыла голосыць.

Чоловикъ зъ сорокъ хлопцівъ було насъ на ноч-
лизи. Тилькы що мы розложилы огонь и посилы у кру-

га дожыдать вечери, щось якъ спугне нашихъ коней, кони видъ насъ—куды видно. Бигалы, бигалы, а потимъ и прыбиглы до насъ табуномъ, мовъ йихъ хто видтиль гнавъ. Прыгнало коней, а тоди щось якъ заголосыть; голосыть и прыказуе:

— На шо жъ мене маты породыла?

А потимъ давай стукать объ пень, наче молоткомъ. Такой насъ ошанувъ страхъ, шо не знаю, якъ мы посадали на коней и втекли зъ того миста. Се мы попали въ недобре мисто, де гуляе нечыста сыла.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг у, отъ Р Поляницы. М. С.
Чудновская

119. Нечыстый просыть перевозу.

Ловылы разъ уночи наши бабы рыбу, тягнуть бредня, ажъ на тимъ боци хтось крыкнувъ, просыть перевозу. Глянули воны—стойить щось высоке: мовъ чоловікъ у чоботяхъ зъ довгымы халявами.

— А куды вамъ,—спыталы бабы,—и хто вы?

— Я,—каже,—пепа и треба мени до П—ча.

Якъ почулы бабы, шо йому до П—ча, то булы чысто повмиралы на мисти. Кажуть же, шо до сього чоловіка змій носыть гроши, и наша баба бачыла, якъ надъ його хатою пролетило щось блыскуче. Кынулы воны и бродныкъ, и рыбу та задыхавшысь попрыбигалы додому.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг у отъ Ивана Ревки М. С.
Чудновская.

120. Нечыста сыла несе гроши.

I.

Передъ смеркомъ мы гналы додому коней. Йихало насъ чымало хлопцивъ, и уси мы бачылы, що передъ нами пролетило красне довге полотно, а искры далеко видъ його такъ и сыплються. Хлопци, котріе бачылы сее, казалы, шо се нечыста сыла до когось несе гроши.

Записала въ Выбляхъ, Черн у отъ Андрея Шульги М С Чудновская.

II.

Жывъ у с. Муравейци бидный чоловикъ, а потимъ той чоловикъ усе багатіе, та й багатіе. Ну, звисно, людямъ и цикаво—видкиля у бидного чоловика берутся гроши? И стали примичать, шо уночи и летыть щось до бидного у двирь—чысто якъ индыкъ, тилькы безъ головы, та дуже блыскуче, з-за пиргя усе наче искры сыплються. А разъ такъ люде пидслухалы, якъ той индыкъ прылетивъ и пытае у того чоловика Петра:

— А шо, багато вже я тоби наносывъ?

А той и каже:

— Та вже чымало, та ще бъ треба мени хоча зъ тысячу.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у отъ Петра Курильца. М С Чудновская. См. №№ 2—7 этой книги.

121. Чортъ лякае на ночлигахъ.

Бувъ я на ночлизи недалеко коло пасикы и ночувавъ зъ дидомъ пасишныкомъ коло будкы. Тилькы шо я ставъ засыпать, колы щось стогне пидъ будкою и каже:

— Я одно, та васъ подавлю.

А потимъ стало ворочать будку.

— Що се,—пытаю у диди,—а морозъ такъ у мене и ходыть по шкури.

Мовчыть дидъ, тилькы чытае молитвы, а воно такъ гуде, такъ гуде, що ажъ деревья стогнуть. Погуло такъ трохы и не стало. Що тоди мы зъ дидомъ полякалысь!

Записала въ Выблячъ, Черниг у. отъ Петра Муцкаго. М. С.
Чудновская.

122. Чортъ коней ганяе на ночлигахъ.

Тамъ *) увечери не можна довго побуть, — дуже сумно покажется, и холодъ пиде по'всьому тили,—звисно вже нечыста сыла тамъ е. Разъ ночовалы тамъ ночлижники, коней увялы та й позагоньлы у Городокъ, а самы полягали на валу, тамъ, де мовъ ворота зроблени. Отъ уночи якъ посхоплюються кони, якъ почнуть гасать по Городку, мовъ йихъ що ганяе, ажъ земля стугоныть, да ледви къ свиту вже пересталы; дакъ тоди вже годи тамъ коней пасты,—нехай йому всячына.

С Голенка, Конотопск. у., Черниг. губ. М. Исаенко

123. Нечыста сыла возыла.

У п'ятницю проты Велькойи суботы, пишовъ я зъ ружожемъ на поле, бачу йиде карета шестерыкомъ. Дойихалы, зупынылыся.

*) Рѣчь идеть о крѣпости въ с. Голенкѣ, Конотопск у. Черниг. губ., называемой *Городокъ* и оставшейся отъ шведовъ.

— Якъ намъ,—пытають паны,—дойхать до парому?

Я росказавъ, що першъ держить прямо, ажъ поки буде дви дороги, тоди повернете управо, а тоди зновъ прямо, а тамъ буде уливо.

— Нѣ,—кажуть,—такъ не найдемо, сидай та проведы насъ, мы тоби заплотымъ.

Сивъ я коло кучера и пойихалы. Дойизжаемъ до порому, я злизъ, а воны зйихалы на поромъ; гроши оддалы и подякувалы. Ставъ я коло Десны на кручи и закуривъ люльку, и якъ закуривъ, то неначе у мене очи одкрылысь: дывлюсь—я не коло Десны, а у якимсь незнакомимъ сели, сежу пидъ хатою. Роспытуюсь, колы я бильшъ якъ за трыдцять верстъ одъ Выбель у Холявыни сежу пидъ шынкомъ, Такъ отъ якъ завезла мене нечыста сыла, та й не розплатылась за се якъ слидъ: лапнувъ я за кышеню, ажъ у мене не гроши, а черепъя. Насылу вже я на первый день празныка дйшовъ додому.

Записала отъ диды Коляньки, въ с. Выбляхъ, Черниг. у М С Чудновская

124. Чортъ лякае дитей, бо йихъ маты зналася зъ йимъ.

Умерла одна моя родычка. Кажуть, що вона зналася зъ нечыстымъ, отъ теперъ нечыстый и ходыть пужать ййи дитей. Звисно, душа ййи не може прыйти, бо якъ ховають, то душу заклынають, а бисъ може.

Отъ, якъ умерла вона, то й стало уночи чути, що наче хтось ходыть по хати у постоляхъ и помалу стукотыть, або пыщыть. А то одну ничъ старшого сына не було дома, невестка и диверь полягали спать. Не вспилы ще воны заснуть, якъ на покути щось запыщыть,

а потимъ затупотыть, та й давай изъ комена кыдать на ихъ почынки, а воны поляглы на печи.

— Якый се чортъ тутъ кыдається?—крыкнула невестка.

Тоди воно ще бильшъ затупотило и лынуло на ихъ сыроваткы: молодыци такъ чысто и зальло очи, а хлопцю попало на рукавъ. Палылы воны свитло, дывылись усюды—и нема ничего, а якъ тилькы потушать, такъ зновъ и почынае и свыстыть, и стукотыть, и замкомъ брязкае. Посвятылы оце воны хату, не знаю, чы буде й ще нечыста сыла до ихъ прыходыть, чы ни.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С. Чудновская.

125. Чортъ до молодыци ходыть ййи чоловикомъ.

Одна молодыца йшла полемъ и знайшла клубокъ усякыхъ стьожокъ и зъ тые noci ставъ до нейи ходыть нечыстый, зробывшысь чоловикомъ. Першъ вона думала, що се ййи чоловикъ прыйизжае зъ ночлигу, а потимъ распыталысь,—ни, не винъ. Знахарка и нараяла ййи систи у опивночь, колы винъ саме прыходывъ, на порози, чесать голову и йисты конопляне симъе, а якъ спытае, що вона йистъ, то щобъ сказала, що тее, що вычисуе зъ головы. Вона такъ и зробыла. Отъ у опивночь щось загуло, зашумило, и уходыть у сины чорный, якъ земля, чоловикъ.

— А що ты, каже, йисы?

— Казюку,—каже молодыца.

Винъ тоди якъ росердытьса, та якъ почне плювать, такъ чысто ййи усю и обплювавъ, а самъ зъ хаты и загувъ... зъ того часу уже бильшъ и не прыходывъ.

Записала въ с. Выбляхъ, Черниг. у. отъ Хведоры Непомнящей
М С Чудновская.

126. Чортъ однявъ дытыну.

Пошла разъ жинка у плавлю ламать калыну, за ею увезалась и дивчынка ййи, годковъ трохъ. Бачыть жинка, що пидходятъ до ейи таки красыви панычи; тилькы прыдывылась баба, а у йихъ рижкы и хвостыкы. Господы, думаетъ баба, се жъ нечыста сыла, а не панычи, а утекаты никуды. Вырвалы воны у жинкы сылоу дытыну, а ййи дали у руки деркачъ и головешку.

Прошло зъ того часу багато рокивъ, а про дивчынку нема й чуткы. За селомъ стояла пуста хата, що ночи стало у тй хати свитыться. Хочеться людемъ побачыты, що робыться у хати, та тилько уси бояться туды пидйты.

— А шо,—каже сынъ тйейи бабы, що ходыла по калыну,—купыте пивкварты—пиду побачу, що у хати.

Люде помились купыть йому пивкварты, и винъ пишовъ. Глянувъ хлопецъ у викно и ажъ морозъ пишовъ по за шкурою: у хати сыдила дивка и пряла; винъ угадавъ свою сестру, що забрала нечыста сыла. Якъ бы, думаетъ хлопецъ, мени ййи вызволыть видъ чортей? Уходыть у хату, поздрастувавсь, та не довго думачы:

— Я хочу, дивчыно, узять тебе за себе.

— Добре,—каже дивка,—та треба позвать попа, та посвятыть сюю хату.

Побигъ братъ, прывивъ попа, и якъ посвятылы, то де воно усе и дилось першъ загуло, а потимъ и провалылось скрызъ землю. Стоять попъ зъ парубкомъ, та тилькы дывуються, що творыть нечыстый

Записала въ с Выбляхъ, Черниг у. отъ Петра Муцкаго М. С
Чудновская

127. Парубокъ гравъ чортамъ.

— Кажуть, шо нема чортуовъ, а вони такы есть.

— Ну, де жъ вони есть?

— Та и въ нашоумъ селѣ. Отъ у однойи жуонкы сынъ на скрыпку гравъ. Ну, прийшовъ разъ пьяный да й каже матщѣ:

— Я пойду гратъ.

— Та куды жъ ты пойдешъ?

— Онъ до тыхъ двоухъ парубкуовъ, — вони мене клычуть.

Ну, пойшовъ да й гравъ усю нуочь, а парубкы й дѣвкы скачуть. А вранціѣ глянувъ, ажъ уже никого нема, а вуонъ сыдыть у болоти на купшыку. Ну, кому жъ то вуонъ гравъ? Звіѣсно, чортамъ, бо вони ходють по свѣту парубкамы, а чортыци дѣвкамы.

С Жевель, Черниговск у., М. Н. Гринченко отъ дивчины 1899.

128. Чортъ платыть за танци.

Икразъ проты первого дня Паскы пишовъ одынъ чоловикъ на лугъ. Иде соби. Доходыть до болота, ажъ мижъ купама стойить скрыня зъ грошыма, а коло скрынни нечыстый и грае у скрыпку. Чоловикъ бувъ не боязкый, ставъ та й дывыться. Гравъ, гравъ нечыстый, та й каже:

— Скачы, я тоби дамъ грошей.

И давай чоловикъ скакаты Скакавъ, ажъ покы завальвсь на мисти. Давъ тоди бисъ чоловику грошей, и винъ розбагативъ.

Записала въ Черниг у отъ Андрея Чечни М С Чудновская

129. Чортъ ченцемъ частуе чоловіка.

На Юрѣя пишовъ я поглядить жыта Було ще рано, и до церкви не дзвонили Иду я та иду, колы здоганяе мене знакомый чернець. Поздрастувалысь, идемо удвохъ, балакаемъ.

— Сядьмо,—каже,—оддышымо.

Посидали. Выйнявъ винъ изъ кышени пляшку горилки, чарку и бублыкивъ:

Що,—каже,—мо выпьемъ?

— Та воно бь,—к: жу,—чому не выпить, та ще рано: спасыби, не хочу.

А винъ, проклятый, держыть чарку передъ очыма, та такъ пыльно на мене дывыться. Ну, звисно, чы дорого сатани скусыть чоловіка?—скусывъ и мене гришного. Узявъ я видъ його чарку, положивъ коло себе бублыка и ставъ хрестыться. Перехрестывсь, гляжу на чарку, а вмисто чаркы у руци ломачка, а вмисто бублыка таке, що и казати не хочу. Самъ же чернець якъ кризь землю провалывся.

Записала въ с Выблякъ Черниг. у. отъ Мих Новика М С.
Чудновская. 1898.

130. Чортыщи частують чоловіка.

Иде разъ чоловікъ и бачыть, що знаиоми бабы сядять и любенько соби выпывають и закусюють. Чого вони, думае, туть зибралысь угощаться? А вони и його гукають:

— Иды,—кажуть,—Мытрохване, зъ нами выпьешъ.

Винъ пидйшовъ. Налылы вони йому чарку, пидносять. Узявъ чоловікъ чарку и перехрестывсь. Перехрестывсь—колы уже ничего й нема.

Записала въ д Гусавкѣ, Черниг у. отъ бабы Мавры М С.
Чудновская 1898

131. Чортъ та русалкы частують чоловика.

Вранци у недилю пишовъ одинъ чоловикъ погледить жыта. Иде соби помалу, ажъ доганяе його якийсь чоловикъ у червоныхъ чоботяхъ, а самъ такой страшный: чорный, та ще зъ красными очыма. Ставъ той страшный чоловикъ чогось пытать, и пишлы поручъ. Увійшлы у жыта, и бачыть хазяйинъ, що у жыти стыйть стилъ, за столомъ сьдять жинкы у билыхъ сорочкахъ зъ покудовчеными косама, и одна держыть на рукахъ дытну; а на столи наставлено усякойи стравы и горилкы. Дывується чоловикъ, чого сей стилъ тутъ у жыти, а той страшный, выдно самъ чортъ, и каже:

— Мо выпьемъ?

— Ще,— каже чоловикъ,— трохы рано, ще не звонылы.

А той такы нальвае и пидносыть.

Ну, сказано, горилка, якъ одказаться? Узявъ чарку у руки и ставъ хрестыться. Перехрестывся, та тилькы тоди уже ничего було пыты, бо вмисто чаркы у руци стала кистка, вмисто пляшкы рогожа, а тамъ, де стоявъ стилъ изъ стравою, лежала тилькы куча земли; нечыстый и русалкы де й дилысь. Перехрестывся тоди чоловикъ ще разъ, та скорышъ додому, годи уже и жыта гледить.

Записала въ с Выбляль, Черниг у отъ Демьяна Конопка М С.
Чудновская 1898

132. Позычае въ чорта гроши.

Жывъ соби чоловикъ; и працьовытый бувъ, та ниякъ не роскомашыться у хазяйстви: що загорюе, то не 'дна вже дирка й готова;—одно слово сказать—семейство зъ голоду пропадало. Мучывся винъ, мучывся, дали й подумавъ: «пиду до чорта грошей добувать».

А колысь давно дакъ чортивъ багато водылося: де болото таке, шо купыны заввышки съ чоловика, то вже знайдешъ його; бувало й коло гребли, де гуркотъ чы прирва, його здыбаешъ, або въ лузи темному такому, шо тилько зозуля куде та соловейко вытьохкуе, и тамъ иноди зуспышъ. Дакъ ото знявся той чоловикъ та й подався на Роменський шляхъ. Ажъ ось назустрічъ йому козакъ.

— Здоровъ!

— Здоровъ!

— Куды це такъ выпроставсь?

— Та пиду до чорта, чы не роздобуду грошей.

— Якъ же це ты такъ? Чортамъ же душу треба видаваты.

— Та колы треба, то й видламъ, абы жинка не сохла, та диты не кавчачы зъ голоду.

— Ну, то я жъ саме той, кого тобі треба. Ходимъ!

Пидійшли до вербы. Чортъ полизъ на вербу, спустывсь у дупло и вынисъ виды торбу грошей.

— На!—каже—та рожжывайся; а въ годъ щобъ прывставывъ.

— Якъ же я тебе найду?

— Пидійдешъ до вербы та вдарышъ трейчы кьемъ та й гукнешъ: «магай бувъ». Отъ я й выскочу.

Подякувавъ чоловикъ, пишовъ додому. И якъ ставъ орудувать тымы грошыма, де те й багатство узялось: чы бджолы купыть—у руку иде, чы скотыну—тожъ по двору пиде, за годъ розвивъ таке господарство, шо й не снылось йому. И гроши зибравъ, щобъ чортови видаты. Приншовъ на те мисце, ударывъ у вербу, гукнувъ: «магай бувъ!»—Выскочывъ, та не той

— Чого тобі?

— Та торикъ я тутъ гроши бравъ, дакъ прынисъ

— А, дакъ це у такого то. Погуляй же трохи, винъ побигъ сіме у Баурынъ ковши одбирать

— Дакъ колы я його диждусь! — ажъ крыкнувъ чоловікъ.

— Та винъ заразъ буде.

Колы справдибижыть, засапавсь, ажъ языкъ вывалывъ.

— А той же де? — пытае чортъ, — ось чоловікъ його жде.

— Де! пропавъ: вовкы на дорози розирвали, а я ледви втикъ.

Порадылись тоди чорты та до чоловіка:

— Ну, що жъ, — кажуть, — не мы ци гроши наживалы, не намъ ихъ и брать; а хазяйина, чуешъ, нема грошамъ, — несы назадъ да поживай самъ — знать, тоби вони судылись.

С Рожновка Борзенск у В Т Андриевскій отъ козака Павла Бондаря 1898.

133. Чортъ у неволи въ глечыку.

Тяглы бредень по озеру якъ разъ у Петривку чоловікъ та жинка.

— Чоловиче, — каже жинка, — чого воно такъ важко цупыться? Бачышъ — поплавки потонулы: мабуть мы щось важке піймалы.

— Та ничего — вытягнемъ хоть чортяку зъ рогамы, то диты зидять, абы не каменяка яка.

Вытяглы, колы глечыкъ завязаный шукураткомъ, а рыба хочъ бы тоби однисинька на смихъ.

— Що воно таке? може червинци?

Заглянулы усередыну глечыка, ажъ тамъ плиточка хлюпошеться и граc.

— Эчь, яка манесенька, — каже жинка. — Злий, чоловіче, воду на берегъ!

Колы перехылылы глечыкъ, вода хлюсь на кгрунтъ,

шльопнулась плиточка объ землю и перекинулась бравымъ молодцемъ зъ рижками да кае, вклонившысь:

— Спасыби тоби, чоловиче, шо ты мене вырятовавъ.

Жинка злякалась и не знае, чы лице йй закрываты руками, чы шо друге.

— Ого! Вырятовавъ?.. Шо ты таке?—пыта чоловикъ.

— Хыба тоби повалазыло? Чортъ—вже жъ не шо!

— Ова! брешешъ, бисивъ сыну! Не пйму тоби виры. Якимъ же побытомъ забрався ты у глечыкъ?

— А отъ якимъ... Тутъ така повшехна чудасія була, шо ты не чувъ за дида й придида. Литъ трыдцять назадъ спокутувся тутъ билиа озера у печеряхъ пустельныкъ, и вже винъ такой бувъ святой чоловикъ, шо циле наше пекло ничего йому не врадыло, щобъ загубыты його душу. Уже мы зъ нымъ возылись, возылись, наче ти собаки зъ воловою кисткою, повною мозку: и не, перекусять, и языкомъ мозку не достануть, а тилькы мордуются. Такъ мы зъ нымъ мордувались, ажъ обрыдло усимъ. Полмнуло наше товариство: инши зъ попами залягли у перынци, други у судейськи кышени повлазылы та робылы тамъ диркы, щобъ тымъ кышениямъ николы и дна не було... Де яки повіялысь у Московщину... Оставылы мене, хытрыйшого, спокушать пустельныка.

И вже чого я не чынивъ, якои праці не прыкладавъ—усе ничего! И курипкою прыбигавъ до нигъ його, щобъ винъ пймавъ мене да ззивъ. Шо жъ винъ? Визме мене у руку полоскоче-полоскоче да й скаже: «Пырхъ!»—махнувши чотками... Плескався я и голою дивчыною пры повнимъ мисяци на озери, роспынаючы ручки и нижкы и, повертаючысь до його и выдомъ, и бокомъ, и спыною, брызкавъ на його водою. Шо жъ ты думаешъ, у його жыжки трусылысь? Э, ни!... Винъ заплющытыся да белькоче якисъ страшенни молитвы, а дали тебе и хрестомъ попоштуе. Звисно, заразъ зныкнешъ. Якосъ пишовъ винъ увечери у литній пистъ воды зачерпнуты. Я мер-

щій перекинувся плиткою и вльвсь въ глечыкъ зъ водою. Несе винъ мене додому. Я плещусь, радію... Миркую: зваре винъ сьогодни юшку, спокусытсья, обрадуе все пекло. Що жъ бы ты думавъ?—каже чортяка, чухаючи потылицю,—прыньсь винъ глечыкъ додому, хотивъ напытыся воды, колы побачывъ, що тамъ хлюпошегься рыбка, не скотивъ и до губъ тулыты тией воды, ще гирше,—не скотивъ и пыты сь того глечыка, де рыбка була, а взявъ, перехрестывъ трейчи глечыкъ, завязавъ якимсь гыдкымъ шкураткомъ, одньсь до берега и кынувъ у озеро... Оттаке то!—каже чортяка зитхаючи, наче той становый, що замисць мошенныка нахватывся на шановного чоловика. Трыдцять литъ сыдивъ я пидъ тымъ страшеннымъ хрестомъ, вже въ пекли давно мене зъ метрыкы вычеркнулы наче по двоохъ ревизіяхъ въ бигахъ состоявшему. Нудывся я гирше тыхъ, що въ кайданахъ копають золоти руды. Лякалы мене хресты бильше нижъ дивчатъ на вечерныяхъ фабрени москалы.

— Брешешъ, брешешъ! Самъ ты москаля пидвозишь!—каже чоловикъ,—якъ такы можно, щобъ такый здоровый козарлюга, якъ ты, влизъ у глечыкъ?

— Але не брешу!

— Але брешешъ!

— Ты думаешъ—не влизу?

— Не влизешъ!

— Давай навзакладъ!—каже чортъ.

— Здоровъ пывъ! Оттакъ пакъ выгадавъ! Буду я сь чортякою навзакладъ! Ото бъ здуривъ! Улизай такъ! Та ты тамъ не помистышся, не зобгаешся.

— Одначе помишусь,—каже чортъ,—дывысь!

— Зробывсь дымомъ и пишовъ у глечыкъ.

— А що,—каже, показуючы рижкы,—улизъ же!

— Ну, колы влизъ, такъ сыды тамъ, братику!—каже

чоловикъ. Взявъ, перехрестывъ глечыкъ, зявъязавъ уп-
ять шкураткомъ и шпоргонувъ въ озеро, якъ вже тамъ
чортъ не запрысягався и не молився

— Хай тоби бись!—каже чоловикъ, — тымъ и рыба
не ловыться, що гаспыдськи чорты располохалы.

Записано неизвѣстно кѣмъ и гдѣ Подпись *Пидводный.*

Вариантъ этого разсказа помѣщенъ въ № 12 «Черниговскихъ Губерн-
скихъ Вѣдомостей» за 1857 г стр 98. Вотъ этотъ вариантъ, оза-
главленный тамъ «Мужыкъ ворона—хытрый чорта»

Ото, бачъ, лучылось одному чоловику, звисно не
кому другому, а нашому брату мужыку, узять пидсаку
да й пйты рыбы ловыть. Прыйшовъ, кажуть, винъ до
болота, зобравъ соби мисце, де, здрилось, рыба е, та й
ну совать пидсакою, щобъ уюна, чы що другее злапать.
Засунавъ разъ—нема, друге — и вдруге нема, а дали
втрейте—чуе, щось цупыть. Винъ израдивъ, вытягъ пид-
саку, глядыть—ажъ пляшка та ще й заткнута... Дай,—
каже—одоткну! И одоткнувъ... що жъ? Мужыкъ ды-
выться и самъ соби не вирыть зъ тоейи пляшкы vysko-
чыло щось, неначе чоловикъ у жупани, да таке цикаве
да фацьке, що/чоловикъ той дывомъ ставъ. Тилько во-
но тутъ йому и каже:

— Спасыби жъ тоби, дядьку, шо ты мене изъ сьоейи
пляшкы vysлободывъ.

А чоловикъ и пытае його:

— Скажить же вы, мени, добродю, хто вы таки, шо
въ сюю пляшку зализлы?

— Я,—каже воно,—чортъ.

Чоловикъ пры симъ слови и перехрестывся, а дали
зыркъ—чорта вже й не стало. Чоловикъ той озырнувся
кругомъ—никого нема, винъ глянувъ на пляшку—пляш-
ка лежить доли порожня и заткало валяється Дыво-
вався мужыкъ, дывовався, а дали перехрестывсь да й ну

ловыть рыбу впгять пидсакою. Шо жъ вы думаете?—якъ тилько пидсаку у воду, то гледыть—хочъ жабуру повно, хочъ каменюка де визьметься, або зацупыть уюна и тилько шо хоче взять у руку, а зъ того уюна выйде впгять той панъ, шо зъ пляшки вылезъ да ще и регоче надъ йимъ:

— Ворона,—каже,—ты, а не мужыкъ! Ище й тоби ловыть рыбу! Седивъ бы дома та гледивъ бы готового.

Сказано, глумыться, а съ чортомъ не змагаться стать...

— Постой же, псова ты худоба!—думае соби той чоловикъ— я тоби покажу, яка я ворона, будешъ мене знаты!

Подумавъ самъ соби такъ, а дали й каже чорту:

— Якъ же се вы, пане чорте, чы якъ васъ вельчать, якъ вы, будучы стало быть таки вельки, та въ такую малую пляшку влизлы? Я виры не пойму, щобъ вы булы таки могущи, щобъ такечкы зробыть!

— Эхъ! Справедна ты ворона!—чортяка йому каже—отъ я заразъ улизу, колы хочешъ; ты и не вгадасшь якъ!

— А нуте жъ, нуте,—чоловикъ йому каже:—покажить, якъ се робыться. Я побачу, да тоди й повиру, шо вы справедливы чортъ...

Чоловикъ не доказавъ своейи речи, а чортъ скикъ у пляшку да ще и каже:

— А шо, бачышь, якъ улизъ я?

— А нуте жъ я прыдывлюся, чы вы й тамъ похожи на того, шо бувъ на двори, чы може ни?—каже чоловикъ, а дали взявъ, заткнувъ пляшку та ище й перехрестывъ.

— Оттеперъ, пане чорте, знайте,—каже,—шо мужыкъ хочъ ворона, та хытрый чорта!

А дали взявъ пляшку да й кынувъ знова у воду.

Черниговская губ. Ал. Шипацкий-Иллич (?)

134. Стрелець застрелывъ чорта.

У с. Свнхъ бувъ одинъ панъ. Отто и пишовъ винъ на охоту. Ходывъ, ходывъ,—ничого не вбывъ, а тутъ и гроза почыналась, панъ и повернувъ додому. Иде винъ соби, а гримъ такъ здорово гуркотыть. И чуетъ панъ якъ тилькы гримъ перегримыть, такъ шось почынае бурмотать. Зупынывся панъ, дывыться, ажъ се нечистый перекрываетъ Бога, якъ Винъ сварыться. Подумаваъ панъ, шо його казаты зъ проклятымъ чортомъ, а потимъ узывъ и стрильнувъ у його: бисъ упавъ на землю чоловікомъ. Панъ тоди злякався и не озыраючысь побигъ додому. Ажъ де не визьмысь старенькый дидокъ и гукае пана, а панъ зъ переляку такъ розигнавсь, шо и зупыныться не може.

— Пожды,—каже дидокъ,—я шось скажу тобі.

Насылу догнавъ винъ пана и пытае:

— Чого ты втикавъ?

Панъ йому и розказаваъ, якъ було дило. Тоди дидъ и каже:

— Не бійсь ничого и просы у мене, чого хочешъ, чого тобі треба.

— А чого я хочу?—каже панъ.—Чымъ занимаюсь, того мени й треба.

И зъ того разу, якъ ни пійде на охоту, то насылу несе. Се йому такъ Богъ давъ за те, шо убывъ биса.

Записала въ с. Выбляхъ, Черн. у. отъ Р. Чечни М. С. Чудновская. 1898.

135. Водяныкъ дытыною.

Мій дидъ ловывъ рыбу топтухою. Вытягуе винъ топтуху, колы тамъ замисть рыбы дытя у сорочечци и сміється. Перехрестывся дидъ, такъ тее дытя ще засміялось та й шубурхнуло у воду.

Записала въ Черниг. у. отъ Ө Волошки М. С. Чудновская 1898.

136. Манея не пускала.

Колись одинъ псковскый чоловикъ ишовъ одъ рички додому. Було уже пизно, темно. Чуе винъ: щось перелизло черезъ плитинь. Винъ думавъ, що се мо собака, и йде соби смило, колы ни, не собака, а щось довге, довге, сире—легло поперекъ вулицы, такъ шо и пройты нельзя и мурчыть. Бачыть чоловикъ, що погано йому буде, шо манея його не выпустыть, та давай чытать молитвы, а потимъ якъ шарахнувъ весломъ, такъ манея де й дилась.

Записала отъ Николая Клянца, въ д. Пескахъ, Черниг. у.
М. С. Чудновская 1898

137. Чы домовыкъ, чы манея насила на чоловика.

Ишовъ я зъ вечорныць, ще колись то, якъ бувъ паробкомъ; тилькы шо мынувъ церкву, якъ насило на мене щось важке, отъ якъ бы узять мишокъ у пять пудовъ, такъ мене згорбыло, насылу дойшовъ додому. И бувъ я, не думайте, не пъяный, бо у насъ и моды сийи не було, щобъ напываться на вечорныцяхъ. Дойшовъ до своихъ синей: ну думаю, лапну хочъ я, шо воно таке у мене на плечахъ, и тилькы шо я хотивъ сее зробыть, а воно мене якъ пыхоне, такъ двери очынылысь, и я упавъ у сины. Шо воно таке було, чы манея, чы домовыкъ, я и самъ не знаю, а тилькы дуже воно мене налякало

Записала въ с Выбляхъ Черниг у отъ Ефима Ювенка М. С.
Чудновская 1898

138. Домовыкѣ душивъ.

Батька не було дома, осталась тилькы мачуха сама, та я, ще невеличка дивчына. Мачуха спала на полу, я на лавци. Скризь сонъ мачуха почула, що на ййи щось важке навалылось и душивъ ййи. Вона прокынулась, та нйакъ не пидниметься и ни рукою, ни ногою не двыне, такъ ййи прыдавыло, а по морди водыть щось, мовъ лапою. Якъ то уже вона рванула руку зъ усиейи сылы, пидняла и хватылась за щось волохате; а тоди и сама пиднялась и сыдыть. А домовыкъ скочывъ зъ полу, та тилькы тупъ, тупъ по хати. Хватыла мачуха свою дытynu пидъ руку, та зъ хаты; зъ синей вона почула, що я скризь сонъ трейчи цоклыкала: тату! (Мо то винъ и мене душивъ, та тилькы я такъ крипко спала, що ничего и не чула). Выбигла мачуха, якъ була; зъ хаты и двери покыдала. Насылу вона достукалась до сусидкы и тамъ заночувала; а на завтре зъ сусидкою прыйшла до дому, колы и двери позачынены, и домовыка уже нема, и я соби любенько сплю.

Записала отъ Олимпиады Ювенковой въ с Выблячъ Черниг. у
М С Чудновская

139. Домовыкѣ не любыть, якъ ночують у хливи.

Росказувавъ мени одынъ чоловикъ, якъ винъ пидшовъ одынъ разъ ночувать у хливъ до коней. Заснувъ винъ и саме у опивночь скризь сонъ почувъ, що щось шамотыть и прокынувся. Двытыся, ажъ зъ горы лизе щось—наче мишокъ, та якъ бухне на чоловика, та такъ його прыдавыло, що винъ, бидняга, и дыхаты переставъ. Потимъ узяло його на обсеремокъ и кынуло изъ сел-

ника Наслу гої чоловікъ уставъ, та після такойи оказїи уже и не ходыгъ у хтивъ на ночь, та й другимъ не совитуе.

Записала въ с Выблячъ, Черниг у. огъ Петра Курильца М. С Чудновская

140. Домовыкѣ кыдае коня въ ясла.

Що прыйде чоловікъ вранци до свого коня, конь и лежыть було у яслахъ, та такъ туды забъetsyся, що нельзя и придумать, якъ туды йому и влизты. Лигъ чоловікъ разъ ночувать коло коня, щобъ побачыты, хто се такъ робыть зъ конемъ. Саме у опивночъ уходыть домовыкъ, такъ бы икразъ, якъ чоловікъ, хватывъ коня и кынувъ його у ясла.

Записала въ Черниг у. огъ Дмитрия Ювенко М. С Чудновская.

141. Домовыкѣ зачыпае сирого коня.

Ночувавъ у насъ недавно онушныкъ—казавъ, що де йому тилькы не траплялось ночувать, то домовыкъ зачыпае усюды його сирого коня. Чы винъ такъ його улубывъ, чы хто його знае. Такъ позапутуе що ночи грыву, що и не думай расплутаты. Та выдно и скотына чувствуе домовыка, бо иноди такъ уся ажъ у поту, та ажъ дрижыть.

Записала въ Черниг у. огъ Никиты Глузда М. С Чудновская.

142. Домовыкѣ не дае робыты вночи.

Одынъ чоловікъ та бувъ такый невсыпущый та робящый, и вночи йому не було сну. усе було робыть.

Отъ разъ уночи вѣявъ винъ жыто и сивъ оддыхать. Закурывъ люльку, сыдыть, ажъ изъ засторонка сунеться щось вельке- вельке, а очи таки бльскучи, страшки, и такъ йимы уставылось на чоловика. Присунулось воно до чоловика и не пускае його изъ клуни. Шо тильки чоловикъ ступыть до дверей, такъ воно и загородыть йому дорогу. На вельку уже сылу винъ утикъ одъ домовыка.

— Ну, щасте твое, — крыкнувъ домовыкъ у слидъ, — што ты утикъ, а то бъ бильшъ не вѣявъ.

Съ того часу переставъ чоловикъ ходыть у клуню вночи.

Записала въ с Выбляхъ Черниг у отъ Петра Курильца М С Чудновская. 1898.

143. Домовыкѣви треба окропу.

Прыйшовъ одынь парубокъ зъ гульни и лигъ спаты коло викна й чуе, двое домовыкивъ гомонять. Одынь каже:

— У мого хазяйина й укропу въ печи нема, ничымъ и горло помочыть.

— А у мого, — каже другый, — два горкщы.

Отъ першый и каже:

— Я свого хазяйина спалю.

А другый каже:

— Ни, не палы, тамъ мого хазяйина хомутъ.

Першый прынисъ хомутъ товаришовому хазяйину, а свого спалывъ. Парубокъ росказавъ, видъ чого згоривъ сусидъ, и съ тыхъ поръ стали ставыть укрить у пичъ.

Записалъ школяръ Выбельской школы Черниг у Иванъ Мосичъ.

144. Домовыкъ на ночлигахъ.

I.

Колысь ще улитку пойхавъ мій дядько на ночлигъ. Дойизжае до того миста, де паслы коней, ставъ гукать хлопцивъ. Здається йому, що хлопци озываються; ставъ винъ йихать на голосъ. Килькы не йихавъ, а хлопцивъ не знайшовъ, хоча и чувъ, будто вони до його гукалы.

Злизъ дядько зъ коня и лигъ пидъ стогомъ, попутавшы коней. Тилькы що винъ заснувъ, колы чуе, що його щось стало душтыть, та такъ на його навалылось, мовъ стогъ сина на його перекрынувся. На велику сылу дядько вырвався одъ домовыка, та такъ уже и не ложився цилу ничъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Изъ Муцкаго М. С. Чудновская. 1898

II.

Одынъ хлопецъ вивъ коней на ночлигъ, и уже было дуже пизно, то онъ не знавъ, де хлопци ночують, и сталъ йихъ той хлопецъ гукать, и крыкнувъ: «Хлопцы го!» Дакъ и пошовъ гласъ, и йому здалось, будто-бы за ричкою. И винъ пойхавъ туда, ажъ нема тамъ хлопцавъ. Дакъ винъ и лигъ спать, ажъ на його щось навалылось, винъ не злякався та й каже:

— Десь моя пуга—я тоби дамъ!

Домовыкъ злякався и де дився, - и бильшь не было.

С. Выбли Черниг уѣзда Записалъ Школяръ Выбельской школы Иванъ Новикъ

145. Дви чирточвы зъ нашихъ русалокъ.

(Ввивъ у запысь изъ сливъ жытелькы хут Петрушовки Борзенск. пов Палашкы Китчинойи у 1854 р Марко Вовчокъ)

I.

Якъ пошла моя маты у поле на Святу Недилю, на Зелену-то, до жыта, побачыть, чы гарне жыто. Да обійшла кругомъ, да «гарне», каже, «слава Богу, пйду ще и долину побачу», каже. Колы прыйшла до долины—ажъ повнюсенька долина дитокъ маленькихъ та все, каже, такъ: скачуть одно проты дного угору да ручкамы плещуть:

«Не мый ногы обь ногу,
Не сій муку надъ дижу;
Ухъ, ухъ,
Соломъяный духъ, духъ!
Мене маты уродыла,
Нехрещене положила».

А воны тилько у плащечкахъ у билесенькихъ... Дакъ вона, каже, якъ злякалася, да въ-сылу додому доишла. Воны йий и не бачылы, а вона йихъ бачыла.

II.

Померла баба така стара, а дочка все плаче по матери; то йий и прыснылось... Каже, наче прыйшла дивка да даже йий:—«Не плачь по своей матери: твоя маты русалкою». Дакъ вона каже: «Де жъ вона?»—«Дитокъ малесенькихъ гледыть.»

(Собщ. А. В М—чемъ).

Изъ «Черниговскаго Листка» 1863, № 10, стр 80

146. Русалкы женуться за жинкою.

Однесла жинка чоловіку обидъ и верталась додому. Бачыть—у жыти седыть двое дитей у билыхъ со-

рочечкахъ. Жинка заразъ догада ась, що се русалки, и не успила вона повернуть назадъ, якъ изъ тыхъ дитей зробылысь вельки русалки и погналысь за жинкою. Якъ то уже вона добигла до села и такъ бидна перелякалась, що проболившы тры тыжни, умерла.

Записала въ с Выбляхъ Черниг у отъ Амдрея Шульги М С.
Чудновская 1898.

147. Русалкы не дали ловыты рыбы.

Дви жинкы пишы уночи ловыть рыбу,—икразъ на Русалкы. Половылы трохи и чують, що у води русалкы граються и плещуть по води рукамы. Бигомъ побиглы жинкы одъ ричкы Недалеко ночувалы ночлижнныкы: жинкы туды и прыбиглы.

— Та то вамъ,—каже одынъ старый чоловикъ,—такъ здалось, идить соби смило додому.

Одна молодыця ни за що не хотила а друга—«Ходимъ та ходимъ!» и пишы. Дийшы вони уже до села, озырнулысь назадъ, ажъ за йимы женуться дви русалкы у билыхъ сорочкахъ, зъ довгымы косаы. Жинкы такъ чысто и померлы зъ переляку, насылу ускочылы у село, а русалкы тоди у воду, закрычалы и заплескалы по води. Молодыцы дуже поперелякувалысь и довго писля того нездужалы.

Записала въ с Выбляхъ, Черниг у., отъ Р Поляницы М. С. Чудновская 1898

148. Русалкы прогналы чоловика зъ работы.

Копавъ разъ чоловикъ канаву на саранчу. Копас и чуеть—шось зашумило. Пиднявъ винъ голову и бачыть, выходять изъ жыта русалкы, уси у билыхъ сорочкахъ, зъ довгымы росплетенымы косаы, и перша русалка дер-

жала у руци книжку. Якъ побачывъ чоловікъ русалокъ, то кинувъ заступъ, та давай Богъ ноги, а русалкы кинулись за нимъ у погоню. Прибигъ чоловікъ у село мовъ несамовытій и довго писля того нездужавъ.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг у отъ Андрея Шульги. М. С.
Чудновская

149. У русальну недилю не можно робыты.

Икразь у Русальну недилю пойихавъ одинъ чоловікъ зъ жинкою полоть просо. Полоть вони, колы бачыть жинка, у проси стойить баба у билій сорочци зъ распущенымы по плечахъ косамы и на вси боки хыляеться. Перелякалась жинка и кинулась до чоловіка. Посадывъ чоловікъ жинку на визъ, щобъ вона чытала молитвы, а самъ, ухопывшы сокыру, обвивъ визъ и воливъ кругомъ и давай тикать додому. Чоловикъ усю дорогу махавъ сокырою, и русалкы боялись до його прыступыть ся. И килькы вони йихалы, то на кожній ныви бачылы по русалци. Дуже перелякани вернулись чоловікъ и жинка додому и вже бильшь не йиздылы 'на Русалокъ ни на яку роботу на поле.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг у. отъ Ив. Муцкаго. М. С.
Чудновская.

150. Чоловикъ сховався видъ русалкы.

Пишовъ я на поле рвать травы у межахъ. Нарвавъ и иду до додому, колы у межи лежыть щось у билій сорочци и укрыте косамы, а косы дуже довгы. Я тыхенько, озыраючысь пройшовъ крозь його, а воно устало, та за мною. Недалеко була клуня—я у клуню и сежу. Воно пидійшло до клуни, понюхало плитинь, а тоди одійшло, та якъ заспивае, а потимъ загукае. Я не знаю,

якъ и додому прийшовъ, такъ перелякався. Се було дило икразь перёдъ Русалкамы, такъ се и було нишо, якъ русалка.

Записала въ Черниг у отъ Андр Нищенко М С Чудновская

151. Русалка не може переступыты круга.

Одынъ чоловикъ пошовъ жыта стерегты на Русалкы, ажъ изъ жыта выбигла русалка и напала на його, а винъ узавъ кругъ себе обчиривсь такъ, шо вона не доступылась до його, и винъ стоявъ у томъ крузи той чоловикъ, а русалка бигала, бигала кругомъ и пошла изновъ у жыта, и тоди той чоловикъ вернувсь додому.

С Выбли Черниг у. записаль школяръ Иванъ Новикъ

152. Русалкы гойдаються на гилькахъ.

Чоловикъ ишовъ лисомъ и побачывъ, шо на деревахъ гойдаються русалкы, та така жъ йихъ тамъ була сыла и велькыхъ, и маленькыхъ. Почеплялысь за гилькы рукамы и колышуться, якъ на ореляхъ. Чоловикъ повернувъ, та скорій утекаты. Не успивъ тилькы винъ утекты, такъ щобъ русалкы його не бачылы. Уси воны кынулысь за чоловикомъ и такъ його налякалы, шо на другый день той чоловикъ умеръ.

Записала въ Черниг у отъ Андрея Шульги М С Чудновская

153. Оддавъ русалкамъ дытя.

На Русалокъ йихавъ чоловикъ зъ поля, и выскочылы зъ жыта русалкы, щобъ залоскотаты чоловика, тилькы някъ до його не доступляться, бо куды не зай-

дуть, то чоловікъ йихъ пугавъемъ. Такъ дойхали воны до перехрестной дороги:

— Стій же тутъ,—крычать русалкы,—бо усе равно умрешъ.

— Ни,—каже чоловікъ,—я лучше оддамъ вамъ дытя,—та по коняхъ и утикъ. Що жъ бы вы думалы?—прыйижокае додому, колы застаете дома мертву дытynu. Ставъ тоди чоловікъ плакати и каятьса передъ усима людьмы, що се винъ самъ уморывъ свою дытynu, оддавши йийи русалкамъ.

Записала въ с Выбляль Черниг у отъ Демьяна Конопка. М С Чудновская 1898

154. Русалкы залоскоталы дивчыну.

У Зелену недилю зибралось насъ чымало хлопцивъ и дивчатъ и пишли гулять на поле. Мы тамъ добре погулялы, дивчата понарывалы соби волошокъ да куколю, уквитчалы головы и верталысь, ще рано, додому; колы тилькы поривнялысь мы зъ тымъ кругомъ, що коло гамазея,—якъ выскочать зъ жыта на насъ русалкы: уси голійи, зъ довгымы, довгымы роспущенымы косамы, зъ зеленымы, якъ у жабъ, очыма; попростягали упередъ руки, та за намы. Мы съ переляку кынулысь навпростецъ и скоро добиглы до села; одна тилькы дивчынка осталась, и йийи залоскоталы русалкы.

Дядько якыйсь пиднявъ йийи на дорози и привизъ у село, вона була ще тоди жыва, а дали и вмерла.

С Выбли Черниговск у записала М С Чудновская 1898

155. Добра смерть.

— Прыйшовъ чоловікъ до хазяина найматься.
Що жъ,—пытае хазяинъ,—визьмешъ за рикъ?

— А шо,—каже чоловікъ,—ничого поставышь мени одынъ обидь

Прослужывъ наймытъ рикъ поставывъ йому хозяинъ обидь.

— Се жь обидь за покойного батька,—каже чоловікъ—ты поставь мени!

Поставывъ хазяинъ другый обидь.

— Се,—каже,—за покойну матирь,—поставь мени!

Поставывъ хазяинъ у трейте. Позабиравъ тоди наймытъ усю тую страву и пишовъ. На дорози стрекае винъ бога и каже:

— Оце якъ бы стрить доброго чоловіка, то бь умисити пообидалы бь.

— Давай,—каже богъ,—обидать зо мною—я чоловікъ добрый.

— Ни,—каже чоловікъ,—якъбы ты бувъ добрый, то бь и мени було добре,—и пишовъ далей.

Иде, колы стрекае жинку.

— Куды ты,—пытае вона,—идешь?

— Иду,—каже,—додому.

— Шо жь се ты несешь?

— Несу обидь: я робывъ хазяину рикъ за одынъ обидь. А ты,—пытае,—хто така?

— Та я смерть.

Посидалы вони и давай удвохъ обидать; пойилы усе, тилькы остався окраецъ хлиба.

— Чы е у тебе хто дома?—пытае смерть.

— Е,—каже,—у мене жинка и диты.

— Ну, несы жь дитямъ сси окраецъ,—се буде йимъ за гостынецъ.

Прыносятъ чоловікъ той шматокъ и давай ламать дитямъ, и скилькы винъ не ламавъ, а окраецъ не уменьшався. А уставшы на другый день, чоловікъ побачывъ на столи цилу кулыдку хлиба, и усе вони йилы той хлибъ. Проишло скилькы день,—приходьтъ до того чоловіка смерть.

— Здрасгуи,—каже,—брате!

— Здрастуй, сестро!

А жинка почувшы сее, та за кочергу:

— У тебе,—каже,—багато такихъ сестеръ найдеться!— та й хотила ии зъ хаты выпроводыть.

— Не твое се,—каже чоловікъ,—дило,—и не давъ. Посадывъ винъ смерть за стилъ и давай поштувать. Погостювала смерть, та й пытае:

— Чы е у тебе, брате, хлибъ?

— Оце увесь, що на столи.

— А йды,—каже,—пошукай укомори зернять жыта.

Чоловикъ знайшовъ трохи зернять.

— Ну, роскыдай сійи зернята по зусикахъ.

Чоловикъ роскыдавъ, и на другой день уси зусики стали повни жыта.

Записала въ с. Выбляхъ Черниговск у. отъ Петра Курильца.

М. С. Чудновская 1898

Другой вариантъ о побратимствѣ челоуѣка со смертью былъ напечатанъ въ «Черниговскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ» 1852 г (№ 52, стр 570) Вотъ этотъ вариантъ, записанный въ с. Давинѣ Нѣжинскаго у священникомъ Петромъ Огневскимъ и озаглавленный: «Верты—не верты, а треба вмерты».

Кольсь то и десь то, звисно не въ якій небудь басурманщыни, а въ нашій православній Малороссіи, живъ бувъ чоловікъ и жинка. Та булы соби дуже бидни та журлыви: одно те, що вони незамижны, а бильшь усього йихъ крушыло, що диты въ йихъ усе мерлы. Отъ и давъ йимъ Богъ дочку. Якъ же то вони йий булы ради—Господы!... И стали соби радытыся: ко-го бь то кумою узяты? Жинка й каже:

— Ось визьмемо лышень соби куму стричну; адже жь, бачь, стари люде кажуть, що въ кого диты мрутъ, треба тому браты кумивъ стричныхъ.

— Э, добре оце ты, жинко, кажешь, ось пійду я.

И пійшовъ удовшъ села ще зъ досвитка, щобъ хто тилькы йому на зустричъ попадеться, того узяты до свого дытаты кумою,—звычайно вже боявся, щобъ и

се йому не вмерло, такъ якъ ти першійи його дити померлы. Попадається йому назустрічъ баба стара та курноса *); винъ їй и каже:

— Здоровенька була, бабусю!

А вона йому въ одвить:

— Здоровъ бувъ, сыночку!— та й попередыла його спытаты:— Чого се ты такъ позаранкамъ блукаешъ,— чы не зійшла съ твого двора товарына протывъ ничкы, и ты оце шукаешъ?

— Ни, бабусю, за товарыну мени ничего бояться—и шерстыны у двори катъ ма. А мени давъ Богъ дочку, такъ я оце иду прохаты того въ кумы, хто першый зустринеться. Та, спасыби вамъ, що я оце на васъ такъ хутко наткнувся: прошу васъ покирно, будьте ласкавы, не виджурайтеся хреста, ходите до мене кумою—чы не дасть Богъ, що и я такы, якъ люде, хоть пидъ старистъ дожду соби помочи.

— Добре, ходимо.

И пійшлы. Та йдучы винъ їй и каже:

— Не во гнивъ вамъ буде, що я васъ пытатыму: якъ маемо васъ зваты?

— Я—Смерть.

Якъ почувъ винъ сее, та ажъ злякався, а описля обдумався трохы та й каже самъ соби: аджежъ смерть иднаково ни кымъ не перебирае, усихъ за-сплишъ бере: и панивъ, и нашого брата мужыка, бидныхъ и замижныхъ, старыхъ и малыхъ; що жъ маю робыты?—не треба їйи цуратыся, поведу лышень до своейи госпды, може вона зглянеться на мене... Сее подумавшы та й каже:

— Ходимо, кума, до мене!

И пійшлы.

*) Кырпата *Прим записывателя*

Покумовавшы и выдпывшы хрыстынны, якъ Богъ давъ, звисно по убыжкы, бо той чоловикъ, кажю, бувъ соби бидненькый—смерть йому и каже

— Слухай, кумочку, за те, що ты мною не познушався, я тобі щось искажу, та тилькы никому ты не видкрывай и свойий жинци не кажы, а робы самъ соби, що я нараю, то ты матымешъ такого добра, що не тилькы тобі, та й дитямъ, унукамъ и правнукамъ твойимъ буде.

— Добре, кума.

— Слухай же якъ тилькы ты почувешъ, що хто небуть и де небудъ занечогіе, иды до його та й дывися: колы я буду стояты у недолугого въ ногахъ, то той выздоровіе и певно берыся його выличыты: извелы даваты йому пыты тилькы холодноу воду, и винъ буде жывъ; а якъ уздрышъ мене у його въ головахъ, то втикай видъ того, то вже певно мій—я тилькы його прычавлю трохы, щобъ винъ спавъ изъ тила, щобъ легше мени зъ нимъ борушкатыся та й потягну його на той свить.

Сказавшы сее, попрощалыся любенько.

Чуе нашъ кумъ, що десь то велькый и дуже багатый панъ та й давно вже хыріе; и чого то вже йому не роблять, якыхъ до його ликаривъ не возяты, та ба, немає помочы. Отъ винъ и пійшовъ до його та й каже челяди, бо звисно у панивъ вона на рундуци такъ и блукае:

— Здорови булы, хлопци! Я чувъ, що вашъ панъ давно вже хыріе и помочы ни видкиля йому нема. Пустите лышень мене, щобъ я на його глянувъ, бо я такый чоловикъ якъ побачу, то заразы скажу, чы винъ умре, чы ни, и якъ ни, то заразы поличу, и винъ вычуняе.

Пустылы мужыка до пана, и тилькы що ввійшовъ винъ у свитлыцю та глянувъ, ажъ стойты кума била

нигъ недужого. Отъ винъ зъ радыщъ ажъ крыкнувъ:

— Не журись, панѣ! ты будешъ жыты та ще й якъ! Ось кете лышень, пани, у пытунъ водыци непчатоїи, я дамъ йому напытыся, то де та и хвороба його динеться.

Ковтнувъ панъ тоєи воды разъ, друге, утрейте, освижквѣя трохи—агу!—стало йому легше нибы; день, другый—уже панъ самъ и пыдыметься, уже й по хати валасається; дальше ще—уже у пана и пузо знова становыться таке, якъ було. Що жъ тому мужыковн-знахыру: чого то йому не робылы, якъ не шановалы и чого не надарувалы! И грошен, и воливъ, и коривъ, и печенымъ, и варенымъ: чого тилькы душа його не забажала. Пійшовъ нашъ кумъ жыты та Бога хвалыты, стали його уси знаты, стали до себе запрошаты та шановаты, та усякымъ добромъ його надилыты; нажывся нашъ знахыръ, буде зъ його стилькы,—ставъ винъ заможнійшый видъ усихъ на сели.

Ажъ ось и до його черга дошла. Скилькы не жывы на симъ свити, а того свиту такы не мынуты—треба йты такы у свою госпуду видвичаты за грихы свои передъ Господомъ. О! довго жъ то винъ сердешный боровся зъ горемъ, усе такы не подавався, жалко було съ худобою розстаться, а дали знемигъ такы та й злягъ на Божу постиль: хырие бидураха та все поглядуе: чы нема кумы у ногахъ² такъ нема, не видно йїи; винъ и радие: ну, ще трохи такы пожыву на свити. А дали якось то зыркъ черезъ голову угору—ажъ стойить вона у головахъ, голубка кума иого люба. Якъ побачывъ йїий, то мовъ окропу хто на його злывъ, такъ зъ його питъ видъ ляку польвся; а писля, одумавшысь трохи, та й каже:

— Жинко моя, дигы, ходите сюды! А переверните лышень мое лижко; що я лежу такъ, де теперъ голова моя, поставте туда ногамы.

Перевернулы, такъ що жъ—и смерть посунулась

слидомъ за нымъ и впѣять стала быля голивъ його. Бачыть винъ ййи бидолага та знову просыть:

— Поверните лижко та поставте оттакъ, отсюды! А нуте ще й оттакъ!

Ни, не помагається! кума його люба усе быля головы въ його. Отъ винъ бачыть сердешный горе свое, здыхнувъ тяжко, перехрестывся та кризь слёзы й каже йимъ:

— И-вже! Годи мудроваты! Постановите лижко такъ, якъ воно спершу стояло, та готуй, жинко, сорочку на смерть мени та свичку у руки, бо вже *верты—не верты, а треба вмерты.*

156. Смерть увиходе въ хату.

У одного чоловика умирало невелике дытя. И чулы люде, якъ коло тиейи хаты ходыло шось и голосыло, а потимъ увійшло у хату биле, биле, якъ снигъ и, ничего никому не сказавшы, скоро и выйшло. У ту жъ саму годину, якъ смерть (бо то була смерть) выйшла зъ хаты, и дытына умерла.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у отъ Петра Курильца М. С. Чудновская

157. Смерть — домовыною.

Маты моя та ще одна жинка ишлы пизно зъ гостей. Ничъ була мисяшна. Идутъ вони по вулицы, колы проты йихъ, попидъ плетнемъ, сунеться домовына. Вони обыдви дуже поперелякувались, и маты кынулась назадъ, а тая жинка упала на мисти. Маты зъ людьмы прыбиглы до жинки и застала ййи уже мертвою.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Александры Базилевичъ М. С. Чудновская 1898.

158. Смерть зострила на вулиці.

Занедужала у жинки дытына. Понесла вона ййи да знахаркы, пошептала знахарка дытыну, и жинка верталась додому. Дило було уночи Поворачуе жинка у улыцю, а изъ другиои выходыть смерть у билий сорочци, висока.

— Дорова,—промовыла жинка, не догадуючысь, що то смерть. Смерть на сее ничего не одказала, тилькы такъ крипко заголосыла. Прыходыть жинка додому, ажъ на рукахъ у нейи мертва дытына. Догадалась тоди жинка, кого вона бачыла на вулиці, й чого воңо голосыло.

Записала въ с Выбляхъ Черниг у. отъ Петра Курильца М С Чудновская 1898

159. Манея звищае смерть.

I.

Ишовъ чоловикъ зъ беседы пизно уночи и бачыть винь, що сунеться шось високе у чорній одежи и каже:

— Усе село смерть выбрала, а сійи улыци не зачепыла.

— А тоби,—каже чоловикъ,—треба тутъ ходыть? Геть выдсила!

Такъ манея и посунулась далей, а у того чоловика заразъ же диты померлы, а потимъ пошлы мерты и по всій тій вулиці.

Записала отъ Митрофана Шульги въ с Выбляхъ Черниг у М С Чудновская 1898

II.

Оце зновъ якъ почалы у насъ у сели мерты диты, такъ бачылы, що по вулиці йшла такъ вродь бы жинкы, иде, та такъ же голосыть, та прыплакуе:

— Боже жъ мій, диточки мойи любійи, диткы мойи голубъяточки!

Плачучы и пишло удовжъ села. Выдно, зновъ багато дитей помре, шо манея голосыть.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Дорофея Мулача М. С. Чудновская 1898

160. Смерть голосыла.

Тожъ то, мойи голубъята, шо воно таче й буде? Сю ничъ чую—щось иде вулицею и голосыть, та такъ голосыть, якъ по мертвому, та и пишло на кладовыще.

— Э, кумасю, такъ се буде поморщына: се смерть голосыла. Такъ одного году було, такъ шо дитей передушывъ оттой дихтерыкъ!

Записала отъ крестьянокъ с. Выбель Черниг. у. М. С. Чудновская 1898

161. Моровыця трычи на рикъ ходыть.

У насъ, а мо и по усихъ селахъ, моровыця ходыть по вулицяхъ тры разы у годъ. Сама вона похожа на корову, и якъ иде, то почмыхуе и часто коло дворивъ становыться. У ту пору, якъ вона иде, коровы страшенно ревуть, а собака ни одынъ не забреше, покы вона обйде село. У тимъ двори, куды вона зайде, безприминно подохнуть уси коровы и собаки.

Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Ив. Муцкаго М. С. Чудновская 1898

162. Моровыця конемъ.

Одного году люде бачылы, якъ середъ ночи по селу трычи пробигъ кинь, тилькы не настоящий кинь, а одни кисты необтягнутые шкурою. Люде кажуть,

що то була моровиця, бо у той годъ багато пропало усякойи скотыны.

Записала въ с Выбляхъ Черниговск у отъ Петра Муцкаго М С
Чудновская 1898.

163. Моровиця дякае молодижъ.

Було уже пизно. Хлопци и дивчата сьдили на колодкахъ, спивалы, балакалы. Колы жъ пидходыть до йихъ щось страшне зъ блискучымы очыма; якъ дойшо до колодокъ, закрычало и зупынылось.

Се выдно була моровиця, бо якъ тилькы вона крыкнула, заразъ по селу заревлы коровы. Хлопци и дивчата полякальсь и сьдили ни жыви, ни мертви. Моровиця трохы постояла, а потимъ де и дилась, тилькы щось загуло, мовъ гримъ.

Записала въ с Выбляхъ, Черниг у., отъ Петра Курильца М С
Чрдновская 1898

164. Чудо.

Бувъ у чоловика сынъ парубокъ. И винъ його оженивъ—узявъ молодыцю. Отъ разъ на празныкъ Чуда винъ загадавъ йимъ кудысь на роботу йты. Воны пишлы, а ввечери прыйшлы додому, повечерялы й пишлы спаты въ коморю—молоди.

Отъ той чоловикъ спыть, колы щось якъ застукаетъ въ двери. Винъ пытае «Хто тамъ?» А воно каже:

— Одчыны, Даныло, я Чудо.

Винъ излякався, не видчынае. Отъ воно разивъ пъятнадцять стукало, а винъ не одчынивъ. И якъ излякався, такъ довго не спавъ, а тоди такы заснувъ. Уранци уставъ, колы коровы ходять по двору. Винъ думаетъ: ото якъ довго молодыця спыть и до коровы не встала доси. Пишовъ будыты стукавъ, стукавъ

у двери — не чутъ никого. Винъ тоди злякався, пишовъ до сусиды, поклыкавъ його. Тоди ломомъ двери выломылы, ажъ молодыци немає въ комори, а сынъ його стойить за полубочкомъ и руку держить и йистъ. Сама рука зосталася, а то всю жинку ззивъ. А руку не съ пальцивъ почавъ йисты, бо тамъ винчальни перстини булы, а съ плеча.

Його пытають:

— На шо ты ййи ззивъ?

А винъ

— Я й васъ усихъ пойимъ.

То винъ не самъ йивъ, а то въ йому нечыста сыла. Чудо такъ його покарало, шо робивъ на його.

Такъ його й розстрелылы.

Це ходылы люде у Хвойкы, тамъ якась икона есть,—такъ тамъ це й чулы.

С. Жеведь Черниг. у. Отъ дивчины 1898 М. Н. Гринченко.

V.

О жертвецахъ.

165. Мертва маты прылітае до сына.

Умерла у насъ одна жинка; закопалы ййи, та не запечаталы, бо нікому було: тоди саме й пипъ умеръ. Сынъ сйи жинкы пишовъ на ничъ у млынъ. Иде и бачыть, що саме у тимъ мисти, де заховалы матиръ, свитло горыть. Подывывсь винъ и пишовъ. Прыходыть, колы маты на крылахъ прылітае до млына и почала здыратся на млынъ и гукать сына. Коло млына недалеко була и хата сього чоловика,—винъ гукнувъ собакъ и ставъ ййи цьковать. Собақы ййи и одогналы. На другый день сынъ росказавъ людямъ. Одкопалы ййи, колы вона лежыть уже не такъ, якъ слидъ мертвецямъ. Пробылы тоди люде жинку осыковымъ колкомъ.

Записалъ въ с Муравейкѣ, Черниг. у. Отъ Мир. Лобуса Иванъ Мущій. Сообщила М. С. Чудновская.

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обороняе.

Одна дивчына выйшла съ хаты и бачыть—у церкви свіѣтытсье. Вона пишла туды, ажъ тамъ мертвыи говіѣють. А хресна матка ййѣ вгледила та й каже: «Иды, дочко, швыдче, а то якъ угледыть тебе руодна матка, такъ иззіѣсть». Такъ вона и втекла. А друга тожъ побачыла, шо свіѣтытсье, прыйшла, а руодна матка и вгледила, прыйшла до нейи и стала распытувать:

— Шо тобі, дочко, саме важче?

А та каже:

— Мени, мамочко, саме важче мачуси годять та сорочку робить.

— Якъ же тобі важко сорочку робить?

— А якъ же? Поки ййи посіѣй да пополы, тоди воно поросте, треба його побраты, тоди посушыты и помолотыты, тоди помочыты, потягаты, посушыты, потерты, помъяты, помыкаты, попрясты, помотаты, посноваты, навыты, у нить кыдаты, у бердо, тоди въ набылкъ и заткаты, и выткаты, и вбіѣлыты, и пошыты, и надиты...

И такъ вона розказуе матци, а сама задкъ йде, а матци здається, що вона стойить изъ ею гомонить. Тоды вже й до хаты такъ дойшлы, а дивчына задкъ одчынула хату и вскочыла въ сіѣны и двери засунула. А матка тоды каже:

— Ну, щасте твое, а то бъ я тебе ззіѣла.

— На що бъ же вона ййи ззіла?

— Такъ дуже зрадѣла, що побачыла.

С. Жеведь, Черниг. у. М. Н. Гринченко въ 1899 г.

167. Завишєный не має на тимъ свити СПОКОЮ.

У сєли Муравейци повисывся одынъ чоловикъ, и отъ якъ його закопали у землю, и ставъ винъ по вулицяхъ ходыты. Иде та й спиває писни, а якъ дайде до своей хаты, то такъ голосыть, що ажъ сумно стане, якъ почувешъ. Така тамъ, кажуть, и жинка є, вона тежъ ходыть по сєлу и спиває, або голосыть.

Записала въ с Выбляхъ Черниг. у. отъ Петра Курильца М. С.
Чудновская.

168. Мертви говіють.

— Чы у васъ буває въ пуость глухый тыждень?

— Ни, не буває. А въ васъ же колы буває? И шо жъ то за глухый тыждень?

— То такъ зветьсе: глухый тыждень. У пуость на другому тыждни буває. Тоды не говіють, и въ церкви не правытсе. Кажуть, шо тоди опасно правыть у церкви, бо тоды мертви говіють.

С. Жеведь, Черниговск. у. М. Н. Гринченко 1900

169. Мертвыхъ треба помынаты.

Почувъ одинъ багатый чоловикъ, шо його бидна сусидка на диды ничего не варыла, и позвавъ ййи до себе. Погостювавшы, уже пизно жинка верталась додому. На вулицы обступылы жинку мертвякы, и вона чуть живая ускочыла у свою хату. Замкнула вона двери, колы дывытсе: уси тйи мертвякы пидъ викнамы и плямкають ротамы. Поставыла скоришъ жинка пляшку зъ водою и чарку, бо такъ, кажуть, годытсе, щобъ мертвякы у хату не загледалы. Тоди воны годи плямкаты и пишылы соби зъ пидъ виконъ.

Записала въ Черниг у Отъ Марьяны Новиковой М С Чудновская.

Другой рассказъ на ту-же тему, записанный въ Козелецкомъ уѣздѣ Черниговской губ Ал Шишацкимъ Иличемъ, напечатанъ въ № 24(стр 269) «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1853г. Такъ какъ въ настоящее время почти нѣтъ возможности пользоваться этимъ изданіемъ, ставшимъ большою рѣдкостью, то мы перепечатаемъ здѣсь этотъ рассказъ

Уже то наши покойные диды не дарма выдумалы помершыхъ помынаты. . Стало быть тутенькы е такы якасы польза, якъ вы звольте мовляты. Бо старые люди кажуть, шо екъ не стать помынаты покойныкывъ, дакъ

Йимъ таменькы тяжко буде лежаты. Видъ того вони и сняться частенько и по хатамъ опивничъ мусяць блукаты, и шкоды часомъ роблять. Отъ, примиромъ сказаты, у насъ,—усе село про тее знае, що баба Семена Ковалева,—винъ, бачъ, держыть Федорцивну, изъ роду Малышивъ,—якъ тилькы вмерла, то й почала ходыты у господу. Було, якъ тилькы пивничъ глупая зайде, ще до трейтихъ пивнивъ, то въ хати, якъ уже вси хропуть соби смертельно, тыхесенько видчыняються двери, и баба Семенова у билому покрывали й суне... Бува, хто небудь, то й чуе, и бачыть, якъ вона посудыною на польци стука, то по хати росхожа, то ухватыть, бувало, метлу, выйде у садъ та й ну роспужувать воронне, що спыть на яблони, чы то на груши, а сама распатлана, выскалывши зубы, усє знай махає митлою та крычыть: «Го-го! Го-го!..» Разъ, кажуть, прыйшла опивничъ, а въ печи выпекався хлибъ; такъ що жъ вона зробыла?—Екъ ухватыть лопату, що хлибъ сажають, та екъ почала мисыты уси хлибы умисто, то таке накойила, що ни близько... Хлибъ—хоть собаци выкынь!.. Ще й лопату у печи зоставыла... Капосты такыє частенько вона, бувало, робыть; а знаете видъ того, що зроду було ни хто объ ній не помолыться, ни шага попу не дасть на часточку, ни паныхыдкы не поставыть, а екъ стали паныхыды правыты та зъ людмы помынаты, то й перестала опивночи ходыты...

170. Панъ-упырь.

I.

У Чарнигови бувъ одинъ панъ. Отъ якъ винъ умеръ, його заховалы; та ще тоди мабуть не печаталы, якъ теперь, не заклыналы душу, щобъ не ходыла, отъ и почавъ винъ йиздыть зъ того свиту. Прыйиде та й давай наймытивъ роспытувать, якъ що робыться, а якъ що не

по його, то и бывъ Наймыты стали докладаться объ снй архирею. Архирей ставъ пидстерегать того пана. Йиде разъ панъ у карети тройкою, а на зустричъ йому йиде архирей, та й прочытавъ молитву,—се було на Красномъ мосту. Панъ и зарывся пидъ мость. Позвали людей, почалы на тимъ мисти копать и одкопалы пана. Лежить панъ и съ пидъ лоба дывтыся и сміється. Узялы тоди осыковый колокъ и пробылы йимъ пана, а кровь якъ свыснула цивкою, то ажъ на тры аршыны угору была. И писля сей панъ уже зъ того свиту не йиздывъ.

Записала въ Черниг. у отъ М. Плиски М. С. Чудновская

II.

Давно колысь, ще якъ у Чернигови бувъ архиреемъ св. Феодосій, умеръ одинъ багатый панъ Б. И ставъ винъ съ того свиту йиздыть по Чернигову. Тилькы було смеркнеться, то винъ уже и йиде у карети, четверыкомъ вороныхъ, съ кучеромъ и хварейторомъ на козлахъ. И такъ винъ йиздывъ шовечера.

А одного разу ще не смерклось добре, а Б. уже йиде по Трысвятський гребли. «Хто йиде?» пытають люде.— Б.,—каже хварейторъ. Тутъ одинъ чоловикъ махнувъ хрестомъ: «Будь же ты, Б., проклять!»—каже винъ Заразъ и кони, и карета де й дилысь, тилькы у болоти, що николы не высыхае, дуже загурило. И съ того часу Б. уже бильшь не йиздывъ.

Записъ въ с. Выблякъ Черниг у отъ М. И. Чернискои М. С. Чудновская

171. Не беры ничего въ мертвяка.

А то разъ парубкы й дивкы ишлы черезъ гробкы. Багато йихъ, такъ и не бояться. Колы встае проты йихъ мертвякъ—высокий, высокий у билому, и голова билую

хусткою накрыта. Одна дивка пидбигла та й ископыла зъ головы хустку. А воно якъ загуде, такъ той мертвякъ не знать де й дився. Вони полякалися та тикаты. И та дивка хустку кынула та тикае. Прибиглы на досвиткы, двери защипнули, думаютъ—слава Богу, втеклы. А та дивчына дывыться—ажъ хустка въ нейи. Колы чуютъ—якъ загуде, якъ загуде—ажъ то той мертвякъ—прыйшовъ пидъ викно, каже: «Подай мое!» Вони полякалися, ажъ трусются, а воно все: «Оддай мое!» И такъ ажъ помы пивни заспывалы. Тоди загуло й не стало його.

Отъ тій дивци й кажутъ:—«Пиды на гробкы и положи хустку йому на могылку!» Вона такъ и зробыла: однесла хустку и положила йому на могылку. Отъ попрыходылы вони зновъ на вечорныци. Колы такъ опивночи якъ загуло, и впгять воно пидъ викнамы ходыть, крычыть: «Оддай мое!» А хустка вже впгять у дивчыны. И такъ якъ почало, такъ що ночи. И палылы ту хустку—ни, не пособляється, упгять и стане въ нейи. Та вже дивка бидна ажъ иссохла, такъ журыться. Одъ тоди й прысовитувалы люде, щобъ поклыкаты батышку його заклынаты. Батышка прыйшовъ у ту хату, почалы правыты. Колы воно такы прыйшло и крычыть: «Оддай мое!» Отъ батышка вже повичытувавъ усе, тоди ту хустку начепывъ на рогачъ и давъ дивчыни, щобъ вона такъ подала. Тоди каже: «Одчынить двери!» Одчынылы двери, воно увийшло и крычыть: «Подай мое!» Дивчына дае хустку на рогачи—не бере: «Рукамы брала, рукамы й надинь на мене!» Тоди дивчына накынула йому хустку на голову, а воно ййи за руку—якъ загуло, такъ не знать, де й дилося. А дивчыны й по сей день не бачылы.

— Де жъ вона дилася?

— Соби забрало.

Харьковск. губ. М. Н. Гринченко 1883.

172. Маку держыць мерца вѣ труни.

— Оце Амосъ умеръ, такъ я боюсь и за воротымы сьдѣць.

— Чого?

— Вуонъ було якъ іѣде, такъ стане на мосточку та й погомоньт изо мною. Такъ я й боюсе теперь, що побачу його тамъ.

— А хьба вы чулы, щобъ мертви ходылы?

— Хто-й-зна, кажуть, шо ходять. Отъ у насъ у слободѣ якъ умерла одна баба, такъ хьба не ходыла до дому у ступи товкты?—Колы не віѣрыте, такъ попытайте оту дѣвчыну Параску, шо ходыть до мене, то ййи баба.

— Ну, розкажить же, якъ вона ходыла?

— Значыть, якъ поховалы ййи, такъ перву нуочъ бабы надъ колывомъ сьдѣлы. Тожъ уже вѣ насъ такъ шо старыйи бабы надъ колывомъ сьдять. Отъ вони чують—товче шось у хлеви вѣ ступи. Ну, бабы не побоялысе: узялы свѣтло и пишылы вѣ хлѣвѣ, одчынылы двери, подывылысе—ничого нема. Увойшылы вѣ хату—впѣять товче. И на другу нуочъ товче. Вони тоди, значыть сынъ та невіѣстка, вынялы товкачъ изъ ступы до дванадцяты день. Йимъ такъ сказалы, шо вона до дванадцяты день ходытыме. Тоди якъ выйшло дванадцять день, вони однеслы товкачъ у ступу, и впѣять вона товче. Такъ, кажуть, шо привозылы вони батюшку тыхенько рано-рано на гробкы, щобъ заклянавъ, такъ тоды вже й не стала ходыть. Ще жъ и макомъ за нею сѣялы, та й то ходыла.

— Якъ же макомъ сѣялы и на шо?

— То вона, бачыте, шось знала, ну просто, кажуть, шо вона віѣдьма була. Такъ уже ййи якъ ховалы, такъ невіѣстка завъязала маку-выдуты у вузлыкъ и вѣ домовину положила и мойой матци дала маку тожъ выдуты,

щобъ за домовною сіѣяла. Такъ моя matka приходить та й каже:

— Ну вже Васылыха шось знала, недурно мени дали за домовною макъ сіѣяты.

— На що жъ макъ сіють?

— Ото жъ вона якъ устане щобъ иты, такъ йой треба макъ поличыть и той, шо въ дымовини, и той, шо по дорозіѣ. Поки поличыть, то вже й не вспіе дойти. А ця така була, шо й поличыть, и прыйде.

С Жеведь М. Н Гринченко.—См. въ этой книгѣ въ отдѣлѣ II № 34, X.

173. Мертва живе на земли.

Була у однійи жинкы тилькы одна дытына и та умерла. Такъ мольла маты Бога, щобъ хочъ у снѣ побачыть свою доньку. Иде вона на диды, колы идуть йийи покойни батько, матирь и зъ йимы и йийи дочка. Ухопыла жинка свою дытыну та скоришь додому. И такъ прожыла зъ ею ажъ цилый рѣкъ, никуды не пускала видъ себе свою дочку. Прыйшлы зновъ диды.—«Ну, каже дочка,—пишлы наши—пиду й я!» И де й дилась. Записала въ с. Выбляхъ Черниг. у. отъ Марьяны Новиковой М. С. Чудновская.

174. Закладъ.

— А я мертвыхъ не боюся.

— Бо дурна! Грихъ мертвыхъ не боятыся.

— Чого тамъ грихъ? Я бъ наче й на гробкы вночи сама пишла.

— Пишла бъ, такъ уже вдруге не ходыла бъ.

Стара баба:

— Ни, якъ такъ питы, такъ воно ничего, а якъ закладатыся, такъ грихъ, и то вже не мынется. Одынъ

парубокъ закладався, шо, каже, пиду на гробкы въ глупу пивничъ. Хлопци кажуть:

— Не пидешъ!

А винъ:

— Пиду. Отъ давайте объ закладъ, шо пиду!

— Ну, а почому жъ мы взаемо, шо ты тамъ бувъ? Ты жъ насъ одурышь.

— Идить слидкомъ за мною, то й побачыте.

— Ни, мы не пидемо' якъ за тобою поженеться, такъ тоди й намъ не мынеться.

— Ну,—каже,—такъ я оцю хустку гвиздомъ до хреста прыбью.

Ну, добре, узявъ винъ молотокъ и гвиздокъ и пишовъ. Пишовъ, а ти дожыдають. Ждать-пождать—нема; ждатель-пождатель—нема. И до свиту нема. Якъ розвыднылось,—ти хлопци на гробкы, ажъ винъ коло хреста мертвый лежыть, и хустка до хреста прыбыта. Сталы його пидниматы—шось не пускае. Воны полякалыся, а тоди роздывылыся, ажъ винъ изъ хусткою чумарку свою до хреста прыбывъ.

— Отъ бидный! То жъ винъ мабутъ подумавъ, шо його мертвякъ держыть та й умеръ съ переляку.

— Дурни вы! А черезъ шо жъ винъ чумарку гвиздомъ прыбывъ? Ото жъ його й накарало, щобъ не закладався.

Славяносербскій у. Екатеринославск. губ. М. Н. Гринченко.

Два варианта этого разсказа, записанные неизвестно кѣмъ въ Черниговскомъ уѣздѣ были помѣщены въ № 27 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1852 г (стр 286 и 287) Такъ какъ это издание представляетъ въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость, то перепечатаваемъ ихъ отсюда

1. Да тее Бухъ его знае, чи можно (иты въ закладъ) *), чи нѣ, а все таки тее кажуть, шо Божому

*) Записыватель говоритъ, что по понятю поселянъ закладываться или держать пари—ужасный грѣхъ, или, какъ они выражаются, грѣхъ *непрощенны*, что закладъ выдуманъ самымъ старшимъ чортомъ, что въ закладъ идти все равно что лишить себя жизни или умереть *намо*.

чоловѣку нѣякъ нельзя. Аже жъ бачте, якъ старыя люде кажуть: борони Боже ити въ закладъ. У насъ колись було таке диво, пане... Ось послушайте, коли хочете.— Колись муой покойный дѣдъ, нехай царствуе, перомъ ему земля... Аже жъ ты знаешъ его, Майсѣй?—А якъ же таки я не знаю? Лаврѣнъ Криволапенко, що живъ колись на концѣ кле Чепелихи вѣдмы? Ге, ге, знаемо усѣ!—Декъ от-той же дѣдъ намъ колись розказувавъ, що екъ бувъ вуонъ парабкомъ ище, такъ, бачте, збирались на масляну недѣлю гулять, наняли уже, бачте, того музыку, напилисе усѣ гарѣлки, да й ну гулять; а деле вже, екъ понапивались добре, декъ одинъ паробокъ и каже:

— А нуте лишень, братцѣ, хто пуойде въ закладъ со мною: нехай хто трейки оббежить кругомъ старого шпиталя, где, кажуть, щось такее усе гуде, неначе собака, да ще, обѣгши кругомъ, нехай и палочку устыркне у землю супротивъ того угла, гдѣ образы Божіѣ колись стояли; тому, хто сее такечки изробить, кварта горѣлки.

Отъ одинъ обобрався, каже, такій знатны, хибѣтливы хлопецъ, да й пошовъ бѣгать. Три разы оббѣгъ, да й ставъ палочку устыркать у землю супротивъ того Божого угла, гдѣ образы стояли; нагнувсе, да якась и прыстыркнувъ тею палочкою полу одъ своѣ свиты; прыстыркнувъ да й сидить тамечка; ждали, ждали—немае паробка.—Що це тее за знакъ,—кажуть,—пуойдемъ, подивимось. Пришли, ажъ сидить; гукать—не чуе; коли пришли, ажъ вуонъ мертвы. Тутечка усѣ полякались да оттудова утекомъ. На другій день наѣхавъ судъ: зняли паробка того зъ землѣ, вертѣли довго, глядѣли, питали, каже, у насъ; мы кажемо: Не знаемо нѣчого, хто его знае. Декъ уже стали усѣ у селѣ казать, що оце все одъ закладу, що вже оце чортъ икъ сабѣ его взявъ да на юомъ теперечка їздить, бо вуонъ себе заложивъ

ему.—Оттакее то, вашіѣ высокіѣ благородіѣ, лыхо одъ сего закладу.

2. Що це, пане, за причта, що тутечка за диковина? Отъ то диковина, що колись, кажуть, десь тутечка кле могилокъ, у напуомъ, бачте, таки й селѣ, стояла церква Божя и звониця кле тоѣ церкви була, теперь уже и мѣста того не знать; дакъ кажуть, що оттакечка на каляды позбирались хлопцѣ и дѣвки гулять, да вже, сказано, не безъ горѣлки гуляють; гуляли от-то вани до самоѣ пуовночи; нуочь була хотъ око выколь, така вельми темна, а хуртовина така зняласе, що й свѣту Божого не видно, мете й несе.

— От-то, братцѣ, кажуть, яка знялась хуртовина и нуочь темная екая; от-теперечка екъ бы хто бувъ добры молодець да одваживсе пробѣгти до церкви, да послу-хавъ, що тамечка теперь спѣвають мертвяка.

А одинъ такъ зарезъ и каже:

— А шо жъ, що минѣ за тее буде?

— А то жъ и побѣгъ бы?—кажуть ему.

— А шо жъ, пойду; ще, коли хочте, каже, полѣзу на звоницу да зниму серце зъ звона и сюды ще й при-несу.

— А нужъ, ну,—кажуть ему,—отъ же бо не зробишь сего.

— Отъ же зроблю, давайте хто у закладъ.

Тутечка одинъ подбѣгъ и заложився объ пов-кварти; а паробокъ за двери. Тутечка давай зъ его усѣ смѣятця:

— Нехай,—кажуть,—добре пробѣгаетця да якую не-будь вѣдьму поносить на плечахъ!

Ажъ, коли сее кажуть, вуонъ уже и стукае у двери:

— Очинѣть, каже, хлопцѣ!

Вани очинили, диветця, ажъ у его у рукахъ справдѣ сердце одъ звона. Уже тутечка, якъ не були пъяны, а такечка одъ сего усѣ и помлѣли; страхомъ такечки и ошибло усѣхъ: одинъ за другого ховаютця, и самъ тей паробокъ, шо закладався да знявъ зъ звона сердце, такій прибѣгъ бѣлы, екъ полотно; ничего нѣкому не говорить, стоѣть кле порога, да ажъ увесь труситця; дѣвки усѣ полякались, ховаютця; а деле вже одинъ якось одумавсе да й каже.

— Шо це, братцѣ, мы робимо,—аже жъ намъ бѣда за сее буде; нехай скорѣй несе да повѣситъ; а то нѣчимъ буде й до церкви Божоѣ позвонить.

А тей уже, шо знявъ, и каже:

— Нѣ, братцѣ, уже самъ не понесу, боюсь, шось уже за мною бѣлее гналось, да все крычало: а на шо, каже, ты знявъ, на яку потребу, яке твое дѣло, на шо, каже, заложивъ свою душу?

От-тутечка ще й боольшъ усѣ полякались, а дале и кажутъ:

— Понесѣмо, братцѣ, усѣ: воно, може, побоѣтця, якъ насъ буде богато.

Взяли тее сердце, понесли, причепили зновъ, якъ воно було, да й вернулись, шобъ, бачте, провести дѣвокъ додому, коли туольки шо въ хату, ажъ екъ схватитця вѣтеръ, да засвище шось такее у окна, да зареве, декъ ажъ стены у хатѣ затрѣщали; а деле викно ододрало да й каже, кинувши сердце одъ звона на стуоль:

— Оце табѣ сердце; коли самъ изнявъ, дакъ самъ иди и повѣсь!

От-тутечка усѣ якъ мертвы постали; а тей, бѣд-няга, кажутъ, узявъ сердце да й пошовъ на звоницу, шобъ причепить, бо вже, бачъ, робить тутечка нѣчого, коли велено. Пошовъ да оттудова й не вернувсе. Серце на завтре було причѣплено такечки, якъ воно й було, не-

наче, казавъ паламаръ, нѣхто нѣколи его ѣ не знимавъ, да паробка не знайшли: хто его знае, де вуонъ дѣвсе. Уже нескоро матцѣ покуйнаго приснивсе сонъ, неначе гледить вона, «ажъ сынъ, каже, муой знимае нащось сердце зъ звона, коли бѣлее щось, вано неначе ѣ чаловѣкъ, такъ забѣгло ему ззату, ухватило посерединѣ да зъ ѣмъ уземлю ѣ пошло».—Отъ якъ закладъ сей робить, пане, и що вже тутечка чалавѣку супротивъ Богаѣ силы ити!...

VI.

О людяхъ съ чудесною силою
(вѣдьмы, ворожки, волшебники и пр.).

175. Видьмы вчаться видьмыты.

I.

Якъ повибывала Устя Гордіенчыха ноги, падаючы въ воза, то йій пораялы привезты зъ Смилы костоправа (а костоправъ той славься на всю округу). Отъ и привезлы його у Иржавецъ. Зробывъ винъ, що знавъ тимъ ногамъ Устынымъ и попрохавъ одвезты його назадъ. Запрягли коня, и сама Устя налагодылась йихаты зъ нымъ. Це було дуже рано, удосвита. Йидучы черезъ иржавську греблю, дидъ штовхнувъ ликтемъ Устю и показавъ рукою на берегъ. На берези стоялы дви жинкы, а коло йихъ несчылєнна сыла усякого гаду.

— Ото бачышъ тыхъ жинокъ,—то дви видьмы доучуються видьмыты, а ту гыбиль гаду, що коло йихъ, бачышъ,—безъ того гаду навчытысь видьмыты не можна.

Устя съ переляку заплющыла очи и мерщій погнала коняку. Усю дорогу вона боялась балакаты съ костоправомъ, навить глянуты на його не насмилялась.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко.

176. Въ науци у знахаркы.

Давно колысь, ще за паншыны, у насъ такы въ Иржавци та жыла моеиґ бабы баба—Рыхвенка. Багащко де чого волошебноґ знала вона, а тымъ и ославылась навкругы, якъ найкраща знахарка й шептуха; люде до нейи такъ и рнулы, такъ и рнулы за всякъмы порадамы. О, вона була дуже знахоровыта людына!—усимъ помагала, а кого, то й навчала де чого. Одного разу прыйшла до Рыхвенкы моеиґ такы бабы свекруха—Хвеса та й прохае:

— Навчить мене, бабусьо, хочъ де-въ-чимъ знахоруваты!

— Добре, моя дытыно, навчу,—вже кого-кого, а тебе навчу—я стара людына, день мени вику, та воно й не потрибне вже мени,—хочешъ, я видьмуваты навчу тебе?

— То й навчить,—одказала Хвеса,—а за се я вамъ дурно не схочу, щось та перекину.

Отъ баба Рыхвенка й каже:

— Пиды жъ ты спершу на базарь та купы нового горшка, намитку и съ пивъ моташкы заполочи,—тыльки жъ гляды, не торгуйся ажъ ни трошкы, щобъ не заправылы, те й давай. Якъ все це вже здобудешъ, тоди й приходь до мене, та тыльки на ничъ.

Хвеса все такъ зробыла, якъ велила Рыхвенка и одного вечора прыйшла зъ покупкамы до нейи. Рыхвенка поралась коло вечери и звелила Хвеси посыдиты покы шо. Незабаромъ Рыхвенка упоралась. Насыпала вечерять, повечерялы уси, и дидъ—старойи такы чоловикъ—полизъ соби на пичъ, а воны, обыдвѣ, взялысь мыскы та ложки мыты. Якъ почула Рыхвенка, шо старый вже хрищъ, вона штовхнула Хвесю та й каже:

— Ходимо, моя дытыно зо мною! Якъ разъ гарна по-

ра настала, теперь нигде вже й никого немає на шляху, безпечно буде йти,—ходимо на гробкы!

Выйшли на двирь, а на двори хочъ въ око влипы, такъ темно. Идутъ вони по пидь тынню, а Рыхвенка й каже:

— Гляды жъ, щобъ за однимъ духомъ набрала писку въ горщокъ на гробкахъ, бо якъ не наберешъ за однимъ духомъ, то дило не вгорыть.

Прыйшли ото вони на гробкы. Хвесю такъ страхомъ обгорнуло, що якъ набирала того писку въ горщокъ, и нигъ не чула пидь собою, такъ ии трусъло—навить согришыла килка разивъ. Якъ вже нагребла писку, тоди Рыхвенка звелила Хвеси, щобъ вона обвинула той горщокъ намиткою и обьязала по пидь винцямы намитку заповлоччу. Зъ гробкивъ пишлы вони прямо до ричкы—на Пылявську греблю, що була ще колысь за пана Янька зъ невеличкымъ млынкомъ. Надійшовшы до самойи ричкы, Рыхвенка й каже:

— Хвесю, я хочу все свое знахирство здаты на тебе, бо я вже совсимъ нездуженна до сього, а ты людына ще молода и кремезна.

— Навищо воно мени здалось!—ажъ крыкнула Хвеса,—мени тилькы хотилось знаты, якъ заговорюваты панивъ, та де яки шепты одъ пошестивъ... всього мени не треба знаты, цуръ йому, пекъ!...

А Рыхвенка и каже ййй:

— То було бъ же такъ и казаты, що не хочешъ, а теперь вже ничего не поможеться, мусышъ те робыть, що скажу: розъязуй горщыкъ та скидай намитку зъ його й накынь йййи соби на плечи!

— Ой, матинко, не хочу, я цього, нехай йому ледащо!—крыкнула Хвеса и кынула намитку, заповлочъ та горщыкъ зъ пискомъ додолу, на писокъ. Якъ упало все те дыво коло ричкы, то вода такъ и зашумила, и заклекотила у ричци, мовъ у лотокахъ, або де инде.

Хвесья стояла сама не своя и трусылась съ переляку, якъ одъ пропасныци.

— Ну, про мене, якъ не хочешъ, то й такъ буде,—якъсь сердыто промовыла Рыхвенка:—визымы жъ писку зъ горшка, та, прынамне, сыпны разивъ два у воду!

Хвесья съ переляку не знала, що й робыты—вона то въ той, то въ другый бикъ нибы порывалась бигты, дали нахылылась до того горшка, достала писку, та—порось, порось! нымъ у воду. Якъ глянула жъ вона на берегъ, а тамъ—ажъ кышыть, ажъ шыпыть увесь берегъ гадомъ... та ще й якимъ гадомъ—якъ полозямъ! Юртується той гадъ, лазыть одно на одного й до Хвеси наблыжається... Якъ закрычыть вона, якъ заверещыть на все горло, та звидить мерщій—хода до дому... Съ того часу цилый мисяць вона не вставала съ постели, ажъ занедужала съ переляку. До Рыхвенки не тилькы сама бильшъ никола не ходыла, а й другимъ заказувала не ходыты и не вчытысь усякыхъ хымородивъ.

Каневскій уѣздъ. В. Ф. Степаненко

177. Одъ видьомъ.

1. Щобъ видьмы не ходылы до коровъ, треба нарвать на Ивана Купала конопель и поховаты у хливи. Тымы коноплямы выганяты коровъ у пастушъ и якъ женуть, видьмы будуть пидходыты и просыть оддать конопля.

Ще годыться у сей день нарвать кропывы и поставыть круга виконъ.

С Выбли Черниг у. Отъ Ивана Мосича М. С Чудновская.

2. Якъ видьма видбере молоко, то добре пидкурюваты корову зиллемъ священимъ на Ивана, робыты па-

ру зъ цыганськихъ жужливъ або зъ назбираного зъ дороги каминня.

Восточна Галычына Болекивъ коло Стрмя. Записала Н. Кобринська.

178. Якъ побачыты видьму.

1. Щобы видьму бачыты, треба засидаты на ню у великый четверъ, або ще липше на Юря, бо тогды найбильше видьмы шастаються.

2. Якъ трафытыся полино, що мае у соби сукъ, то якъ той сукъ выпадє, треба подывытыся черезъ дирку, то тогди абы яка видьма, то мусыть показатыся.

№№ 1 и 2—Восточна Галычына Болекивъ коло Стрмя. Записала Н. Кобринська.

3. Якъ хто умре на ваговины на маслену, то выберы у трискахъ изъ труны такую трисочку, щобъ була дирочка одъ сучка, и якъ подывышыся у тую дирочку—побачышь усихъ видьомъ.

4. Наличы трейчи по девъять голокъ, положъ на сковороду, налий молокомъ и уставъ у пичъ. Якъ такъ зробышь, видьма прыбижыть до тебе у хату.

5. На Велыкдень, якъ обійдуть на утрени круга церкви и стануть уходыты у церкву, треба де небудъ недалеко стать и дывытыся, колы хочешъ побачыть видьомъ. Воны будутъ уходыты позаду усихъ, и кожна буде цюловаты у замокъ.

№№ 3 и 4 (с. Выбли Черниг. у) № 5 (Рыльскій у. Курск. г)
записала М. С Чудновская.

179. Чымъ видьма являється.

I. Видьма лодыною.

А. Разъ одынь чоловикъ пошовъ гулять, ажъ бачыць, щось попередъ його иде вродли чоловика, дакъ винъ ставъ його наганяць, а далей каже: «Чоловиче, пожды мене!» А воно мовчыць, дакъ винъ тоди бигомъ за нымъ, а воно навпроты його да давай його давыць, а чоловикъ не могъ промовыць слова, а далей давай чытать молитвы, дакъ воно и пошло одъ його, и винъ никоы того уже не бачывъ. Се видьма.

С. Выбли Черниг. у Записаль ученикъ нар. школы Иванъ Новикъ.

Б. Одного разу чоловикъ ишовъ изъ гульни; да тилькы що дойшовъ до Павла, ажъ щось у хворточку иде, глядь—видьма, да за йимъ, а винъ не вельмы испужався, да давай ламать колокъ зъ плетня, а вона и иде до його, дакъ винъ на ейи замахнувся колкомъ; а видьма все такы на його лизе, тоди чоловикъ куды выдно и утикъ.

Записаль ученикъ Wybельской школы Иванъ Новикъ.

II. Видьма овечною.

Чотыри годы уже пройшло, якъ бачывъ я сюю нечысть. Гулялы мы весилля якъ разъ на святу недилю. Проты четвертого дня святойи мы упгъятьохъ, пъяненкы правда, такъ якъ опивночы ишлы по домамъ изъ весильного дому. Коы дывымось, бижыць по улыци проты насъ чорна овечка; мы за нею; коы изъ овечкы зробывся чоловикъ; мы й за нымъ; винъ тоди якъ чкурне, тилько його й бачылы,—хто його зна, де винъ и дився. По моему то буда видьма.

Отъ рабочаго Платона Бартоша (неграмотнаго) въ с. Свѣтильномъ Остерскаго у. Черниг губ. И. Е. Коноваль 1899.

III. Видьма щенягъ, сорокою.

У насъ у Кулыковци у одного чоловика, звяняй-те, отелылась коровка, ну чоловикъ и жинка сядять ждуть, щобъ узять телятко у хату. Колы дывляться, де не возьмысь щеня, та туды жъ до коровы. Вони и байдуже, думалы, що мо сусидське. Забралы телятко и коровку погнали у хату—и щенятко слидомъ. Уходять у хату, колы уже изъ щеняты та зробылась сорока. Поймавъ чоловикъ ту сороку и выйнявъ ййй ножемъ око; колы передъ йимъ уже жыдовка Юдыха, и кровь бижыть изъ ока. И давай тоди жыдовка кланяться чоловику та просыть, щобъ винъ никому не казавъ. «На, каже, тоби пятьорку, та здилай мылость не розкажуй!» Узявъ той чоловикъ пятьорку, а на завтра и розказавъ людямъ, якъ було дило: «Оде, каже, у мене пятьорка и Юдыхине око: бережиться йи, бо вона видьма. Одговарувалась, одговарувалась Юдыха: «Се я, каже, сама себе шпыркнула у око, розбиравшы курку», а дали одъ сорому и зовсимъ убралась изъ села.

С Кулыковка Черниг у отъ М Ревкиной М С Чудновская

IV Видьма собаню.

Одынъ чоловиѣкъ ишовъ, а сучка йому на плечи скуокнула и лапы поклала. Вуонъ узявъ за лапы и несе и такъ лехко, шо и не пудсовуе. Нюосъ, нюосъ, а тоды вона выковзнула, скуочыла за плуотъ ще й зареготалась. А моейи хреснойи маткы батько, такъ той у хату внюосъ и хотіѣвъ лапы поодрубовать, такъ вона зробылась жуонкою. Ще й яка жуонка—кума його. Стала просытьсе, такъ вуонъ и пустывъ. Такъ у його не можна выковзнуться, бо серга золота у вуси.

— Значыть у кого серга у вуси, у того не выковзнеться?

— Ніѣ, не то шо серга, а въ кого золото е: хочъ

серга, хочь перстинь золотый або гроши, такъ у того й не выковзнетсе.

С Жеведь Черниговск у М Н Гринченко

Вариантъ разказа о явлени вѣдьмы собакою, записанный П Косменко въ м Понорницѣ Кролевец у Черниг г находится въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 г, № 17, стр 113—114 Приводимъ его оттуда, какъ изъ издания сдѣланшагося библиографической рѣдкостью

Нѣ добродію, шо не гомонѣть, а нечиста сыла пахождае таки помежъ народу! Отъ, недалека кажучи и теперь ище живѣ чалавѣкъ,—нехай йому легка згадаецце!—на *Пиваравци...**) якъ бу його? Дай, Боже, дураку память!... Салабай!... Ишовъ, каже, разъ позвенька адъ Шендрика, да вже звѣсна, якъ идуть адтуля,—геть-геть пудъ чаркою, колы оттамъ, у Грицаевой юлочки, вадкуль не вазьмись сучка йому на плечи... «Э!—каже,—знаемъ, шо се таке! пастой же бѣсова ведюга, я тебе адучу народъ лекать!»—взявъ за лапы да й несе,—думка: дома распитаемось! Звѣсна, въ суцци вагата не велька, а то, каже, неначе сто пудовъ... «Дарма жъ, буду несты,—дума Салабай: нехай и шлунки забалать, дарма, а данесу!» Такъ то вѣунъ думавъ, да не такъ вышло. Бѣсова вѣдюга постерегла, шо вѣунъ ййи несе не на размову, да давай, каже, и сюды, и туды... «Э! нѣ, дудки, не въ такіе руки попалась, щобъ выкрутыця!»—да маторнѣй дадому. Шо жъ вы думаете? пересадыла, каже, морду черезъ плечи да й лызь езыкомъ по щечи, шо ажъ въ очахъ позеленило. «Дарма,—каже,—донесу!» А вана його вдруге... втрейте... Салабай и свиту не вбачивъ да зъ усихъ чатырохъ шибиряхъ объ землю. «Бѣулшъ ничего,—каже и не знаю...». Люде на завтра гналы череду, дакъ пуднелы його, а шкуры на щечи наче й не було,—и теперь ще шрамъ видны!

*) Часть мѣстечка

— Раскажуте, добродію,—выдумавъ! Хай бы се выдумавъ одинъ Салабай, а то жъ скыльки народу все одно да одно раскажуте. Злучаетце зъ нашимъ братомъ, що иногда и лышню выпьешъ, и пудъ плотомъ заночуешъ, а все жъ такы бува шкура на пыци цѣла.

— Вано такъ, вистымо, злучай злучаю розъ, да про сихъ проклятыхъ віѣдамъ знае й старе, й мале, и куды не пайды—все те жъ гомонять, що вони апавночи тѣ въ клубки, то въ свиней, то въ сучокъ перекидаютьце та коровъ доеть. Ярчукъувъ даветъ або людей лекають, або ще й иншіе капосты робеть. Нѣ такы добродію, нѣчого, е вони, проклетушійи, на свѣти. То що вы ще мало на свѣти живете,—поживете болшъ дакъ може—въ добры часъ поговарить, а въ лихи помовчатъ,—и вамъ злучитце пабачить йихъ нечистыхъ.

V. Видьма сытомъ, праныномъ, котомъ.

Видьма чымъ хоче, тымъ прокынеся: сытомъ, праныкомъ або котомъ.

Восточна Галычына Болехивъ коло Стрыя Записала Н. Кобрынська.

VI. Видьма полотномъ.

Вы сміетесь, шо мы вирымъ у видьмы, та у инше, а шо жъ бы воно було таке ось хоть се. Иду я разъ у обходъ, дывлюсь—середъ вулицы роскынуто красне полотно. Се, думаю, не къ добру. Узаявъ я та палкою и одкынувъ полотно, пройшовъ и дывлюсь. Ничъ була видна, мисяшна. Дывлюсь, нема коло мене никого и ніякого полотна нема. Такъ якъ бы се не видьма—де жъ бы воно дилось? И я не пъяный бувъ, щобъ, скажете, мени замыгало у очу.

С. Выбли Черн. у. Отъ Петра Курильца М. С Чудновская.

VII. Видьма стиною.

Икъ разъ у опивночь, колы саме ходять видьмы, одинъ паробокъ вертався изъ вечерныхъ. Тилькы шо

винъ повернувъ у вузеньку вулочку, шо по надъ боло-
томъ, колы передъ йимъ била, блысуча стина и заго-
родыла собою дорогу.

Постоявъ паробокъ килькы тамъ уже, а тоди якъ
розженеться, да у стину; такъ вона и розійшлась на
два боки, а паробокъ, мовъ полотно, прыбигъ додому.
С. Выбли Черниг. у Отъ Васылысы Шульгиной М. С Чудновекая.

180. Черезъ видьму убывъ чоловіка.

Ишли два чоловікы изъ шынку, колы жъ откуля не
возьмысь— видьма, та й скочыла на плечи одному чоло-
вику. Другый, побачывшы сее, хопывъ ломаку, та й да-
вай ййи быть. А люде жъ, бачте, кажуть, шо видьму
такъ прямо нельзя быть, а то не попадешъ, а треба,
щобъ пошасты, быть ййи тинь. А той чоловікъ та сьо-
го не знавъ: бье, та й бье видьму, не знае того, шо
винъ не ййии попадае, а чоловіка, та такъ и убывъ би-
долагу.

С Выбли Черниг у Отъ Емел. Лукаша М С Чудновская

181. Видьмы на Велыкденъ.

— Може въ городи й нема віѣдюомъ, ну, а въ насъ
есть. Оце на Велыкденъ на всконуошний якъ идуть круга
церквы,—якъ уже до Христа дочытаютьсе, та тоди й
идуть—такъ душъ коло двадцяты мужыкуовъ бачюшку
бережуть, щобъ вони за рызы не тягали.

— Хто?

— Та віѣдмы жъ.

— На шо жъ вони тягають?

— Значыть такъ йимъ треба.

— А вы бачылы?

— Вже жь бачыла. Такъ идуть люде круга церкви, а коло батюшкы мужыкы й парубкы. Парубкамъ особлыво цикаво віѣдуюмъ одштовхувать та быты. Такъ оце вони ліѣзуть, щобъ такы лапнуть за рызы, а парубкы якъ потурять изъ скуодцовъ та б'ють! А всіѣ люде дивляються, кого б'ють. А вже вposisi лаються бабы:—Ты сяка-така, тоби тольки попа за рызы тегаты!—И ще вони вспіѣшаються, щобъ попередъ попа за клямку въ церкви лапнутьсе. Двери жь зачынени, якъ круга церкви пойдуть, а якъ пудходять уже до дверей, такъ вони й бижать, щобъ попа попередыты, ну, й ихъ мужыкы та парубкы й потурять одъ дверей. Знаете, яка штука разъ була: ота баба, шо я казала, шо якъ умерла та прыходыла въ ступи товкты, такъ, значыть, вона ліѣзе, щобъ потягты попа за рызы, а сусіѣда одштовхнувъ йіѣ та й каже: «Шо се, всіѣ будемо попа за рызы тегать»? Ну, вона мовчыть. Отъ повходылы въ церкву, поставалы. И та баба стала коло того сусіѣды. А въ його коло верхнихъ штануовъ було два кгудзыкы та такъ кріѣпко вшыты. Постоялы, а вона йому й каже: «Хведоре, а шо це, всіѣ будемо штаны пудтягать?» Вуонъ глянувъ, ажъ штаны опалы. А якъ же кріѣпко булы кгудзыкы вшыты. Такъ вуонъ тоди каже: «Теперь уже не буду й ихъ чіѣпаты,—хай йимъ усячына».

Ну, теперь уже не такъ сталы, якъ одну добре повчылы. Ліѣзе та й ліѣзе, такъ йіѣ якъ штурхонулы изъ сходцуовъ, а тоди ще й набылы добре та й положиы у хатиѣ, у сторожціѣ. А тоди просли службы сказалы сынови йіѣ вже:

— Запрежы коня та заберы матку, а то вона впала та забыласе дуже.

Не хочуть уже, значыть, йому казаты, що вона віѣдьма, та такъ и кажуть. Такъ не менчъ якъ недіѣль сіѣмъ не вылазыла съ постели просли того.

— А батюшка знае, шо його бережуть одъ видьомъ!

— Звісно знає.

— А може жъ и не знає?

— Ніѣ, знає. У насъ у хатѣ чоловікъ одиный, Мыкола Семенцовъ, казавъ, що батюшка йому колысь казавъ: «Спасыби вамъ, господа, шо бережете мене, а то булы бѣ звалылы мене бабы».

С Жеведь Черниговск у М Н Гринченко 1899 г

182. Видьма на процессіи.

Якъ зъ процессією обходять церкву, то видьма николы не може тры разы обійты, якъ други обходять, лышь прыпреса до паркана та й чекає, ажъ обійдуть. Восточна Галычына Болехивъ коло Стря Записала Н Кобрынська

183. Видьма вночи видьмує.

Не зналы дивчата, що баба Палажка видьма, та й пошлы до ййи на досвиткы. Прялы тамъ вони, шылы до пивночи и збиралыся уже ложыться спать, щобъ ще и вранци устать на роботу. Не успылы вони полягаты, колы уси четверо дверей зразу одчынылысь, мовъ бы йихъ одчыныла нечыста сыла. Баба стояла середъ хаты. Перелякани дивчата глянулы на нейи, ажъ изъ ейи сама спала одежа и баба страшка зъ распатланымы косамы, зъ страшенно скрывленнымъ выдомъ, зъ пиною на губахъ, хопыла рубель и качалку и давай бигать по хати. Дивчата зъ переляку не зналы, шо робыть; екъ бы не мий батько, котрый ту ничъ бувъ обходчыкомъ, то вони бѣ мо тамъ и повмиралы. Батько, побачывшы сее у викно, гукнувъ дивчатъ и прывивъ ихъ до насъ ночувать безъ платкивъ и безъ юпокъ, бо зъ переляку вони и одежи одцуралысь.

С. Выбли Черниг. у. Отъ П. Муцкаго М С. Чудновская

—

184. Видьмыне молоцо.

Выслужывъ москаль двадцать пъять рокивъ, колысь же бачъ служылы двадцать пъять годъ, и ишовъ додому. На ничъ зайшовъ винъ до одніей бабы. Тилькы у опивночь вернулась баба додому. Москаль не спавъ и бачыть, якъ почала вона блевать, такъ молоко зъ ййи и лизе у тазъ, а у послідній разъ якъ блюнула, то ажъ загорилось. На завтра и подае вона москалю тее молоко.

— Ни,—каже москаль,—не хочу.

— Не хочешъ, каже, а поглянь, килкы молока, нема, каже, тіей коровы, щобъ я не подоила.

— Ну,—росказувавъ потимъ москаль,—и родывсь, и хрестывсь—не бачывъ такойи видьмы.

С Выбли Черниг у Отъ Петра Муцкаго М С Чудновская

185. Видьма продае масло.

Опя баба, що у осень умерла, кажуть була видьма: дойила чужыхъ коровъ.

Понесла вона разъ на базарь масло прѳдать, а панъ и затрымавъ ййи съ тымъ масломъ.

— Що се,—каже,—ты за масло таке продаешъ?—та за його та у польщю.

А баба скоришъ мижъ люде и утекла.

Несе панъ тее масло у горшку, а воно, кажуть люде, такъ изъ горшка и летыть, скано видьма: изъ чого вона його не робыла! Не знаю уже, чы донисъ панъ його скилькы небудь, чы мо такъ усе и повыскакувало.

С Выбли Черниг у Отъ Анастаси Шульгиной М С Чудновская

186. Будякове масло.

О, есть люде та ще й не абы яки знаючи. А отъ хоча бѣ и се. Одынъ панъ та найнявъ поденныхъ робитныщ на своихъ харчахъ. Отъ, вырядывъ винъ йихъ на поле, давъ йимъ хлиба, а до хлиба хоча бѣ що небудь,— хоча бѣ цыбулыну, гирочокъ, чы то солы дрибокъ, або що. Отъ якъ прыйшла обидня пора, посадалы уси у кружокъ та й давяться тымъ черствымъ однимъ хлибомъ. Йидять соби мовчки, а одна зъ жинокъ и каже: «Ну, та й скупа жѣ наша пани, ажъ ничогисинько до хлиба не дала; симъ коривъ на обори мае, здається, не зубожила бѣ, колы бѣ маслычка хочъ трохи дала». Друга молодыця, почувшы се, пидвелася и пишла соби геть на бикъ одъ гурту; пидйшла вона до будяка, що цвивъ било, та й почала за верхню квиточку його крутыть. Такъ крутыть, такъ крутыть, а дали пустыла ту квиточку, нагнулася и взяла съ пидъ будяка здоровенну грудку масла. Принесла те масло до гурту та й каже: «Йижте на здоровья!» Взялыся уси лусомъ до того масла и ажъ онъ якъ поналуплювалысь, тилькы воду попывають та дякують тйй молодыци за масло. Увечери робитныкы позиходылысь у двирь до пана, а пани и хвалыться йимъ, що бильшъ двоухъ годинъ удень колотыла масло й хоча бѣ ознаку бачыла, що воно злиплюється у сметану—не кажы, що сыроватку бовтала. Позырнула та жинка на всихъ молодыцъ, пидморгнула йимъ, а вони ййй та й мовчять соби—догадалысь, де дилось те масло, що пани цилый день войтузылася зъ нымъ. Онъ бачыте, яки люде трапляються! Отъ же розкажуи теперешнимъ молодымъ жевжыкамъ про се, то вони ще й не поймутъ виры, на кглузы пидймутъ.

187. Завитка и видьма.

Пишлы люде жаты, колы у жыти завитка. Полякальсь воны, бо завиткы роблять на смерть, або на яку небудь пакость. Кынувсь чоловікъ по батюшку. Прышовъ попъ и тилькы шо хотивъ вырвать завитку, колы летыть видьма на крылахъ и давай просыты, щобъ попъ не чытавъ молитвы и не чипавъ завиткы; «Я, каже, вамъ бочку молока прынесу». А потимъ хватыла борону, та шо вона ййи попотягала, та попопросыла, та тилькы ййи не послухалы.

С. Выбли Черниг у. Отъ Дорофея Мулача М С Чудновская.

188. Видьмамъ треба попилъ съ купалового ОГНЮ,

Якъ дивкы й хлопци поросходылись одъ купала, товаришъ мій и каже: «Вернимось до купала, та будемъ бачыть, якъ видьмы попрыбигають за попиломъ». Вернульсь Пождалы коло купала, шо уже стало затухать. Товаришъ мій держыть у руци лозынку. Колы бижыть видьма, та тилькы шо хотила хватыть попилу, а винъ ййи лозынкою, такъ вона и одскочыла. Тоди друга прыбигла, хотила хватыть попилу, товаришъ и ййи лозынкою. А третя бигла, та ажъ пина зъ рота, та шо вона попоскакала круга купала, щобъ ухватыть попилу, а товаришъ усе лозынкою, лозынкою, ну и не допустывъ ни одну.

С. Выбли Черниг у. Отъ Маркела Непомнящаго М С Чудновская.

189. Видьмамъ треба сыру зъ вареныка, що на заговини варють.

I.

Одного году молотывъ я въ чужомъ сели. Заговлялы на пистъ. Хто, пытаю, хлопци, хоче побачыть видьму, оставтѣ у роти сыру. Посміялысь, а я усе такы сыру за губою оставывъ. Полеглы спаты. И сныться мени, що якась жинка просыть оддать йій сыръ. Прокынувсь я—нема ничего; заснувъ зновъ, и зновъ мени сныться сее саме, а потимъ и утрейте. Давай я тоди будыть хлопцивъ: уставайте, кажу, бо видьма одыма у мене сыръ. Уже и на зору почало займаться, повставалы мы. Вынявъ я зъ рота сыръ и завъязавъ у поесь. У обида дывлюсь—бижыть дядьковъ сынъ Антонъ: «Иды, каже, скоришь додому—жинка зовсимъ умирае». Що воно думаю таке, мо се такъ видьма зробыла? Вынявъ я сыръ изъ пояса, щобъ ще бильшь не дратувать видьму, засунувъ у щиль и побигъ додому. Черезъ килькы день я зновъ вернувся до хазяйина, кынувся сыру, а його и слидъ простывъ: видьма украла, щобъ я на Воскресеніе йихъ усихъ не побачывъ.

С Выбли Черниг у Отъ Ефима Ювенка М. С. Чудновская

II

Якъ липлють вареныкы на заговини, такъ треба першыи якось намитыты, а якъ зварытыся, то высушыты його и увесь пистъ носыты въ пояси.

На Велькдень, идучы до утрени, положи його за шоку. То видьма пидійде, торкне за плече и прохатыме: «Дай мени вареныкъ!» А йій треба сказаты: «Дай неминяный рубъ!» Вона довго не даватыме, а тоди такы дасть рубъ той за вареныкъ. И того рубля вже чоловікови

на весь вѣкъ стане, абы тильки не купуваты одразу на весь Треба такъ, щобъ хочъ копійку здачи зъ його взяти, то й вернется упъять. А якъ не взяти здачи, то вже не вернется.

Богодух. у Харьк. губ. М. Н Гринченко. 1883.

190. Видьма краде нехрещену дытynu.

Якъ бы на двирь кынувъ нерозвязане помело, то прыйде видьма и выдуе зъ його видьмину, а потому кобы де лышь захопыла нехрещену дытynu, то заразъ пидминяе. Тому докы дытна нехрещена, мусыть свичка гориты въ хати.

Восточна Галычина. Болехивъ коло Стрия Записала Н. Кобрынська.

191. Видьма выпльовуе часточку.

На першому тыжни велького посту у суботу килькы чоловикъ у церкви бачылы, якъ одна жинка и хлопець, запрычастывшысь, выплюнулы зъ рота прычасте, и часточки св Тила зробылысь пчилкамы и пиднялысь угору.— Я чувъ, що такъ роблять охотныкы, щобъ на охоти була йимъ удача, а жинка зробыла се выдно тому, що була видьма.

С Выбли Черниговск. у Отъ Маркела Непомнящаго М. С. Чудновская.

192. Видьма здіймае зиркы зъ неба.

Якъ була я у Мошнахъ въ монастыри, то ось яке дыво розказувала мени квиткивська молодыця про тыхъ видьомъ. У нашымъ,—кае,—сели, у Квиткахъ такы, та живе одна жинка, що здійняла зъ неба зорю тымъ пив-

житкомъ, що не скидався зъ мотовыла уси велькодни святкы. На нейи такы подейкувалы уси селяне,—кае, що вона була, не при хати згадуючы, видюга добра.

Отъ вона,—кае,—здійняла його на Хомяну недилю, увечери, та такъ якъ опивночи выйшла на двирь, --а зори, якъ ти золоти цяшечкы блыщать на неби,—махнула тымъ пивмиткомъ и збыла одну зирочку. Узяла ту зирочку, поклала ййи у новый горшокъ, накрыла покрышкою, однесла у погрибъ и поставыла на масли, а сама пишла на роботу. Удень ййи та сусидыны диты гралась соби у пижмурокъ (певно ховалась и у погребѣ), та й зняли съ того горшыка покрышку. Колы се,—кае,—якъ заблыщыть усюды, якъ засяе, то не кажы, що пожежа, хай Богъ боронить, де трапылась! Зирочка вылетила зъ горшка, пиднялась геть надъ оселямы и полетела на небо. Есть гаспыдськи волошебныци, що й зирочки за`нымы не вдержаться—тымъ то йихъ и поменчало теперь на неби. Що хочте кажить, а теперь йихъ далеко менче на неби стало, нижъ колысь було, якъ я ще зазнаю!

Каневскій у Записалъ В. Ф. Степаненко.

193. Видьма боиться йирчука.

— Ну, нехай уже й немає ві`дьомъ, нехай то такъ бабы одна до одной ходять коруовы дойиты, а все жъ за йимы не можна собаки йирчука вдержаты. Отъ уже такъ добре знаю, що муой братъ у хатѣ йирчука державъ, щобъ не задавила ві`дьма. Мі`сяцуовъ три державъ, и такой уже гарный, здоруовый собачка ставъ. Тоды вже куды жъ його держать, якъ уже йому мі`сяцуовъ три,—выпустывъ, а вона, проклята, йому куосткы й потрошыла. Якъ бы маленький, такъ задавила бъ, а то чысто куосткы въ суставахъ потрошыла. А оце въ осень

якъ я додому ходыла, такъ розказувалы на вечорныцяхъ, шо тамъ до одного чоловіѣка прышла пуодъ повіѣтъ така въ кожусіѣ и косы распатланы, та й заходылась йирчука давить и задавила. А невіѣстка угледила та й впознала ту бабу та на зоввыцю —Ходіѣмъ!—А вона така небоязька. Побіѣгли вони городамы и прыбіѣгли швидчей за ту бабу. Коны вона йде у кожусіѣ, распатлана. Увоишла у хату, а вони у окно дывлютьсе. А вона кожухъ искинула и давай косы пудбирать пудъ чепокъ. Такъ вони дома розказалы, та й просють, шобъ никому не розказувалы, шобъ не сердылась вона, значыть. Такъ хыба жъ Иванъ, парубокъ ихъ, утерпивъ? —Побачывъ йийи да й каже: «А ты, стара сучко, на що мого собаку задавила?» Такъ мовчыть.

С Жеведь Черниговск у М Н Гринченко 1900

194. Видьмы возылы видьмака.

Жывъ соби такыи чоловикъ, шо знавъ усикъ видьомъ и казавъ про ихъ людемъ. Узлылысь видьмы на сього чоловика, прышлы разъ до його уночи, а вонъ да спавъ на вози, и вывезлы його на ростанькы. А чоловикъ сси бувъ видьмакъ и зробывъ такъ, шо видьмы не можутъ одыты одъ воза. Простоялы вони тамъ цилу ничъ, уже и на зору стало займаться,—бабы погналы до череды, а вони үсе стоять коло воза. Тоди уже якъ уси люде побачылы видьомъ, чоловикъ пусгывъ ихъ додому и казавъ, шобъ вони не дойилы чужыхъ коривъ.

С Выбли Черниговск у. Отъ Якова Вишневецкаго М С Чудновская

195. Дядько Хведоръ знахарь.

I.

Ну, дядько Хведоръ, чы винъ видьмакъ, чы колдунъ, чы хто його знае: що захоче, то и зробить. Чы скотына захворіе—покличуть його, винъ подывытсья, та щось пошепче—и пройде; чы зубы заговорыть—до вику не будутъ болить. А що зупыныть млынъ, або коней, такъ йому якъ разъ плюнуть. И що воно таке за чоловікъ, и чого винъ тильки не може зробить!.. Оце недавно йихавъ якыйсь панычъ на ласапеди. Дойихавъ до кузни, а тутъ и дядько Хведоръ стоявъ, та й каже: «Оце якъ летыть!» Такъ заразъ панычъ и гепъ зъ ласапеди; сивъ, та й зновъ гепнувся и такъ килькы разъ: якъ сяде, такъ и злетыть. А дядько стойить и усмихається. —Се ты, дядьку,—каже панычъ,—выдно зъ мене пошутывъ?

— А ну жъ сядьте, каже, якъ вы на сій машыни йиздите?

Тоди панычъ сивъ и уже бильшь не падавъ, а такъ и побигъ, тильки дзенькае, щобъ диты утекалы зъ дороги.

Такъ онъ якый дядько Хведоръ! Винъ мабутъ бы и чугунку, що коло Муравейки, зупынывъ. (Записано отъ школяровъ).

II.

Ни, такы не кажить, а Хведоръ багато де чого знае: онъ и млыны, и машыны ти, що на двохъ колесахъ йиздятъ, зупыняе, а разъ и намъ було, що прышлось стать середъ дороги, чого й що. Се було якъ Хведоръ отдававъ небогу у Ковчынъ, и йихало насъ шиснаццять пидводъ зъ подаркамы. Хведоръ йихавъ позаду и крычавъ намъ, щобъ мы зъ чоловікомъ пидождалы, а мы не послухалы и пойихалы.

— Ну, погуляйте-жъ—каже винъ,—не пидождали—усе равно заразъ остановытесъ.

Колы жъ икъ разъ якъ сказавъ, такъ намъ и случылось. Йидемъ мы по ровній дорози, колы зразу визъ нашъ якъ пидскочыть, мовъ бы хто його пиднявъ, колесо спало, и мы попадады.

— А шо,—каже Хведоръ, здоганяючы насъ,—я казавъ: погуляйте мене, а то усе равно остановытесъ, вы не хотилы—отъ и стали. (Отъ Насти Шульгиной).

III.

Йихалы мы зъ поля. Дойизжаемъ до млыновъ.

— А шо,—каже дядько Хведоръ,—хочете щобъ сей млынъ замоловъ на другый быкъ?

— А нужъ, ну,—кажемъ,—зробить.

Дядько ничего и не робывъ, а тилькы глянувъ на млынъ, и винъ замоловъ на другый быкъ. (Отъ Орины Непомнящей).

IV.

Чыстылы мы одного году болото и землю возылы на ныву. Дойизжаемъ до мосту, шо пидъ селомъ, колы йиде дядько Хведоръ, глянувъ на наши кони, такъ вони й стали. Былы, мы былы, та ничего не врадимо—нерушать кони зъ миста, хочъ ты шо хочъ, наче шо пидъ колеса пидложено.

— Возьмить,—каже дядько,—розпряжить, та переведить коней черезъ дугу.

Мы такъ и зробылы: перевелы черезъ дугу, запряглы, и тоди кони повезлы не весьма важкый возъ зъ землею на мостъ. (Записано отъ Клима Новика).

V.

Узявъ я ружже та й иду, колы стрекаю дядька Хведора.

- Се ты, каже, за уткамы
 - Эге, кажу, пиду чы не вбью чого.
- Идемъ умисти.

- А ну,—каже,—покажь ружже.

Я здуру й давъ нате, кажу, подывитьсяя.

Подержавъ винъ и отдавъ, а самъ звернувъ у пасику. Иду я, колы летыть циле стадо утокъ, я выстрельвъ—не попавъ, зновъ выстрельвъ и зновъ не попавъ. И такъ икразь цилый день: птыци багато бачывъ, а що выстрелю—не попаду. И такъ уси кажутъ: якъ тилькы дасы дядьку Хведору подержать ружжа, ну и не жды добра,—зроду не убъешъ. Та що про птыцю—колы повисыть картузь, або держать руку на десять ступеней, и не попадешъ! (Записано отъ К. Новика).

VI.

Дуже добре було у насъ ружже: багато наши охотныкы побывалы йимъ усякойи дычи. Прыходыть разъ до насъ одынъ чоловикъ. Балакалы про те, про се, а дали винъ и каже:

- Продайте—каже,—мени ружже.

- Э, ни,—каже старый,—ружока я своего не продамъ.

— Ну, не продасте, такъ стреляйте йимъ сами,—одкававъ той чоловикъ, Хведоръ, и пишовъ зъ хаты.

Такъ ружжа и не продады, та тилькы воно перестало убывать птыцю. Оце було стреляють, стреляють, пиръе такъ и сыплеться зъ птыци, а сама летыть далей и ни однушенькойи и не убылы съ того часу, покы не одвезлы ружже у городъ до майстра, и винъ не розобравъ його, та не повставлявъ усе нове. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VII.

Йихалы мы разъ ловыть рыбу ситкою. На улыци стрекаемъ дядька Хведора, того, що серчавъ на насъ за ружже.

— Не идге, каже винъ, бо усе равно ничего не піймаете.

Мы не послухались, пойхали, думали, а мо що небудь такы пиймаемъ. Та ни, уже якъ дядько сей скаже, гакъ тому и быть.

Багато разивъ мы закъдали ситку и ни одніей рыбки не бачылы: скрутыться ситка такъ, наче ййи рукамы хто крутывъ, та такъ и вытягнемъ ни съ чымъ. (Записано отъ Александры Базилевичъ).

VIII.

Пишла я у гаи по грибы, прохожу мимо пасики, та якось то и не сказала дядьку Хведору, що сыдивъ коло будкы,—зрастуйте. Походила трохи по гаяхъ, ничего не набрала и бжжу додому, бо дома диты сами. Та що во мною таке сталось?—Не траплю до села, та й годи: похожу, похожу, та й зновъ неначе хто мене назадъ поверне. А гай же нашъ и невеличкый и икразъ пидъ селомъ. Ось и церкву на гори выдно, и село, а някъ не дойду. Водыло такъ мене, водыло и прывело до пасики.

— Зрастуйте,—кажу теперь уже,—дядьку!

— Зрастуи,—каже,—ну сядь же,—каже,—молоднице, оддышь, мо ты утомылась.

Я такъ трошки посыдила, и тоди уже неначе очи мени одкрылысь, и пишла прямо додому. (Записано отъ Леусовой).

Въ с Выблячъ Черниговск у записала М С Чудновская

196. Видьмагъ занастывъ чоловика.

Одынъ чоловикъ косывъ съ половины сино, та й перекосывъ. Росердывся той чоловикъ на сього, що перекосывъ и помывся иому оддячыть. А той чоловикъ Ш., та бувъ колдунъ: чы дасть було кому що выпыты, або хочъ и понюхаты, то и загыне чоловикъ. Отъ и ставъ Еваымъ, той що перекосывъ його травы, бережыться Ш.

и до його не ходивъ, и ничего зъ його рукъ не бравъ; и боявся и стрекаться зъ видьмакомъ. Такъ скільки и прошло. А дали сей видьмакъ не утерпивъ и прыходить до Евхима у хату, глянувъ йому у очи и вышовъ. Такъ той чоловикъ заразъ занедужавъ. Побиглы до Ш. просыты, щобъ помигъ, а винъ и каже

— Ни, уже пизно, не поможется, не треба було перекосувать, се усе коса вынна

И не помигъ. Такъ бидный Евхимъ на четвертый день и Богу душу отдавъ.

Записала въ с Выбляхъ Черниг у отъ Нasti Шульгиной М. С.
Чудновская

197. Свекоръ ворожбытъ.

Гулялы мы на весили. Стала я уже збираться до дому, а свекоръ пьяный и каже: «Подай воды!» Ну, думаю, балы, наберешъ и самъ, та й пишла зъ хаты. Було не дуже темно и дорогу добре знаю, та ниякъ не найду додому. Шо пройду трохи, то у таку грязь улизу, що насылу выберусь. Хожу, хожу, та й зновъ вернусь на те мисто. Ходыла я такъ, ходыла и прыйшла зновъ на весильный двиръ. «Подай же,—каже свекоръ,—воды». Я подала.—«Ну теперъ же—каже,—иды та знай, що у тебе е батько и що його треба слухать».—Я выйшла и теперъ уже не бачыла тиейи й грязи и не блудыла, а такъ прямо й прыйшла додому. Такъ отъ якый ми свекоръ.

Записала отъ М Новиковой, въ Выбляхъ Черниг у М С.
Чудновская

198. Якъ знахарь добувавъ горилку.

Бувъ у насъ на сели такой чоловикъ, що було якъ захоче горилки, такъ и иде до хазяйина: дай, та й дай,

каже. А служивъ винъ за старшого рыбалку у жыда. Ну, жидъ першъ дававъ, а то уже ставъ одказувать. Отъ рыбалка тоди якъ свысне. такъ жидивська хата и наповниться усякымъ гадомъ. Тоди жидъ уже й самъ просить пыть горилку, та скоришъ выгоньть зъ хаты сюю капость. И такъ дидъ рыбалка частенько зывавъ вуживъ, жабъ, ящерокъ и усякихъ тамъ гадовъ, абы угостыться горилкою

Записала отъ Мотри Товстолъсь въ с Выбляхъ Чернигов. у.
М С Чудновская.

199. Явъ коняча шкура полизла у шынкъ.

Шынкарь та хотчвъ, щобъ одинъ заможний хазяйинъ распывся Отъ винъ попрохавъ наймычку того чоловика выстрыгты у хазяйина косъ и принести йому—шынкару. Дивка помилась, и разъ було уже зовсимъ намирылась,—ни, сумно. «Не на добро, видно, шынкару треба косы. А що, якъ я зъ щейи шкуры та выстрыжу килькы волосынъ шынкарь не вгадае». Скочыла вона на лаву, а на жертци высила коняча шкура; выстрыгла дивка трохы волосынъ и однесла шынкару. Того жъ дня у обидъ дывляться, ажъ коняча шкура сама тыхенько злазять изъ жерткы на лаву, а тоди на доливку и полизла зъ хаты до шынку. Оттакъ бы було и тому чоловику, якъ бы дивка выстрыгла у його косъ.

Записала отъ Орины Непомнящей въ с Выбляхъ Чернигов у.
М С Чудновская

200. Гончаръ видьмакъ.

Йихавъ гончаръ и обладнавсь на лузи ночувать. Прийизжають туды и ночлижныкы.

— Давайте,—каже одинъ,—выпросимъ у гончара горшка, а не дасть—напугаемъ.

— Дядюшка, дайте намъ горшка!—просить хлопещь.

Гончаръ не давъ.

— Ну,—каже—колы не даете, то убирайтесь видселя!—и давай усякъ гончара лаеть. Мовчыть гончаръ, слухае, якъ його лае хлопещь, а потимъ запрегъ коня и одйихавъ одъ того миста. Тилькы що гончаръ одйихавъ, у хлопця голова узяла, та й повернулася назадъ. Поийхалы скоришъ ночлижнuky у село, сказали матци того хлопця. Здогнала маты гончара, та давай кланяться, просятъ за сына.

— Иды,—сказавъ гончаръ жинци,—голова буде на мисти, дай тилькы йому выспаться, скильки схоче, та учы сына, бо винъ погано робить, що чепае людей.

Вернулася маты, положила сына спать. А якъ винъ уставъ, голова зновъ стала на мисто.

Записала въ с. Выбляль Черниг у. отъ П Муцкаго М. С. Чудновская.

201. Лытвынъ поробывъ, що москаль летивъ.

Кольсь, бувъ я ще тоди малымъ, може було мени рокивъ зъ п'ять,—зйбралися мы вси коло хаты: мій батько, дидъ ще бувъ живый, та сусиды посидалы на присьби, балакають соби про се та те. Уже вечерило. Се було весною Коль мій батько почавъ прыдывляться та й пытае:

— Що се таке, наче якась птаха пролетила?

Тоди вже й я бачу, що летыть якась велька птаха—наче журавель. Мій дидъ якъ схопыться, та за колесо (у насъ на двори лежало старе, поламане колесо). Винъ узявъ те колесо, поклавъ середъ двора та ломакою обчеркнувъ кругъ. Тая птаха спускається на те колесо

ныжче, ныжче, та промовляе. «Пыть, пыть!» Колы дывимось, ажъ то не птаха, а москаль. Учорнивъ якъ земля. Побигъ я въ сини та прынисъ у глечыку воды Винъ напывся, тоди заговорывъ Тутъ иого, конешне, люде обступылы, почалы роспытывать А винъ мосму диду въ ноги кланяегся—Колы бъ вы мене заразы, диду, не порятувалы, то я бъ пропавъ розбывся бъ на смерть або объ дерево головою, або въ ричку бъ упавъ.

— Кто жъ це тоби такъ зробывъ?—пытае дидь.

Отъ винъ и почавъ росказувать:

— Прыйшовъ я у шынокъ; пью соби горилку, закусю. Колы увійшовъ лыгвинъ—Почастуй—каже—мене, въ мене грошей нема.

А я повсрнувся до иого, та кажу: «Оце ще всихъ буду частувать!»—Не давъ иому ни грошей, ни горилки.

Тый лытвинъ зкоса зырнувъ на мене та тильки промовывъ: «Будешъ же ты мене знаты!» И пишовъ зъ шынку. Тильки шо я за поригъ, колы чую, мене вгору тягне якъ почавъ махать рукамы, якъ почавъ, та й полетивъ Летивъ я, летивъ ажъ зъ Черниговськоїи губернии. Якъ побачывъ, шо вже черезъ Днипръ лечу, то дуже злякався. сылы у мене вже немає, у горли засохло. Отъ, отъ упаду. Ставъ я Бога прохать, щобъ не давъ умерти наглою смертю. И якъ я теперь, —каже,—додому дойдь?

Тутъ иого люде обступылы и почалы иому давать грошы: хто копынку, хто дви—хто скильки мигъ Переночувавъ у насъ тый москаль та й пишовъ додому.

Записала Одарка Романова отъ крестьянина дерсвни Мыше товки
Кіевскои губ Ивана Дидусенко

202. Лытвинъ одъ чаривъ вызволяє.

Жылы колысь у Нижни заможни люде, була въ ихъ одна дочка. Отъ, и посватавъ ийи одынъ пару-

бокъ. Вона не знала, що въ його була друга, що мала двоохъ дитей. Хотивъ винъ такъ повинчатся, щобъ перша не знала; але йй хтось сказавъ. Вона прыбигла до церкви и стояла коло дверей, щобъ побачыть, якъ молоди вже будуть выходитъ. Якъ тильки молоди выйшлы зъ церкви, а вона й обсыпала молоду якымсь вилямъ. Заразъ почула молода, що зъ нею щось койтись непевне, та й каже до молодого: «Куды це я прыйихала?» Якъ тильки пидйшли до хаты, а йихъ вже стричають зъ дижою та свичками його батько й маты. Хотили ихъ благословыты, а вона й закрывала: —Що се вы руки зъ дижою эдымаете?—Та якъ побигла, та й зновъ крычыть:—Рятуйте! Чы се пожаръ? Чы се весилля, шо такъ людей багато, мовъ батько вмеръ.

А молодыи ходыть та руки ламае. А його перша стойить зъ дитымы та плаче, на дитей дывлячысь. Якъ побачыла вона таке горе, шо скойилось зъ молодою, то йй вже й жалко ййи стало, та вже не може ий запомогты: вернула бъ назадъ, та не можна. Потимъ вона иде зъ дитымы, та и говоре:—Ходимъ, диткы! Наробыла лыха ваша дурна маты. Може и вамъ такъ колысь буде!

А того молодого батько й маты стари думалы, шо невестка зъ добройи семии, то и йимъ добре буде, бо дивка була хороша, а отъ шо скойилось. Сумують. Тая невестка вже жыве въ ихъ хати, бо вони бачуть, шо сынъ дуже вбивається, то вони йии держалы, хочъ вона ничого вже не тямла. Жыла вона отакъ у йихъ годъ. Иноди заховається та плаче, а то квитокъ поначиплюе на голову, а то лежыть и не поворучнегься: не може ничого въ руки взять.

Намучылыся зъ нею и чоловикъ, та и магы зъ батькомъ отакъ ажъ до самойи Покровы, а на Покрову у насъ бувае ярмарокъ. Позйизжалысь люде то зъ гымъ, то зъ симъ. Йичавъ лытвынь зъ горшкамы, та на гребли обламався якъ разъ промъ того двора, де жыла тая нещасна хора молодця. Лытвынь увишовъ у тую хату и просыть:

— Дядечку, голубчыку, помогите мени—обламався.
Хазяинъ кльче його въ хату.

— Идите, дядьку, въ хату, а я вамъ ось скину зъ горы.
Якъ тильки литвынъ зайшовъ у хату, поздоров-
кався, та й пытае

— Що се у васъ хора, чы що?
А свекруха й говорить:

— Голубчыку, оце цилый годъ мы отакъ зъ молоды-
цею мучымся.

Литвынъ тоди каже.

— Розкройте ййи, я подывлюсь, яка вона.

Свекруха одкрыла рядно и держить молодню по
пидъ руки, бо вона не може вже й сидить.

— Ои, дочко, якъ же тебе дуже обсыпали!—каже той
литвынъ, та й каже свекруси:

— То вона якъ стала на поригъ, а тая жинка ййи
сыпнула пидъ ноги, то вона якъ уступыла, та й збоже-
вилыла

Свекруха вже бачыть, шо чоловікъ щось знае.
Якъ почалы його просыть батько и маты:

— Дядьку, змылуйтеса, бо молодыця пропадае.

Якъ тильки литвынъ помолывся Богу, та щось по-
шептавъ надъ молодыцею, вона стала роздывляться, та
й пытэ:

— Титко, чого се я у васъ? Служу, чы шо? Хыба ме-
не маты наняла?

Тильки вона це прыказала, и ййи чоловікъ увий-
шовъ у хату, та й каже до жинкы:

— Се я тоби прянычка купывъ. На, ззийжъ!

А ййи такъ стыдно стало, шо винъ пры матери дае
ййи пряныкъ, бо вона жъ не знае, шо вона вже його
жинка. Каже:

— Не хочу. Мени стыдно. Онъ твоя маты стойить
та дывытеса.

А ййи чоловікъ каже:

— Дакъ що жъ, що маты дывыться? Вона твоя й моя.

Тоди свекруха почала плакаты та обнимать ййи, та каже:

— Ты жъ теперь и мой дытына, бо ты повинчалася зъ мойимъ Иваномъ.

Тоди лытвынъ каже:

— Слухай, Иване, колы ты на вулицы стринець свою першую, то бережыся, иды дали, бо якъ вона тебе обспле, то вже и я ничего не вдю.

Зъ того часу тая молодыця одужала.

Дакъ отъ що може скоятысь, якъ двоохъ жинокъ маты.

С. Филевка Нѣжинск у Записала отъ Василисы Наконечной Одарка Романова.

203. Якъ лытвынъ дивчыну покаравъ.

Гулялы на вулицы дивчата, парубкы у насъ на сели. Вже стали роскодыться по хатахъ. Уси дивкы жылы на одній вулицы, а одна дивчына, Мылашка, жыла дали—на шляху. Дойшла вона до своего двора, стала та й дывыться на панський садокъ; а тамъ лытвынъ ночувавъ зъ горшкамы бия садка.

Вона пидкралася тыхенько до того лытвына, що спавъ, та думает матери вгодыть: узяла два велькыхъ горшка въ одну руку и въ другу, та думает: Отъ гарно въ ныхъ буде плаття золыть.

Та й пишла зъ тымы горшкамы до двора.

До двора не дойшла, та й вернулась до лытвына, та такъ усе й ходыть одъ двора та до лытвына. Ось и сонце почало сходыть. Женуть жинкы череду, та й побачылы, що ходыть Мылашка зъ горшкамы та й кажуть:

— Чого се ты, Мылашко, ходышь зъ горшкамы по шляху? Отъ ходня напала!

Та регочуть зъ нейи, а вона вже й очей не пид-

нимае вгору, та плаче—бо соромъ. А лывынъ то конямъ овса пидсыпле, то сина пидгорне И не зырне на нейи. Прыходить тая дивчына до лывына, та йому въ ноги кланяється

— Дядечку, голубчыку, простить и одпустить мене! Поки жива—не буду ничего чужого брать.

А лывынъ сміється, та говоре:

— Ну шо жъ, нагулялася? Тоди каже:—Поставъ горшки на землю, та бильшь никола не беры.

Кола вона пишла додому, то вже й не знае, якъ йій у хату увійты. Уси жъ бачылы. Се жъ соромъ. Тоди вона якъ занедужала, дакъ ажъ тры тыждни лежала. Отъ шо наробылы горшки.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки села Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василицы Наконечной.

204. Лывынъ просывъ воды.

Кольсь наши дивчата ишлы въ поле жыто жать та неслы зъ собою глекъ зъ водою. На дорози йиде лывынъ зъ горшкамы.

— Дивчата, дайте мени воды!

А воны кажутъ:

— Може намъ самымъ буде мало, бо до села далеко, а воды близько нема.

Не дали йому воды. Лывынъ пойхавъ, ничего имъ не сказавъ. Кола воны зыркъ! Ажъ зъ глечыка не вода, а пина такъ и льється на землю. И глечыкъ порожній. Дакъ отъ яки мудри лывыны.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с Филевки Нѣжинскаго уѣзда Василицы Наконечной

205. Вовкулакъ переводють черезъ хомуть.

Гулялы одни люде весилле. Отъ батько молодой чымсь то не вгодывъ боярину.— «Ну, постой же колы такъ, каже боярынъ, я жъ тоби угожу!»—Та узявъ хомута и перевивъ черезъ його молодыхъ, и стали молодойи вовкамы и повтекалы у гай Довго вони такъ бигалы вовкамы по гаяхъ и поляхъ, а якъ захочуть було йисты, то бижать до хлопцивъ ночлижныи. Ночлижныи знали, що се за вовкы и годувалы ихъ хлибомъ.

Батько усихъ людей просывъ, щобъ чы не поймае хто тыхъ вовкивъ, то щобъ перевелы ихъ черезъ хомуть. Отъ одинъ чоловікъ и поймавъ одного и зробывъ, якъ йому казалы, и стала зъ того вовка молодыця, невестка уже значыть того чоловіка, а другой вовкъ—сынъ—утикъ и по сей часъ ще не поймався и бигае вовкомъ.

Такъ онъ еки е погани люде, и якъ вони багато роблять зла.

С Выбли Черниг. у. Отъ Параски Попрушной Записала М С Чудновская

206 . Панъ вовкулакою робыть.

Кажуть, що и мижъ панамы е вовкулакы. Бувъ и у насъ у сели одинъ такой панъ Моловъ винъ одному чоловіку муку, та й узявъ багато за помоль. Мужыкъ не змовчавъ пану вылаевъ його за сее усякъ.—Ну, постой же, — каже панъ,—будешъ ты знаты, якъ мене лаеты!—Везе панъ муку, а мужыкъ седыть на мишкахъ и бачыть, що у його на тили росте шерсть. Якъ обросъ мужыкъ шерстю, панъ пхнувъ його зъ воза, и мужыкъ побигъ вовкомъ. И бигавъ винъ такъ ажъ симъ рокивъ. Вовкы не любылы сього вовка-чоловика, помы винъ ставъ йисты зъ ными дохлыхъ коней, а тоди прыняли його до себе.

Забигъ разъ сей вовкъ у село и заховався на селныкъ у сино. Почулы собаки вовка и чуть було не розирвалы. Выскочывъ винъ изъ селныка, та у степъ, добигъ до хлива и захотилосъ йому вытягты овечку. Ставъ вовкъ перелазыть черезъ плитинь, а тутъ у двори та живъ вовкулака: побачывъ винъ вовка и угадавъ, що се не справжній вовкъ, а що се такъ йому зроблено, и каже:

— Ну, лизь, лизь, бисивъ сыну!

Перелизъ вовкъ черезъ плитинь, а вовкулака и хватывъ його за хвостъ и знявъ зъ його шкуру. И ставъ тоди зъ вовка зновъ чоловикъ.

С. Выбли Черниговск. у М. С. Чудновская отъ Марьяны Новиковой.

VII.

О кладахъ.

207. Скарбъ парубкомъ.

Передъ самымъ Великымъ празникомъ, якъ уси люде пишы до церкви, уходыть у хату до одніей бабы, шо осталась сама дома, хтось, вродъ бы паробка. Увійшовъ и просыть пойисты. — «Чого жъ я тоби дамъ?» пытае баба. — «Та чого хочешъ», — каже, — «того й дай». — Баба догадалась, шо се не справжній чоловікъ, а чы не скарбъ выишовъ парубкомъ, бо який же чоловікъ пиде у сю пору просыть йисты. Хопыла баба кочергу, та того паробка мизы плечи. И посыпалысь зъ його гроши. Баба згребла йихъ у мишокъ и стала багачча за всихъ на сели.

М С Чудновскяя въ с Выбляхъ отъ Петра Курильца въ 1898 г.

208 Скарбъ у скрыни.

Увечери хлопецъ йихавъ на ночлигъ и побачывъ, мовъ свичечка горыть. Хлопецъ чувъ, шо свичечка горыть на тимъ мисн, де зарыто скарбъ и пудйихавъ блыжче. Бачыть, стойить скрыня, повна грошей. Набравъ винъ червонцивъ и прывизъ до маткы

— Иды жъ, — каже маты, — га ще наберы, сынку, хоть сю торбочку.

Поиихавъ хлопецъ удруте, а потимъ и утрейте. И якъ набравъ утрейте, то йому прышлось улизты у скрыню, щобъ набраты бильшь грошей, а скры-

ня и провалысь у землю съ хлопцемъ. Не скоро вже сзя скрыня вышла биля Ерусалыма, и маты знайшла своего сына.

М С. Чудновская въ с Выбляхъ отъ Демьяна Конопки, въ 1898 г.

209. Пожаливъ табаку и утерывъ скарбъ.

Ишовъ одинъ чоловікъ съ пасыкы. Доходять до плавли и бачыть, стойть у лози скрыня, и въ скрыни брызчатъ гроши. «Дай, чоловіче, понюхать!»—каже голосъ изъ скрыни.—Нема,—каже чоловікъ. А у його и бувъ тютюнъ, та винъ пожаливъ и не давъ.

—Ну,—каже писля сього голосъ,—лежала я зарыта сто рокивъ, пролежу ще сто,—и тутъ же на очахъ у того чоловіка загуркотила и провалылась. Почухавъ тоди чоловікъ потылицю, та ничего робыть—пожаливъ тютюну и утерывъ скрыню грошей.

М. С. Чудновская въ с Выбляхъ отъ Петра Курильца, въ 1898 г.

210. Скарбъ — Мазепына карета.

I.

Полаялысь мы одного разу зъ батькомъ; отъ я, щобъ у насъ ще до чого не дійшло, пишовъ зъ хаты. Було недалеко видъ опивночи. Иду я, куды очи глядять, а потимъ и думаю: пиду я на те поле, де, кажуть стари люде, зарыта Мазепына золота карета. Иду собі, колы щось блыснуло, я блыжче—блыщты, неначе свичка стойть на одномъ мисти и горыть. И страхъ мене ошанувъ, и радисно мени стало, бо я чувъ, що на тимъ мисти, де зарыто скарбъ, безпреминно буде гориты свичка. Прогнавъ я свій страхъ, пидійшовъ блыжче и, розперезавшысь, кынувъ поесь на землю Свичка заразъ

потухла, а земля такъ страшко загуркотила, неначе кильки скрынъ провалылось скрызъ землю. Поесъ я кынувъ на те, що треба було шо небудь кынуть, и якои довжныи буде те, шо кынешъ, на такой глыбни треба буде шукать и скарба. На симъ мисти буде безпреминно якъ не Мазепына карета, то вельчезна скрыня червинцивъ. Якъ пройде зима, я выкопаю тей скарбъ и заживу тоди паномъ.

М С Чудновская отъ Петра Карноуха, въ с Выбляхъ Черниговск.
у въ 1898

II.

Е у насъ за селомъ гора, на ній ничего не'росте, бо вона дуже писчана, и затимъ вона зветься Лысою горою. Дуже сумно робыться, якъ проходишь мимо ййи; такъ тебе страхъ и ошане, якъ зйдешъ на гору, а найпаче на те мисто, де, кажуть, закопана золота Мазепына карета. Тутъ пидъ землею щось гуркотыть, та ажъ наче земля колышетъся, и вовка тутъ разъ удень бачылы, а затымъ и не найдеться такого смильчака, шобъ пишовъ одкопувать карету. А, кажуть, шо на Велькдень на тимъ мисти горыть свичка, и якъ бы хто небудь писля всеношнойи прыйшовъ сюды зъ запаленою ще у церкви свичкою и потушывшы ййи, ставъ копать на тимъ мисти, де горыть свичка, то безпреминно одкопавъ бы золоту Мазепыну карету повну грошей

Записала М. С Чудновская отъ Митр Шульги въ с Выбляхъ
Черниг у

III.

Десь, кажуть, надъ Десною зарыта золота Мазепына карета, повна грошей, и черезъ каждыйи тры roky выходыть вона наверхъ, робыться конемъ и бигает по надъ Десною.

Прыходылось разъ бабамъ нашимъ того коня бачыть, та тильки не прыдумалы воны, шо зъ нимъ робыть. Пошлы

бабы по смородыну у плавли, бачеть, ажъ по надъ Десною бигае конь, та такий блыскучый та повный, выдно, шо не просый конь; отто и була тая карета зъ грошыма, треба тилькы було махнуть по иомъ лозынкою, и конь бы россыпався грошыма. Мо бы мужчына, винъ бы такъ и зробывъ а те звисно бабы—не придумалы Росказалы бабы про коня, вернувшысь додому, и пошлы зновъ люде на те мисто, та тилькы коня уже не бачылы, а на тимъ мисти найшлы скилькы мидныхъ грошей

Записалъ Мятр Шульга въ с Выбляхъ Черниг у Сообщила М. С. Чудновская

211. Злякався скарбу.

Чоловикъ ишовъ на всюношну. Дывыться: у городи на земли горять свичкы, и мижъ свичкамы стойть скрынъка. Ставъ чоловикъ и дывыться, а у самого ажъ шапка росте на голови. А потимъ якъ забряжчатъ гроши, наче йихъ хто пересыпавъ. Здумавъ чоловикъ, шо треба, кажуть, шо небудь розослатъ, а гроши туды и скотяться. Выйнявъ винъ зъ кышени платокъ и хотивъ було уже розстылатъ, тилькы тутъ його такий ошанувъ страхъ, шо винъ и платокъ кынувъ та скоришь додому.

М С Чудновская въ с Выбляхъ отъ Павла Курильца 1898 г

212. Скарбъ зныкае одъ хреста.

Ишовъ чоловикъ изъ страстей у великый четверть, дывыться—за селомъ горыть свичка. Винъ подывывсь на ту свичку и пишовъ додому. А дома була така бидность, шо Господы! Жинка плаче, шо ничего нема къ празныку, нема и рушныка на божныкъ, будутъ иконы рады празныка безъ рушныка Выйшовъ чоловикъ у сины, узявъ заступъ и пишовъ на те мисто, де винъ

бачувъ свичку. Ставъ копать и выкопавъ дви скрини грошей. Поперетаскувавъ йихъ додому и оддае одну скриню жинци, а другу оставяе соби. Зрадувалася жинка и заразъ же побигла до сусидкы купляты рушныкивъ. Принесла рушныкы, та до скрини, щобъ выйматы гроши Колы жъ—бовъ у дзвинь! Вона перехрестылась, а скрини де й дилысь: передъ ею лежалы дви гныли колоды.

М С Чудновская отъ Ив Муцкаго въ с Выбляхъ Черниг у въ 1898 г.

213. Скарбъ коровою.

Иде разъ чоловикъ, ажъ передъ йимъ корова. Видкуля, думаетъ, ся корова? Дуже йому стало сумно, шо корова передъ йимъ мовъ изъ земли выросла. А мо-, подумавъ винъ,—се мени Богъ гроши посылае? Та друкомъ по корови. Якъ посыплються жъ гроши, якъ заторохтять, а коровы уже не стало. Набравъ чоловикъ грошей, принисъ додому, заховавъ у скриню, а скриню прыкувавъ цепомъ, бо се таки гроши, шо якъ не въ пору зачепыть йихъ, то вони такъ, якъ явчыльсь, такъ и скривються, и слида не останеться.

М. С Чудновская въ с. Павловкѣ отъ Луки Пимончука въ 1898

Скарбы являются различными животными, какъ то видно изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго г М Исаенко въ м Батуринѣ и взятаго нами изъ «Черниговскихъ губ Вѣдомостей» 1860 г, № 38, стр 273—274

На коропской дорогѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Батурина, въ лѣсу, гдѣ сходятся три дороги: изъ Коропа, изъ Батурина и изъ хуторовъ, еще въ 1860 г. лежалъ стволъ вѣковаго дуба Это такъ называемый *хрещатый дубъ* О немъ сохранилось слѣдующее преданіе

Давно се було—ище за Мазепу Якъ ишли кудысь по си дорози шведы, дакъ коло хрещатого дуба вони легчыльсь. Багацько, значыть, понабиралы вони дорогою

у насъ всякойн худобы— и грошей, и всього; дакъ ото якъ ишли воны на воину, дакъ куды вже имъ було нестысь изъ тѣю худобою. Отъ воны взяли да й закопалы пидъ оцимъ дубомъ гроши свои, да на дуби положили й знакъ—вырубалы хрестъ. «Якъ вернуться зъ насъ хто живымъ сюды, того й гроши будутъ», сказалы воны да й поишлы, куды треба було. Якъ вырубалы на дуби хрестъ, дакъ дубъ той и почавъ зваться хрещатымъ, и хотъ тепера тилькы колода одъ того дуба, зосталась, а все такы хрещатый да й хрещатый дубъ.

— Що жъ, гроши тийи никому не показувалысь?

— Де вже не показувалысь, що показувалысь! Чымало е-такыхъ людей, котри розказують, що йимъ частенько такы доводилось у пизнюю пору бачыть билого коня коло хрещатого дуба. Якъ идемо було, кажуть, дакъ кинь той усе ирже, да такъ страшно тупотыть. Я именно знаю, що парубокъ изъ с Обмачева не разъ бачывъ сього коня. Да тилькы то гирки гроши, що бильшь конемъ являються; тихъ грошей треба цураться—нехай йимъ абы шо! Якъ бы ище ведмедемъ воны явлысь, або вовкомъ, або свичкою, дакъ можна було бь добыть тихъ грошей. А билымъ конемъ гроши являються тилькы на лыхо людямъ. Тымъ то гроши ти лежать, и ниhto йихъ не бере; да й будутъ воны лежать, паньменьку, покы свить стоятыме, бо хто захоче на свою пагубу орудувать проты билого коня?.

— Чого жъ гроши сийи билымъ конемъ являються, а не ведмедемъ, або вовкомъ, або свичкою?

— Недобри люде, значыгъ, поклалы йихъ тамъ

Другия липа, на вопросъ записывателя, отчего дубъ называется *хрещатымъ*, не сообщали никакой легенды, а говорили, что онъ росъ крестообразно, почему и получилъ свое название. Впрочемъ деревья чѣмъ нибудь отличныя, вообще возбуждаюгъ среди народа мысль о кладахъ подъ ними, какъ то видно изъ одного изъ нижепомѣщаемыхъ разказовъ, записанныхъ тѣмъ-же г. Исаенко въ Черниговскомъ уѣздѣ отъ погоняча Трохыма (нанечатано было

тамъ же, въ № 51, стр 363) Разсказъ былъ сообщенъ, когда записыватель проѣзжалъ Бубликовымъ хуторомъ (между Трисвятскимъ и Черниговомъ)

— Дурныйи ти люде, шо не хочуть шукать тутъ грошей!

— Да тутъ, може, нема някихъ грошей,—замѣтилъ записыватель,—и ты, значыть, дурно тилькы сердышся на людей.

— Ни вже, панычу, вы шо хочте, а я чувъ одъ батька да матери, шо тутъ е багацько грошей, а стари люде завсегда правду кажуть.

— Шо жъ тоби казали батько да маты?

— Не росказавъ бы я зроду вамъ, якъ бы дидъ мій самъ у вочевыдячки не бачывъ того, шо казавъ мойму батьку, а батько мени.

1. Отутечкы десь у Бубликовому хутори рисъ давно колысь дубъ, похожий на выла и звався винъ *выловатый дубъ*; мижъ людмы ходыла чутка, шо коло того дуба булы закопани гроши; отъ хтось и выбравсь такый, шо захотивъ одкопать йихъ. Позиходылысь люде да й дывляться; одни кажуть, шо будуть гроши, а други—ни, кажуть, шо се бабськи выдумкы. Дидъ мій казавъ, шо винъ зроду не вирывъ, щобъ у землю закопували гроши, да отъ же прыйшлось такы повирывъ. Копалы, копалы, уже здорову ямку выкопалы, колы заступы почалы стукотить объ щось—мовъ зализне; прочыстылы землю, ажъ тамъ казанокъ здоровенный, а въ казанку булы гроши. Коло казанка закопано було багацько всякого оружыя, а бильшь усього закопано тамъ було вылокъ, изробленныхъ навхрестъ изъ соыркамы. Хто вже його знае, шо то воно таке було, да тилькы такъ росказувавъ мойму батьку дидъ мій.

— А чы не знаешъ, хто положывъ тамъ гроши да оружые?

— Да вы жъ, мабуть, пысьменни, дакъ у кныгахъ може есть шо небудь напысано

— Хыба жъ мало книжоць есть? Усихъ не можно перечытать.

— Эге! Отъ вамъ и книги! Я хоть и непысьменныи, да знаю, що якъ воювавъ колысь братъ на брата у Чернигови, дакъ одынъ братъ узявъ да й позакопувавъ свій скарбъ отутечкы. «Якъ буду живъ,—каже винь,— дакъ визьму назадъ, а якъ не буду живъ, дакъ добри люде визьмутъ!» Отъ бачте, хоть нескоро, а найшлысь такы ти люде, що одкопалы той скарбъ.

2. — А се вже не скажу вамъ, колы воно було, чы давно, чы недавно, тилькы й се батько мій одъ дида чувъ. Люде почулы, шо у одному мисти, у Бублыковому хутори, лежать закопани гроши. Отъ вони заразъ до знахора да й просятъ його: «Иды, будь ласкавъ, подывись, чы нема тамъ грошей». Знахуръ той узявъ заразъ якуось палочку и пйшовъ. Прийшовшы до того миста, де думалы, шо były гроши, знахуръ палочкою постукавъ да й каже: «Есть!»—Тутъ почалы заразъ копать; копалы, копалы да й годи сказалы—повтомлювалысь такъ, шо тилькы пйтъ зъ йихъ капотивъ. Отъ одынъ и крыкнувъ: «А нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—Не вспивъ винъ сказать сього, якъ пидъ землею гууууу!—такъ и загуло. Вони полякалысь да тилькы мовчатъ, да давай зновъ копать. Копалы, копалы, колы прыходыть знахуръ.—«Ище не выкопалы?»—пытае винъ тыхъ людей, шо копалы.—«Да ще!»—Знахуръ зновъ постукавъ палочкою да й каже до людей —«Гмъ! Чы не сказалы вы чого?»—А одынъ чоловикъ[†] и каже.—«Ни, не сказалы; я тилькы сказавъ, шо нехай його прахъ обантажыть, щобъ мы копалы оцю дурныцю!»—«Эге! було бъ же тоби не казать сього, бо скарбъ пйшовъ на дно!»—сказавъ знахуръ. Значыть ничего не треба казать про скарбъ такого, щобъ винъ не росердывъ

3 — Вы, панычу, кажете, що немає у сихъ мисцяхъ скарбныць, отъ же не дуже давно люде знаишли булы коло Борысоглибовкы *) гроши, не знаю, чы буде тому литъ сорокъ Коло хочете знать, дакъ се отъ якъ було Сыдили у одному острози невольныкы; чымало тамъ було йихъ,—одни таки булы, що въ Сибирь йихъ скоро одыслалы, а други ждалы скоройи воли соби. Отъ одынъ и каже «Шо жъ, братця, мени вже не быть на воли, я чувъ, що мене въ Сибирь,—дакъ я вамъ укажу кладъ у одному мисци. Хто скорийше выйде видциля, той знайде та й подякуе мени и на часточку дасть за мене гришного Коло Борысоглибовкы есть лись, а въ тому лиси есть дуже стары дубъ; управо одъ дуба и треба копать. Знайдете зрубъ деревъяный, такой якъ коло колодязивъ; прокопавшы дальшъ, найдете собаку, а скоро писля собаки и барыло зъ гришмы». Не знаю вже черезъ скильки днивъ выпустилы двоухъ чоловикивъ изъ острогу Воны прытьмомъ у Борысоглибовскый лись да й знаишли того дуба, що казавъ нимъ невольныкъ. Якъ смеркло, воны й давай копать. Чы довго копалы, чы ни, тилькы знаходять зрубъ; прокопавшы дальшъ, найшлы кисткы собачи, а дали й барыло зъ чыстымы червинцями. Якъ одкопалы воны гроши, дакъ заразь навтикача, и незвисно стало, де воны й дилысь. Може бъ никто и не знавъ бы, що воны найшлы гроши, дакъ на другый день пойихалы люде у лись по дрова и знаишли ту ямку, де булы гроши, ище й мисто було знать те, де стояло барыло, и червинецъ тамъ одынъ валявсь.

*) Село Черниговск. у

214. Шкарбъ и панська мода.

Одынъ чоловикъ побачывъ разъ, шо въ лиси свичечка горыть. Ну, винъ и догадався, шо то шкарбъ выходыть. А воно, бачъ, такъ Якъ хто закопуе шкарбъ, такъ заклына його на скилки тамъ годъ у земли лежаты чы на п̄ятдесять, чы на сто, чы на скилки хто схоце. Отъ якъ выйдуть уже ти годы, тоди й почне свичечка на тому мисци гориты. И ото вже чые щастя та-хто вміе узяты, той його й возьме. Такъ той чоловикъ думаетъ: оце мени Богъ щастя посылаетъ,—выкопаю шкарбъ та забагатю. Заходывся копаты и выкопавъ казанокъ повнисинькый грошей, а зверху г... лежыть. И напысано: «хто мое г... ззистъ, той и мойи гроши пожыве». Ну, чоловикъ уже знае, шо то значыть такъ ти гроши заклято. А вже якъ не зробишь того, на шо гроши заклято, то все одно йихъ не пожывешъ. Ну,—думаетъ,—шо жъ—треба йисты. Узывъ винъ його, загорнувъ, прынись додому, высушывъ у печи и зимьявъ. То оце якъ сѣдають обидаты, то винъ возьме та нымъ борщъ и прытрусе. То жинка:

— Чогось у насъ, чоловиче, борщъ воня!

А винъ:

— Та йижъ уже. Чого тамъ винъ воня?

Та такъ усе й трусе въ страву, ажъ помы усе ззили. А тоди вже прызнався жинци: шо,—каже,—я гроши знайшовъ. А жинка въ його була така соби, трохи дурненька. Та такъ уже пышається тымъ гришмы, шо теперъ я,—каже,—за всихъ у слободи багачча, такъ теперъ уже мени не йде по простому вбираться. Отъ йиде чоловикъ у базарь, а вона йому й наказуе:

— Гляды жъ, чоловиче, купы мени таке вбрання, шобъ и въ попади и въ дячыхы такого не було, бо теперъ я за йихъ багачча. Шобъ таке модне, якъ у городянськыхъ барынивъ.

Отъ тикы чоловикъ пойихавъ, а вона вже його й выгляда, такъ того вбрання моднього хочеться. Ну, вже надъ вечирь прыйиздыть чоловикъ, а вона до його.

— А шо, привизь?

— Та привизь,—каже,—отамъ на вози.

А самъ до худобы мерщій кынувся. А жинка до воза сюды туды—немае ниякого вбрання. А винъ йий на спидныцю, чы шо, набравъ та й укынувъ у мишокъ. Отъ бачыть вона немае ниякого вбрання, тилкы шкура воляча лежыть на вози—такъ завсимъ зъ головою й зъ рогамы. Вона за ту шкуру. «Оце жъ, каже, значыть теперь барынивъ такому ходють». А тутъ до вечирнизаблаговистылы. Вона шкуру на себе та до церкви. Якъ увійшла, такъ люде полякалысь, шо таке страшне увійшло, та оступають одъ його. А вона йде та:

— Росступиться люде: я багата, я рогата, я й шкарбъ знайшла, и до церкви прыйшла.

Отъ стала вона саме проты царськихъ дверей, а пипъ якъ углядивъ ййи, такъ и соби злякався, думавъ, шо нечыстый, а дали якъ роздывывся, шо то вона, такъ узявъ та й выгнавъ ййи съ церкви. Такъ уже було зъ нейи смиху!...

Харьковская губ.

VIII.

215. Каянова жъунка.

Ото, якъ убывъ Каянъ Явеля, дакъ съ таго время пашовъ юнъ жить адынъ соби; яго жъунка знала всяка зйлле, що варожкы мають. акрзумъ того, ще якъ нъучъ було настане, дакъ вана дайныцю взузьме да и йде удовиныхъ корзувъ *) даить. Тзульки якъ було 'даить пачне малоко, дакъ у малаци и кровъ доитсья,—се бъ то Богъ каравъ йихъ за Явелеву смерть. Жъунка Каянова пасли того пачне зиллемъ одварожувать ту кровъ изъ малока да и одварожить було.

Разъ пашла вана даить карзувъ, и тзульки що сила до каровы, ажъ богъ *Валосько* и йде.

— А що ты робышгъ?—каже юнъ йй.

— А те раблю, що станъ да стъуй!—Каянова жъунка йому каже.

Валосько пасли того якъ ставъ, дакъ и зъ миста не зойшовъ, наче вкопаны стоявъ, не мавъ зайты изъ мисця дали. Посля ййй каже:

— Ну, рабы жъ свое Кали робышгъ!..

— Ну, иды жъ и ты соби, кали ыдешъ да не пытайся бзульше!

Валосько, не сказавшы пасли ничего, и пашовъ соби дали.

*) Авелевой жены *Прич записывателя*

Съ таго часу стали у насъ видьмы, видьмаки, перевертни и вавкулаки, шо па дворамъ ходять да птыцю и скотыну давлють.

Сѣверная часть Козелецкаго у Черниговской губ Ал Шишацкій-Илличъ (Изъ № 40 «Черниговскиль Губ. Вѣдомостей» 1853 г, стр 388)

216. Громнѣщи.

Сьодни у насъ празныкъ *громнѣщи*: ничою не робымо. Не знаю, есть ли у васъ такъ по письменному: какъ пошелъ Исусъ Христосъ въ адъ чою то вже—не знаю, *звистно*, я темна людина—не разумѣю; такъ то ужъ надо было, такъ ему Богъ-Отець далъ *звистно*, Господня воля и сила, *шо здумае, те й дѣе*. Вотъ какъ пошелъ Спаситель въ адъ, то всѣ мертвецы и прооживали. Ихъ было тамъ мною; увидѣвши Спасителя, они стали радоваться; *а ще больше стало радости, якъ уси мертвякы знакомци побачылыся*. Тутъ они и цѣловались, и обнимались, и плакали, и танцовали, да какъ обнялися *взновъ*, то Господь видитъ, что никакъ нельзя ихъ развести, да и послалъ зъ неба *громъ и блискавыцю*; вотъ какъ *грякнувъ* громъ,—такъ они испугались и разнялись. Такъ у насъ сегодня за *тымъ* и праздыкъ».

— Развѣ въ этотъ день былъ такой случай?—спросилъ я.

«Эге жъ, у сей же; на другой тисля дарнойи недѣли».
Записалъ священникъ Ѳедоръ Боровскій С Крупичполь Борзенскаго у (Изъ № 46 «Черниг Губ Вѣдомостей» 1852 г, стр 514)

217. Чоловикъ у Бога.

Жывъ соби одынъ чоловикъ Пылыпъ И такой винъ бувъ праведный, шо Богъ, разъ ходячы по земли,

зайшовъ до його, поживъ скільки тамъ часу и побратався зъ нимъ. Оходячы додому, Богъ и каже:

— Ну, оце мы побраталысь, а ты й не бувъ у мене, —прибувай колы въ гости!

А чоловікъ йому:

— Та якъ же я до Тебе втраплю?

— Я,—каже Богъ,—пришлю до тебе билого коня, дакъ винъ уже самъ тебе доведе.

Колы справди: прыбигае до його билый кинь. Сивъ винъ на того коня й поихавъ. Йиде та й йиде, ажъ ось чоловікъ немовъ помижъ стинамы б'ється розженеться та вдарытьсѣ обь одну стину, одскочыть та въ другу, а тоди зновъ у ту. Загледивъ Пылыпа й гука:

— Пылыпъ, Божый чоловікъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, примовся тамъ къ мени, чы довго я маю такъ мордуватись?

Йиде той дали, дывытьсѣ, ажъ увъ озери чоловікъ стойить по шыю въ води и крычыть:

— Ой, проби, дайте пыть! Ой, пытки жъ мени, пытки! Побачывъ Пылыпа й гука:

— Пылыпъ, Божый чоловікъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, примовся тамъ къ мени, чы довго мени таку муку терпиты?

Йиде винъ дали, колы сыдыть чоловікъ, а передъ нимъ два корци, и винъ усе зъ одного корця та въ другый воду пересыпа. Загледивъ Пылыпа й крычыть:

— Пылыпъ, Божый чоловікъ! Ты йидешъ до Бога на билому кони, примовся тамъ къ мени, чы довго я буду тутъ нудытысь?

Прыиздыть Пылыпъ до Бога, пѣгостювавъ тамъ и, якъ прышла пора одйиздыть йому додому, винъ и пыта:

— Ну, а скажы, Боже, чого то надъ шляхомъ одинъ чоловікъ обь стины б'ється, а другый стойить у води та нѣякъ не нап'ється, а третій водою перелывається?

— То,—каже Богъ,—першый не пустывъ пидъ хуртовину чоловіка въ хату, сказавъ: «Тисно»; другой не давъ подорожньому у спеку воды напытысь; а третій—шынкаръ, що пиддывавъ воду въ горилку. Дакъ ото йимъ така кара до вику вичнього.

В Т. Андріевскій отъ козака Ивана Карпенка, среднихъ лѣтъ, въ с Рожновкѣ Борзенскаго у Черниг губ. въ 1894 г.
Многіе варианты этого см. у Чубинскаго, II, 11, № 2.

218. Богъ лучше знает, чего намъ треба.

Одынъ чоловікъ такъ угодывъ Богу, що той йому сказавъ:

— Просы у мене, чого хочешъ,—все тобі дамъ.

Чоловикъ цей бувъ пахарь и мавъ дуже добру землю. Довго винъ думавъ, чого бъ його просыты у Бога й бильшь ничего не выдумавъ, якъ попросыты, щобъ посылавъ йому дощъ тогда, якъ треба. Отъ настала весна, земля выйшла зъ пидъ снигу, стала протряхаты й розсыпатысь, якъ макъ. Чоловикъ зоравъ землю и посіявъ яру пшеницю. Заволочывшы, ставъ просыты Бога, щобъ пославъ невеличкый да спирный дощъ. Проишовъ дощъ, пшениця зійшла густа да хороша. Проишло недиль зо дви. Зновъ чоловікъ просытъ дощу грозowego. Зновъ проишовъ дощъ, и пшениця выросла, якъ очереть. Пожавъ чоловікъ пшеницю, ставъ молотыты,—а ни зерна. Винъ тогда до Бога. А Богъ йому й каже:

— Я все робывъ те, чого ты просывъ и не нарикай на мене. Одного ты забувъ попросыты: легесенького витерцю тогда, якъ пшениця красовалась.

Г В Дорошенко въ Борзенск у Черниг. губ., въ 1897 г

219. Кам'яный горохъ.

Одынъ чоловікъ прынісь изъ Ярусалыма горошыну. Такъ то така горошына. Одынъ чоловікъ сіе горохъ, а Божа Маты пытае:

— Шо ты сіешъ?

— Каминь.

— Ну, каминь сіешъ, каминь и выросте.

Отъ той горохъ изійшовъ и зацвивъ, и стрючки на йому стали. Усе якъ слидъ, тилькы горошыны таки якъ каминь, шо не можна йихъ ни зварыты, ни розбыты. Такъ ото винъ тую горошыну и прынісь.

Черниг у М Н Гринченко въ 1900 г, отъ дивчыны.

220. Середа й п'ятныця карають людей.

Оце уже килькы ночей люде бачать, якъ у-опивночь по селу ходять дви жинкы у билий одежи. Се, кажуть, середа и п'ятныця, и вони спорять, яку на людей послать кару. Середа каже, щобъ поморшыну та пожари, а п'ятныця—щобъ голодъ та войну. Богъ знае, котра то зъ йихъ переважить. Кажуть будто бь туркы зъ нимцями хочуть завоювать нашого цара, такъ що, видно, п'ятныця переважить.

Отъ Ул Кялочицкой М. С Чудновская.

221. Середа й п'ятныця гниваются, що люде йихъ не шанують.

Була за селомъ пуста хата. Прыйшлось тамъ одному чоловіку заночувать. Саме у-опивночь уходятъ туды

середа и п'ятниця, а чоловік одъ страху зализъ пудъ пичь. Увійшли вони и давай жалиться: середа каже, що «Мене колють», а п'ятниця—що «Мене замазують и за-сыпають кострыцею». Поговорылы, а потимъ угадали, що у хати е чоловік, вытягли його зъ пидъ печи, звязали руки и кажуть:—«Скажи людямъ, щобъ у п'ятницю не мазали и не прялы, а у середу, щобъ не шылы».

С Выбли Черниг у. отъ Ивана Мосича М. С Чудновская

222. Середа штовхнула.

Каже чоловікъ жинци:—«Жинко, я хочу сала!»

— Що се ты, чоловіче, здуривъ? Сьогодни жъ середа.

— Середа уже спать легла,—каже чоловікъ.

А уже бувъ вечоръ. Узявъ винъ кусманъ сала, упльовъ та й полизъ спать. Тилькы що чоловікъ звьовъ очи, а середа його якъ штовхоне съ полу,—такъ винъ и полетивъ сторчака.

— Оце тобі,—каже чоловічеськымъ голосомъ,—середа спать легла.

— Що се, чоловіче, зъ тобою?—пытае жинка.

— Та се,—каже,—мене середа штовхнула. Теперъ уже николы не буду у середу йсты сала и дитямъ закажу.

С. Выбли Черниг у отъ Федора Билана, М С Чудновская.

223. Про Ярусалымъ.

Оце зароблятыму гроши. Якъ зароблю рубливъ двисти, такъ пиду у Ярусалымъ. Тамъ, кажуть, дужей гарно. Одынъ парубокъ ходывъ. Туды йшовъ такъ такый пры здоровью бувъ, а видтиля якъ прыйшовъ, такъ и родытели не пизнали—такый худый та насылу ходе. Його пытають: «Чого жъ ты такый худый ставъ»? А

винъ каже: «Колы жъ мени такъ було, що оце день ничого не йимъ, або й два дни не йимъ та все дывлюся—такъ тамъ гарно». Вы знаете, тамъ Божа Маты живе. Гора така тамъ у Ярусальми—Ахвонська,—такъ вона на тій гори живе. Тилькы, звисно, я ййи не побачу, бо туды женського полку не пускають. Уже одинъ панъ такъ такъ изробывъ. У його не було дитей, а винъ прынявъ соби дивчынку чужу за дочку. Отъ винъ убравъ ййи такъ якъ хлопця и пишовъ зъ нею на ту гору. Такъ не зйшла. Ишла, ишла, а тоди й покотылася зъ горы. Такъ якъ упала на камень та взялася рукамы, такъ на камени й знать пальци. Такъ тоди и вгадалы, шо то не хлопець, а дивчына, бо то ййи грихъ було туды йты. Одинъ чоловікъ, забула тилькы зъ якои слободы, пославъ туды по телеграми багато грошей, щобъ йому патретъ изъ живои Матери Божойи прыслалы; такъ и прыслалы окону таку, зъ Нейи зъ живои патретъ изнялы. Теперь та окна въ церкви стойить.

У Божойи Матери, тамъ, де вона живе, немае ни дня, ни ночи, а все однаково, такъ, наче дуже нахмарыло. И вона не йистъ ничого, а Святымъ Духомъ воспытаеться.

Кажуть, шо дуже дорого дойхать у Ярусальмъ, бо тамъ перевозять човномъ, и той човень уже не нашего царя, а чужого. Такъ чужый царъ дуже дорого бере за те, шо перевезе.

Тамъ у Ярусальми, чы на Ахвонській гори, цого вже не знаю де саме, такъ кажуть немае серебра, саме золоте все та костяне: и хрестыкы, и оконкы.

Черниговск у М Н Гринченко въ 1900 году, отъ дивчины

224. Хлопець, монахы и сварбъ.

На болоти Трубайли бувъ здоровый островъ, а на тому острови стоявъ здоровый стовпъ, а на тому стовпу

стояла чоловічеська статуя. И на тому стовпу було написано: «Хто вцильть статуїи въ голову, той грошей багато найде». Кажны день собиралось багато людей до того стовпа и вцилялы його въ голову, никто тульки не вцильвъ. Колы прыходить молодежи хлопгья, прочытало и подумало, якъ гроши найти. А дали начало копать землю у тому мисци, де у схиць сонця падала тинь одъ головы статуїи. Потимъ копало на тому мисци, де тинь була на пивдень и копало на захидъ сонця и тамъ выкопало чугуину скрню грошей. Стало тее хлопгья пуднимать скрню, такъ не пудыме. Воно пошло у Михайловській монастырь и объявило гумену, що отамъ на острови найшовъ сундукъ зъ грошыма и самъ не пудниму. Гумень пославъ двоухъ манахивъ исъ тымъ хлопцемъ.

Прийхалы вони на той островъ до стовпа, забрали сундукъ изъ грошыма, посадалы на човенъ и пойихалы. И йидучы манахы позавыдувалы на тїи гроши, нарадылись скынуть хлопця изъ човна и обмануть гумена, що тамъ грошей нема. Тоди взяли, привязалы каминь до шыи хлопцю и пустылы його у воду, а самы пойихалы, на берези заховалы гроши и прийшлы до гумена и кажутъ, що «Хлопецъ той обманщыкъ, прививъ на островъ и тоди заховався, и мы шукалы, шукалы—не найшлы ни хлопця, ни грошей, такъ и вернулъсь».

А той хлопецъ остався невредымъ и черезъ несколько времяа оказався у тому самому монастыри пудъ престоломъ и ставъ тамъ стогнать. А клюшныкъ прышовъ у монастырь да почувъ и сказавъ гумену. Гумень прышовъ и побачывъ пудъ престоломъ того жъ самого хлопця, которы объявлявъ, що найшовъ гроши, и вытягъ його клюшныкъ изъ гуменомъ съ пудъ престола, одвязалы камень одъ шыи и стали його пытать, що йому случылось. То вунъ розказавъ усе, що йому було зъ манахамы. Тоди гумень призвавъ тыхъ манахивъ и ставъ йихъ пытать, якы це хлопецъ. И манахы стали

прощения просить у гумена. Но гуменъ придавъ ихъ къ суду, то судъ ихъ осудивъ туды, де Макаръ и телятъ не пасе.

Записалъ крестьянинъ с Русанова Гоголевской волости Остерскаго у Елисей Юрченко Сообщилъ И Е Коновалъ въ 1899 г

225. Де бильше празныкивъ.

I.

Зазмагався жыдъ исъ чоловікомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, щобъ жоденъ, щытаючы свойи празныкы, вырывавъ у другого зъ бороды волосыну. Ну, добре. Кому жъ почынатъ? Жыдъ ну на себе горнуть:

— Мы зъ народъ бозы, то й празныкы головниси,— мени почынатъ!

— Ну, нехай вже твуй чортъ старшы,— дядько каже,— почынай!

Отъ жыдъ почавъ: «Ну, слухай, Омельку! Адъ нового году,— Рошъ ходешъ швать.»— Та й сипъ волосыну у Омелька.— «Хамиша Ассаръ б' швать.»— Зновъ— сипъ!

— Та шо ты, свыняче ухо? Казавъ, у васъ головнійши празныкы, а теперъ шо ты выдумуешъ: то свать и се свать, та й будешъ усю ридню тягать!

— Ай, ай, Амельку! падазды—будуть и главны!

— Ну, гоны!

— Рошъ Ходешъ Адаръ.— Сипъ волосыну!— Другый день Рошъ Ходешъ Адаръ.— Зновъ— сипъ!— Гаманове Ухе. Ну, теперъ, Амельку, якъ жнай— самъ зе ты цуесь: Гаманове Ухе! знацить треба не за волосыну, а за ухо и тебе.

Бачыть дядько, шо жыдъ хытруе, та вже потатурывся.— «Скубы вже!»— каже. Отакъ жыдъ ище иноди хытрывъ, але жъ мало нарвавъ волосья: штукъ мо зъ пив-сотни й вырвавъ. Добре.

— Ну теперь вже буду я,—дядько каже.—И я почну не зъ нового року, а зъ самого головного празныка: зъ Хрыстового Риздва. Ну! Первый день святъ.—Сипъ волосыну!—На другой день Соборъ пресвятой Богородици й священномученыка Юхыма.—Сипъ!—Трети день: святого апостола й первомученыка Степана.—Сипъ волосыну!—Четвертый день—Святыхъ мученыкъ дву тму въ Ныкодимиіи сожженныхъ. Ну, теперь выбачай, жыде: шытатъ волосся буде забарно.—Та хипъ його за бороду й выскубъ чысто.

Той крычытъ: «Пусты, Амельку! усимъ и васимъ и насимъ расказу, спо у васъ бильсе празныкуивъ!»

— Э, ни! хочъ десяту часть выслухай! Пятыи день—святыхъ младенецъ чотырнадцяты тысячь, Хрыста рады избенныхъ одъ Ирода въ Вифлееси Іудейскимъ!—та й хапъ жыда вже за песыкы!..

И отъ, якъ бачыте: небагато пошытавшы празныкуивъ, жыда оскубъ мовъ горобця протисенько той Омелько.

М Мринъ Нѣжинск. у Е Н Гаврилей

II.

Змагались чоловикъ изъ жыдомъ, у кого буильше празныкуивъ и поришылы, щобъ каждый, шытаючы свойи празныкы, вырывавъ у другого по волосыни зъ бороды. Отъ жыдъ уже й радіе:—«А ну зъ я поцну сцыгатъ свойихъ».—Чоловикъ згодывсь. Жыдъ заразъ: «Семень!»—та й смыкъ волосыну. «Куцкы!» та й смыкъ!.. Перешытавъ отакъ жыдъ свойи празныкы и радий-радий, шо нарвавъ зъ десятокъ волосынъ. А чоловикъ усе крипывсь, хыба тоди скрывытсья, якъ той смыкне зо зла волосыну, дали й пыта: «Ну, вже, Хаинъ»? А той: «Узе, а спо ты будешъ сцытатъ, колы у васъ мало цого празнують, а и у велики празныкы йидутъ колы не въ поле, то до миста?»—«Ну, то литомъ звисно такъ, а отъ я тоби перешытаю хочъ

зимни.»—Та й почи́на:—«Риздво!»—та й сипъ волосыну! Жыдъ такъ и затрусывся. «Водохрыще!»..—«Ой, цы далеко сце до весны?»..—«Та ни, чекай: ось ще тры сяти»,—та й сипъ тры волосыны,—такъ и звывся жыдъ, та: «Ой, вей! Грыщку! нехай твойихъ бильсь, пусты мене!» А той: «Та слухай: е въ насъ ще сорокъ сятыхъ,»—та хуипъ його за всю бороду, бо выщытувать уже нико́лы, а про те, щобъ знавъ жыдо́га, що якъ любышь йиздыты, то любы й возыты.

М. Веркевка Нѣжинскаго уѣзда Е. Н. Гаврилей, 1899. Вариантъ у Аванасьева, II, 419

226. Чы Велькдень велькый день?

Одна баба чуе, що люде Воскресенне зовуть Велькоднемъ. Отъ вона одного разу и хотила спробовать, чы правда сьому, бо звисно,—чого люде не наговорють. На Велькдень пишла вона у погрибъ, щобъ нихто не бачывъ и взяла зъ собою почи́нкивъ тры. «А ну жъ, думает баба, чы попряду?» Сыдила до самого вечора, та напярла усього тилко одынъ починокъ. Тоди вона й каже зъ серцемъ: «Ну и не брехльви жъ люде? Отъ тоби й велькый день! День, якъ уси дни, адже стилько и напярла, якъ завсегды. А черезъ отой капосный починокъ просыдила у погреби, наче за яку выну. Я бъ стилько и въ пылыпивський день напярла!» Оттака то була розумна!

Ю Н Долинская въ с Выбляхъ Черниг у.

227. Непысьменный пипъ.

Було це въ старовыну. Бувъ у однимъ сели пипъ и не вмивъ винъ ни чытаты, ни пысаты. Прослужывъ

винъ службу, и треба було йому казать проповидь. Выйшовъ зъ овтара и каже:

— Чы знаете, братци, що я вамъ буду казать?

— Ни,—кажуть люде,—не знаемъ.

— Ну, якъ не знаете, то я не буду й казать, идить додому.

У другу недилю зновъ пытае винъ:

— Чы знаете, що я буду вамъ казать?

— Знаемо,—одвитылы люде.

— Ну,—каже винъ,—якъ знаете, то ничего вамъ казаты, идить соби додому.

М. С. Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Муцкаго
Такіе-же разсказы напечатаны у Рудченка (II, № 5) и Афанасьева (II, 434)

228. Дви проповиди.

I. Проповидь украинця:

Братіе! Йихъ благородіе, панъ комсарь, лежать. А чога жъ вони лежать? Бо вони вмерлы. А чога жъ вони вмерлы? Бо естествонно чоловикови родытыся, естествонно и вмерты. Аминь.

II. Проповидь билоруса:

Братіе! Памьоръ... памьоръ... и ляжиць... А вы, дурни, цаво стайиць? Бяриць и нясиць... Аминь.

Неизвѣстно кѣмъ записано

229. Помылывсь.

Йихавъ архырей черезъ поронъ, а у ту пору по Десни ишли плиты. Старшый плитовщыкъ крычавъ на свойихъ товаришивъ.—«Прычалюй!»—та крычавъ такъ здорово, що на симъ версть було чутно. Почувъ архырей у свойий карети та й каже:

— Приведите мени того чоловіка, що въ його такій голосъ

Привели плытовщика до архерея, и винъ зробивъ його дякомъ.

Служивъ разъ той дякъ службу, и треба було йому казать: «Много лита,» а винъ помылывсь та якъ крикне на всю церкву: «Прычалюй!» Такъ його заразъ розстригли и прогналы.

М С Чудновская въ с. Выбляхъ отъ Петра Муцкаго

230. Жарына.

Кажуть люде,—встаровину не дуже було густо людей пысьменныхъ, а найпаче допивъ. Знаходылись цили села, де попа и дяка зроду-вику не бувало, и люде не вмилы молыться, не бачылы, якъ треба поклонны класты або хрестыться, а що попа возыты у решети,—воны про се и не чулы николы.

Такъ було соби одно село, де люде не памъяталы, чы бувъ тамъ колы пипъ. Ото прыслано туды попа и дяка. Збигся народъ звидуси дывыться, наче той рашевецъ росташовався зъ гарнымъ крамомъ, або цыгане привелы ведмеда, де зроду-вику його не бувало.

— Чы такій винъ, якъ и мы?—пытае, хто не бачывъ.

— Точнисинько,—одказуе такій, хто все знае и все бачывъ,—тыльки коса ззаду телипається.

— Що жъ вона скиндячкамы гарно перечеплена, якъ у дивчатъ? Чы пидъ очипкомъ схована?

— Ни, вона росчесана.

— А у дяка велька коса?

— Ни, не дуже.

Багато де чоґо казавъ народъ. Осельвся пипъ.

— Теперь,—каже,—треба одибраты хату пидъ церковь, погы збудуемо церковь.

Одибралы. Зибралысь мыряне вчытысь молытысь.

— Глядять же,—каже пипъ,—вы мусыте робыты, якъ я робытыму отакъ хрестытысь, отакъ поклоны быйте!

— Такъ, такъ,—загудылы усы и почалы поклоны быты.

Пиднысь дякъ попови кадыло. Почавъ вынъ ходыты по хати и кадыты, а мыряне хрыстыются и поклоны гатыть. Тылкы якось на лыхо жарына съ кадыла упала попови за хаяву. Вынъ дума: «Ничоґо вона не вдіе кривъ онучу». А далы тупъ-тупъ ногою, се бъ то зага-сыты ййи дума. А мыряне и собы—тупъ-тупъ ногою! Жарына не вгасае и дужче прыпыка. Пипъ тылкы дрыгъ-дрыгъ ногою! А мыряне усы собы дрыгъ-дрыгъ!.. Якъ прыпекло попову онучу да якъ вашкварчыть попова нижка,—тоды вынъ сывъ мыттю доли, давай стягаты чобыть.

— Анаеемо!—каже, да й кынувъ його у кутокъ.

А мыряне собы посыдалы на землю, роззуваютысь да й шпурыляють чоботы у той кутокъ, де попывъ лежыть. Пипъ баче, що бида—закыдають його чобыть такъ, що и ворожка не пызна,—мерщій схопывся, за чобыть да драла зъ церкви, а мыряне собы за чоботы да наздогынь зъ церкви.

Така, кажуть, була колысь служба.

Запысалъ Пыдводный

Таке же равсказы напечатаны въ «Этн. Збры». (I, V, VI, и 28, V).

231. Хытрый бляхаръ.

Було це пидъ церквою, якъ разъ на самысынькы проводы. Поодпыравлявъ пипъ панахыды, сывъ за стиль

и почалы грапезуваты. Навкругы попа посадалы самы найбагаччы мужыкы а міжъ нымы якось прымо- стывся й бляхаръ. Йидять вони усяку страву, ажъ за ухама лящыть та все горилкою частуються; пипъ надто налягае на м'ясыво-курятынку, сотае соби. А бляхаръ хоча бь крыльце зь курятыны,—сыдыть и въ ротъ не бере. Помитывъ се пипъ та й пытае його:

— А чому ты курятыны не йисы?

Бляхаръ подывывся на курятыну та й каже:

— А тымъ, батюшко, що кожна хазяйка, якъ посылае дочку пійматы пивня на таке дило, то й прыкавуе: «Гляды жъ, дочко, ловы того пивня, що зь билимъ гребинемъ, бо винъ все одно не сьогодни—завтра здохне: краще я дорижу його та спечу, а пипъ иззисть, ще й пальчыкы пооблызуе!»

Почувшы се, пипъ скривывся та й выкынувъ зь рота те, що й зумравъ... Зь того часу пипъ ажъ николы не йивъ м'яса, що носять на таке дило парахвіяне.

Каневскій у. Киевской губ. В. Ф. Степаненко

232. Незвычайна хазяйка.

А.

Прийшовъ пипъ до одніей хаты зь молитвою. Хазяйина дома не було, а хазяйка каже сынови:

— Скажы, що дома нема!

Та й заховалась на пичъ

Увиходыть пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже хлопець,—пишы на село.

Пипъ глянувъ по хати,—ажъ выдно съ пичы ногы. То винъ:

— Скажи жъ матери щобъ удруге, якъ пиде на село, то й ноги съ собою забирала!

Харьковск. губ Б. Д. Грияченко

Б.

Прийшовъ пипъ зъ дякономъ, а жинка одъ йихъ заховалася на горыще, а сынови звелила сказаты, що нема ййи дома. Пытае пипъ:

— Де маты?

— Нема дома,—каже сынъ.

А дяконъ глянувъ по синяхъ, ажъ спидныця зъ горыща звысла—не впила жинка далеко заховатъся. То винъ:

— Дакъ скажи жъ матери, щобъ удруге не чыпляла спидныцю надъ дверыма!

Черниговск. у Б. Д. Гринченко.

233. Страшный судъ.

Це було дило саме якъ разъ въ майи мисяци, ще й передъ зеленымы святкамы. Мени казавъ одинъ чоловікъ, що въ цимъ году буде кинецъ жызности, а якъ инакше сказать—страшный судъ. И розказуе, що выйхавъ той же чоловікъ якъ разъ за саме село и дывыться, що це вже мабутъ и винъ, той самый страшный судъ, бо вже й земля уся зайнялась тамъ на Выржавци и уже зайнялась по самисиньку яконовію, оту, що ййи всяке пошты знае зъ нашего краю. Я тоди, не бувшы лыхо, та назадъ у село та до росправы. Якъ и вамъ же звисно, що якъ зробыться яке де небудь дило, то треба дать знать въ самый передъ куды жъ, якъ не до росправы? То якъ я вернувся до росправы и не заставъ тамъ ни соцького, нидесяцького, а тилкы бувъ тамъ одинъ сторожъ, то я йому розказавъ усе це лыхо и

пойихавъ я зъ своею жинкою Марусею, щобъ тикать куды небудь у друге мисце, або що. Ише й другимъ тамъ сказавъ, щобъ тикалы тоже. То одни тикалы, а ти поторопила та кажутъ, що якъ уже це буде страшный судъ, то куды вже намъ тикать, одначе вся земля згорить, то все жъ такы мы не втечемо.

Колы йиде якийсь чоловікъ, якъ по нашому найшвидче сказать,—осаула зъ берлозивськоїи яоновійи та загадуе малымъ дитямъ жукивъ ловыть на бурякахъ, а мы йому:

— Ты сякый-такый и въ останний день загадуешъ! Дывысь, онъ на Выржавци земля уже горыть, а винъ намъ каже жукивъ ловыть!

— Що вы, поторопила, чы що це зъ вами случылось? Дурни вы! То на ковтьобахъ жуки палють, а въ Выржавци туманъ схопывся зъ рички. Схамениться лышень!

Тоди наши люде, почувшы це, поверталысь звидтиля, куды бувъ хто втикъ та до шынку, та давай пыть горилку та радуваться, шо ще такы трохи пожывемъ.

Каневскій у Разказъ сторожа копеватской управы Грыщка Бульбы.
Сообщилъ В. Ф. Степаненко

IX.

*О явленіяхъ жизни семейной и
общественной.*

234. Вирна дружина.

Одынъ молодой чоловікъ та дуже добре живъ изъ своєю жинкою. Було, чумакуючи, йиздыть по дорогахъ, а думка витае коло вирной дружны у ридній осели. Додому повертається якъ у рай, а доведеться знову кыдаты домивку,—важкый сумъ огортае душу. Отъ разъ, рушаючы въ далеку дорогу, винъ и каже жинци:

— Дружно моя, чы ты справди вирна мени, чы може, якъ довго нема мене, то й у грихъ ускочышь?

А вона йому: «Отъ уже,—каже,—я швыдче на тебе надіюсь, що ты, ходячы по свитахъ, не выбудешъ такъ.»

Слово по слову, а дали й заложылысь: «Ну, якъ такъ,—каже жинка,—надиемо на розстанни по новій сорочци, и хто чесно прожыве,—ходытyme у билій сорочци, хочъ ни разу й не скыдатыме, ажъ помы побачымось; а хто согришыть, на тому буде чорна сорочка, и пратте не поможе.»

— Добре!

Такъ и зробылы.

Отъ, якъ верталысь уже чумаки додому, трапылось йимъ ночуваты на постоялому двори у дуже багатого купця. Булы тамъ напытки и найидкы усяки, а чумаки, звычайно, грошовыти люде, пьютъ та закусюютъ. За ве-

черю, на пидпытку вже, стали дывуватысь тому чоловікови, шо одколы, кажуть, ходымо у дорози, винъ ни разу не переминявъ сорочки, а сама чыстийша сорочка въ його. Прыставъ до йихъ и хазяйинъ шо да якъ? Ну, той чоловікъ и прызнався: «Це,—каже,—мы заложылысь изъ жинкою: хто зъ насъ чесно прожыве, той зъ дружыною стринеться у билий сорочки, а хто проступыться, на тому одразу стане чорна сорочка.»

Купецъ той якъ зареочеться и просто въ вичи зве дурнемъ: «Чы такы жъ,—каже,—жинкамъ можна виры няты? Да абы трапывъсь добрый молодець,—зроду не встойить.» А чумаць той свое: «Ручусь, якъ за себе.» Отъ купецъ тоди: «Та хочешъ, я самъ звезду?»

— Звезды!

— А шо дасы?

— Та заберешъ уси мойи волы й возы.

А шисть паръ воливъ!

— Добре.

— А якъ же выйде твоя брехня, тоди шо?

— Пропало усе мое господарство.

Ото стали у закладъ, напысалы у бумагу, и вси пидпысалысь. Роспытався купецъ, у якому сели и де сѧме жыве чумаць та й пойихавъ.

Прыиздыть до того двора и просыть у молодыци, чы не можна коней погодуваты да й самому одпочты. Молодыця, звычайно, пустыла. Просыть винъ самоваръ нагриты. Пѧе чай и хазяйци дае та ще й рому пидсынае. Дочаювалысь, шо треба вже й йихаты. Просытьсѧ купецъ на ничъ. И все лыпне, та й лыпне до тѧейи молодыци; попервахъ оддаликъ заходывъ, а дали вже й добре прыставъ. И надававъ ажъ тысячу рубливъ, абы тилько дило було. Бачыть молодыця, шо не перелывкы, а сама жъ одна душею въ хати. Отъ вона й каже: «Ну, добре,—чы такъ, то й такъ! Тилько мени треба на двиръ выйты.»

Выскочыла молодыця зъ хаты та боржій до сусидкы. А билия ййи жыла одна убога вдова.—«Отакъ и такъ,—каже,—вызволи и мене одъ напасты, и соби тысячу заробышь тоби Богъ простыть!» Росказала тій сусидци, якъ треба поводитысь. Та й зохотылася.

Отъ купецъ отдавъ тысячу та тоди за косу тилько чыркъ ножыцямъ: «Це,—каже,—хай мени за тысячу.»

Выйшла удова, а хазяйка тоди въ хату. Уранци купецъ пойхавъ радый та веселый, що выгравъ закладъ. Постричався зъ чумакамы: «Мойи,—каже,—волы!»

Показуе косу. Чоловикъ той и охоловъ. «Ну, та вже жъ,—каже,—побачымо!»

Идутъ чумаки, а за ными и купецъ повернувъ. Пидйихалы до двору. Молодыця выскочыла, ворота одчыня. А купецъ и гукае: «Да не одчыняй,—каже,—бо це все мое.»

— Чого жъ воно твое?

— А ты забула, якъ я ночувавъ у тебе?.. У насъ исъ твойимъ чоловикомъ бувъ закладъ.

— Я тебе овсимъ не знаю,—каже молодыця.

Купецъ тоди: «А це що?»—показуе косу.

Молодыця очипокъ изъ головы: «Ни,—каже,—у мене, хвалнты Бога, коса цила.»

В Т Андрievскій въ с Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ крестьянина Евлодима Гавриленка, 27 лѣтъ, въ 1898 г

235. Хытра жинка.

— Жинко, а де гроши подила?

— Та де жъ?.. Копу на силь... копу за силь... за копу солы купыла.. а копу пропыла..

Чоловикъ росердывся та вдарывъ ййи.

— Бачъ, ударывъ у губу, перебывъ рахубу, до й щытай самъ!

С. Евминка Остерск у Черниг г Г С Неводовскій

236. Ленива жинка не пряде.

Була соби одна така жинка и не любила вона прясты. Каже йй, було, чоловікъ щобъ вона прядла, а жинка одказуе: «Ще напряду.»—«Та пряды бо, сяка - така!»—«А килькы ще,—пытае жинка,—недиль до празныка?»—«Десять.»—«Ну, ще десятку напряду!»

— Чомъ бо ты не прядешъ, пряды! — зновъ черезъ килькы недиль каже чоловікъ.—«А килькы ще осталось до празныка?»—«Та уже тилькы симъ недиль.»— каже чоловікъ.—«О, ще у семуху напряду!»

Проходять и симъ недиль, а жинка и не береться за куделю. «Хай,—каже,—у вельку субботу—велький день буде, тоди напряду.» Диждалы вони и велькойн субботы, зложыла жинка у чугуны льонъ та конопли и давай парыть. А у йихъ та була сучка - кудла.—«Сыды жъ,—каже жинка на чоловіка,—та дывысь, щобъ кудла не вскочыла у сины, а то мойи полотна покудлаться.» Сыдыть чоловікъ на порози, махае рукамы. Стала жинка выймать чугуны зъ печи, а кудла такъ и выляе хвостомъ, якъ бы ускочыть у сины. А жинка тыхенько мануть кудлу, та ще й хлибъ показуе. Кудла, побачывши хлибъ, перескочыла черезъ плече чоловікови та у сины. А жинка тоди якъ закрычыть на чоловіка та заголосыть.—«А що жъ ты мени, такой-сякий, наробывъ? Покудлатылись, пропалы мойи полотна!» Та давай вытаскувать зъ чугунивъ льонъ та конопли, годи й билыты.

Запысала въ с Выбляхъ Черниг у отъ Гликери Новиковой
М С Чудновская.

237. Ленива жинка чоловіка на смерть убире.

Була соби жинка, та така ленива, мовъ бы це йя, нелюбила вона прясты. «Чому ты,—каже чоловікъ—не

прядешъ, у шо ты мене уберешъ, якъ я умру?»—«О,—каже жинка,—уберу, ше й якъ.» Прыкнувся чоловикъ мертвымъ и лежыть. Найшла жинка неретку, надила на чоловика, бо ничего бильше не було надить, прыпала до чоловика и голосыть: «Чоловиче мій, та куды жъ ты убираешся?»—По рыбу,—промовывъ чоловикъ. Положылы чоловика у домовыну. Зновъ жинка стала голосыть: «Чоловиче, та куды жъ ты убираешся.»—По рыбу.—«Ой, мамочко,—крыкнула тоди жинка,—винъ не умеръ, винъ гомонить.»—Ни, се тоби, моя донько, такъ удаеться, шо ты його любила.—Прынесли чоловика уже до мдгылокъ. Голосыть жинка, приказуючы: «Куды жъ се ты, чоловиче, убираешся?»—По рыбу!—скрыкнувъ чоловикъ, та й уставъ зъ домовыны и давай быть жинку по потылицы: «Оце тоби,—каже,—не ленысь, та пряды, щобъ не убирать чоловика у неретку.»

Записала отъ Лукерии Новиковой М С Чудновская въ с
Выбляхъ Черниг у

238. Жинка безъ десятойи клепкы.

Купывъ разъ жыдъ у одніейи жинкы яйца и каже: «Ты погуляй, а я однесу яйца додому и прынесу тоби гроши.»—«Добре,—каже жинка,—тылькы якъ же мы одынъ одного угадаемъ?»—«И справди,—каже жыдъ,—хыба знаешъ шо? ты надиць мое палто, а я твій кожухъ.»—А на жинци бувъ добрый кожухъ. Передяглася жинка у жыдивське палто и жде. Ждала, ждала, та безъ кожуха и додому вернулась.—«А кожухъ де?»—пытае чоловикъ. Вона розказала, якъ було дило.—«Нема у тебе,—каже чоловикъ,—десятойи клепкы!»—Та не ставъ бильшь и балакаты.

Побачыла разъ жинка бондара и просыть, щобъ винъ зробывт йій десятую клепку. Заглянувъ бондаръ,

шо у синяхъ насыть велике сало, та й каже: «Се дорого буде стойить отъ якъ оддасы отее сало, то зроблю». Согласылася жинка, и бондарь выстругавъ ййй клепку, зробивъ обручкы и надивъ на голову.

Записаль отъ Андр Чечни Петръ Курилецъ, въ Черниг у
Сообщила М С Чудновская.

239. Якъ жинку ярмалокъ наляжавъ.

Докоряе жуинка чоловикови, шо усе самъ йиздыть и до миста, и въ ярмалокъ, и такы добылася того, шо чоловикъ згодывся взять и ейи на ярмалокъ. Отъ прыйихалы, чоловикъ выпрягъ волуивъ, посадивъ жуинку воза стерегты, а самъ пишовъ нибы за диломъ; але жъ надумавъ вуинъ инше дило: знайшовъ польцейского, купывъ йому восьмуху, чы дви и попросывъ, щобъ той провчывъ жуинку, якъ на ярмалокъ йиздыть. Згодывсь польцейскы, прыйшовъ до жуинки та й гримнувъ: «Чого ты приѣхала?»—А та веселенько: «На ярмалокъ!»—Ахъ ты сякая-такая! Я жъ тотъ ярмалокъ, такъ ты на меня будешъ ѣздить?» та й почавъ ейи пугою перишыты. Повчывъ добре й зныкъ. Ажъ надходе чоловикъ, а жуинка й пыта знышка: «Не бачывъ ты ярмалку?»—«Ни, не бачывъ. А шо хыба?»—«Та тутъ якъ здыбавъ мене, то трохы шкуры не опоровъ, ледви пидъ возомъ сховалась, та ще й наказувавъ, шо вернетъся вдруге. Запрягай, чоловиче, нумъ тикать мерщй,—краще самъ выйдешъ». Чоловикъ уже и зоставляе: «Побудьмо ще, поорудуемъ де шо.» Та куды тоби—тикать,—хай його мырь не знае, того ярмалку! Втеклы. Жуинка вже не чепляется до чоловика. Прожылы злагодно вже тыждень, а жинци все на думци ярмалокъ. Пишла вона у недилю до церкви; туилько шо въ бабынець увишла, ажъ уздрила москаля въ церкви, та нав-

тики. Прибигае додому, задыхавшысь. Чоловикъ до нейи: «Чого се рано зъ церкви?»—«Ой, не пытай же ты мене! Ярмалокъ у церкви.»

М Веркевка Нѣжинскаго уѣзда Е. Н. Гаврилей

240. Жоноча пошесть.

— Боже муій, шо його робыть? жуинка недужа.

— Осе! Шо жъ тамъ таке?

— Та чорты його батька знае, шо воно й за пошесть: лежыть безъ просыпу, а йистъ безъ пощады.

М Веркевка Нѣжинскаго уѣзда Записаль Е. Н. Гаврилей.

241. Чы можна жинкамъ правду казаты.

Одынъ чоловикъ та хотивъ вывирты, чы можно жинкамъ правду казаты. Отъ винъ пишовъ у коморю, лигъ та й лежыть, наче хворый, а жинка й пытае його:

— Чого ты, чоловиче, лежышь?

А чоловикъ и каже:

— Въ мене таке, шо не можно казаты, а то ты скажешъ кому небудь.

— Та ни, не скажу.

— Э, ни, скажешъ.

— Та ни бо, не скажу!

Довго винъ не хотивъ казаты, а тоди й каже:

— Та тилкы жъ никому не кажы! У мене вылетела зъ рота гава.

Отъ жинка пишла по воду та й стрила свою куму, а кума й пытае:

— А шо, полекшало твоему чоловикови?

— Э, де тамъ полекшало. У його,—тилкы кумочко никому не кажы,—у його дви гави зъ рота вылетило.

Кума сказала, шо никому не скаже. Колы йде друга баба. Отъ та кума й каже:

— А знаете, у того чоловіка (якъ тамъ уже його) три гавы зъ рота вылетило. Та тилкы жъ никому, бабусичко, не кажить.

А та й сказала свой племянницы, да й ще прибавыла, а та ще комусь, такъ выйшло вже дванадцять гавъ. Отъ уже вси на сели дизнались, думаютъ, шо жъ це воно таке? Зибралась громада и клычуть його.

— Шо це,—кажутъ,—у тебе таке?

А винъ йимъ усе й розказавъ, якъ воно було:

— Це я,—каже,—хотивъ вывирить, чы можно жинкамъ правду казать,—ажъ бачъ, якъ йимъ можно правду казать.

Записала Н Г въ Черниговск у въ 1898 г.

242. Батькова правда.

Вы пытаете, добродію, звидкы берутся оци пословицы? Такъ стари люде прыкладуютъ. Колысь покойный мій татко було намъ каже: «Слушайте, диткы, шо вамъ кажутъ стари люде, примичайте та такъ и робить!» Та оце, бувало, й роскаже яку небудь казку. Отъ колы хочете, я й вамъ роскажу де яку казку покойныка татка. Се жъ ото бувъ чоловікъ, а въ його бувъ однимъ однимъ сынокъ. Отъ винъ, умираючы, й каже; «Гляды жъ, сынку, съ панамы не кумайсь, зъ жыдамы не братайсь, жинци правды не кажы, чужойи дытны за дытну не ймій, собаци виры не доймай.» Вмеръ старый, сынъ почавъ господарюваты. Панъ його такъ жалє й прыкашыкомъ настановывъ, а дали и въ кумы до себе взявъ. Не послухавъ винъ батька та й пишовъ до пана въ кумы. Що жъ?—панъ його ще бильшь зачавъ жалиты. Отъ винъ и думаетъ: неправду казавъ покойныкъ,—

бачъ, якъ мени добре, шо я панськый кумъ. А въ його не було дитей, отъ винъ и взявъ соби челядника за сына. Потимъ того йиде панъ у повкъ та й каже: «На жъ тоби, куме, мого сокола та гляды жъ, доглядай його гарненько!» Пойихавъ панъ. Отъ винъ и миркуе: давай, каже, извидаю батькову правду. Та взявъ того сокола, шо йому уручывъ панъ, заховавъ, а пыленятко*) заризавъ, опатравъ, прынисъ жинци та й каже: «На жъ тоби, жинко, звары оцього сокола, та колы бъ ты никому, никому не казала, бо якъ дочуе панъ—буде намъ льхо.» —«Ни, чоловиче, чы можна, щобъ я кому сказала?» Та й пишовъ кудысь по господарству. А жинка за те пыленятко та до кумы. Прыбигла та й просыть горщыка: «Кумочко, голубочко, дай, будласко, горщыка!»—«На шо тоби?»—«Та нельга казать, кумочко!»—«Якъ тоби не грихъ, кумо? Я жъ до тебе така вирна, а ты мени не хочешъ сказаты.»—Вона й розказала. Кума сказала матци, матка невестци; пишла чутка по всьому селу: прыкащыкъ заризавъ панського сокола. Почувъ и панъ, одпросывъ та й прыйхавъ додому. Заразъ по кума: «Де, сякый-такый (годи вже й кумомъ), де сокиль?» —Що жъ, паночку, вынувать: заризавъ та ззивъ.—Не признається, думавъ, шо панъ помылуе, ажъ де тоби: якъ закрычыть на його! Крычавъ, крычавъ, а дали лакеямъ и каже: «Визьмить його, повисьте!» Отъ винъ и каже панови: «Дозвольте, паночку, хочъ въ останній разъ Богу помолыться, зъ людьмы роспростыться!» Дозволивъ Прыходыть додому, надивъ билый кожухъ та й згадавъ, шо ще жыдъ не вернувъ грошей позыченныхъ. Питы жъ, думает, до жыда, отъ и визнаю його правду. Та тилькы шо показався зъ синей,—де взявся собака,

*) Пыленятко—се бъ то курча, бо курчатъ склыкають пыль, пыль, пыль!

та на груди, та давай його шарпаты, такъ полу й одчашувъ! Бачъ, якъ батькова правда збувається! Приходять до жыда. Жыдъ ни блызько: «Я,—каже,—въ тебе не бравъ грошей.» Зъ симъ и пишовъ видъ жыда. Пришовъ додому, вынись зъ коморы гроши та й каже жинци й небожови: «Нуте дилты гроши!» Взявъ та й розкладуе на чотыри купкы. А було тилькы трос: винъ, жинка й небожъ. Отъ небожъ дывывсь, дывывсь, а дали й пытае: «Кому жъ оце, господарю, четверта купка?» —Се,—одвитуе,—тому, хто мене вишатыме.—«Э, такъ якъ мать чужому тебе вишаты, то лучче давай я тебе повишу» Отъ тоди винъ узявъ, зсыпавъ зновъ гроши въ мишокъ и каже: »Ну, теперъ зvidaвъ усю 'батькову правду!» Пишовъ туды, де сховавъ сокола, взявъ його й приходять у панський двиръ. Сокиль якъ свысне, панъ и почувъ та до лакеинивъ: «Эй, идить, поглядить, неначе сокиль свыснувъ.» Выбиглы, подывылысь—ничого не чутъ. «Нема, пане, ничего, се, мо, вамъ такъ вдалось.»—А може й справди вдалось,—каже панъ.—Та тилькы шо се промовывъ, а сокиль зновъ якъ свысне! Панъ ажъ здригнувъ та й побигъ самъ дывытсья. Выбигъ, глядыть: кумъ його сыдыть на рундуци и держыть сокола. Панъ до кума: «Де ты, кумочку, його пймавъ?»—А шо жъ,—каже,—пане, оце я извидувавъ батькивьську правду...—Та й оповидавъ йому все, якъ було. Отъ тоди панъ заплакавъ та й каже: «Ну, спасыби жъ тоби, куме, шо ты й мене навчывъ слухаты батькивьського слова. Робытому жъ и я теперъ, якъ мени веливъ покійный мій батько.»

Черниговск губ Записаль А. А. Тишинский
Изъ Черниг. Губ Вѣд 1859

243: Удова

У Жеведи Чернигивського повиту такой звычай, що якъ добрый чоловикъ везе повзъ удову дрова чы тамъ килкы, то й укыне йій у двирь дровъ, чы килкы якый.

С Жеведь Черниговск у М. Н Гринченко

244. Недогадлива дочка.

Маты йде до церкви, а дочки загадуе хлибъ мисыты. Дочка пытае:

— А довго жъ його мисыты?

Маты каже:

— Мисытымешъ, ажъ покы съ стрихы почне капаты.

Отъ маты пишла, а дочка взяла мисыты. Мисыла, мисыла, тоди выйшла, поглядила—не капае ще съ стрихы. Вона зновъ помисыла трохы, выходе—не капае съ стрихы, лапнула рукою, ажъ ище й не мокра стриха. И такъ вона скилкы разивъ выходыла дывытыся—ни, не капае. Уже вона, бидна, такъ утомылася, трохы не плаче: питъ очи залывае, а съ стрихы все не капае. Прыходе маты съ церкви, а дочка все мисе. Вона каже:

— А чого це ты й доси мисышъ?

— Та колы жъ и доси съ стрихы не капае.

А маты тоди сміється:

— Та вже—каже,—въ тебе съ стрихы не то капае, а бижыть.

Тоди вже дочка догадалася, про що маты казала.

Харьковская губ Записала М. Н. Гринченко

245. Якъ сыны мырылы батькивъ.

Жывъ соби колысь такъ соби дидъ да баба. Було у йныхъ два сыны: Федотъ и Ягоръ. Отъ разъ ставъ дидъ бабу бытъ. Хлопци саме за роботою булы: Федотъ рукавыци пльуивъ, а Ягоръ вовну скубъ. Отъ дидъ бабу лупцуе, а вона крычыть. Ягору стало жалько матери, —вуйнъ кынувсь оборонить, але жъ самъ не подужае батька, шобъ матирь оборонить. Отъ вуйнъ гукать на помочъ Федота: «Федотъ, иды поможы, а то я самъ не подужаю!»—Федотъ и каже йому:—«Ото знаешъ що, Ягоре? мы браты родни, а вони черты зводни,—такъ нехай трохы побъются,—тоди вони самы розидуться,—те вправо, те вливо, шобъ увъ обохъ болило.»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей
отъ Мыколы Кропки

246. Батькивъ прокльонъ. *)

Дле себе Матвiй погано робить: воно, може, не мое дѣло, да и нехай уже выбачае, я такы ему де чого багато нагомонiвъ. Выдыте, яка пришта, добродiю: Матвiй выправлявъ сына кудысь то та такымы словами выпроводывъ, що нехай уже вони на сухой лись идуть; воно, правду кажучы, и хлопья въ його ледаче, да й Матвiй не добре робить. Клесты дѣтей батьковы не

*) Рассказъ этотъ записанъ не слово-въ слово изъ устъ рассказчика, а съ памяти, кромѣ того, г Косменко, сообщившій этотъ рассказъ, при записываннн его не слѣдовалъ произношенiю рассказчикомъ каждой буквы. Такъ, всадѣ, гдѣ буква *е* выговаривалась рассказчикомъ какъ *уе* или *ум*, онъ поставилъ *е* и проч.

слидъ, праклюонъ радителявъ не йде часомъ на сухій лѣсъ, а падае на голову да на лыхо дѣтямъ ледачымъ.

— То вже люде пропащiе, не приведы Господы и бачыть йихъ. Отъ якъ бы вашій мылосты въ угоду, я бъ расказавъ одынъ такой злучай, шо за моеи памяти ще бувъ. Вы може бувалы на Котрелювщинѣ*); тамъ и доси е слыве зовсимъ завалена пашенна яма,—не въ приметку вамъ? Було тамъ, кажуть, багато де чого, а теперь и помыну нема, только та ямка, наче въ ей и дна немае... Жывъ колысь оттамъ на Деркачовци**) чалавѣкъ—Сергѣемъ звалы его; добры бувъ чалавѣкъ, царства ему небесне!.. и заможненьки таки геть бувъ! Усякого добра було въ його доволи: и кони, и скотынка, и птыци всякойи, а хлиба светого, — вже й казать нѣчого! Бувало, чи неурожай, чи грядъ, або сарана поле выбье,—у кого ничего, а у Сергѣя засѣки повны самъ ѣвъ мяхкий хлѣбъ, да и людямъ въ притузи помогавъ. Не велька була въ його семъя: жонка да трое сыновъ. Да шо за семъя була!.. Сергѣиха работяща була на все село, а сыны тожъ паробѣчки булы—глянуть любо: до дѣла трудящи, до батька й матери слухмяные, до чужихъ людей звычайные. Ну, сказать—усимъ Богъ благословивъ Сергѣя. Диветце було люде, да дивуютце, шо Сергѣй живе, якъ у Бога за двермы: и добра въ його всякого доволи, и семъя на радость...

Пожалуйте жъ. Живъ Сергѣй якъ пошлы Боже и всякому такъ житы, а вмерь—не приведы Господы и нехрыста такъ умыраты. Чы согрѣшивъ чымъ самъ Сергѣй передъ Богомъ, чы на покуту батькавскихъ грѣховъ, чы такъ Божа света воля,—только дворъ Сергѣя зразу

*) Урочище въ м. Понорницѣ

**) Часть мѣстечка

веначе заморочило шо. Отто спершу умерла жонка; не обтеръ ище слюозъ Сергѣй и сынъ болшій Богу душу отдавъ. Пожурывсь Сергѣй, пожурывсь, да якъ долѣе доброму чоловѣкови и переставъ. Минувъ годъ, Сергѣй забравсь середулшого женить. Засваталы дѣвку, прибралысь къ весѣллю,—а гу! занедужавъ середулшый, да й тей накывавъ петамы. Близько пудайшло горе тогди до Сергѣявого сердца—зажурывсь сердечка! Отто, то люде добрые, то панотець покойный батюшка сякъ такъ отхаялы Сергѣя. На все, кажуть, Божа сила, Божа й воля, а журба грѣхъ тяжкый! Въ тебе, кажуть, сынъ ще е, дасть Богъ оженышъ, дождесся внукавъ, буде кому на старости и догледаты и хлѣбомъ кормиты, а умрешъ—е за шо, да й буде кому поминаты. Чы послухавъ Сергѣй, чы не послухавъ, тольки вже живъ, якъ те пудрублене дерево,—живе та сохне. Ему було добры люде й кажуть: «Эй Сергѣй, бойся Бога! журбою ничего не вернышъ, а тольки Бога прогнѣвышъ».—«Да нѣ, каже, я не журусь, я своихъ пакойниковъ завсимъ и забувъ уже».

Сергѣй казавъ правду; сохъ да чахъ вонъ не одъ того,—батькове сердце чуло соби горе! Останній сынъ Сергѣявъ бувъ уже геть паробѣчка; годовъ черезъ три, або чотыри, Сергѣй оженивъ його. Якъ уже вони тамъ жили, Богъ йихъ светы зна; тольки не въ диковижу стало бачыть и слезы на очахъ Сергѣя. Прошло може такъ... гадовъ петнадцеть,—Сергѣя Богъ и внученятами благословивъ; хлопята уже геть пудрослы—тольки щожъ? не въ дядьковъ удалысь. Бувало йимъ тольки и дѣла, щобъ у людей городыну псавать, або камѣнье швыргать, або людей цкавать собаками; стали люде недобре гомонѣть про Сергѣявого сына. Воно вѣстымо, якъ дѣты капостны, то батька виновать, чому не учить; а якъ батька не научае дѣтей людей поважаты да Бога боятысь, та закону Его, то и самъ вонъ не-

добрыи чалавѣкъ. Колю жъ такъ и вышло. Пронеслась чутка, шо старого Сергѣя сынъ не симане*) зовсимъ, да такъ грымае на батька, шо въ старого часомъ и косточки трусетсе. Дале, вже и сусѣдамъ чутно стало, шо сынокъ такими словами вымовля на батька, шо доброму чоловѣкови и на челядныка сказаты соромъ. Дивуютсе, було, люде, шо съ Сергѣявого сына таки ледачи чалавѣкъ зробився; да, бувало, зустрінуть старого: «Чомъ ты, кажуть, Сергѣю, начальникамъ на сына не пожалысса? — вонъ тебе обиждае крѣпко.»—«И вже,—каже,—начальникамъ на сына жалытьця!.. да й за вищо?.. Вонъ у мене слава Богу и работающий, и слухмяный, а шо часомъ и буває, такъ то такъ, ничего,—мы свойи»—Да одвернетця да полою и втирае красныи очы. Пробувалы иншіе и до сына пудступать, за шо таки вонъ батька такъ на старости обиждае, шо вонъ же не ледашыця, не пъяныця, худобчыну забравъ для його хоть куды,—и се, и те,—дакъ усе ничего; у сына каяття не бачылы!..

Отто настало лѣтечко свете. Сергѣй занедужавъ. Воно вже и поживъ таки слава Богу, а тутъ поховать жонку, да двоухъ сыновъ, да ще на старости лыхо одъ дѣтей терпѣть—не приведы Господы никому, хоть кого въ обложке положить. Лѣтомъ, вѣстимо, нашъ братъ слыве все время у поли; отъ, було, поѣде у поле и Сергѣявъ сынъ. Да тольки якъ вонъ зъ двора, жовка не то, щобъ доглядеть недужого батька, и соби вслѣдъ за очами. Воно такъ: якъ чалавѣкъ ледачий, отъ жонки и давно добра не ожидай. А Сергѣй лежить та часомъ не ѣвши, не пивши и день проводить. Даждалы жнивовъ—Сергѣй завсимъ охлявъ. Поѣде було уся семья на поле, опричь дѣтей, бо тыхъ, якъ свѣтъ—и у хати нема; а щобъ було кому старого доглядеть, до сього и дѣла нема никому. Лежить сердешный дѣдъ: чы воды бъ напывся, чы другого чого,—самъ не встане, а подать

*) Не уважаетъ.

нѣкому, слѣзь бы напывся, да и слѣзы на старасть помысыхалы. А дѣты понабѣгають, накрываютъ, назичать, порасчыняютъ двери,—да й были такіе. Понаходятъ куры, свинье, попереворочуютъ усе у хати, а старому встать совсѣмъ не въ моготу. Прыйиде сынъ съ поле и за все виноватъ батька. Бачъ, якъ бы його не було, вонъ бы двери позамыкавъ. Терпить дѣдъ...

Отто разъ уранци забравсь молодой Курдюбенко у поле, надѣвъ шоломокъ, запалывъ люльку, да якась то и на батька зглянувсь. «Що въ тебе, каже, болыть, тату?»—Батька на все забувъ, да рады-рады, що сынъ хоть обазвався до його; забравъ, яки были сылы, пуднявъ голову да й каже: «Ничого, мой сыну, ничого! Пудойди, будь ласкавъ, сыночку, блыжче до мене, я тоби скажу де шо.»—«Що тамъ таке? Кажы да скорѣй, минѣ нѣколы.»—«Послухай, сыну, може я тоби въ останній разъ казатому, мини вже не довго житы»...—«Да вже бѣ пора тобѣ честь знать, тату, що люде дакъ умирають, а на тебе десь и смерти нема. А вже надоѣвъ!»—«Що жѣ робыть, сыну: на се Божа воля; тольки минѣ здаеця, що и я уже не довго житему. Увесь вѣкъ свой, сыну, проживъ я, про васъ думавши. Ты знаешъ, сыну, шо мини отъ своего батька ничого не досталась, а теперь, благодарные Богу, усячина водитця; а черезъ шо? я и куска не доѣдавъ, я и Петровской ночи не досыпавъ, щобъ тольки вы, мои дѣты, горя не знали. Богъ забравъ твоихъ братовъ, теперь шо е, все твое, сыну, якъ будишъ добры.

— Э!—одвича сынокъ,—се велька казка, я и безъ тебе знаю, шо мое,—чы нема чого луччого, а то мини нѣколы.

— Нѣ, послухай, сыну, се остаиній разъ...

— Да кажы жѣ, кажы! Може де гроши закопавъ, дакъ кажы, а то чартвить чого я базикать не буду.

Батько здыхнувъ; хто його зна, що то вже вонъ хотивъ сказати! а деле трохи згодомъ и каже: «За все, сыну, що я придбавъ для тебе, нехай хто небудь побуде сьогодни дома, хоть Стѣха твоя четвертый день у мене расынки не було въ роти. Мой сыночку, мой голубчыку, не дай менѣ умерты голодною смертыю».

— А що, бачъ!—грымнувъ сынъ, —дывѣтце, люде добры (а женци на дверяхъ слухалы), що батько зовсѣмъ передъ смертыю обезглуздѣвъ. Хиба жъ тоби нѣчого їсты? а колы я нѣ велю, га? А щобъ ты справи зъ голоду опухъ!

Завернувся да й до дверей. Де тїи слезы, де й силы набрались у нещасного Сергѣя: пуднявся на полу, обернувся до образовъ, да плаче, плаче,—а деле пуднявъ руки вгору да й каже:

— «Щобъ же ты, мой сыночку, самъ опухъ въ голоду!»—Сказавъ да й повалывся на полъ... Колы до його, а въ його вже й души нема.

Пожалуйте жъ. То сякъ, то такъ заховалы Сергѣя. Курдюбенка ставъ самъ у дворѣ хозяйинъ—и хозяйинуе. Звезлы по гумнамъ хлѣбець светенькій добрые люде, стали молотыть—не отстае и Курдюбенка. Насадывъ вонъ першу овину, а самъ видно прилигъ, овина загорѣлась и къ свѣту ни гумна не осталось и ни снопа хлѣба. Беда ще не велика, катъ його не взявъ, грошенята булы,—накупывъ хлѣба. Весною зробывсь падежъ на скотъ. Кого Богъ зовсимъ помылувавъ, у кого не багато зачепыло, а у Курдюбенка неначе метлою вымело—ни коня, ни вола. Видыма Богъ паказавъ чалавѣку свой гнѣвъ за грѣхъ его. А Курдюбенка, де въ Бога просыть,—ставъ за галстукъ закидати. Пришлось орать—нѣчимъ, купыть—слыве нѣ защо,—нивки по боку! Проишовъ годыкъ, другій—дворъ старого Курдюбы завсимъ не тей ставъ: те поломане, друге повалене, неначе и хозяйина въ двори немае. Скотынка яка прикуп-

лена, одъ недогледу держатця не стала, — хозяйства, еке було, пошло до-горы ногами. Вонъ день-у-день пьяный, а на його глядя и жонка; шо день, то у йихъ сварка да лайка: вонъ знелюбывъ жонку, а жонка його; а дѣти обойихъ йихъ поважать не стали. Вонъ, шо можна, продае, то дле горемыки,*) то щобъ хазяйства, бачъ, пудправыть, а жонка собѣ шо зря въ шынокъ несе. Було то ише четвера коненягъ; на другій годъ одного, аделе и другога зверюкы задавили, а съ тыми двома поѣхавъ разъ середулшій сынъ у лѣсъ на нош-лѣги, — сына галюка укусила — сынъ обдувсь; дождавши осени и старшаго у некруты адалы. Оббывсь Курдюбенко завсимъ; грошей нема, хлѣба нема, худобчина спыла, нема й помочи. Здаетпя, бачывшы такую кару, мершій бы до Бога со слезами, — дакъ нѣ, десь нечистый завсимъ завладѣвъ его душею. Курдюбенко ставъ горше пить. Було въ його семѣйи ше двѣ дѣвки да хлопгя невеличке, да и тыхъ, за батькавъ упоръ, не милувавъ Богъ. Пошло якась у заморозки хлопгя ковзаться на болото, провалилось на копанци — да тамъ и Богу душу отдало. Люде, знавши грѣхъ Курдюбенкавъ и бачивши його житье и кару Божу надъ нымъ — одцурались. Бувало, и дѣты малые, — иде Курдюбенко по селу: «Курдюбенко, Курдюбенко!» — да текають, неначе одъ манейи екойи.

Пожалуйте жъ. Прошло ше може годовъ тры або чотыри, — Курдюбенко зовсимъ охлявъ. Ото такъ... Передъ Михайлою (8 ноября) пошовъ воѣзъ у Покошичи до знахара; того й не знала проклета душа, шо люде вже не помогутъ. Колы ждаты день, другый — нема; жонка у Покошичи. Пытае людей, кажуть, — бачылы, надвечоръ зъ Покошичъ ишовъ того й дня, якого по-

*) Горилкы. *Прим записме*

шовъ и изъ дому. Туды, сюды—нема. Шукать по лѣсу да по колодезямъ,—думка—вонъ смерть соби заподіавъ, Прошло дньовъ шѣсть, або й лучше—нема. Отъ, у чолавѣчка, тамъ же таки на Деркачовци, парося забѣгло. Жонка сямъ-тамъ шукать—нема; пошла на Котрельовщину, чы не забѣгло туды часомъ. Иде—ямка пашенна; чы не впало, думка, сюды Прилегла, дивитце—лежить шось, тольки не порося. Вона въ село. Забрались люде, пришли, розгледылы—чалавѣкъ; вытегли,—ажъ Курдюбенко Да страшенны таки! Обдувсь, якъ колода, колѣна и руки погрызены, морда въ кровѣ. Выкопали тамъ ямку да на ростанькахъ и зарылы, якъ собаку, просты Господы!

Може то, ишовшы съ Покошичъ, хотивъ навпростецъ додому пройты, а йшовъ то вже видно смеркомъ да й пудъ хмелькомъ може, да якось то и найшовъ на ямку. А вже якъ упавъ, дакъ хоть крычи, не крычи—село далеченько, нехто не почуе. А вылѣзты зъ тыей ямки, якъ вона тоди була, не тольки Курдюбенку, да и здаровому чалавѣку—самому не вылезти. Жонка посля його зовсимъ роспянствувалясь, да гадовъ черезъ два и вона пропала. А дѣвки—яки тамъ остались злыдни—збулы да й пошлы у Данщину; объ йихъ большъ и слуху не було.

Оттакъ то, добродію, перевелось усе кодро и вся худоба Курдюбы. Недаромъ кажуть, що зъ батьковимъ да зъ материнимъ благословенемъ ни въ огнѣ не сгорішь, ни въ водѣ не втонешъ, а одъ пракльону йихъ утонишь и въ ложци. Добрые и жылы добре, а ледачимъ и на землѣ пекло було. Нехай йихъ уже тамъ Богъ судыть да милуе!

М Понорница Кролевецкаго у Черниговской губ

П. Косменко въ 1854 г

247. Сила клятвы.

Выбачайте вже, добродію, якъ ноги шо не такъ,—насъ батьки грамати не вчили... Жили колись на Пиваравци*) два чалавѣчки, адынъ нехай царствуе, а другого нехай Буогъ судыть да милуе—Колѣнько да Сухопаль. Хазяйины булы на всю губу: усячина въ обохъ водылась и хлѣбець светый, и скотынка, да й грошенята щитать умѣлы. Да се не дыво—дыво те, шо жили вони соби якъ браты раднюсеньки; бывало чи въ дарогу, чи въ ряду**) еку, чи такъ куды—усе укупи. Не стане було чого у адного—други мае, бѣдкуище чого одынъ—и другому не весело. Жили то вони да поживалы, да добро наживалы—и Буогъ йимъ памагавъ, и люде паважалы.

Пожалуйте жъ!.. У Колѣньки умерла жуонка,—сердека трохи приупавъ. Зосталось трое дѣтвора, старшаму восьми, чи шо, гадокъ бувъ; съ такою дѣтворою безъ бабы жить—мука, да Сергѣй не думавъ женыця—дѣтей крипко жалувавъ. И па хазяйству безъ бабы пашло не те, такъ шо люде разъ-по-разу гомонѣлы ему пра женитьбу, а вуонъ, було, одно адвича: «Друга жуонка не минѣ не буде жуонка, не дѣтямъ майимъ матюръ; хазяйство чи пудправить, чи нѣ, а дѣти—прапащи.»

Принявъ до себе бабу екусь стареньку, щобъ дѣтей догледала, а самъ ѣздивъ па дарогахъ да копѣйчину звалакававъ. Разъ ѣхавъ видкулясь, у пуость, чи шо, да й провалывсь десь на рѣци, люде адретавалы—да не надовга; ставъ кашлетъ да сохнуть, да недѣль у сѣмъ, чи шо, и Богу душу аддавъ.

*) Часть мѣстечка

**) Подрядъ *Примѣч. запис.*

Паприходзяць было сусьде адвѣдать недужога Сергѣя, дакъ у його туолькы и мовы, шо пра дѣтей. Сусьде, звѣсна, и се, и тс, щобъ, бачъ, вуонъ не вельми бѣдкувавсь, а вуонъ было адно адвича: «Я бь, може, и адуживъ, да якъ гляну на дѣтей да згадаю, шо въ йихъ родни нема, матери нема, а може й батька скоро не буде,—дакъ у мене нема й души. Дѣтвора мала, абчество апекуна назначить, а апекуны звисно якъ арудують сируюцькаю худобаю; вернуть усе на сваю-ручь не на сируюцьку. Сирата мовчить, а хочь и заплаче, дакъ люде не вельми то доглеляютця на сируюцькыя слезы. Худобы дарма бь, да хто йихъ до пуття доведе?! Не радъ бы й думать обь сюмъ, да не можна, а щѣ думки, мовъ 1а гадюка, коло серця ссуть кровь да швыдче гонеть въ домовину».—А иноди стане перебирать сусьдство, кого бь йому ублагать,—якъ ноги умре вуонъ,—апекуномъ надъ сваими дѣтми; скаже, було, аднаго, другога—все не такъ.

— Гнѣвишь Бога, Сергѣй,—загомоняць было люде,—якъ уже шо судыть табѣ Буогъ умерты,—тваѣ дѣты не будуть сиратами: а Сухопаль Астапъ, хйба жь вы не браты, хйба жь вуонъ не любить тваихъ дѣтей, якъ руодныхъ.

— Да мы таки правды трохы родычи,—адвича Сергѣй, пакивае галавою, вздыхне да й замовчить.

Шо не гаманить добродію, а батькове серце вешуе лыхо сваихъ дѣтей!

За недѣлю такъ, чи шо, до смерти поприходьлы до Сергѣя сусьде, пришовъ и Сухопаль. Гомонѣлы про се да про те, а деле Сергѣй и каже Сухопалу «А шо, Остапъ, здаецце минѣ вже не вставать?»—«Буогъ зь тобою, Сергѣй, слухай людей да молись Богу, ты ще одужайшъ»,—сказавъ Остапъ да й заплакавъ.

— Нѣ вже,—каже,—не адужать минѣ,—да на се Божя воля; не страшно минѣ було бь умирать,—да дѣты!

Довга я думавъ про йихъ, довго думавъ и про тебе, Остапъ, да здавсь на Бога, чи довга, чи коротка минѣ жить, дакъ послухай Астапъ, що я тобѣ казатиму Вѣкъ мы зъ тобою жили, якъ браты роднюсенькіе, вѣкъ я табѣ зла не зрабивъ, злого не сказавъ, злого не мыслывъ; спасыбу и табѣ, нечого и одъ тебе не чувъ я и не бачывъ лихого. Семъи наши наче одна семья була, не чужіе моюй душѣ были тваѣ дѣты, любивъ и ты моихъ. Дѣты маи скоро сиратами будуть, братику Астапъ, будь йимъ батькомъ, не попусти йихъ зробиця людямъ на осужденые, сабѣ на погибель. Доведеш до пуття сирать—добре дѣла зробишь, Астапъ, а за добре дѣла Буогъ и тваимъ дѣтямъ пашле шасте и табѣ всяке благополучіе.

— Якъ уже шо судыть табѣ Буогъ, Сергѣй, умерты, —дѣты тваѣ не будутъ сиратами. Жилы мы братамы, братамы и люде насъ вельчали не дарамъ, Сергѣй! Буогъ бачыть маю душу Екою дарогаю Буогъ паможе минѣ сваихъ дѣтей до пуття розуму довесты, тыею и тваѣ пуойдутъ; якъ батько руодный буду кахать и растыть йихъ. Буогъ мене накаже, колы скривлю душею.

— Постой, Остапъ, не бажись,—промовля Сергѣй йихъ худобчыны. — Довесты чужихъ дѣтей до пуття, да не знѣвичить,—трудне дѣла, не тей свѣтъ наставъ. *Чуже добро якъ голлодному трава*—не втерпышь! Знаю я—чалавѣкъ ты добрый, найчеснѣйшій. у тебе и свого—всяка всячина, сируоцкого не захочишь; да й те сказать, не въ абѣду табѣ, Остапъ, що е на свѣтѣ багато людей, катры добры за тымъ, що нема злучаю ледачыми зробищя; а прыдеця до чого—ледачій у насъ завсегда за плечима, —и доброго спокусыть. Падумай, Астапъ, да якъ не тее...—не берысь. Нехай йимъ буде батькомъ тей, шо на неби, а до пуття доведутъ добрые люде. Тяжко минѣ буде лежать въ домовынѣ, якъ дѣты мои будутъ

ледашо, а ты близько до пекла; жаль минѣ дѣтей, да жаль и тебе, Астапъ.

— Да Буюгъ зъ тобою,—одвича Астапъ:—що це гомонышь ты? Не казала жъ бы мене лыха година, якъ бы не я, а чужіе люде догледили дѣтей твоихъ!, не пабывъ бы мене груомъ святы, якъ бы думавъ я дбать изъ музольовойи тваѣ худобчины не дѣтямъ тваимъ, а сабѣ? Сергѣю!.. Сергѣю!..

— Братику муой Астапъ, я и самъ думаю, що воно такъ, да сердце шимить,—чого? светы його знают!

— Коли жъ на те пышло,—каже Астапъ,—щобъ тебе заспокоить, я ось якъ скажу. Слухай, Сергѣй, слушайте и вы, добри люде!—Ставъ навколешкахъ предъ абразами да й каже:—Колы я буду желать зла дѣтямъ твоимъ, щобъ те зло на моихъ дѣтяхъ акашилось; ка-лы я изъ йихъ добра буду собѣ що дбать, щобъ моя худоба прахомъ пошла; колы я не буду доводить йихъ до пуття-разуму, якъ батько руодный, щобъ я самъ пошовъ по свѣту безъ добра, безъ пуття, людамъ на осужденные, сабѣ на пагибель.

— Аминь!—промоливъ Сергѣй.

На дворѣ кажуть, неначе що зареготало,—люде перехрестылись. Страшно, кажуть, усѣмъ чогось стало. Отто трохи згодомъ Сергѣй пудазвавъ дѣтей да й каже:

— Дѣты мойи, нема въ васъ матки, и батька скоро не буде, я скоро умру. Не плачте, дѣты, несчастливые вы, да е не свѣтѣ и адъ васъ нещасливѣйши. Буюгъ васъ не аоставитъ. Будете молиция Богú, въ церкву ходыть, старыхъ людей поважать, не обиждать некого,—Богъ дастъ вамъ щасте и люде не обѣдетъ васъ. Дядько Астапъ, якъ умру я, буде вашимъ батькомъ; слушайте його, якъ бы мене слухалы; не послухаєте його, все руовно, що мене не послухаєте, а хто батька не слухае, таму Буюгъ талану ни въ чуомъ не дастъ. Пудйдѣть же, дѣты, блызше, я васъ перехрещу.

Дѣты пудышлы. Старшій таки плаче, а меншаму ѣ байдуже, йому и не памки, шо батько въ останній разъ гомонить зъ йими. Перехрестивъ, заплакавъ.

— Теперь — каже, — хочъ не радосно, люде добры, умирать мнѣ, да и не тяжка вельми. Буогъ да ты, Астапъ мая надежда.

Люде разышлысь, а Сергѣй пославъ за батюшкою. а днювъ черезъ два, чи шо, Сергѣю вичну память за-спивалы.

Пожалуйте жъ!.. Астапъ забравъ Сергѣявыхъ дѣтей до себе, а въ Сергѣявъ двурь сусѣда пустывъ.— «Дома,—каже,—и глядѣтъ за йими лучше, да й расходу меншъ. Дастъ Буогъ, выросте буолшій-аженю да и на батьковскій курень».

Живуть да растутъ въ Астапа Сергѣявы дѣты. Минувъ годъ. У Астапа було дома двое дѣтей, старшій, слыве, однагуодки съ старшимъ Сергѣявымъ, и полюбились и подружились дѣты, а Астапъ и за чужими догледа якъ батько руодный. Усе йшло лубо да гарна и сиротамъ на добро, и Астапу на спасенные; да то лиха година, шо чалавѣкъ дума такъ, а лукавый верне по-своему. У годъ, чи шо, середулшій Сергѣявъ занедужавъ вуоспаю и вмеръ. Божа воля! Старшаму було гадковъ дванадцеть, чи шо, а меньшому другій годокъ,—сихъ Буогъ милувавъ. Прайшло ще такъ годъ чи й лучче, стали люде замѣчать, шо Астапъ не тей ставъ: ходытъ да сумуе, неначе батька въ домовину положивъ; и кунпаныйи всякайи цуравсь.

— Бѣдалага Астапъ зажурывсь!—кажутъ було люде, глядя на його.—Да й не дыва! тутъ и свае хозяйство, и дѣты, а тутъ и чужие. Треба жъ подумать, якъ усьому парядокъ дать да и дѣтей до разуму довесты. *Узявсь за ужь не кажи недужь.* Заклявсь предъ Богамъ—не загубить же души.

А Астапъ живе да думает, думает да сохне, ажъ зъ тѣла спавъ.

На третїи, чи шо, годъ меньшїй сынъ Сергѣявъ вмеръ да такъ чудна, шо всѣмъ памараки забыло. Дытя було здорове да не съ того, не съ сього й душею наложило. Думалы, рядылы, да якъ згадають, якъ Астапъ заклынавсь предъ Сергѣемъ, да якъ плакавъ надъ дытямъ зъ жуонкаю, дакъ и думкамъ конецъ така вже, видно, Божа воля,—на туомъ и палажины. Астаннїй сынъ Сергѣевъ и геть уже ставъ парабѣчка, и Астапавъ тожъ Хлопята булы—глянуть любо: работяще, слухмяные, звычайные, а шо лучше всього, жили помежъ собою якъ роднюсенькіе. Астапу вже на хозяйству и геть помочь, а Астапъ все сумуе да думаетъ; думавъ, думавъ да й выдумавъ, бодай нехрысту такъ не выдумывать.

— Десь я безталаннїй чалавѣкъ, жуонка, на свѣтѣ,—загомонѣвъ разъ Астапъ: бѣюсь якъ рыба объ людѣ, а все проку мала. Подывыссе на людей—усього багата, усюды спурна, а у насъ? Туольки шо хлѣбъ ведещя.

— Буогъ зъ тобою, Астапъ,—адвича жуонка:—ще у насъ благодаренные Богу! не маемъ багатства да й нужды не маемо. Пагледы кругомъ, скуолькы беднѣйшихъ адъ насъ, а не гнѣвѣть Бога. А намъ буде чымъ вѣку дожити, а вмремо—и дѣтямъ буде шо зоставить.

— Воно такъ, да все бѣ знаешъ... тее, у пакуойнаго Сергѣя негде нема родычавъ, апрочъ насъ?

— Нема негде, вже бѣ чутно було. Вуонъ здалеку вадкулясь забрывъ до насъ; спершу, якъ и самъ знаишъ, челядникамъ служивъ, а дале то женывсь на мою двоюродную сестрѣ—всього бачывъ, а Буогъ памуогъ—и ражжились. А на шо табѣ?

— Да такъ.. не нашо!

— Охъ-охъ-охъ, Астапъ, беда намъ съ сими дѣтьми Сергѣявыми. Середуольшїй вмеръ—Божа воля, а за меншого—грѣхъ намъ!

— За шо жъ намъ грѣхъ? Хиба я йому не казавъ?

— Нехай уже насъ Буогъ прощае! що ты, що казавъ? не було бь сього, якъ бы я була дома На те дятя, воно бачить медь, а що въ меду—йому й горенька мало. Треба вже сього гледѣть да до розуму довесты.

Астапъ подывивсь на жуонку, подывивсь да й замовчавъ; думка то въ бабы не одны косы, а и езыкъ довгий.

Дождали лѣтечка светого. Астапъ то сюды, то туды па дарогахъ ѣздить, а дома жуонка съ паробками хозяйствуе

Отъ разъ Астапъ и каже: «Я жь завтра до города паѣду, тамъ ярмалка,—чи не стану куды пудъ хуру, а вы тутъ хозяйствуйте. Ты, Демидъ, сими грама днями будешь ѣздить на нашлѣги, а ты, муой сыну,—тими. Да гледы, Демидъ, не ѣзды у купи зъ хлопцями,—воны й тебе навчеть у людей городыну красты; ѣзды у Заглыбоче*) да сваеи клуни. Тамъ и паша добра, и адъ негади е де заховаще; да гледѣть, щобъ усе такъ було роблена, якъ я кажу.

— Буде зроблена!—адвеча Демидъ.—Я неколи не аслухавсь, дядку, бо знаю, що ты не на лыха мене учишь.

Погомонѣлы, повечералы; хто спать—а Демидъ Сергѣявъ на нашлѣги паѣхавъ. Астапъ цѣлюсьнюку нуочъ и очей не зводывъ: то лучыну запалыть да люльки пакурыть, то по двару паходыть—а все такы не спыще.—«Да ляжь да засны!—обзаветься жуонка.—табѣ жь завтра ѣхать рано»—Астапъ ляже, да якъ жуонка засне,—вуонъ зновъ за свое. Давъ Буогъ свѣтъ, Астапъ паснѣдавъ да й у дарогу...

Пожалуйте жь! Уранци прѣхавъ зъ начлѣгавъ Демидъ, бувъ екись празныкъ. Демидъ упоравъ скотъ

*) Урочище въ лѣсѣ

да и до церкви. Вышли зъ церкви, пастыны абѣхать.

— Нѣ, тютко,—каже Демидъ,—шось минѣ ѣсты не хочеще, ляжу я да полежу, чогось мене тре да мне—наче пагаяка.

Тютка йому и дарныка съ светою вадою, и се, и те—нѣ, не памагаише Демиду. Дождаты вечера. Сердека хотъ и нездужавъ, да не забудъ дядькавого наказу: злѣзь зъ печи да й ну лаштаваше на нашлѣги.

— Шо шче ты, Демидъ,—абазвалась тютка,—нездужайшъ да шче й на нашлѣги! Злѣзь на черѣнь да грѣйся—паѣде Степанъ.

— Да нѣ,—каже,—я не те, шобъ уже вельми нездужавъ,—паѣду. Дядька казавъ, шобъ я сими трама днямв ѣздывъ. Шче сердище буде.

— За шо жъ тутъ сердище?—Буогъ зъ табою, Демидъ, хйба мы не люде? Дядько сказавъ, шобъ кожнѣй зъ вась знавѣ свае дѣла, да шобъ укупи зъ хлопцями не ѣздыли, шобъ лыха не набраще; а чи ты папереду паѣдениъ, чи Степанъ—то все руовна.

То сякъ, то такъ угомонылы хлопця: на нашлѣги паѣхавъ Степанъ, сынъ Астаповъ.

— Дай,—каже,—мамо, минѣ Демидову шапку, здаст-ня, ночи ядрены, въ шалашку буде холодна.

Маты вынесла шапку. Степанъ на кони да й до Заглыбуочча... Бѣдне хлопця!

Астапъ выѣхавъ рано; доѣхавъ до лѣсу, звернувъ зъ дароги у гушину, распруогъ коненя, да й самъ прилюгъ. Здаеще пять верстъ праѣхавши, рана бъ папасувать, да у Астапа думки не таки... Лежыть—чи вѣтеръ повѣе, чи птыця пралетыть, Астапъ схватыще, озираеще сюды-туды, неначе зладюга тей коло коморы. Не ѣсть, не пѣе да ночи дажидае. Даждавсь акаяннѣй и ночи. Привезавъ крѣпенько шевлягу до воза, а самъ и пашовъ лѣсамъ навпрастецъ. Идѣ, иде да стане гледить то назадъ, то напередъ: ззаду клетьба, шо давъ предъ

Богаць, а спереду лукавый манить, Пастанть, падумас да зновъ dalje. Видно разъ пуддавшысь нечистому, трудна вырваще адъ його. Тей, звѣсна, свае шепче: «Иды, Астапъ, труда не багата, а худоба твая: первымъ хазяйиномъ заживешъ. Люде и цѣлый вѣкъ грешать, а живутъ, да ще якъ живутъ, а табѣ двуойчи загрешить и Буогъ велѣвъ; вѣкъ довгій—на старости адмолыссе.» Астапъ иде. Ишовъ, ишовъ да ѣ пришовъ до своейн клуни.—Кругомъ клуни кони ходеть,—вуонъ ближше; коло клуни лежить хтось. Ставъ Астапъ, трусцыце,—не живы, не мертвы. А куций не мовчить: «Отъ табѣ и надумавсь! Рабы скарѣй, другого разу такого не выберешъ. Все руовна адвечать, хотъ за дѣла, хотъ за намѣреные, дакъ колы адвечать, дакъ знать за що. Да и колы тей адвѣтъ? А худоба вельке дѣла!» Астапъ вынѣвъ зъ пудъ палы косу, пудышовъ. Видна, шо парабакъ лежить; намацявъ—Демидова шапка; Астапъ нагнувъ, придавывъ, голова адлетѣла,—хлопѣя ѣ не пикнуло. Проклета душа, самъ прасля расказувавъ, шо нечото буольшъ не знае; туольки, каже, по лѣсу наче зареготало щось.—Адумавсь то, а дале за ноги да за голову да ѣ потегнувъ до Бабруовникавого ставка; дотегнувъ—шубовсть! Думка то—и конци въ воду, а до канця ще далека! Вернувъ до воза, запрягъ каня да ѣ паѣхавъ на ярмалакъ. Лучче зъ круга-свѣта бѣ йому зѣхати!..

Пожалуйте жъ! На завтре—абѣдъ, нема Степана. «Може кони загубывъ,—дума матка:—шукае.» И вечеръ—нема. Бѣдноуой матци и ѣда на умъ не иде. Прайшла нуочъ,—матка, не спавши,—у Заглыбуочче. Прибѣгла до клуни—кони ходеть, переличыла—усѣ; вона гукать. Колы двыице кровъ; вона dalje—шапка Демидова, вона въ плачь да въ голасть... Може то матци сердце всю правду росказала. Прибѣгла въ село, назвала людей, пашлы у Заглыбочче. Сталы итты па кривавому следу да ѣ пришлы до ставка. То тымъ, то симъ

стали шукать да й вытегли спершу тѣла, а далє й голову бѣднаго Степана. Привезлы въ село... Плачѣ, голась таки, що Боже твоя воля! Хавать? Якъ же його хавать? Може то й тоди хавать такихъ не можна було зразу. Коли на завтра прасля сього тѣде Астапъ у новуой свитни. Жуонка якъ глянула, якъ заголосить: «Батечку муой! сывочекъ нашъ...»

Астапъ скорѣй у хату; дывище—Демидъ плаче, а на столѣ мертвый. Якъ закричить: «Дакъ се Степанъ бувъ на нашлѣгахъ? Боже муой!»

Упавъ, дакъ думалы, що зъ його и духъ вонъ. Да нѣ, катюзи кара треба,—ачнувся. Сталы питать, дакъ вуонъ и расказавъ усю правду. Далше—звѣсна: веровку на руки да й у тюрму. У тюрмѣ вуонъ расказавъ, що й меншаго атруйивъ мишакомъ, замешавши зъ медомъ, буцимъ то дле мухъ.

Взялы у тюрму и жуонку, хоть та не въ чуомъ, сердека, не выновата. Жуонка черезъ чатыри недѣлы, чи що, тамъ и вмерла. А проклетого Астапа черезъ годъ атшмаровавъ катъ да й повелы по свѣту безъ добра, безъ пуття. Бувъ сынъ у його женатый да дома ще одно хлопья. Женатый тей усе закладавъ да продававъ, щобъ батька якъ адзволить грошами, а прасля бачыть, що и худоба прапала, и батька тежъ, да й люде кругомъ тюкають даненавидеть,—забравъ, яки остельсь змыдны, да й пашовъ зъ малымъ братамъ и семьею у Данщину; абъ юомъ и слуху не було. Все пашло прахомъ. Демидъ добрымъ бувъ хазяйномъ, да дѣтей йому Буогъ не давъ, такъ и вмеръ...

Тяжко, кажуть, плакавъ Астапъ, сидячи у тюрмѣ, —шо иноди и турменнымъ жалко його було, нащо вже турменныки! да якъ не плачѣ, не наплачишь такого ставка, якъ тей, що сына бувъ зѣховавъ! Довга у насъ гомонѣлы пра сеи злучай, да туюльки жалю не було, а все було одно чуешъ: *катюзи чо заслужи!*..

М Понорница Кролевецкаго у Черниг губ П К.

248. Гарно, якъ батько вмирае.

Умеръ батько. Симъя вбога була, то часомъ и годни диты были. А то, звисно, помыналы, то и напеклы, и наварылы всего. Хлопъя мале найилося та:

— Боже мий! якъ гарно, якъ батько вмирае! Якъ бы часто!..

С. Исакова Славяносербск у Екатериносл г. Записаль
Б Д Гринченко.

249. Одурена дивчына.

Була соби маты и дочка, малы воны и худобу, та ниhto дочку не сватавъ, бо уси зналы, яка вона дурна. Выйшла вона одного разу на вулицю та й жаліється сусидкамъ, що ниhto ййи не сватае. Пидслухавъ сее одынъ паробокъ та й каже: «Пидешъ за мене? буду сватать». — Пиду, — каже, — хочъ и маты не схоче, пиду сама». Зрадылысь воны утекты видъ маткы уночи. Пидйихавъ винъ, дивка тыхенько' повыносыла одежу, подушкы, повыкачувалы скрыни; сама убралась у свѣтну одежу, посидалы и пойихалы. Возывъ винъ ййи по селу, возывъ и прывизъ до ййи хаты. — «Ну, иды жъ, — каже, — у хату, а я самъ позношу». Увійшла вона у хату: — «Добры вечоръ!» та й сила. «Оце, — каже, — чысто якъ у насъ и лавы такъ, и пичъ». — «А куды жъ ты зайшла, хыба не въ свою хату?» — озывається маты зъ печи — «Отто: и говорка чысто якъ у мойи маткы.» — «Да що ты, дурна, верзешъ? чы тоби уже зовсимъ паморокы забыло?» — «Оце яки бо вы ще мене не знаете, да уже й лаєте» — «Якъ не знаю? давно тебе, дурну, знаю». — «Де жъ знаете? Я ще уперше до васъ прыйихала: я жъ за вашого сына замижъ пишла; винъ тамъ скрыни зносыть.»

—«А ты и скрини поодавала?»—каже маты да зъ печи, да засвityла свитло.—«Оце, якъ вы схожи на мою матку, чысто якъ маты.»—А маты уже й не слухае, шо верзе ййи дурна дочка: хапыла свитло, та у комору. Колы лышечко: нема ничогисенько. Попобыла тоди маты свою дочку, щобъ не ходыла замужъ, та й осталась безъ худобы.

С Выбли Черниг у Отъ Степана Паляныци записала
М. С Чудновская

— — —

250. Брехливый староста.

Одному хлопцеву заманулось свататься. Отъ винъ и побигъ старостивъ шукать. Шукавъ, шукавъ,—ниhto не хоче, бо всяке знае, шо винъ бувъ ледащо, лежень, а кому хить прокльону на свою душу ухватить? Хтось зъ селянъ и порадывъ йому питы до Петра Свердла. А Петро Свердилъ та бувъ такой торохтунъ та брехунъ, шо хочъ кому бакы забъе, заговорить и своего достукається. Пишовъ той парубокъ до Петра и ставъ прохаты у старосты до себе. Довго той одмагавсь одъ цього дила, але жъ парубокъ и зъ хаты не хотивъ выходыть, сльогтою дило навъязавсь до його. Дали махнуть Петро рукою и сказавъ: «Добре, пиду, тилькы не въ свое село, бо тутъ насъ обохъ знаютъ... Иды, збирайсь, а я ось удягнусь, зайду до тебе, та и гайда.»

Прийшли ото вони въ одне село, напытали гарну й заможеньку дивчыну и пишли до хаты. Дило пишло на ладъ,—стари наче бъ то на згоди сгалы, та и дивка не одъ тыхъ грошей. Слово-по-слову и стали дивчынины стари роспытувать старостивъ про молодого «А скажите же, свату, по правди, чы вмие жъ вашъ молодой косыть, або що?»—«Вже чы вмие винъ косыть або молотыть,—не скажу, бо николы не бачывъ, але жать, то вже

йому подай. А въ насъ такъ, якъ жнецъ добрый, то вскризь про його ходыть чутка, якъ про гарного робитныка.»

Одгулялы весилля, молодой ще сякъ такъ повертався по двору. Якъ пидійшли жныва, якъ залигъ винъ у хати, то хоча бъ куды—одно слово, лежыть соби на полу якъ бирвиняка, а про жныва ни думкы, ни гадкы... Жинка сама спотыкається у поли. У осени, якось на ярмарку та зустривсь сватъ (молодойи вже батько) зъ тымъ гаспыдськымъ старостою; поздоровкався зъ нымъ, та й каже: «А ты жъ казавъ, собача виро, що твій молодой добрый жнецъ! А винъ, ба,—лежыть однимъ лцемъ та й годи!»—«Та я жъ и казавъ такъ,—одмовывъ староста: вже чы вміє косыть, або молотыть—не знаю, а лежать, то йому подай! Адже такъ я казавъ?»—«Та такъ,»—одмовывъ сватъ.—«Отъ же винъ и лежыть у си жныва, и я не выненъ, що вы не розибрали дила, А вы то думалы, що винъ добрый жнецъ? Хе!»—И пишовъ соби геть.

Каневскій у Записалъ В Ф. Степаненко

251. Якъ невестка маныла свыней.

Оддавала маты дочку у чуже село и наказувала слухать свекруху и ничего не робыть не спытавшысь. Отто уже свекруха и посылае невестку поманыты свыней.--«А якъ же, мамо, у васъ маняты?»—«Та якъ же тамъ маняты?»—каже свекруха:—«якъ у васъ, такъ и у насъ.»—Выйшла невестка на вулицю, та й давай крычать: «Якъ у васъ, такъ й у насъ, якъ у васъ, такъ й у насъ!»

С Выбли Черниг у Записала отъ Марьяны Новицовой
М С Чудновская

252. Дѣвѣ невестка навчылася свекруху ша- нуваты.

У одного чоловіка та було дві матери—його рідна и жинчына, це бѣ то свахи соби. Жинци стала на завади свекруха, и вона, вкupi зъ своею матинкою, на нейи грималы, йилы. А дали не выдержала такы, наче-пылась до чоловіка: «Веды свою матирь зъ двору, куды хочешъ и дивай ййи, де знаешъ.» Довго оборонявъ чоловікъ свою матирь, огрызався, а дали посадывъ ййи на саночки та й повизъ на перехресный шляхъ. Пидославъ на снигу соломкы, вкрывъ матирь кожухомъ драненькымъ, а самъ пійшовъ до господы. Сыдыть ото вона, бидолашна, трусуться, колы се йиде якийсь панъ. Глянувъ на бабу та й пытае: «Морозъ бабуся?»—Морозъ, паночку, Боже його помножь!—И пройихавъ соби панъ, а морозъ и зменявсь трохы. Сыдыть вона зновъ, трусуться, та такъ и всю ничъ просыдила. Ранкомъ йиде прозь нейи другый панъ; побачывъ ййи, та й пытае: «Морозъ, бабуся?»—Морозъ, паночку, Боже його помножь!—Пройихавъ и цей панъ, не сказавшы бильшь ничего, а морозъ ще менчый ставъ. Третього дня йиле прозь нейи третій панъ; прыпынавъ коней, злизъ зъ санокъ, пидійшовъ до бабы та й пытае—«Морозъ, бабуся?»—Морозъ, паночку, Боже його помножь!—одмовыла. Скынувъ панъ зъ себе панське дороге хутро, закутавъ бабу въ його, давъ булкы и пойихавъ соби дали Нагрилась баба пидъ тымъ хутромъ, попоиила и сыдыть соби та Богу молыться за того щедрого пана. Отъ невестка и каже чоловікови «Пиды, лышъ, та визьмы свою матирь, годи йи тамъ байдыкуваты» (вона думала, шо свекруха вже замерзла) Прыходыть сынъ, а маты сыдыть соби пидъ хутромъ, зигнувшысь, та Богу молыться.—Чы вы ще гугъ жыви, мамо?—запытавъ сынъ.

— «Жыва, сыну, хвалыты Господа мылосердного, — свить не безъ добрыхъ людей, загнуты не дадутъ.» — «А це жъ що за хутро?» спытавъ сынъ. И маты розказала сынови, якъ було. Посадывъ винъ тоди матирь на саночки и повизъ до господы. Побачыла жинка, що свекруха жыва, ще й хутро панське десь добула, ийи ще бильше зло взяло, якъ оса та чиплялась за кожне слово до свекрухы, а сваха ажъ сычыть, таки завидкы взяли. Дали надумалась дочка, щобъ и свою матирь вывезты на перехресный шляхъ, чы не добуде й соби вона такого хутра. — «Чоловиче, беры й мою матирь та веды тудыжъ, де й твоя була, — моя прывезе щосяще дорожчого,» сказала чоловикови жинка. Взявъ ото чоловикъ тещу и повизъ на те саме мисце. Пидославъ пидъ нейи солomкы, вкутавъ кожухомъ и пийшовъ соби до господы. Сыдыть стара, цокоче зубамы (або то хочъ пенькамы вже) мовъ у млыни каминня наковують, а морозъ ажъ скалкамы сыпле. Колы се, черезъ якыи тамъ часъ йиде панъ прозь нейи и пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Морозъ, паночку, щобъ винъ пропавъ, проклятый!» И пойхавъ панъ дали. Сыдыть баба, тремтыть, одъ лютосы ажъ мыныться, а морозъ ще гиришый прыскрыпавъ. Другого дня йиде другыи панъ, та наблыжывшысь до бабы й пытае: — «Морозъ, бабусю?» — Морозъ, паночку, щобъ його бырса взяла, щобъ винъ на лысого голови, непевный, ростриснувся!» Помынувъ панъ бабу и пойхавъ дальше. Сыдыть баба чуть жыва та тепла, — руки ййи покандзюбыло, коло носа вискрыкы высять замерзнути, изигнулась у тры погыбели. Третього дня йиде зновъ якыйсь панъ, пидйилавъ блызенько, та й пытае — «Морозъ, бабусю?» — Он, морозъ, морозъ, паночку, — щобъ його бенеря такъ была, проклятого, якъ винъ оце мене! И навищо його Богъ на свить, клятого, пославъ! — насылу вымовляючы просычала баба. И понихавъ панъ дальше, а морозъ ще кращии прыскрыпавъ. Не выдер-

жала баба, на сухарь окостылила оттакъ сыдя на соломици, навикы задубла. Не дочекалась жинка й вечора третьего дня,—гономъ погнала чоловика, щобъ мершій визъ ййи матирь, та зъ нею й добутокъ. Пийшовъ чоловикъ на те мисце, де посадывъ тещу. Коны до нейи, ажъ вона якъ кистка змерзлась. Привизъ ото винъ ййи до дому, а жинка на поригъ та й пытае: «А що, чоловиче?»—«Онъ що, подывись...» показуючы пальцемъ на матирь, одповидае чоловикъ.

Кынулась вона до матери, ажъ та нежыва. Годи вона въ плачь, та до свекрухы: «Простить мени, матинко, що мы надъ вами знущались,—се кара Господня за нашу неповагу до васъ—будьте жъ мени матинкою ридненькою!»

Поховалы тещу по закону, и зъ того часу навчлася невестка шануваты свекруху.

Записалъ въ с Полствинъ отъ Устыма Баланенка В. Ф.
Степаненко

253. Якъ навчено линыву невестку роботы.

То булы соби пара людей и малы однимъ одну дытыну—дочку. Люде заможни, а дытына вдалась гарна та утишна; воны давай ййи пестыть. Воны пестять, а дытына росте; выросло, не научывшысь ниякойи роботы, опричь танцювать. Коны прыйшлось уже й до людей, такъ воны, порадывшысь, бачять, шо самы вынувати, та й кажутъ женихови:

— Мы свою дытыну надильмо всимъ добромъ, тилко щобъ вона въ тебе ничого не робыла, бо вона ничего не вмие.

Ото поткнувсь одинъ, поткнувсь другой, але на таки варункы не согласылись, а дали батько, побачыв-

шысь зъ прытелемъ, може тамъ при чарци, або що, та й розговорылысь:

— А шо,—каже,—товарышу, у тебе дочка—вже пора замижъ, а въ мене сынъ женихъ—чы не будемъ сватамы?

— Чому?—каже.—Тилко умова така, щобъ моеи дочки не заставлять до роботы, бо вона ничего не вмие

— А якъ навчытыся?—пытае женихивъ батько.

— Добре,—каже батько дивчынъ,—тилко зъ тымъ, щобъ еи не нудыть, бо вона буде на мене цлакаты.

А той подумавшы та й каже:

— Добре, давай руку—нехай Богъ помога!

— Але,—уклымляе батько дивчынъ,—не нудыть!

— Та вже жъ, слово дане,—будь по сьому!

— Ну, прысылай старостивъ!

Посваталысь, одгулялы весилля, може й тыждень перезва йиздыла одъ одного до другого—гуляють та гуляють, сказано, люды заможни, а нарешти вже й годи. Рано вставшы батько порядкуе: одного сына туды, другого туды, третьего тожъ, невестокъ тожъ, дочокъ тожъ,—ропорядывъ усихъ, соби роботу знайшовъ, стара маты также щось взяла робыть, дочка стала варыть обидаты, друга также до якоиись роботы взялась, а молода невестка сыдыть—нихто йий ничего, и вона никому ничого. Коны пора була вже обидаты, сходяться вси, сидають за стиль,—батько пытае кожного, хто шо зробывъ? Всякий за себе одвича, а одна дочка мовчыть. Батько до нейи:

— А ты, доню?

— Я, тату, ничего не робыла,—одвича.

— Ну, то вже жъ ты знаешъ порядокъ,—батько каже.

Вона одийшла одъ столу, сила на лавци коло мысника (то бъ то коло порога) та й сыдыть; а молодойи невесткы не пытаецыся нихто, вона сидае, обидае.

Пообидавшы, зновъ до работы. На вечерю сходятся, знову тымъ же порядкомъ батько роспытует. На сей разъ уже друга дочка ничего не робыла,—остається безъ вечери Молода невестка прыдвляється и прыслушается (звычайно, якъ нова людына въ семьи), а дали й пытае потыхесеньну якоиись ятровки, чы зовыци

— Якъ се воно, сердце, у васъ діється—чы воно все такъ буде?

— Такъ,—каже,—сестрыце.

— А чомъ же мене за роботу не пытають?

— Бо ты,—каже,—серце, у насъ ище гостя.

Ну, мынувъ ище день, може й другой, уже й маты zostавалась безъ обиду, чы тамъ безъ вечери,—молода невестка дывыться на все тее (не зна, шо то въ йихъ намова), а дали, вставшы рано, пытае матери:

— Шо бъ я, мамо сердце, робыла?

— Визьмы, доню,—каже маты,—винычокъ та повымитай хату та сины.

Взяла молода, повымитала. Геть, геть сходятся до обиду Батько роспытует кожного, а вона бачыть, шо ийи не пытае та й сама обзывается:

— А я, таточку, хату та сины повымитала.

— А, моя дытыно кохана!—каже батько,—я тебе й не пытаю. Я знаю, шо ты доброго роду, розумного батька й матери, ты часу не змарнуешъ, тымъ я тебе й не пытаю.

По обиди вси до работы, молода зновъ пытае матери, шо робыть—маты посылае воды прынести видерцямы. Прынесла вона. Передъ вечерю батько прыласкавъ, поцилувавъ у голову. На другой день то жъ щось зробыла, на третій тожъ, а дали помалу - помалу—уже й обидать наварыть, а дали за прыводомъ уже й хлиба напече. (Сказано, чоловіка любить, а симъя вся голубыть ийи та добрымъ прыкладомъ учыть до праці).

Ото вже якось у тыждень, чы въ двѣ недѣли маты ридна каже до батька:

— Пишовъ бы ты, старый, та навидавсь до дытны. Я шось недомогаю, а тоби й байдуже. виддалы дытну въ чужый двіръ, Богъ знае, якъ то воно тамъ привыкае.

Старыи каже:

— Може и справди.

Убравшысь, потягъ помаленьку (а було то на другимъ сели). Приходять батько, застае, шо дочка варыть обидать сама. Звычайно, зрадила йому, привитала, попросила сидаты, а сама знову до роботы. Батько пытае:

— А шо тоби, доню, чы добре діється?

— Добре, таточку.

— А шо жъ ты вже вмѣшь варыты обидаты?

— Умію, таточку. Та у насъ таке, таточку,—додае дочка,—шо хто не робыть, то той и не йистъ.

— Ну, дытно моя, у всякого хазяйина свій порядокъ,—одвичае батько,—то ты, може, моя доню, й голodomъ мерла, помы то привчылась до роботы?

— Ни, тату, не нагално вчать, такъ усе помаленьку.

— Ну, добре, моя дытно.

Свекоръ бачывъ, якъ прийшовъ сватъ, але переча-субавъ: нехай трошки зъ дочкою побалака,—а дали и йде до хаты. Сватъ выглянувъ у виконце, побачывъ свата та взявъ на лави свыточку, шо хлопци задрипалы та вже высохла, та й вымынае грязь сыдячы. Увиходыть хазяйинъ, привиталысь по братськин, посидалы—гистъ знову за свытку та все такы вымынае та струшуе, а хазяйинъ

— Шо то вы, свату, робыте? Покрыньте!

— Эге, свату, добре кажете, та колы жъ я сьогоня ше не обидавъ.

— А такъ, такъ, свату, се въ мене давнїи порядокъ и, хвалыты Бога, мени добре зъ нымъ.

— Авже жъ, свату, у всякого хазийина свій порядокъ, а такъ якъ винъ добрый, то на що жъ я мавъ бы його псувать?

Нема що й говорити, що дочка, роблячи своє діло, прислухалася до розмовы.

Записалъ В. Г. Шевченко въ Киевской губъ въ 1862 г.

254. Хлибъ.

Одынъ чоловикъ нисъ хлибъ. Стало йому важко, винъ и покынувъ його у лиси, чы що. Пройшовъ верстовъ зъ двадцять, захотивъ йисты, а купыты ниде, а мо й ни за що. А дали вернувся, забравъ хлибъ та й каже: «Важко тебе було несты, а безъ тебе ще важче: не я тебе несу, а ты мене несешъ.»

В В Полуботкова въ Нѣжинѣ Черн. губ. отъ номерного въ Монастырской гостиницѣ.

255. Якъ селянынъ шймавъ вовка.

До одного чоловика зализъ у кошару вовкъ и подавивъ усихъ овецъ. Накупывъ той чоловикъ другыхъ овецъ и зробывъ для йихъ нову мицну кошару таку, щобъ вовкъ бильшъ не втыся въ нейи. Отъ прыйшовъ вовкъ уночи, обйшовъ кошару навкругы, обнюхавъ—ниде йому влизты. Скочывъ винъ на покривлю, продеръ кулыки и прыгнувъ до овецъ. Собаки счутылы и пиднялы таку гавкотняву, що вси у хати посхвачувались. Выйшовъ чоловикъ и прямо до кошары, бо туды собаки вйидалы. Прислухавсь—овечкы тупотять и сопуть; винъ до хвиртки—хвиртка зачынена. Запырнувъ черезъ хвиртку въ кошару, ажъ тамъ сыдыть сироманецъ - вовкъ и очыма, мовъ зорямы, свитыть. И почавъ

винъ сусидъ гвалтуваты: «Степане, Васылю, Карпе, йдить вовка быты въ мойй кошари!» Позбигалысь сусиды ў двирь, а хазяйинъ и каже: «Ты, Васылю, беры довбню, ты, Карпе, сокры, а вы, хлопци, берить дрючки; я жь одчыню хвиртку и буду на йй стояты, а ты, Петре, лизь на кошару та будешь його у дирку дрючкомъ пужаты; якъ тильки винъ бигтыме на мене въ хвиртку, то я його макогономъ и лулусну. Ну, теперь же не зивайте, почынайте!»

Потапъ погнавъ вовка, а винъ, зь переляку, якъ пугне у хвиртку, та прямисинько хазяйинови мижь ноги. Заплуталась, заборсалась вовча голова въ матни чоловика, и ни той одъ того, ни той одъ того. И потысь вовкъ чоловика на соби прямисинько вгородамы на гору. Але жь вовкъ бувъ навикы переляканный—бида зь йимъ зробылася, такъ винъ и пропавъ! Не згирше жь дисталось и тому чоловикови, шо йихавъ на йому—насылу жывого та теплого здійняли його зь вовка. Оттакъ то у насъ ловлять вовкивъ!

Записаль въ с Мартыновкѣ отъ Губеяка въ 1895 г. В. Ф. Степаненко.

256. Чоловикъ заваленый у глыныщи.

У сели Старому читавъ я книжку на базари «Батько та дочка». Людей багато зибралось було кругомъ мене и слухалы уси зь велькою охотою. Кажуть «Це книжка гарна и не дорога».

— А дуже гарна! — одынъ обизвався чоловикъ. — Це книжка така, якъ росказувавъ мени одынъ чоловикъ у ярмалку у городи Переяслави на постояльному двори. Чы було це давно, за це вже винъ не зна; у якому сели—винъ не памъятае. Одынъ чоловикъ пишовъ на заробиткы у Херсонщину и пробувъ тамъ шість рокивъ. Догодыло бидолаци працюватысь на чужий работи Пишовъ винъ додому, щобъ ха-

зайнувати дома та оженитись. Ув' осени збудовав' соби хатыну, а пился Роздва оженився. Оженившись, став' думать, шо робыг' йому треба, щоб' прожыть йому на свити, щоб' мать кусок' хлеба. И задумава' вин' робыть горшки. Купыв' соби конячку и давай возыть глыну на горшки. Глына була у тий сторони глыбоко, так' шо треба було выкопать глыбоку яму, щоб' достать глыны такойи, котра годылась бы на горшки. Одын' раз' пойхав' вин' по глыну, а жинка осталась дома. Прийхав' вин' до того миста, де копають глыну, и давай копать пудходну яму, щоб' можна було выносыть глыну корзыною. Выкопав' вин' дуже довгу яму и давай выносыть глыну корзыною. Накыдав' глыны съ пив' воза, сив' оддыхать, закурив' люльку и полиз' оп'ять у яму. И тут' случылось нещастя бидолаци, завалылась яма и його завернуло землю, ну тилькы так', шо йому можна було там' ворочаться. Яму завернула земля тилькы искраю. Жинка його ждала, ждала додому—немае чоловіка—и думает соби: «Пойду, бо може въ шынку засив' та сыдыть, а коняка стойить та мухы годуе; а пиду, лышень, зажену додому, чого вин' там' сыдыть?» Пишла до шынку—немае. «Де ж' це вин' е, шо нема коло шынку? А пойду лышень до глыныща, чы не зострину його?» Пишла. Иты було треба верстов' дви. Не дойшла вона изъ гонны, бачыть—стойить визъ, и коняка паеться бияя воза, а чоловіка не видно. Вона соби и думает, шо чоловік' полиз' у яму по глыну и не спишыть соби дуже скоро йты. Пидходыть до ямы и бачыть—яму выровняло землю: завалылась яма. Вона въ плачь та голось: «Ой, Боже мий! шо мени робыты?» Крычыть, скилкы сылы мае, та никому ратоваты. Попрыбигалы люды. Шо його робыты? «Питы до попа, шо вин' скаже,»—обизвав'ся один' чоловік'.

Пишлы и сказалы попу, шо яка прыгода трапылась чоловікови. Пинг' говорыть людям': «Шо ж' тутъ

робыть будемъ? Идить и скажить паламару—нехай подзвонить по покойнику, а я пообидуаю та оддышу трохы та й выйду одправыты похоронъ по покойнику. Гарный чоловикъ бувъ,—царство небесне йому!» сказавъ ба-тюшка.

Писля обидъ батюшка выйшовъ одправыты похоронъ. Одправывъ, запечатавъ, якъ треба и пойихавъ додому. Люде, котри булы тамъ, пишлы помынать.

А той чоловикъ пидъ землею живый и давай копать на верхъ. Вырвсь на верхъ, узывъ заступъ на плечи и пишовъ додому. Приходьты до своей хаты, заглянувъ у викно, бачыть—горыть свичка на столи, и въ хати сыдятъ чотыри бабы. Винъ до дверей—двери засунени. Винъ давай у двери стукать, шобъ одчынылы. Бабы почулы, шо стукаетъ щось. Одна пишла одчынять. Выйшла у сины и пытае; «Хто тамъ таки,—свойи чы чужи?»

А чоловикъ обизвався.—«Свойи! Чого вы бойитесь одчынять? Одчыняйте!»

Баба якъ почувшы цее, чуть не упала въ синяхъ,—давай крычать:—«Ратуйте! мертвякъ прыйшовъ! Шо будемъ робыты?»

А тутъ якъ на ту пеню нема и одного чоловика. Жонки давай крычать:—«Ратуйте, хто въ Бога вируе!»

А чоловикъ пидъ дверыма обзывается.—«Та одчыняйте! Чого вы бойитесь, дурныйи? Я не мертвякъ и не бувъ мертвякомъ. Я живы бувъ пидъ землею и чувъ, якъ правывъ батюшка похоронъ, якъ плакалы по мени. Мени все було чужно, шо робылось на верси, и я крычавъ скилкы сылы въ мене було, а вы мабуть ничего й не чулы,—голосылы по мени та бильшь и ничего. Такъ я тоди годи крычать, а давай, думаю соби, рытымусъ, чы не поможе Богъ мени vybrаться съ пидъ земли на свить Божый Давай копать.. И вырвсь,—колы ничъ на двори, и мени показалось пидъ землею, шо я тамъ

бувь днівъ два, а воно мабуть я пробувь тамъ одынъ день тыльки. Одчынйите скорій, бабы, бо я йисты хочу! Не бійтесь ничого: я якы бувь, такы и е.»

— Ни,—бабы кажуть,—мы тебе не впустымъ—молись Богу!

Давай чоловикъ чытать «Оченашгъ», «Вирую во единого Бога», «Богородице диво, радуйся...» А жонкы все такы бояться упускать у хату чоловика и думаютъ, що це йимъ прывиденіе, що це изъ йихъ сміється сатана. А деле и одчынылы двери, та самы прожогомъ на двиръ побиглы та до сусида пидъ окно и давай кричать: «Рятуйте! Мертвякъ прыйшовъ и повыгонывъ насъ изъ хаты!»

Сусидъ каже:—«А ходимъ подывимось на його, шо винъ робыть тамъ?»

Попрыходылы до хаты и заглядають у викна. А мертвякъ сыдыть соби за столомъ та вечерае:—«Идить,—каже,—дурныйи, чого вы бойитесь? Я не мертвы, а я живы.»

А люде все такы боялись уходить у хату. А деле кажуть:—«А ходимъ лышень: насъ же гуртъ, а винъ одынъ—чого намъ його бояться?»

Повходылы люде у хату и давай роспытувать чоловика, якъ винъ вылизъ изъ пидъ земли, и якъ воно выйшло, шо його не задушыла земля. Чоловикъ росказавъ усе, якъ було, и уси дывовалысь цьому чуду, шо зроду не було такойи прыгоды у йихній сторони никому.

Въ с Старомъ Переяславскаго у Полтавск губ. записаль козакъ м Барышполя того же уѣзда Н Д Бѣлоконъ въ 1899 г

257. Ликы линывому.

Повивъ, чоловикъ своихъ волуивъ до ликаря, щобъ запомигъ видъ линощивъ, а той узавъ та й помазавъ пидъ хвостамы шпыкынаромъ. Якъ дременулы жъ тоди волы, що й не збижыть чоловикъ за нмы. Пустывъ, вернувся та й просыть ликаря, щобъ и йому помазавъ ззаду, може чы не нажене волуивъ. Помазавъ ликарь, а чоловикъ якъ пустывся, то й волуивъ догнавъ и дома зразу ставъ та й крычыть жуинци: «Упусты волуивъ у хливъ, а я ще побигаю.»

М. Веркиевка, Нѣжинскаго уѣзда. Отъ М. Крошки записаль
Е. Н. Гаврилей

258. Выпытавъ.

Прийшовъ хлопечь позычать сокыры до сусида. Той каже: «Я бъ тоби й давъ, такъ ты жъ дрова усе до колодки рубаешъ.»

— Э ни, дядьку, не турбуйтесь! Отъ йий Богу я все до земли рубаю, а то вамъ хтось набрехавъ

— Ага, ну сього жъ туильки мени й треба було, щобъ узнать, якъ ты зъ струментомъ обходышся. Пойды ты вонъ, не дамъ!

М. Веркиевка, Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей

259. Якъ чоловикъ гостей приймавъ.

Зазвавъ чоловикъ гостей и ставъ поштувать го-муинкою и пляшку зъ горилкою въ руки взявъ, та туилько такъ забалакався, що самъ выпѣе й жуинку почастуе та й зновъ гомонить. Выпѣе й почастуе жуин-

ку та й за розказни. И такъ до кинця. А тоди вже наче скаменувся та й просыться: «Не прогнивайтесь, люде добри: на се просылы!»

М Верклевка Нѣжинскаго уѣзда Записаль Е Н Гаврилей

260. Добри люде.

— А въ тебе е собаки?

— Ни! Мене и такъ люде оббрешуть.

Прилуцкій у. Полтавск губ Записаль В П Горленко

261. Убогый за столомъ у попа.

Було се въ одному сели, може такому якъ отъ наше, а може й ни, цього вже не скажу. Одынъ убогый чоловикъ та й прыйшовъ до дука позычты жыта на посивъ.—«Не можна, чоловиче,—каже дука,—бо тоби треба позычаты на вишне одданья.»—А й чому бъ то я не виддамъ!—запытавъ убогый.—Чому? Тымъ, що ты убогый и ничымъ тоби буде виддаты.—Убогый помовчавъ трохи та й каже: «Хиба убогому и на свити не жыты? Э, ни, це ще на двое баба ворожила,—кто зна, мо ще убогый зъ бильшимъ почотомъ и повагою сядитыме за столомъ у будли кого, нижъ багатый?!»—Такъ же, такъ—не ты бъ казавъ, не я бъ слухавъ,—одмовивъ дука.—Та я бъ у яку хату не зайшовъ, мене и за стиль посадовылы бъ и чоґо треба позычылы бъ.—«Якъ тебе посадять, то мене й подавно посадять,»—скозувавсь убогый. Дука самъ соби не вирывъ—якъ можна, щобъ такый дрантогузъ та бувъ у людей въ бильшимъ почоти, нижъ винъ. Довго вони отакъ скозувались, а дали и побылы въ закладъ на пару воливъ: колы, зна-

чця, убогого примуть де краще, то дука повиненъ да-
ты убогому пару воливъ, колы жъ багатого, то вбогый
повиненъ зъ жинкою цилый рикъ роботы багатому на
пару воливъ. Заклалысь ото воны, та й воны дука отдавъ
за руки.

— Ну, куды жъ пидемо?—запытавъ убогии.

— Ходимо до попа, —намишкувато промовывъ дука.

Пишли Отъ увійшовъ дука въ пекарню до попа, вклю-
нив ся низенько та и прохае, щобъ позычывъ йому сорокъ
пудивъ вивса.—Добре,—каже пипъ,—ось я вдягнусь та
заразъ и одважу, тилькы жъ щобъ ты мени за сю хва-
тыкгу вьоравъ десятину пидъ ярыну!—Добре, батюшко,—
одмовывъ багатый Трохы перегода пидходить пипъ до
убогого та й пыта: «А гоби чого треба?» Убогый пи-
дйшовъ до його, нахыливъ до вуха та й каже: «Та я,
бачыте, выкопавъ учора въ лиси бочонокъ золота та
оце й маю прохаты васъ, батюшко, посвятыты йихъ.»
Пипъ одразу повеселивъ на облыччи, та до дука: «Ты
вийды, тымъ часомъ, у сины, бо я маю де-що зъ Семеномъ
побалакаты.» Выйшовъ дука у сины, а пипъ зновъ
до Семена: «Ну, то якъ же ты, Семене, той бочонокъ
думаешъ посвятыты?»—Та хочу, щобъ вы прыйихалы до
мене у господу, та тамъ уже й тее... зручнишь буде.—
Ни, Семене, у мене буде зручнище; знаешъ, якъ йизды-
ты та возытыся зъ усима прычандалами,—а людське око
знаешъ прозоре... лучче вже у мене, чы такъ, Семене?»

— Ну, хай уже буде такъ, вамъ краще про се знаты.
Такъ пиду жъ оце я за золотомъ, та й Боже благословы!

— Э, ни, Семене, чекай но,—добре дило добромъ
треба и пошануваты,—сидай лышь бльжче до столу!

Сивъ Семень кинецъ столу, а пипъ коло його Мыттю
попада внесла мыску свижойи рыбы, поставыла на стилъ
карахвынку горилкы и готовлються трапезуваты. Семень
поглядае на все це та тилькы облызується и вусомъ

пидморгуе. Чарку за чаркою нальва пипъ соби та Семенови, попадя те жъ килько разивъ прыгублювала чарку; пьють соби та закусують, ажъ по за вушыма лящыть; але жъ Семень пье та розуму не пропывае: якъ оце пидносять пипъ йому чарку, то винъ пидйме ййи угору, цокається зъ попомъ, ажъ винця трищять и здорвкається голосно, щобъ чувъ и дука у синяхъ. А дука стойть пидъ дверыма у синяхъ, все те чуе и въ шилыну бачыть та ажъ минытьса одъ зла. Останню чарку пиднялы воны, выпылы та въ кинци ще й поцилувались. — Такъ тутъ же, га? — «Эге жъ, тутъ, батюшко.» — Писля закускы пидвився Семень и выйшовъ зъ за столу, подякувавъ Богу та й каже: «Такъ вы жъ тутъ тее... пока я прынесу.» — Гараздъ, — одмовывъ пипъ, — тилькы жъ швыдчй, а я пошлю за сторожемъ, щобъ готовывъ усе.»

Повагомъ переступывъ убогый черезъ поригъ и пишовъ соби вулицею, — тилькы жъ не за золотомъ, а за волами дуку. Взявъ винъ волы ти за налыгачъ, хвосънувъ батогомъ та й каже: «Гей, волы, цабе кгезанъ, — вже тебе не побачыть твй дука - пузанъ; гей, сири, цабе мурый — хай зна, якъ убогый жартуе.» Привывъ волы до обору, нагодувавъ, напоивъ, а на ранокъ и на ныву зъ нмы гайнувъ. Пипъ довго ще ждавъ Семена зъ золотомъ, та нйакъ не диждався, кажуть, шо и теперь ще жде.

Каневскй уездъ Записаль В Ф Степаненко

262. Якъ кума куму не послухала.

Жне кума жыто, а друга ййи кума иде вже до дому. Отъ, та, шо жне й каже:

— Кумочко, голубочко, поможи мени жаты!

А та йій и каже:

— Э, кумо, разъ, що жыбиръ колеться, а друге те, що николы.

А та каже.

— Ну, прыйдешъ же ты до мене зимою муки просыть, такъ я жъ тоби не дамъ.

А та кума, що жала, та була багата, а та, що йшла,—бидна.

Отъ зимою приходыть вона до своейи багатойи кумы, та й каже:

— Дай мени, кумочко, хочъ кившыкъ муки, а то диты кваши просыть, а въ мене муки нема!

Отъ, та кума тоди засунула руку у полубочокъ, та й каже:

— Охъ, кумочко, жыбиръ якъ колеться, билше нико-
лы не полизу у полубочокъ!

Та й не дала йій муки.

С. Жеведь Черниговск. у. Записала Н Г.

263. Лакей и наймытъ не одно.

— А вамъ же подобається зять?

— Та винъ ничего: и зъ себе гарный, и розумный. Такъ ниякойи ганьбы йому дати не можно. Отъ тилькы одно одгонять трохы, що лакеемъ бувъ. Такъ наче й проты людей трохы соромъ, що за такого оддалы, що въ лакеяхъ бувъ. Отъ я вамъ роскажу, яка вже штука була. Прыйихала на весилля сваха зъ Подгорного, вона сестру нашу за свого сына взяла. Ну, спершу то й ничего, а якъ выпыла трохы такъ и каже матци на-
шій:

— Отъ пани-свахо, вашъ новый зять усымъ гарный, та лакей. И на шо такы вы Орыну за лакея оддалы? Така дивчына гарна, що ажъ жалко.

А матка каже:

— Винъ же, пани свахо, вже не лакей, а дома живе. Та и Орына моя.—хыба вона не служыла? И вона служыла та кожному вгождала. Отъ йихъ и пара.

А вона, сваха, матци одказуе:

— Ни, пани свахо, то не однаково. А я своейи дочки за лакея не оддала бѣ и сына въ лакейи не оддала бѣ. Я хочъ и вдова, а сына въ лакейи не оддамъ.

Бачыте, яки люде!

С Коты Черниговск у М Н Гринченко въ 1900

264. Злодій.

Казавъ злодій, впіймавшыся, вкравшы волю: «Покуюль кони водывъ—такъ и Богъ годывъ, а якъ почавъ волю—наче чорты ввели!»

М Верклевка Нѣжинск у. Е Н Гаврилей.

265. Про воровство.

Въ одномъ селѣ, которъ называлось Плutowкою, у томъ селѣ жили два чоловѣки: одинъ вельми богатый, а тей бувъ умерены, ни багаты, ни бѣдны; и ободва чоловѣкы сіе занималисе пасѣками—було по тималу пчоль. И ены звалисе кумами. Вотъ разъ у недѣлю вечеромъ бѣднѣйшый кумъ и говорить своему куму

— Знаешъ що, кумъ? (А пасѣки неделеко були одна одъ другой) я сегодня на ночь думаю ѣхать въ торгъ, то будласково позирни тамъ ночью на мойихъ пчель.

Етый заможны чоловѣкъ и каже: «Добре, ѣдь ты у торгъ, я буду гледѣть и твоимы пчеламы»

Такъ сей кумъ и поѣхавъ на ночь у торгъ смѣло, знае, що у его сторожъ надѣжный. Вотъ якъ тольки йонъ вѣхавъ изъ села, воъ сей тады кумъ позвавъ

свойилъ сыновъ и каже: «Знаете що, хлопцы, поѣдте въ пасѣку, а то намъ треба гледѣть и за кумовою пасѣкою».

Такъ ены часовъ у десеть вечера поѣхали въ пасѣку. Приѣхали ены въ пасѣку. Вотъ батько и каже: «Поѣдте въ кумову пасѣку, видеремъ его пчолы».

Хлопцы кажуть: «Ходете,—его нема дома, то будемо смѣло драть пчолы».

Пошли ены въ кумову пасѣку и стали драть пчолы. Въ сюю ночь вельмы позно шукавъ одинъ чоловѣкъ изъ того села коровы и побачивъ, що въ пасѣцы у того чоловѣка, що не було его дома, свѣтица. Вотъ ень самъ собѣ и каже: «Се, видно, злодѣи крадуть пчолы». И ставъ на пузи повзты бльжей икъ пасѣцы и подповзъ икъ самымъ ловжамъ, що була загорожена пасѣка, и розгледѣвъ, хто таки дравъ пчолы. Се дравъ пчолы кумъ того хозяина, що поѣхавъ у торгъ. Вотъ надрали двѣ дѣжки меду и ище осталисе одные пчолы недраные, да вже некуды и драть. Вотъ стары погледѣвъ на послѣднѣе пчолы да каже:—«Идѣть, хлопцы, возьмите ночвы у своей пасѣцы».

Хлопцы поставлели дѣжки подъ ловжъ, де одну дѣжку уладили поставить акурать туды, де седѣвъ той чоловѣкъ, що шукавъ коровы, а сами пошли у свою пасѣку. Вотъ сей тоды, що седѣвъ подъ ловжомъ, подповзъ тихенько подъ дѣжку, узявъ соби меду и начавъ ѣсти. Хлопцы принесли ночвы. Ены выдралы и послѣднѣе пчолы. Тоды зложили все на возъ и стали ѣхать домовъ. Вотъ сей тоды чоловѣкъ, що седѣвъ подъ ловжомъ, самъ соби и каже: Подожди, надо приглядѣца, куды ены повезуть сей медъ, де его будутъ ховать. Ены поѣхали объѣжжати шлеховую дорогу полемъ, а сей чоловѣкъ, що подгледѣвъ ихъ, пошовъ скорѣй до ихъ двора и жеде ихъ тамъ, закуль ены будутъ ѣхать изъ медомъ. Ажъ ось ены ѣдутъ прямо въ дворъ, а

енъ тоды тихенько прытуливсе къ замету. Вотъ ены въѣхали въ дворъ. Вотъ стары тоды и каже своимъ хлопцамъ: «Де жъ намъ теперъ ховать сей медъ?»

А хлопцы и кажуть:—«Знаешъ, тато, де мы его сховаемъ?»

А стары каже:—«А де?»

— А давайте поставимъ сіе дѣжки у свой имшень.

А стары каже:—«Нѣ, буває за сымъ медомъ де и нашъ заберуть. Луччей давайте мы его сховаемъ во куды. Ото у насъ лежить у дворѣ куча гною, то давайте мы его подъ гной сховаемъ.»

И ены весма скоро роскидали сюю кучу гною и поставлели медъ въ дѣжкахъ и опять закрыли гноемъ и пошли спать. И мужикъ, що подстерогъ ихъ, пошовъ домой.

На завтре приѣзжае сей чоловікъ изъ торгуи весма рано поѣхавъ у пасѣку довѣдаца своего хозяйства. Приѣхавъ у пасѣку, ажъ подраные всѣ пчолы. Енъ тоды поплакавъ, да и нѣчого дѣлать. Приѣхавъ домой и пошовъ до кума питать, ти не бачивъ енъ, хто подравъ пчолы. Приходить до кума и каже:

— Ну, що ты, кумъ, не бачивъ, хто подравъ пчолы?

Вотъ енъ и каже:

— Нѣ, не бачивъ. Я два разы ходивъ за ночь въ твою пасѣку, да никого не бачивъ.

Такъ енъ пожуривсе, пожуривсе, да и нѣчого робить. Вотъ пройшло не весма багато времѣя. Разъ у недѣлю собралисе въ шинкѣ тые ободва кумы и другихъ багато людей и тей чоловікъ бувъ, що бачивъ, хто подравъ пчолы. Вотъ чоловікъ и каже:

— Давай-но, кумъ, выпьемъ по чарцѣ горѣльки, годи минѣ журица по пчолахъ.

И сказавъ:

— А ну ка, Хайко, подай-но сюда повкварту горѣльки.

Хайкою звали шинкарку. Шинкарка сейчас подала ему повкварту. Енъ выпивъ самъ впередъ и потомъ поднесъ своему куму, тому, що покравъ у его медъ. И потомъ и ище кое кому ставъ подносить по чарцѣ, каже:

— Выпивайте, хлопцы, да поминайте мои пчолы, що въ мене уже нема ни годныхъ пчоль.

А тому, що бачивъ, хто подравъ пчолы, и не поднесъ чарки горѣлки, и за тымъ не поднесъ ему чарки що енъ бувъ вельми бѣдный чоловѣкъ. Вотъ теѣ бѣднякъ и каже:—«Що, що ты подносишь имъ по чаркѣ? Хибы ены тобѣ скажутъ, хто подравъ твои пчолы? Ты жъ поднеси минѣ чарку горѣлки, дакъ я тобѣ скажу, хто подравъ твои пчолы.»

Вотъ енъ тоды поднесъ ему чарку горѣлки, потомъ и другу, и третю. А теѣ, що подравъ пчолы и каже:—«Таки неудобны, щобъ ище знавъ, хто подравъ пчолы у мого кума. Не поднось, кумъ, и чарки сему обормошу.»

А еты бѣднякъ и каже:—«Гледи, щобъ ты не потерявъ своихъ новыхъ чоботъ, хоть и богаты. Де моя бѣдность дороже твого багаства.»

Тоды бѣднякъ и каже.—«Берите старосту и свидителей да ходитъ колатить меду. Я васъ сейчасъ зоведу до того чоловѣка, що подравъ медъ.»

Вотъ сей тоды крестьянъ, що у его подрано медъ, позвавъ старосту и другихъ тимало людей и пошли.

— Идѣть за мною!—каже бѣднякъ и енъ повевъ ихъ прямо икъ тому багачу, що подравъ пчолы у свого кума. Приходятъ у дворъ, бѣднякъ каже:—«Розкидайте сюю кучу навозу!»

Староста тоды каже:—«Тетерукъ ты! Щобъ такую хорошую вещь енъ у таке мѣсто ховавъ.»

Бѣднякъ каже:—«Даромъ соби, що я тетерукъ. Я вамъ кажу: откидайте гной!»

Ены изъ насмѣшкою стали откидать въ сторону. Откидали гной, ажъ подъ гноемъ оказавсе медъ. Дакъ тому багачу такъ стыдно стало, що ему трудно було перенести. Тоды багачъ спомнивъ то, що ему у шинкѣ казавъ бѣднякъ да и каже:—«Правда твоя, що твоя бѣдность дороже мого багаства».

Староста сейчасъ донесъ уряднику и его сейчасъ призвали къ суду и придали его съ сынами по шесть мѣсяцевъ въ острогъ.

Записалъ Яковъ Бондаренко, кр с. Деревини Городницкаго у.
Сообщилъ В Т Андриевский.

266. Пысарь.

Налаявъ батько курку: «Щобъ ты здохла!» А сыну-пысару се дуже не сподобалось. Отъ винъ и навчасе батька: «И на што такое неприличное говорить? Ругай, старый, такъ: «Щтобъ тебя писарь искушалъ!»—А батько змитывъ що до чого й каже: «Добре, сыну, и давно бѣ повчылы—мы жъ люде темни». Другого разу лизе въ шкоду котеня, а батько на його: «А дзусь! щобъ тебе пысарь искушавъ!» Пысарь чуе та: «Отъ тьомной народъ! Съ нымъ и умной человекъ нечого не подѣлаеть!»

М. Верклевка Нѣжинскаго уѣзда Записалъ Е. Н. Гаврилей

267. Судди.

Судди—шо мирови, шо сильськи—

Неначе одынци

И не розлычышь ихъ ниякъ

Неначе одна маты ихъ родыла.

Страшни показуються вони мени.

Якъ бувъ я у того судди мирового,

Ще за Опанаса Кривого,
Дакъ у того судди мирового,
Якъ у Бога святого.
Нихто ни на кого не скаже ты,
А все вы, да вы.
А якъ бувъ я у тыхъ суддивъ сильськихъ,
У тыхъ п'яныць семенськихъ,—
Я удивлявсь изъ ихъ диливъ.
Воны судъ тоди начинають,
Якъ изъ шынку прычвалають.
Выновать Киндрать,
Дакъ и винъ сыдыть изъ суддыми пидъ рядъ.
Да якъ шурхне руку въ карманъ,
На суддивъ моргнувшы:—
Судди не змагавшысь,
За шапки побравшысь,
У головы не спросывшысь,—
Въ шынку опынвшысь.
Оглядився старшына—
Суддивъ въ волосты нема,
Да и каже своему десятчыку:
«Бижи, Грышко, суддивъ зажены,
Та тилки самъ тамъ не сыды,—
Вже обидняя година,
А воны дила нїякого не зробылы.»
Идутъ судди, тыняються
Та объ тыны обпираються.
Прыйшовъ суддя у волость
Да карандашомъ по черныльници и стука,
А други сыдыть та слуха.
А жалобщыкъ изъ шанькою
За плечыма до суддивъ каже:
«Докиль мени, господа судди, стоять
Та слыну ковтать,—
Пора мое дило розибрать».

А суддя йому каже:
«Да ты не базикай,
Або ты осквернивъ чоловіка.
Хоть винъ тебе, бачъ, и бувъ,
То значыть слидувало.
Тоби треба передъ нымъ покорыться
Та нызько въ ноги вклоныться.
Ты бачъ: винъ хазяйинъ,
А ты ледащо!» (У совищательній судди говорятъ).
А хочъ бы винъ и святы,
А якъ карманъ у його пусты,
То велять штряховать
И въ холодну сажать.
Уже трети пивни спивалы,
А суддивъ жинкы додому ждалы.
Прыйшовъ суддя додому
Та й сивъ на лави.
Жинка излазыть изъ печи
Та чоловікови и каже:
«Де ты, сякий-такий сыну, тягавсь?
Мабуть за городамы у лопухахъ,
Бо вся голова у коров'якахъ.»
— «Та цыть, жинко!
Мы такъ цихъ диливъ насобиралы,
Що до самойи пивночи розбиралы,
А я дила толковавъ та розбиравъ,
Поки мени якийсь чортъ реп'яхивъ у шапку
наклавъ.»

С Олександровка Остерск у. Отъ Семена Музуля записаль
Н. Д. Б'ялоконь

268. Хытрый чоловікъ.

Занявъ панъ у чоловіка волю, а мужыкъ уже не
знае, якъ йихъ вызволыты та йде прозь панськи викна
та й каже:

— Колю панъ съ панивъ, то виддасть волю, а колы панъ зъ мужыкивъ, то ни, не виддасть.

То панъ почувъ та й виддавъ.

Черниговъ. 1898 Б Д. Гринченко

269. Добре розказавъ

Розказувавъ панъ наймыту щось такее дуже довго, а той усе не второпа. Панъ тоди озлывся та—ляпаса, щобъ понимавъ хамло-неотеса.

А той каже: «Теперь рочовпавъ. Такъ бы й давно розказували бъ булы толкомъ, по панськы.»

С Веркевка Нѣжинск. у. Е Н. Гаврилей.

270. Сжущий панъ.

Посылае панъ кухаря на базарь, та й наказуе, щобъ не трынкавъ дурно грошей: «Иди жъ,—каже,—та купы чого, щобъ и дешево й багато було, а то ты мене зовсимъ зведешъ.»

Пишовъ кухаръ та й купывъ нечыщенныхъ хлякивъ. Принись, а панъ уже й напустывся: «Ты зновъ у снагу мене загнавъ!—Чого ты тамъ накупывъ? Кажы!» Не вытерпивъ уже кухаръ, кынувъ хлякы та й каже: «Та зъ середины пойисы, а хлякы продасы, то ще й барышъ буде.»

М Веркевка Нѣжинскаго уѣзда Записалъ Е. Н. Гаврилей

271. Допытався.

Вйизжае становый въ село Воронивци власнисть князя Гоген-Льоген-Шилингс-Фюрстъ, стричае мужыка и хоче довидатись видъ нього, чые се село.

- Якъ вашъ панъ называется?
— Лыбонь що Голи ноги сирий хвистъ.

Записалъ В. В. Боржковскій.

272. Черезъ чай сварка.

Повезлы до миста трое сусидъ дрова продавать. Въ дорози було межъ ймы злагодно и на торзи вкупи продалы одному пану дрова. Булы воны люде прости, недорого взяли й за дрова, такъ що ажъ панъ зазвавъ погритысь коло чаю, а воны та зроду про чай хыба що однимъ ухомъ чулы, не то щобъ пылы. Отъ воны одмагальсь довго на вси боки, бояльсь, щобъ и гроши не охрыплы за чай, та панъ йихъ впевнивъ, що за те ничего, й насылу згодыльсь. Отъ панъ догадавсь, що люде зовсимъ прости й глузуе надъ ными: одному давъ зъ сахаромъ чаю, другому безъ ничего, а третьому зъ силлю. Выпылы, якъ кому прыйшлось, та вже якъ спытавъ панъ, чы ще налывать, пиднялась межъ ными кутавасія: первы каже:—«Ще», а другы:—«Якъ хочте», а трети и рукамы, й ногамы одгрибається. Выйихалы зъ двору, то первы й почына шкылювать, чому воны не хотилы чаю, а другы каже, що винъ же ничего й що въ лыхомъ можна було й ще пыть, а трети зовсимъ йихъ дурнями назвавъ та й каже: «И давъ же дидько помыйныци панськойи напытысь,—щобъ йимъ одъ паскы такъ у роти! Скуилько пылы оковыту, та не було ніякойи змажкы межъ намы, а то бачъ що, щобъ тыхъ панивъ кровъ пыла!»

М. Веркiewка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей.

273. Кто скуилько чаю пѣе.

Панъ чай пѣе, покиль чай е.

Жыдъ пѣе, покиль сахаръ е.

А чоловикъ—покиль воды хопыть.

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Записалъ Е. Н. Гаврилей

274. Похвалывъ.

Пошывъ охвыцеръ соби нового мундира, одягнувся въ його та й вертыться въ хати передъ дзеркаломъ, любується собою, мовъ Катря въ постолахъ, а дали захотилось йому, щобъ ще хто й збоку похвалывъ його. Отъ и пытае свого денщыка: «А что, слышь ты, на кого я теперь похожъ?»—А той дума, якъ бы його догодыты начальству? Та й каже: «Вы похожи, ваше благородіе, на лева, ваше благородіе!» Охвыцеру те сподобалось, винь пытае: «А гдѣ жъ ты лева видѣль?»—А той йому: «На туй картини, ваше благородіе, що Исусъ Хрыстось йиде въ Ерусалымъ, ваше благородіе, сыдючи на леви, ваше благородіе!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда. Е. Н. Гаврилей.

275. Одмова по щыроты.

Прыслалы денщыка охвыцеру, а винь бувъ дуже злый та заразъ же: «Почему это тебя, такую гадость, ко мнѣ прислали? Развѣ тамъ не было лучшихъ?» А денщыкъ йому й видмовля по щыроты: «Добрыхъ, ваше благородіе, и послалы добрымъ, а мене до васъ, и я никакъ нѣтъ, не выновать, точно такъ, ваше благородіе!»

М. Веркiевка Нѣжинскаго уѣзда Е. Н. Гаврилей

276. Москали укралы гуску.

А то значыть укралы москали въ бабы гуску, та де ййи сховаты? А тутъ йимъ уже выходыть,—такъ воны ййи й сховалы въ барабанъ, у отой великый. Гуска жъ тамъ крычыть, а вуонъ у барабанъ б'е, а воно не такъ якъ треба выходе. А охвыцеръ пытае:

— Чого це въ тебе барабанъ не такъ выбывае?

— Одсыр'ївъ, ваше высокее благородіе.

А баба вже огледила, шо гуску немае и наздоганяе москалюовъ и каже охвыцерови:

— Ваше высокее благородіе! Москали въ мене гуску вкралы. Звелить, щобъ оддалы.

А охвыцеръ пытае:

— Реб'ята, вы вкралы гуску?

А воны одвичають:

— Никакъ н'ѣтъ, не кралы, ваше высокее благородіе!

Винъ тоди на бабу насыпався:

— Чого ты на мойихъ маскалюовъ опорокъ зводишь?
Иды соби геть!

Отъ та баба пишла, а охвыцеръ пытае:

— Реб'ята, вкралы гуску?

— Вкралы, ваше высокее благородіе!

— А де жъ вона?

— Въ барабани сыдыть, ваше высокее благородіе!

Та й ивзіѣлы гуску. Отъ яки москали!

С. Жеведь Черниговск. у М Н Гринченко отъ дивчины. 1900.

277. Москали вкралы корову.

Разъ москали вкралы корову у мужыка и заріѣзали ййи та ще не вспишылыся зварыты, ажъ тутъ идуть трусыты въ казармахъ. Отъ воны—шо робыты? Швядче корову на стуоль, накрылы одяломъ, а одынъ москаль

сыдыть и савтырь чытае. Отъ, увиходють туды трусыты, ажъ покуюйныкъ у хати. А ундерь охвыцеръ и пытае въ того салдата:

— Хто это вмерь?

Такъ наче вуонъ и не знае. А той каже:

— Рыковъ умеръ.

— А, жалко! Харошій бувъ чалавѣкъ!

Це вже той ундерь-охвыцеръ каже.

Отъ ти бачуть, шо коруовы нема, а покуюйныкъ лежыть, перехрестылысь та й пишылы соби. А ундерь-охвыцеръ каже:

— Ну, ребѣята, теперь уже пора Рыкова съ стола прыймать.

Та й извѣлы москали коруову. Та сміються, шо мужыкуовъ одурылы.

С. Жеведь Черниг у М Н Гринченко отъ дивчины 1900.

278. Москали врадуть масло.

Прийшовъ москаль на базари до бабы, а та баба багато масла продавала. Отъ вуонъ и каже:

— Подпоясай мене, бабѣшка, на всю масленицу!

Отъ баба стала його пидперизувать, а другый москаль, його товарышъ, за масло та й утьокъ. Отъ йимъ и стало масла на всю масляну.

С Жеведь Черниг у Н Г отъ дивчины въ 1898

279. Козаки вералы коецъ зъ гусьмы.

Переходылы козаки черезъ одно село, йшли вони на турецьку войну. Прийшылы въ село; заразы йихъ порозводылы на ничлигъ по хатахъ; дали скилькоро и жыдови шынкарони. Знае добре жыдокъ, шо трудно, щобъ безъ крадижки обийшлоь, а тутъ ще на биду на

пидсини у нього коець зъ годованымы на пейсахъ гусьмы. Потерпае винъ за коець, але думает: не вкрадутъ же вони койця, якъ ляжу спаты на него? Лигъ. Спытъ. А козаки тыхенько вночи зняли жыда зъ койця, поклялы на землю, а самы за коець та й маршъ дали.

Ажъ черезъ якийсь часъ чуе жыдъ, що взяли Плевну и що коло тойи Плевны поралысь и знайоми йому козаки. Отъ винъ хытае головою и каже:

— А лыхо мами йихъ! Що йимъ було Плевну браты, колы вони зъ-пидъ мене коець зъ гусьмы взяли!

Записалъ В В Боржковскій

280. Два звощыкы.

У Києви, кажуть, коло вокзалу постоянно багато звощыкывъ, якъ прийизжають пасажыры зъ пойиздомъ. Разъ такъ трапылось, що помижь булы звощыкы—нашъ чоловикъ и кацапъ, дожыдаючысь того пойизду. Пойиздъ прийихавъ; згодомъ стали выходыты пасажыры, а за йимы носыльщыкы пруть клункы. Пасажыривъ на цей разъ було небагато, и передни звощыкы йихъ скоро и позабиралы. Остався одынь. Кацапъ жывенько до його пидйихавъ и ставъ торговатысь и за пятакомъ остановка—пасажыръ не хоче сядытыся. Нашъ, бачывши те, соби тежъ пидбигъ, та жыво пятака и скинувъ. Пасажыръ и сивъ до нашего. Кацапъ згожувався вже и за ту цину, що й нашъ сказавъ, але пасажыръ не захотивъ пересидать. Кацапъ росердывся на нашего чоловика та й каже:

— Богъ породылъ осла, а чортъ хохла!

А нашъ йому:

— Дурный тебе пипъ хрестывъ и тебе навчывъ! Хыба жъ такъ, якъ ты казавъ? Може отакъ: Чортъ породывъ цапа, а цапъ—кацапа.

Записалъ въ с Лавахъ Сосн. у. 1896 г В. П Кошовый

281. Хохлу не давай объясняться.

Разъ одинъ панъ прыйхавъ у село. Винъ служивъ по штатськый, мабуть у губерніи. Отъ винъ позвавъ старосту и ше де кого, мабуть и пысара. Перегледивъ уси книжки, да такъ скоро, що я не вспивъ добре розгледиты, якый винъ. А потимъ якъ почавъ на йихъ гриматы за несправности по служби, декъ тилькы держысь! Вони почалы объясняться, особлыво пысаръ, и зовсимъ выплуталысь. Панъ усе слухавъ, слухавъ, а дали не втерпивъ, та й крыкнувъ: «Буде!—Хохлу не давай объясняться, а бый його прямо въ морду, декъ може забъешъ йому якъ небудь паморокы, а то якъ дасы йому объясняться, дасы йому молотъ, декъ винъ вымелеться. Отъ кацапъ декъ друге дило. Йому якъ можна бильше давай молотъ, декъ винъ самъ умелеться.»

Записаль въ с Лавахъ Сосницк у въ 1896 г. В П Копновий.

282. Не зрозумилы.

Бижыть лытвынъ встричъ нашому чоловику та й пытае:

— Нѣ найшовъ, мавъ, дядзька, кайстеръ, а въ кайсци вицоропень и ляпошка, сѣмъямъ примазана, а пасвистайломъ завъявана?

— Ни,—каже нашъ,—такого не бачывъ. Я й найшовъ, такъ же шаньку, а въ шаньци заецъ и паляныця, а завъязано пугою.

— Ну, ето, мавъ, нѣ майо.

М Веркiewка Нѣжинск у Е. Н Гаврилей.

283. Лытвыны помынають дидуивъ.

Бувъ нашъ у лытвынуивъ, зайшовъ винъ у одну хату, а тамъ дидуивъ помынають, и напоминались такъ, що вси въ покоть лежали, а въ хати—хочъ соқыру вишай. Нашъ спытавъ: «Що це у васъ таке?»—«Дзидуивъ паминали.»—«Скуилько жъ разивъ на рикъ помынають у васъ дидуивъ?»—«Юнъ у насъ адинъ етотъ праздникъ.»—«Ну, добре жъ, що одынъ,—якъ бы вамъ симъ разъ помынать, якъ у насъ, то вы бъ и небо закоптылы!»

М. Веркевка Нѣжинскаго уѣзда. Записаль Е Н Гаврилей

284. Цыганъ у манастыри.

Цыгану разъ трапылось буты въ манастыри. Бувъ винъ тамъ якъ разъ на масляну. Чы бувъ винъ у церкви, чы ни, а у трапезу пишовъ обидать. Сивъ,—колы жъ подають борщъ зъ свижою рыбою. «Смашный борщъ, думаетъ цыганъ, наче николы такого й не йивъ. Шкода, що моя стара такого не вмие варыты!» Дали подають жарену на масли рыбу. «Якъ йивъ я, миркуе, ййи на оли, декъ думавъ, що вже крашойи нема.» Потимъ якъ подады вареныкы,—оттоди вже винъ порався, наче въ останне найидався.—«Э, думаетъ, добре тутъ жыты, добры якы обиды,—тилькы чого се поросятыны нема, та й сало бъ не вадыло.» Спытавъ у послушныка: «Чого це нема поросятыны?» Послушныкъ йому одповивъ, що въ манастыри николи не бувае поросятыны. Цыганъ ставъ жалкувать, що жывуть у манасгыри безъ такого добра, якъ поросятына. «Пидожду до вечери,—якъ и вечера така добра буде, якъ обидъ, то може й не буде скушно безъ сала та поросятыны.» На вечеру булы блынцы. Цыганъ якъ зивъ йихъ штукъ десять, а мо й бильшъ, не

жалкувавъ вже и по поросятъни. Такъ цыганъ живъ днівъ зо тры.

— Гарно, братъ, у васъ годують,—каже вже винъ послушныку,—шкода, що мени треба на ярмалокъ.

Побувшы на ярмалку, изновъ цыганъ прийшовъ у манастырь. А тоди вже наступивъ першый тыждень посту. Утрапивъ якъ разъ на обидь. Дывыться, колы вже наче не таке на обиди. «Що за нечыста маты», каже самъ соби цыганъ «боршъ якыйсь, що наче й дома не йивъ. Изроду я не люблю оцихъ поганыхъ gryбивъ.» Нигде цыгану дитись,—голодъ не титка, треба йисты. Попойивъ борщу, жде ище якои небудь потравы; колы жъ дывыться, уси повставалы,—треба и йому голодному вставаты, бо тымъ борщемъ винъ не наився. Не вытерпивъ цыганъ, попытавъ у старого манаха: «Чого се такъ: якъ бувъ я тутъ днівъ изъ шистъ назадъ, декъ тоди що йилы, а теперь декъ не знать шо?»—«Кайся передъ Богомъ та молысь Йому, щобъ простывъ тоби грихы. Що це ты выгадавъ? Люде теперь Богу моляться, говиють, а ты задумавъ скоромне йисты. Ты жъ такы хрещеный! Чы, може, вашъ братъ цыганъ буває и нехрещеный?»—Мабуть хрещеный, одповидае цыганъ, тилькы мене пипъ якъ и хрестывъ, декъ не таке харамаркало, якъ ты.—Та й пишовъ. Пройшовшы геть одъ манастыря, цыганъ побачывъ, що били села чоловикъ на верьовци веде собаку. Поривнявшысь зъ тымъ чоловикомъ, цыганъ и спытавъ: «Куды це ты, братъ, собаку ведешъ?»—Веду до вербы вишаты, ледащо гусей давыть, а якъ гавкаты, декъ и на смихъ не гавкне.—«Нащо тоби, чоловиче, задаваты соби клопоту та працы, веде краще въ манастырь, декъ винъ тамъ и самъ здохне.»

Записалъ В. П. Кошевый въ с. Лавахъ, Сосницк у въ 1896 г

285. Цыганъ въ того свиту.

Несутъ люде ховаты мертвого та й плачуть. Зо-
стривається цыганъ:

— Чого вы плачете? Чы вы подурили?

— Покійныка несемо.

— А хлиба жъ йому положили?

— Ни.

— Ну, болячки жъ винъ тамъ голодный улежыть. Я
самъ бувъ на тому свити та кулыдку хлиба ззивъ, а
билшъ не було, такъ я й прыйшовъ назадъ.

Черниг у Записалъ Б. Д Гринченко

286. Обое кращи.

Прийшовъ разъ цыганъ до пана. Коло пана саме
стояла поросятына и сало. Панъ снидавъ. Цыганъ пыль-
но подывывсь на пана та й пытае: «Пане, а мени можна
йисты те, шо ты йисы?»—«Можна,—тільки те, шо тоби
краще, те й можна йисты,—якъ сало краще, декъ—сало,
а якъ поросятына, декъ—поросятыну.»

— Обое кращи,—одповидавъ цыганъ.

Записалъ въ с Лавахъ Сосницк у. въ 1896 г В П. Кошевыи.

287. Поповна за цыганомъ.

Въ Мигилевской губернии колись не вельми давно
живъ попъ въ селѣ Юрковичахъ. Енъ чоловѣкъ бувъ
вельми богаты, вевъ самъ себе въ чесности, и въ сего
попа була дочка одна, такая красавица, ласкова ле всѣхъ
людей. И батько вельми жалѣвъ, куплявъ ей хороше
уборы и содержавъ ей въ барскомъ состояни. И въ сего
попа були лошади вельми добрые. Вотъ цыганчукъ по-

чувъ, що попъ продае коня, поѣхавъ къ попу куплять того коня. Приѣхавъ у дворъ къ попу, а попъ саме въ темъ время бувъ на дворѣ. Цыганъ и каже: «Драстуйте, батюшко! Я чувъ, що вы продаете коня».

Попъ каже: «Да, я продаю коня. Що, ты купишь у мене коня?»

Цыганъ каже «Куплю. Покажѣть минѣ коня, я поглежу.»

Попъ загадавъ свойму челяднику вывести того коня, що енъ назначивъ его продать. Челядникъ скоро вивѣвъ коня изъ хлѣва. Цыганъ поглядѣвъ на коня, поволивъ его по двору и стали торговать за цѣну. Ажъ вотъ вишла и попова дочка изъ комнатъ туды, де цыганъ исъ попомъ торговались за коня. Цыганъ хотъ погано бувъ напрунутъ, да тоже парень акуратны, красивы. Вотъ попова дочка не вгадала, що се бувъ цыганъ, да тихѣнько и питае у челядника: «Що се таке за чоловікъ такъ плохо одѣтъ»? А челядникъ бувъ тоже парень шутливы и каже:—«А се екись паничъ купляе въ батюшки коня».

Баришне каже челяднику:—«Невже енъ таки бѣдны, що надѣвсе такъ плохо?»

А челядникъ каже:—«Нѣ, се енъ такъ, що у дорогу убиравсе кудась, дакъ затымъ и напрунувсе такъ бѣдно. Я его бачивъ разъ въ городи, дакъ енъ видно богаты».

Вотъ баришне сама соби подумала: если енъ богаты, то я бѣ за его и замужъ пошла—А цыгану тоже понаровиласе попова дочка, тоже подумавъ: вотъ екъ бы ена за мене замужъ пошла!

Такъ цыганъ съ попомъ не сышлись на цѣну та цыганъ пошовъ со двора до своихъ коней. А челядникъ поповъ пошовъ воротъ зачиняеть въ слѣдъ за цыганомъ да й каже: «Бачъ, еки ты цыганъ, що на тебе и баришне позавидувала».

Цыганъ каже: «Дакъ якъ ена на мене позавидувала?»

— А казала, екъ бы ты багаты, то ена бъ пошла бъ за тебе замужъ.

Такъ цыганъ тоды засмѣявсе да поѣхавъ домой въ свое шатры. Приѣхавъ въ шатры, вотъ батько и питае:

— А шо, -ка,—мой сынъ Сидоръ, не купивъ ты въ. попу коня?

— Коня не купивъ, а невѣстку тоби багату наглядъ въ

— Де ты наглядѣвъ? Може наглядѣвъ де въ Юрковичахъ мужички въ постолехъ?

Сидоръ каже: «Э, екъ бы то мужичку, а то попову дочку».

Стары цыганъ каже:—«Э, екъ бы я за тебе взявъ попову дочку, то и мы бъ забагатѣли».

Сидоръ каже: «Поѣдемъ исъ своими шатрами да попросимось у Юрковичахъ постоять у мужиковъ».

Такъ стары каже: «Поѣдьмо».

Собралисе ѣхать въ Юрковичи на житте. Приѣхали въ Юрковичи, выпросились тамъ у мужика недалеко одъ попу стоять изъ своими шатрами. Вотъ цыганчукъ и думает: попробую попитать де нибудь у поповой дочки, ги ена не пошла бъ за мене замужъ. Потомъ самъ собѣ каже: якъ же я буду знагъ, де ее поблчить? Потомъ каже собѣ мовчки: пойду я къ челяднику и распитаю, куды ена ходитъ въ проходку. Пошовъ разъ увечери питать икъ челяднику, куды баришне ходитъ въ проходку. Приходить до двора къ попу, ажъ поповъ челядникъ саме зачинавъ ворота: погъ съ попадею поѣхали къ попу въ другее село на гулянне. Вотъ цыганъ такъ шо уже бувъ немного знакомы съ челядникомъ, поздрастувались; вотъ цыганъ и питае у челядника «Кудась ты ѣздивъ, шо ворота зачинаешъ?»

Челядникъ отвѣчавъ: «Се жъ я своихъ половъ выправивъ на гулянне къ попу».

Вотъ цыганчукъ прибравсе хороше, пытае въ челядника: «А баришне дома?»

Челядникъ каже: «Дома».

— Ну, дакъ можно минѣ ити съ тобою погулять икъ вамъ?

Челядникъ каже: «Можно».

Цыганчукъ изъ челядникомъ пойшли въ поповы кухни и тамъ розговарують вдвохъ. Вотъ почула баришне, бѣжитъ скоро въ кухню посмотриѣтъ, хто розговоривавъ съ челядникомъ. Ввишла въ кухню, поглядѣла, ажъ у кухни бувъ тей паничъ, шо коня приѣжжавъ куплять.

Сказала: «Здрастуйте!»

И цыганъ отвѣтивъ тоже саме и ей ись почотностю. Цыганъ питае у баришне: «Де твой батько?»

Баришне отвѣчала:—«Батька мого нѣту дома».

— Ахъ, я хотѣвъ его побачить.

Баришне питае:—«На что онъ вамъ?»

— Де хочу коня купить у васъ.

Баришне опять понаровивсе цыганчукъ.

Ена каже:—«То можете обождать,—проходьте далей въ комлаты».

А цыгану се и надо. Цыганъ пройшовъ далей въ комлаты хорошо убранные, а челядникъ оставсе на кухнѣ. Цыганъ изъ баришнею довго гомонѣли то про все, а потомъ цыганъ начавъ баришню сватать. Вотъ баришне каже: «Якъ же минѣ за тебе ити замужъ? Я баришне, а ты цыганъ».—Потому, шо ена уже угадала, шо се бувъ цыганъ.

Цыганъ каже: «Ты баришне да за цыгана замужъ пѣйдешъ, и я буду тоды паномъ».

Баришне довго думала: шо на се цыгану сказать? Потомъ и каже: «Де, се правда. Мой батька багаты, а дѣтей у его нема больше, только я, то мы заступимо на се богаство, то и будутъ насъ люди звать панами».

Баришне подобѣшала ити за Сидора замужъ да

сказала: «Придешъ мене сватать, коли мой батько буде дома».

Сидоръ попросивъ хороше баришни, щобъ ена и тоды не отказувалась, екъ приде сватать ее сватами. Отправивсе цыганъ домовъ на свои шатры. Пришовъ домой и росказавъ усе своему батьку. Такъ стары цыганъ израдѣвъ и на другій день собрались цыгане и съ сватами сватать попову дочку. Взяли съ собою горѣлки и другихъ дорогихъ наливокъ, приходеть вечеромъ къ попу въ комлату, кладуть пирогъ на столъ и ставлеють горилку на столъ. Попъ не знавъ, на що цыганы при-несли горѣлку де пирогъ, питае у ихъ: «Ну, чего вы до мене пришли, цыганс?»

Цыганы съ насмѣшкою отговоривали: «Пришли, батюшка, до васъ коней мѣнять»

Батюшка каже: «Нѣ, я коньми не мѣняю. Вотъ за гроши купите, екъ хочете».

Потомъ цыганы начали заносить ему и про сваты, до попъ за се на ихъ такъ росердывсе и ставъ ихъ выганять изъ комлатъ. Ажъ идеть и баришне въ тую комлату, де були цыганскіе сваты, да й заговорила до цыганей: «Почемъ, папенька, знаете, ти пойду за цыгана, ти може и нѣ?»

Батюшка каже. «Хоть ты и согласна ити, да тебе не оддамъ за цыгана».

Баришне каже: «Не оддаси, то я и сама пойду».

Тоды батюшка пуше росердывсе на цыганей, при-звавъ своего челядника и вдвохъ выгнали цыгановъ изъ комлатъ. Пошли цыгане въ свои шатры ни съ чѣмъ. А баришне тоды батьку своему сказала такъ «Я теперь не могу жить на свѣтѣ безъ его».

Попъ и каже своей дочкѣ: «Якъ тебѣ за его ити замужъ, за цыгана?»

Ена каже: «Я баришне, а енъ цыганъ, а екъ пойду за его замужъ, то енъ тоды буде панъ».

Попъ думавъ-думавъ, что съ нею дѣлать? Но такъ якъ ена въ его одна дочка и енъ ее жалѣвъ, захотѣвъ угодить ей и сказавъ: «Дѣлай, дочко, якъ хочешъ,—иди и за цыгана замужь».

Черезъ нѣскольکو время наказуетъ баришне цыгану, щобъ енъ приходивъ ее сватать. Цыгане порадились мѣжду собою и пошли опять сватать баришню. Приходитъ цыгане къ попу сватать баришни, то попъ хотъ и ненавидѣвъ ихъ, да уже не споривъ.

Вотъ такъ попъ отдавъ свою дочку за цыгана и одгуляли веселле. Перевезли цыгане баришню въ свои шатри и навезли много разного багаства. Баришнѣ сперва показалось жить у цыганей весма худо, потому що у цыганей не було пищи такое, якъ ена ѣла у батька у своего. И сперва цыгане не посылали поповой дочки на селы просить хлѣба и обманывать людей. Живеть барине въ цыганскихъ шатрахъ и само съ себе удивляется: «Якъ се могло случитъсе, що я пошла за цыгана и живу въ цыганскихъ шатрахъ? Нема минѣ такихъ привелегій, якъ у батька були, ни саду нема, ни земли своей, некуда и въ проходку ходить.» Разъ барине надумалась: «Пойду я до батька погулять по его садахъ». И пошла.

Приходитъ барине къ батьку въ цыганскомъ убрани. Попъ якъ зирнувъ на свою дочку, ажъ ена убралась по цыганскому, такъ тоды не придумавъ, что ей сказать, такъ ему жалко вдѣлалось. Потомъ якъ нибудь попъ самъ соби розсовѣтувавъ и не ставъ журица по свое дочцѣ. Вотъ и розговориласе баришне съ своею маткою кой про шо, дакъ попада и питае у своей дочки: «Якъ тобѣ, моя донько, жить показалось у цыганей?»

А ена отвѣчала: «Весма плохо, матушко».

Дакъ попада тоды каже своей дочцѣ: «Э, моя донько, се ще тольки цвѣтъ, а ягоды будутъ. Се ены лѣ тебе исперва трохи луччей обходяца, а вось нехай поживешъ ище, то табѣ ище и похуже».

Погуляла барине у свого батька и пошла опять въ цыганскіе шатры. Приходить въ шатры. Старые цыганки поприходили изъ селъ, принесли всего: и хлѣба, и муки у вузлахъ, и бульбы, и другихъ разныхъ овощей. Вотъ молодой цыганчукъ и поповой дочки мужъ и каже на баришню,—звали ее Мотра—«Погледи ко, Мотры, екого добра принесли наши цыганки изъ села. Щобъ и ты вже ишла изъ цыганками на селы просить хлѣба и разно обманывать людей, ворожить на карты и разно дурить людей».

Мотра и каже своему чоловіку: «Якъ минѣ просить, що я буду соромеца людей, потому що мене люде знаютъ, що я попова дочка?»

Вотъ цыганчукъ подумавъ, що ена и въ самомъ дѣлѣ не поиде на селы обманывать людей. Разъ каже своему батьку, старому цыгану: «Знаешъ що, тато, поѣдемъ мы далеко изъ сего мѣста жить».

Старый цыганъ питае: «Чого намъ ѣхать оттюля? Намъ же и тутъ добре жить».

— Да жить то добре, да моя жена соромеца ити на селы просить хлѣба и обманывать, потому що ее уси люди знаютъ, що ена попова дочка.

— Добре, мой сынъ, поѣхать то намъ можно въ другую сторону жить, да такъ, щобъ не знала твоя жена, коли будемъ собираца ѣхать, а ена буде искучать по своихъ родныхъ.

Вотъ дождали цыгане Покровы и стали собираца ѣхать въ другую сторону жить. Мотра и питае въ свого чоловіка: «Куда се вы собираетесь ѣхать?»

А цыганчукъ и каже своей жонцы: «Се мы поѣдемъ на ярмалку».

Собралисе цыгане совсимъ исъ усею своею худобою и сѣла баришне на цыганскіе возы и поѣхали кудась далѣ жить. Приѣхали цыгане на мѣсто, де думали жить. Вотъ дождали недѣли, и цыганки собираютца ити

на селы обманувать людей, а поповска дочка ничего и не думаетъ объ томъ, щобъ ей ити на селы съ цыганками. Цыганчукъ и каже своей жонцы: «Ну, а ты, Мотре, чого будешъ седѣть на шатрахъ?»

Такъ барине подумаетъ-подумаетъ: якъ минѣ просить? Да потомъ надумалася: пойду и я изъ цыганками; видно уже такъ: залетѣвши въ вороны, то треба и кричать по воронечи. И пошла Мотра вмѣстѣ съ старыми цыганками на села просить хлѣба и обманувать людей по цыганскому. Вотъ пришли ены въ село. Ихъ було три цыганки съ поповою дочкою. Вотъ поладилисе помежду собою такъ: старая цыганка сама по одномъ боку, а попова дочка да ище одна—по другому боку села. Вотъ уже приходица Мотри ити въ хату просить чого нибудь да ще только въ первы разъ. Дакъ ей такъ було стыдно, що ена ажъ заплакала. Вотъ вошли ены въ первую хату къ людямъ. Вотъ цыганка и умѣе уже якъ що говорить. Сейчасъ и каже: «Добридень, людечки вамъ, ти живи вы ще?»

А люди отвѣчаютъ: «Здоровъ! А живы ще, будьте вы неладны, бисовы цыгане! Хыба се мы васъ не бачили сегодня? Вашихъ братчиковъ уже перебуло въ насъ душъ десеть».

Цыганка каже: «Дарма, мои дорогенькіе, нехай вамъ Богъ дае щасте и въ поли, и въ доми».

Старая баба седечи на печи екъ закричить: «Пойды икъ бѣсу, пранцовата цыганка, се видно тая, що у насъ ножъ украла».

Цыганка каже: «Цыть, подожди, бабка! Не кричи, я тобѣ поворожу, ти ты ще будешъ довго жить на свѣти».

Баба ще хуже росердилась на цыганку, а попова дочка и стоитъ соби лѣ печи, ни слова не говорить, бо ей стало жалко и стыдно. Вотъ молода молодица одрѣзала хлѣба по куску, дала цыганцѣ одинъ кусокъ,

а други дае поповои дочцѣ. Вотъ Мотра бере хлѣбъ и слезы у ей на вочахъ стоять. Цыганка ще стала просить бульбы:—«Дай, моя молодочка, хоть бульбинко мойму Сидорку на булдочку».—У ее бувъ малы хлопчикъ Сидоръ.

Молодица каже: «Иды ты къ бѣсу, дурсовѣтка ты!»

Цыганка каже: «Нѣ, моя донечко, я не дурсовѣтка. Осѣ давай я тобѣ поворожу про все, кину на карты».

Молодица каже: «Да пойди ты прочѣ, невдобна ты, щобъ угадала про все. Може й ты такъ угадаешъ, якъ минѣ одна ворожила, колись, ище якъ я була у дѣвкахъ?»

Цыганка питае:—«А якъ тобѣ ворожила у дѣвкахъ?»

— А минѣ казала колись цыганка, що екъ пойду я замужъ, то буду щаслива и багата, ажъ отъ ека багата, що въ свѣты день и напренутъ нечего.

Цыганка каже: «Нѣ, моя дорогенька, я все по правди скажу, я дурить не хочу добрыхъ людей».

Молодица дала цыганцы бульбы трохи, ена ей поворожила кой про що и пошли. Цыганка подякувала: «Спасибо тоби, моя доненько!»

Пошли исъ хаты, вышли на дворъ, вотъ цыганка и каже поповой дочцѣ: «Ты жъ чого не просишъ? Се хиба я и за тебе буду просить? Пора и тобѣ забуваться на поповскіе вѣхи,—проси вже ты, екъ увойдемъ въ другую хату.»

Увишли цыганки и въ другу хату. Цыганка опять поздравила людей по свойму обичаю, а попова дочка опять ничего не каже. Цыганка начала просить: «Подарѣть насъ, мои любенькіе и щасливенькіе!»

Хазяйка встала съ лавки и дала имъ по куску хлѣба. Цыганка ище просить: «И соли дай, моя щасливенька, и сала кусочокъ на затовочку ле борщика.»

Хазяйка и каже: «Идить, негодни, исъ хаты! Ще тоби и сала хочеца, гуляючи. Мы и дѣло работаемъ, да и то сала николи и въ вочи не бачимъ.»

Цыганки пошли далѣй, обходили село и идутъ домой. Пришли въ шатры и начали вытрушувать изъ кайстерь, шо хто выпросивъ. У старои цыганки то сало, то бульба, усе ена напросила, и въ другой цыганки, у малой, тоже самое—всего напросила. Вотъ цыганчукъ, поповой дочки чоловѣкъ, и каже своей жонки: «А нужъ ко, вытрушуй и ты свою кайстру! Чого ты зажуриласе?»

Мотра вытрусила свою кайстру, ажъ у сее цыганки Мотры кромѣ хлѣба не було ничего въ кайстры ни сала и ни бульбы—ничого ничогенечко, кромѣ хлѣба. Вотъ цыганчукъ тоды и каже: «Се жъ мы съ тобою съ голоду пропадемъ, екъ ты будешъ такъ приносить изъ села».

На другой день рано чуть свѣтъ цыганки встають и собираюца опять ити на села обдурувать людей, а попова дочка еще спала и ничего не думала про се. Вотъ цыганчукъ екъ закричить на ея: «Вставай ты, колодка! Уже онъ свекруха и етровка собираюца ити на селы, а ты все спишь!»

Мотры нечего дѣлать, встала и пошла съ цыганками не вмываючись, не втыраючись на селы. Походили ены на селахъ и ввечери опять приходятъ на шатры. Цыганки изновъ вытрушуютъ свои кайстры и опять принесли всего тимало, а попова дочка, кромѣ хлѣба, опять не принесла нечего. Вотъ цыганчукъ уже и росердывсе на свою жонку, потому шо вже и батько на его сердица, шо его жонка ничего не приносить, кромѣ хлѣба.

Вотъ полегли цыгане спать. Вотъ всѣ цыгане спять и цыганки, и дѣти спять, а поповска дочка исъ своимъ мужемъ не спять. Ена все цыганчука перезывала, щобъ ѣхать жить вдвоихъ къ ея батьку попу. Но цыганчукъ хоть молодой бувъ чоловѣкъ, а хитры. Подумае: екъ поѣду я съ Мотрою къ тестю на житте, то и менѣ буде такъ

худо жить съ попами, екъ моей жонкѣ съ цыганами. А цыганчукъ ее тоже вучить, якъ просить що нибудь у людей.

И весьма довго поповска дочка бичоваласе съ цыганами по шатрахъ, а дали разъ ена надумаласе: подожди, я напишу своему батьку письмо, щобъ пріѣхавъ коли нибудь по мене. Разъ ена ходила по селу съ цыганками, вотъ ена зайшла къ жидамъ, купила бумаги, чорнила и написала письмо своему батьку, щобъ енъ пріѣхавъ по ее. Вотъ черезъ нѣсколько дней получилъ попъ письмо и прочитавъ его и розказавъ матушцѣ, що въ писмѣ було написано, то имъ обомъ такъ жалко стало свое дочки, що ажъ заплакали. Вотъ попъ черезъ нѣсколько время пославъ свого челядника де ще одного чоловѣка на пары конехъ ѣхать по его дочку. Вотъ сіе посланы поѣхали въ неизвѣсное мѣсто по попову дочку. Кое какъ допитались ены про те село, де стояли цыгане. Остановилисе ены въ селѣ, думаютъ, якъ бы подать письмо поповой дочцѣ, а потомъ попросили того хазяина, що стояли въ его на кватери; сказали хазяину: «Передайте пожалуста оте письмо поповни, що за цыганомъ замужемъ, де такъ, щобъ и цыгане не бачили».

Вотъ хазяинъ теѣ взявъ письмо и понесъ на цыганскіе шатры. Приходить на шатры, ажъ Мотры нема на шатрахъ. Вотъ такъ розговоруе съ цыганами про все, а про письмо имъ не каже. Ажъ отъ черезъ нѣсколько время приходитъ и попова дочка. Вотъ теѣ чоловѣкъ передавъ письмо поповой дочцѣ и пошовъ обратно додому. Поповна думаетъ: якъ же бъ минѣ прочитать письмо, щобъ никто не побачивъ. На другое утро старѣйшіе цыганки стали супъ варить, то що, а молодую цыганку, поповску дочку, послали по воду. Вотъ ена пошла по воду и прочитала письмо, ажъ у писмѣ було написано, щобъ ена собираласе ѣхать додому. Вотъ попова дочка начала собираца додому и думаетъ: якъ же минѣ пойти отъ цыганей, щобъ ены не

побачили? Вотъ на третій день по полученію писма ише вельмы рано, всѣ цыгане спали, напрунула цыганка, попова дочка, еку луччу одержу и взяла свое кой еке добро и пошла въ те село, де були извожчики. Приходить попова дочка въ село, допиталась, де були извожчики. Вотъ поповъ челядникъ. Запресли скоро пару лошадей, поскладались все, що було въ поповой дочкѣ и поѣхали додому.

Вотъ приѣхала попова дочка на свою родину въ поповскіе комлаты. Батько ее такъ срадувавсе, що ажъ заплакавъ.

Вотъ подставали цыгане, начали супъ варить; вотъ стара цыганка екъ закричить на попову дочку, ей баца, що ена ще спить: «Пора тобѣ вставать! Се ты видно забуваешсе, що ты на цыганскихъ шатрахъ. Тобѣ видно баца, що ты въ поповскихъ комлатахъ. Уставай де иди по воду!»

Ажъ ее уже давно нема въ шатрѣ. Разглядѣлисе цыгане, ажъ поповской дочки нема. Вотъ ены тоды скидались шукать. Пошукали близъ шатра, ажъ ее нема. Старый цыганъ и каже: «Не шукайте ее, ена вже видно утѣпиласе».

Записалъ Яковъ Бондаренко, крестьянинъ с Деревини Городницкаго у. Сообщилъ В Т Андриевскій.

288. Жыдѣ-выхрестѣ.

У одного выхреста жыда родывся сынъ. Пойхавъ винъ до попа, щобъ охрестыты. За це пипъ просе карбованця.

— Якъ такы мозна, батюска, карбованця?.. Азде зъ якъ вы Моску хрестылы, то взяли карбованця; сцо тому зъ десять годъ, а цей вдесятеро менщый, то за його десять копійокъ.

Х.

Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Богданъ та Юрій Хмільныцьки.

— Се Хмільныцького гора *), на йій и замокъ його бувъ.

— Що жъ то за Хмільныцький?

— А хто його знає: князь, чы панъ якийсь. Винъ церкву у Суботови поставывъ, а сынъ його верхъ избывъ; пишовъ на батька да зъ нашойи горы и почавъ палыть. Бувъ бы чысто усю побывъ; такъ уже старшый бачыть, шо лыхо, та зъ йимъ и погодывся.

Г. Чигиринъ Кіевск. губ Записаль М Александровичъ Изъ брошюры М. Александровича «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно» (Черниговъ, 1860)

290. В. Хмільныцькый та король.

— Ніякыхъ гайдамакивъ я не зазнаю. Булы, кажуть, колысь, та давно. Отъ москали, такъ тійи жыда заризалы и корову укралы да за горою и облупылы, а жыдивка ледви утикла.

*) Чигиринъ расположенъ на мысѣ, образуемомъ Тясминою и болотами, предѣломъ его съ сухого пути служитъ Чигиринская гора. На ней прежде стоялъ замокъ и, командуя городомъ и окрестною мѣстностью, дѣлалъ Чигиринъ сильно укрѣпленнымъ пунктомъ. Объ этой горѣ идетъ рѣчь въ настоящемъ разказѣ *Обласкения записувателя*

Я не сталъ разспрашивать, зачѣмъ москали сдѣлали такую глупость, и навелъ розговоръ на прежнюю тему.

— Ни, сього ничего не знаю,—отвѣчалъ онъ,—а кажутъ, що якъ була война, то якыйсь Хмильницькый збунтовавъ и довго шкоду робывъ, одначе не втикъ; (де вже втикты!) Отъ и привели його до короля; винъ навколяшки и впавъ, а король и каже:

— Ой, Хмилю, Хмилю! Высоко ты вывся, а нызько стелесся!—Та й помылувавъ його.

Съ того часу Хмильницькый покаявся, вже годи турбоватьсь, осадывъ село коло Чыгырна, церкву збудовавъ да тамъ и вмеръ. Бачывъ я людей съ Чыгырна, такъ кажутъ, що й доси видно те мисце, де його замокъ бувъ, а церква цила стойить.

Г. Каневъ Кіевской губ. Записалъ М Александровичъ Оттуда-же

291. Про Хмильницькихъ. Про Мамаю.

Старшый Хмильницькый зъ ляхами бився и вельмы багато грошей у церкви (отъ у сій) поховавъ; а сынъ його не въ батька бувъ, ополячывсь, побусурманывсь да и прыйшовъ пидъ Суботово да зъ горы Валкы збывъ вежу, що на церкви була, одначе грошей не досягъ. За те винъ и доси сновыгае по гаяхъ да байракахъ, гадюка ссе його сердце.

— Хыба то все одно, що пополячытысь, що побусурманытысь?

— Воно не одно, та, бачте, ляхы тоди укупи зъ татарами воювали. А се вже чы не писля Хмильницького було, якъ прыйхавъ у Суботово Мамай зъ запорозцями и ляхамъ багато шкоды наробывъ. Тутъ у лиси неподалечку е дубъ невысокый да рясный, Мамаемъ зветься. Кажуть, що буцимъ то Мамай на йому казанъ вишавъ, да якъ задзвонить, то його хлопци и бижать. А инши

кажуть, що черезъ те, що и Мамай бувъ нызькый, та дужый, якъ той дубъ.

С Суботово Чигиринск у Киевской губ Записаль М. Александровичъ отъ крестьянина, владѣвшего въ то время усадьбой Хмельницкаго Оттуда-же

292. Орда въ Ведмедивци.

— Якъ я родывсь, то вже той замокъ *) бувъ, тилко пали були товщи. Колысь прыйшла Орда, спалыла мисто, а люде позбигалысь у замокъ. Довго думалы татары, якъ бы добути його; пиймалы якогось ляха,—забувъ уже якъ винъ прозывався,—и обищали йому грошей, щобъ винъ одчынивъ хвиртку, що була надъ ставомъ **). Винъ и одчынивъ, вони вночы и влизлы. А тамъ у замку була попада. Вона якъ почувла, що татарва у замку, то вхопыла шаблю и була бѣ не пустыла татаръ, да ништо йй пидмогы не давъ; вона втомылась, такъ ййи и зарубалы.

С Медвѣдовка Киевской губ М. Александровичъ отъ старика лѣтъ семидесяти Оттуда-же

293. Про Палія.

Йо, знавъ я колысь хорошу писню про Семена Палія,—да забувся, усе позабувавъ... Колысь було стари люде и спивають, и росказують про козацьке лыцарство, а теперь и не почувешъ,—хыба часомъ, да дуже ридко. Десь воно такъ за панамы, що боронылы перше, чы що?

*) Замокъ этотъ—пространство окопанное рвомъ и обнесенное полисадомъ при вѣздѣ въ с Медвѣдовку Въ 1858 г онъ былъ еще почти въ цѣлости *Обьясненіе записывателя.*

**) Задней стороны замокъ прилегаетъ къ пруду *То-же.*

Отто и про Палія то колись то я чувъ, казали одъ чого то пишло, що його прозвано Паліємъ.

Ось слухайте лышень, я роскажу, що ще пам'ятаю, а то забудьсь багацько.

Якъ завивсь винъ зъ Мазепою, то це вже послаи, а першъ слухайте.

Разъ зъ рушницею бувъ Семень на полюванні. Коля гляне,—ажъ на берези рички, на скели, чортъ грається. Семень пидійшовъ до його бльжче, а той и почны зъ Семена кривытыся та драгуватыся. Отъ Семень нацильвъ на його да й стрельвъ,—зъ нечыстого тилькы полум'я бльснуло, а винъ самъ такъ и розльвсь по скели смолю. Одъ того часу й почалы уже Семена зваты Паліємъ,—бо чорта, бачъ, спальвъ.

— Ну, а чого жъ винъ зъ Мазепою завився?

— Про тее у насъ писню спивалы, дакъ забудься писню, а такъ роскажу.

Отто, вважаєте, воювавъ Палій, воювавъ, а дали гуляты почавъ; до воювання винъ добрый бувъ, да й коло чаркы маху було не дасть. Дакъ уже такъ загулявъ, такъ загулявъ, що килькы у його було сриблязлота, такъ усе тее збувъ, гуляючи да частуючы мыръ хрещеный. А дали й до того дійшло, що гуляты ни-защо. Що тутъ робыты? Заставляе винъ у жыда Мошка свою сыву кобылу. А що то за сыва тая кобыла була,—кохавъ винъ ййи надъ усе.

Довидався Мазепа, що Семень не мечемъ, а чаркою побрязкуе, ажъ зрадивъ, бо никого не боявся винъ, якъ того Семена Палія. Отъ Мазепа й забунтовавъ тоди проы царыци.

— Проты якои царыци?

— Да вже жъ не проты якои, якъ проты Катерыны. Шле тоди царыця висько на Мазепу. А винъ висько побыває, генераливъ у полонъ забирае. Шо тутъ робыты? А Потьомка ййи и каже:

— Не вправытыся намъ зъ Мазепою—хыба Палій по-
доливъ бы його, а мы—ни.

Шле цариця за Паліємъ на Украйину. Шукалы його,
шукалы, насылу найшлы у корчми п'яного. Выслухавъ
винъ, чого хтятъ одъ його, шобъ то до царицы у Петер-
бургъ йихавъ. Отто сивъ винъ изъ тымы посланцями
да й пойхавъ.

Прыйиздыть до царицы, а вона йому каже:

— Таке й таке дило. Поможы, голубчыку!

А сама такъ уже йому кланяється.

— Ну, гараздъ, каже, дайте жъ мени коня доброго,
бо у мене й коня нема уже.

Прыводять йому коня. Винъ выйшовъ, глянувъ на
коня—кинъ задрижавъ; узявъ коня за гриву,—кинъ за-
мертво упавъ.

Звелила цариця, шобъ привелы коня що есть най-
кращый зъ усихъ коней самойи царицы. Прыводять. А
кинъ то тамъ такой, що й не сказаты: ведуть його
штыри чоловики, а винъ ирже да выбрыкуе. Пидійшовъ
Палій до того коня, а винъ и уши опустывъ,—стойить якъ
укопаний. Поклавъ винъ йому руку на гриву, а кинъ
такъ и упавъ на вси штыри ноги.

— Ни на чимъ йихаты,—каже Палій,—а пишки не йду.

— Охъ, голубчыку!—якъ заголосыть цариця,—що во-
ля твоя—усе тоби дамъ, пивъ царства тоби оддилю,—
утихомырь тилькы мени того клятого Мазепу.

— Ну, гараздъ,—каже,—нехай же идуть до жыда
Мошка да выкуплять у його мою сыву кобылу.

Послала цариця до Мошка, привелы тую сывую
кобылу. А кобыла та така мизерна, що сами кисткы да
шкура. Якъ сивъ же на ейи Палій, якъ стрепенеться во-
на, якъ заграе лидъ нымъ—такъ и понесла його по-пидъ
лисамы, по-пидъ облакамы, по-пидъ хмарамаы. Прылетѣлы
воны ажъ до поля, де Мазепа сгоявъ зъ виськомъ. Дож-
дався Палій ночи, взявъ свого спыса да й устромывъ

коло самого намету Мазепыного, а до спыса да ще й короговъ свою привязавъ. Прочынае вранци Мазепа да якъ глянувъ на корогву Палеву, да ажъ зблидъ.

— Эхъ, — каже, — лыхо! Тутъ Палій бувъ, отсе и корогва його. Теперъ ничого не вдіешъ, бо Палій уже лыбонь пыты-гуляты переставъ.

Тоди вже то и годи воюваты, пишовъ винъ на замырення зъ царницею.

— Ну, а Палій же що?

— Що? Що жъ йому? Мазепу смыривъ да й по-йхавъ соби до Мошка, або що.

Отъ мельника Уласа въ с Городищахъ на Роси, версть 15 выше
Бѣлой Церкви Запись неизвѣстно чья

294. Мазепына хрещеныця.

Стоявъ разъ коло Мазепыного дому часовый; пид-ходить до його якась жинка и такъ жалосливо почала просыть, щобъ винъ давъ йй свій хрестъ.

Часовый, чы злякався, чы такъ чому, тилькы хреста йй не давъ, и та жинка черезъ кожни симъ рокивъ зновъ пыходыть на землю и усе просыть хреста. Се, кажуть, Мазепына хрещеныця.

С Выбли Черниг. у Записалъ М. Шульга. Сообшила М С.
Чудновская

295. Гайдамакы.

Въ той часъ въ Лытви, трохи ты не въ Виленській губерніи, бувъ атаманъ кашавый—той, шо державъ Сичъ Запорозьку. Вынъ ихъ,—своихъ хлопцивъ—к-атеромъ па Днепру зновъ у Сичъ провадывъ; ы въ той часъ зновъ вылазыть на берегъ у Мальгавахъ; ы выла-

зыть вынъ,—а у насъ диты валы паслы; ы вынъ вылизшы нзъ катера ы пытае:

— Хадить, диты, сюды! Нате вамъ па шагу!

Дакъ катри дурны—утиклы, а катори розумнишы—прыйшлы. Ы пыта вынъ, у котрого батько, у котрого матка е; а въ насъ сырота була—Гордй Саповычъ; ы говорыть на його:

— А пры кымъ ты живешъ?

— Пры тютци.

— А паидьмо,—каже,—за мною.

— Якъ ихать, пане, дакъ ы паиду: мыни ы тутъ худо жыть, ы тутъ ровно служу!

А кашавый атаманъ лацынныкъ бувъ,—що яго нычого ны вызьме, ны куля, ны шо. Ы говорыть:

— Будешъ ты такимъ паномъ, якъ я!

Вынъ ы наахотывсь. Той часъ йому веливъ одежу дать ы зъ собою взять; а тую адежу тютци обратно атдать, ы тютци бумагу пысать, що такый узавъ ы не сподятыся яго! Ы вынъ праслужывъ тамечкы семнадцать гадуывъ; ы письма вывчывъ, ы лыцыны всякои вывчывъ... Идутъ катыромъ па ахоти; ы намирывся другый стрелять; а лукавыи заступае,—де утва седила, тамъ на лапкы ы зопьявсь; дакъ вынъ, сыдячы на корми—Гордй Саповычъ,—що узятый выдсиль,—да й усмихнувсь...

Ы теперечкы на счотъ то уремя було у кашавого атамана тры такыхъ хлопшивъ прегарныхъ; ы кашавый атаманъ ставъ помирать, ы зыбравъ увесь свй кишъ, ы въ його тры лацынныкы було первыи бувъ *Горди Саповычъ*, другыи—*Бондаренко*, що Чернобыль воювавъ, що ляхамы гребли гатывъ, третий бувъ *Рацьовъ*. Теперечкы вынъ кишъ изобравъ ы говорыть.

— Ну, ребята! Кто буде въ насъ кашавый атаманъ?

Тон говорыгъ:

— Б,де Рацьовъ!

А другыи

— Бондаренко.

А кашавый атаманъ сказавъ, що буде Гордій Саповычъ, що вынъ буильше мене знае, що усмихнувся, издячы на ахоту.

Ну, теперечкы кашавымъ атаманомъ ы остановылы Гордія Саповыча. Паслужывъ вынъ саби симъ летъ ы тымъ часомъ не захотивъ тамъ служыть: нажывъ соби тамъ, що Богъ йому давъ, або шо,—не захативъ служыть! Выйшовъ у сваю господу. У насъ тутъ е Чумакова Гряда, де тутъ вынъ живъ ы усе... А Рацьовъ чумакъ хотивъ чумаковать, тридцять возивъ мавъ, самъ мазавъ ы въ трое сутокъ тры часы спавъ. А Бондаренко забравъ соби хлопцивъ ы пишовъ у Полщу Ляхувъ ы жыдуувъ розбывать.

Гордій Саповычъ бувъ ахотныкъ; пашовъ за ахотою, а тымъ часомъ узято яго жуынку: Татары узылы ы зъ жинкою узылы дочку старшу ы сына меншого ы везуть: ы тутъ протывъ Ковалевого города ы Дуба, въ урочищи Маставымъ везуть, а вона галосыть

— Горди Саповычъ! А ты казавъ, що ты лацынныкъ, а намъ теперь прыйшлось прапасты зъ дитьмы.

Дакъ вынъ якъ стельвъ з-за Дуба—потому, шо вынъ лацынныкъ бувъ такыи—да напустывъ на ихъ шуму, москалювъ,—ы вони напужалысь, ы вси у текы пошлы; той часъ вынъ атбывъ свою жуынку ы диты привизъ дадому. Диты перелякалысь обойко ы померлы. Вынъ поклавъ на ихъ дорогоценны уряды,—одъ того, шо вынъ дуже багатый бувъ. Люде ы сказали:

— Не кладите дорогыхъ нарядивъ! Вашымъ дитямъ не буде спокою! Хтось небудь одкопае!

Вынъ палаживъ каминня, ы то каминня хто бере выдтиль пидъ поригъ на ступенькы,—семъя обнедужае. Теперь той каминь укочуть, було, хлопци у воду, а вынъ выкотычься на землю ы на тымъ мисци зновъ буде лежать. А теперь Богъ його зна, лита перейшлы не можемъ знать симы часамы, а ще литъ за десять бачылы—

Марусы (у насъ были такія люди; вони пашлы на слободы у Карсунську губернію)—тіи брали камень: дакъ обнедужае семъя, дакъ вызьмутъ ы одвезуть обратно назадъ.

Бондаренко—шо йому зробить— выйшовшы зъ нимъ втрюхъ,—набравъ хлопцівъ ы пишовъ просто до Ходкевича, а Ходкевичъ гусары має. А Бондаренко хадывъ на польскы, усе копався по малности: хто до мене прыстае, на того куля не йметь, ни шо такее! Ўсю Чернобыльщину глумить. Ходкевичовы гусары понасыпали у чоботы земли ы прысягли: на чый земли стоимо, тому будемъ Богу ы вировать!—Ы ходылы зъ Бондаренкомъ два года. На третій покумовався вынъ у Чернобыли изъ кумомъ; той говорыть:

— Їзложитесь мыни, щобъ я мавъ яго угостыть, кума!

Ы вынъ яго угостывъ; дакъ Бондаренко сказавъ:

— Хлопци! куды угодно! хто шо нападе, то й ваше!

А гусары зрадылысь—нарада ихъ у те була давня—пистолы, шаблы, мечы поодбиралы. Поодбиралы мечы—прокынетесь вынъ, ажъ беда. Теперь ти прыбигають—одынъ иднымъ—а ихъ повъязалы, а котори на втыкы, шо бачуть—не сыла: у самого кашавого атамана орудіе адыбрали. Вынъ и гаворыть:

— Куме мый, Галаганду! Збавы ты мене наглою смертю!

Ы тымъ часомъ смертю яго адынадцать сутокъ мучылы, а на дванадцаты одъ цырыци прышло: шо не можете такого лацынныка збавыть! Дакъ вынъ самъ соби смерти пожелавъ; пославъ у поле найты, де той прыпилокъ, шо земля йде, шо орють—зриже землю:

— Отимъ мыни горло одпыляйте, а то ни чымъ мене—ны секырою, ни мечемъ, не зрубите,—тылько сынякъ зробыте, шо зобъете мене крпико.

Рацьовъ чумаць на 30 возоувъ хадывъ, самъ и воzy мававъ, ы волы пасъ, ы запрягавъ. Ы хадылы за нимъ гайдамакы: ы яго колеи знать кого Сапоновой Гуты,

де його вбыто; той закопавъ коло Мельниковыхъ Вылокъ три возы зализа ы кожу грошей.

Бондаренко бувъ чаловикъ-лацынникъ, а у Якыменка хороша була жууника, дакъ вынъ гнавъ Якыменка (ше не вбимшы, быть:)

Ой пойхавъ Якыменко до млына зъ возамы;
За нымъ, за нымъ Бондаренко густыми лозамы.
Ой ы погнавъ Якыменка по зеленымъ лузи—
Стала жъ його голывонька въ пъянимъ выди й въ тузи.

—Ой одпрягай, Якыменко, сывую кобылу!

—Ой не 'дпряжу, Бондаренко, хочъ самъ тутъ загну!—

Ой ы побигъ Якыменко да въ лись утекаты,
Зачепывся за колоду да ставъ помираты.

Прылетила возуленька да стала коваты:

—«Ой Якыме, Якыменко! Може ты хочешъ йисты?»—

—Леты, леты, возуленько, давай маткы віесты!—

Прылетила возуленька, сила на воротахъ;

Выйшла жъ яго матусенька въ червонныхъ чоботяхъ...

С. Сорокошичи Остерск. у (?) Черниг г. Записалъ А. М въ 1853 г.

296. Гайдамакы у Каневи.

Ото вже було дуже давно, ще мій батько бувъ хлопцемъ, якъ тїи гайдамакы прийшли у Каневъ, усе мисто спалылы чысто и церкву гречеську, що стояла отъ на щїй гори,—ненарошне.

А то якъ було прыйдуть до якого чоловика, то й кажуть заразь:

— Веды насъ до жыда або до пана, у якого грошей багато.

А якъ хто скаже, що не знаю, то приставить пиштолетъ або рушныцю та й выпалыть; багато ляхивъ и жыдивъ пропало! А якъ повыбывалы усихъ, мисто

чысто спалылы, тоди зибралы мужыкывъ та й дали имъ грошей може рубливъ съ тысячу та й кажутъ:

— Пославте отуть, де мы жыдивъ и ляживъ побылы, крестъ!

Такъ люде и поставылы, и стоявъ той крестъ ажъ до велькойи пожежи *). Довго тѣи гайдамакы блукалы коло Канева, ажъ помы прыйшлы съ того боку гетьманци и привезлы съ собою чотыри пушкы; тоди гайдамакы втикать, и ось тутъ, може верстовъ пъять буде, у лиси окопалысь и былысь зъ гетьманцями и чоловика може съ чотыри вбылы, а дали въ распорошку пышлы да по лисахъ и поховалысь.

Тѣи гайдамакы таки булы характерныкы, що якъ хто въ його зъ рушныци выпалыть, то винъ тому чоловику кулю назадъ и кыне: «На тоби, може ще згодыть-ся!» А иншы то й рушныцю заговорыть, такъ що той чоловикъ вже до вику не стрелятыме.

Булы у ныхъ сотныкы и атаманы, а надъ усимы бувъ Хмильныцькый, полковныкомъ прозывався, и довго зъ нымъ гулявъ. Якъ було спытають гайдамака, хто вашъ батько, то винъ и каже:

— Хмильныцькый, — мы уси Хмильныцького козаки.

А писля той Хмильныцькый осадывъ слободу въ Херсонській губерніи на ричци Ягорлыци, и багато у його людей було.

Г Каневъ Киевск губ М Александровичъ, отъ глубокаго старика Алексѣя Гребенника. Изъ брошюры «Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно» (Черниговъ, 1860)

297. Золота грамота.

Отъ зъ чого почалась та гайдамаччына. Ляхы пановалы и дерлы народъ, а ченцямъ и промытои воды

*) Пожаръ былъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ 1818 г. *Прим. запис.*

не було. Запорозци якось и прихалы до Мыколаевського монастыря на прощу. Ченци жъ и кажуть имъ:

— Поможить намъ, бо ляхы скоро зъ насъ и шкуру здеруть!

Запорожци жъ кажуть:

— Якъ намъ цариця Катерына дасть позволеніе, то и лядського духу въ Польщи не буде *).

Одынъ зъ ченцивъ бувъ у царицы пысаремъ и руку ии знавъ, то пидъ ии руку и пидпысавсь и показавъ запорозцямъ; вони якъ побачылы, то й почалы ляхивъ бытъ, а разомъ зъ ими и нашъ братъ пиднявся. Ляхивъ усихъ за суччу ричку проперлы. Одначе якъ тиі запорозци поповерталысь у Сичъ, то ляхы ще горій почалы народъ дерты:

— Вы,—кажуть,—суччи диты у гайдамакахъ булы.

С. Медвѣдовка Киевской губ. Записаль М Александровичъ Оттуда-же

298. Понятовський та цариця Катерына.

У великий пистъ прыйхавъ винъ **) у Каневъ. Цариця була тоди у Кыиви, а якъ и вона прыйхала, то винъ и подарувавъ їй Польшу, вона й узяла, такъ и войны не було. А Понятовського зробыла мыныстромъ у Петенбурси; такъ винъ не схотивъ быть королемъ, а бувъ у ии мыныстромъ.

*) Западную Украину жители Херсонской губ. и теперь (запись напечатана была въ 1860 г.) называютъ Польшею Подъ словомъ ляхи слѣдуетъ разумѣть только дворянское народонаселение польскихъ провинцій *Прим запис*

**) Станиславъ Августъ *Прим запис*

— Черезъ що жъ не схотивъ винъ быть королемъ?

— А черезъ те, що паны його не злюбыли и хотили вбыть, такъ винъ и подаровавъ Польшу царыци.

Г. Каневъ Кіевской губ. М. Александровичъ отъ г. глубокаго старика
Алексія Гребенника. Оттуда-же.

299. Конфедераты.

Я швецъ, и мій батько бувъ швецъ. Винъ ще бувъ парубкомъ, якъ паны збунтовали на свого короля. До короля далеко, такъ вони тимъ часомъ почали людей мурдовать. П'яни понапиваються та й издять, и вже де молодыця гарна, або дивка то ніякъ не вбережешъ. Разъ до дида прыйшли уночи та й кажуть батькови:

— Де у васъ тутъ Польша?

А въ насъ одинъ ривъ Польшею прозывается. Батько бачить, що вони п'яни, и не схотивъ весты, такъ одинъ якъ вриже його шаблюкою по руци!—руку и розрубавъ. Мусивъ батько йти. А якъ дойшовъ до Польщи, то пидъ гору и втикъ, а вони на коняхъ, то йимъ и не можно його наздогнаты.

С. Медвѣдовка Кіевск. губ. Записалъ М. Александровичъ отъ Степана Опанасенка Оттуда-же.

300. Запорожци на Кубани.

(прыказка).

Лежыть Запорожець у своїмъ курини пидъ возомъ и не може головою знесты, якъ изъ ричкы изъ Ковбани воды прынести: відра не було, бакла не случылося... Пишла жинка у сыричуватыхъ постолахъ воды прынести та и спиткнулась, пидковзнулась та й упала, та й прыйшла, та и плаче: «Лучче бъ було панщину ро-

быты, якъ отакъ на воли жыты».—Не журися, жоно, объ томъ, есть у мене голова Антонъ нашъ Гладкый—винъ головъ и поголыть, та усе жъ намъ козацькую славу зробить!—

Г Тульча въ Добруджѣ. О Кондратовичъ отъ вдовы Марии Михайловой

301. Про смерть козака Половаго.

Изъ письма П. А. Лукашевича къ В. П. Горленку, 19 марта 1855 г., изъ м. Березани.

«Нѣкоторыя пѣсни я записалъ мимоѣздомъ, ѣдучи въ Крымъ, тоже въ 1832 году на мѣстѣ бывшей Запорожской Сѣчи въ селѣ Покровскомъ Никопольскаго уѣзда. Недалеко отъ сей слободы, принадлежащей барону Штиглицу, до моего туда приѣзда года за два, размѣщены были для расквартирования въ Никопольскомъ уѣздѣ остатки запорожскихъ козаковъ, которые вышли во время турецкой войны изъ Турціи съ атаманомъ своимъ Гладкимъ; онъ, какъ извѣстно, переправлялъ Императора Николая Павловича чрезъ Дунай. О нихъ тогда мнѣ рассказывали слѣдующее:

Въ числѣ этихъ козаковъ былъ прежній служилый запорожскій столѣтній козакъ, по фамиліи, помнится, *Половой*; предвидя свою кончину, онъ приказалъ двумъ козакамъ вывести его въ поле и, поддерживаемый ими подъ руки, спросилъ:

— А гдѣ то мисто, гдѣ була Запорожская Сичъ съ Покровскою церквюю?

Его поворотили къ тому мѣсту. Умирающій сталъ на колѣни, взглянулъ на это мѣсто, читалъ молитвы и умеръ въ такомъ положеніи».

Сообщилъ В. П. Горленко

302. Звѣдки узялась панщына.

Ото разъ давно ще, за Катерыны, зибралыся паны на сеймыкъ та й говорятъ промижъ себе.

— А зробиѣмъ но, панове, панщыну!

— Добре, кажуть, давай, зробиѣмъ!

Ото кожнѣй панъ (якъ напрыкладъ грапъ нашъ) склыкае зъ кожного села по дванайцять чоловика. Зъ того села дванайцять, зъ другого дванайцять, зъ третього дванайцять... Ото чы въ хати, чы на двори въ пана поставылы столы, наварылы всячыны, поставылы йисты й пыты, горилкы, усього... Просытъ панъ:

— Сидайте, добри люде, йижте, пийте, контентуйтесь!

Найлыся люде, напылыся, музыка грае—нагулялыся. Дякуютъ панови:

— Спасыби вамъ, пане вельможный, що такъ уконтентувалы насъ до схочу, спасыби!.. Чого жъ вы видъ насъ хочете?

— Ой, люде добри, казайи чесни! Небагато зъ васъ хочу! Тяжко мени зъ великымъ господарствомъ. Я й наймаю людей, и гроши плачу, та все нема ладу. Не вспиваю хлиба зибраты: осыпается. Якъ бы диты ваши спромоглы мене—подарувалы йиденъ день на тыждень.

— А, Боже нашъ мылосердный! Пане нашъ ласкавый! Щобъ диты наши та не послухалы пана йиденъ день на тыждень! ну-ну!.. Даруемо вельможному панови йиденъ день на тыждень: чы то велика мащя?

Ото може черезъ пивроку, ба, може и скорище знову паны склыкають по дванайцять чоловика зъ села, знову закладають бенкетъ... Господы, чого тамъ нема? Усього, усього понаставляно: и пыты й йисты, и йисты й пыты... Веселятся люде. И зновъ просятъ паны людей, щобъ подарувалы ще йиденъ день на тыждень... Добре, най ще день. За третымъ разомъ—ще йиденъ день да-

ругють. Такъ вони бенькетували, ажъ поки людямъ не лышылось и одного вильного дня. Отъ якъ выдурьлы паны одъ людей вильнисть—пышуть вельку бомагу до царицы Катерыны: Такъ и такъ,—кажуть,—люде добре-охотно згодылыся робыты на насъ шисть день на тыж-день. Цариця глянула на те пысьмо—бачыть, що люде добре-охотно згодылыся, та й прыклала свою руку. Отъ и минулася воля.

Въ понедилокъ раненько—стукъ-стукъ у виконце:

— Добрыдень!

— Дай, Боже! а чого?

— На панщыну!—забула?

— На яку панщыну?

— А на пана робыты!

— Оце але, маю и свои роботы доволи, а то ще на пана. Не хочу!

Ги-и! Якъ вытягли на вулыцю, якъ почалы лупцюваты,—то й мусыла йты на панщыну. А стари батькы, що запродалы панамъ дитый свойихъ—зо страху поховалыся. Згодомъ трохы зибралыся на раду—радылы, радылы—та й напысалы й соби прошеные до царицы, що ось такъ и такъ—не хочемо пидъ панамы буты. Глянула Катерына на те пысьмо, та й видпысуе людямъ: «Шо жъ, люде добри, на вищо жъ вы добре-охотно згодылыся робыты на панивъ? На шо жъ вы за чарку горилкы голову свою застромылы? Теперь ничого не вдію, руку свою прыложыла». И справди ничого не помоглося. Якъ настала панщына, то терпилы наши прадиды, диды, батькы—та й мени, старому, довелося скоштуваты того добра. А оце й воля прыйшла, якъ у Вынницы чагунку насыпаты стали.

Въ 1890 г записаль М М Коцюбинский отъ 94-хъ лѣтняго нищаго Василя Вихля, изъ с Стаднищы, Винницк уѣзда, Подольской губ

303. Кармалюкъ.

I.

Отъ що я чувъ, то и вамъ скажу про Кармалюка. Кармалюкъ, кажутъ, дуже любывъ въ лиси съдиты. Отъ разъ иде Кармалюкъ лисомъ и мавъ переходыты черезъ дорогу; але це було въ недилю рано, и ставъ Кармалюкъ край дороги, але дывыться ийде баба до миста. Якъ встрытылась зъ нымъ, то каже йому:

— Добрыдень пане!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай Боже здоровля!

Та баба скоро бижить, але я не знаю, чы вона на ярмарокъ спишыться, чы Кармалюка бойиться.

Кармалюкъ бабы пытається.

— Ты не бойишся Кармалюка?

А баба йому видказуе.

— Нехай його гримъ забъе, бодай винъ не дочекавъ дитей!

Такъ дуже клене, що ажъ страхъ. Кармалюкъ каже:

— На тоби, бабо, тры гроши, и якъ будешъ у мисти, то купы мени цъвашкивъ, но не забудь, купы!

А баба каже:

— Добре, добре, куплю.

И пишла та баба своєю дорогою до миста; а Кармалюкъ ще стойить надъ дорогою; але иде друга баба и каже Кармалюкови:

— Добрыдень!

А Кармалюкъ видказуе:

— Дай, Боже здоровля!

Пытається ийи Кармалюкъ:

— Ты не боишся Кармалюка?

А та баба йому каже:

— Чого його боятысь? Хыба винъ не такой самый чоловикъ хрещеный, якъ и мы? Винъ справедливый, винъ

бидныхъ людей не обижае, винъ богатыхъ обдырае, а биднымъ виддае,—то чого жъ його боятысь?

Кармалюкъ выинявъ зъ кыщени сто карбовонцивъ и давъ ти баби въ руки та й каже:

— Я есть самъ Кармалюкъ, йды зъ Богомъ, колы ты не бойишся Кармалюка.

И та жинка пишла до миста. А та баба, що давъ йй Кармалюкъ три гроши на цвашкы, пишла до миста, купыла цвашкивъ и йде назадъ тою самою дорогою, а ййи вже давно чека Кармалюкъ. Якъ вона стрилася зъ нымъ, то Кармалюкъ ййи пытається:

— А шо, купыла цвашкивъ?

— Купыла.

— Давай йихъ сюды!

И баба выняла зъ за пазухы цвашкы въ папири завенени и дала йихъ Кармалюкови. Кармалюкъ взявъ у руки и зновъ пытається:

— Боишся Кармалюка?

А та баба зновъ стала його прокlynаты на чимъ свить стойить, а нарешти каже: Боюсь.

Тоди Кармалюкъ звернувъ ту бабу и набывъ йй тыхъ самыхъ цвашкивъ, котрыхъ вона купыла въ мисти, въ¹ пятаы и каже:

— А то не бййся Кармалюка! Я есть самъ Кармалюкъ.

Та й пишовъ у лись, а жинка налякалась и лежала такъ якъ нежыва, докы ййи не взяли.

II.

Одынъ разъ гнавъ чоловикъ до миста козу продаваты. Але його здыбае Кармалюкъ и пытається.

— Куда ты женешъ ту козу?

— На ярмарокъ продаваты.

— Отъ на тоби сто карбованцивъ, иды, наймы музыкы и накупы йисты, и справляй у себе баль.

А чоловикъ каже.

— А якъ буде мене панъ быты?

А Кармалюмъ видказуе

— Не бійсь, не буде быты; а якъ схоче быты, то скажешъ, що казавъ тобі баль робыты Кармалюкъ.

Той чоловикъ послухавъ Кармалюка, пишовъ до миста, наймывъ музыкы за двадцять карбованцивъ и сказавъ, щобы на вечеръ до нього прыйшли граты. А вже ввечери панъ слухае, десь музыкы панськи грають. Винъ сказавъ фурманови запрягты кони и йихаты, де то грають музыкы. И прыйихалы до того бидного чоловика и ставъ на подвиру,—ажъ минуться, чекае, закымъ поросходяться гости.

А тымъ часомъ якъ панъ стоявъ у того чоловика, а Кармалюкъ прыйихавъ до нього на подвира съ своїмы козаками; козакивъ лышывъ на подвиру, а самъ пишовъ въ покойи, и якъ прыйшовъ въ покойи, то заставъ въ покояхъ тилько стару паню и каже до нейи:

— Давай гроши!

А вона не хочытъ, а кажытъ, що нема. А Кармалюкъ крыкнувъ до козакивъ, щобъ ишли. Козаки попрыбигалы и давай пани пидошвы ризаты; паня не вытерпила и сказала, де гроши. Кармалюкъ забравъ гроши, и якъ выходывъ, то напысавъ на брами, що: «Никого, пане, не вынуй, бо то я забравъ гроши, и чоловика того не зачипай, бо якъ прыйиду, то живый не будешъ». Кармалюкъ забравъ гроши и пойихавъ, а панъ якъ прыйихавъ, то тилько почухався та й мовчытъ, бо никому жалуватысь.

Записалъ парубокъ крестьянинъ Андрей Дулякъ въ с Лопатинцахъ Ямпольскаго у Подольской губ въ 1892 г Доставилъ М М Кошобинский.

304. Писня про Кармалюка.

— А я люблю оцю писню (про Кармалюка), та въ насъ ййи не спивають.

— Не вміють?

— Ни, вміють, та не можна: вона въ насъ заклята.

— Якъ то заклята? Хто ййи заклывъ?

— Батюшка. Го, знаєте, у насъ изъ щією писнею така штука була. Я сама не знаю, а це вже розказували матка й сестра старша. Це не въ нашій церквы. У насъ церквы нема, а мы ходымо въ Смолынь. Такъ це не въ Смолыньскій церквы було, а въ Пакульской. Тамъ, значыть, такъ стало, що якъ правыться служба, такъ воно й спивае цю писню про Кармалюгу. Батюшка служыть, а воно спивае.

— Та хто жъ спивае?

— Я не знаю... Кажуть, шо нечыстый, чы шо. Да такъ, кажуть, люде страхаються, ажъ изъ церквы выходють. Такъ батюшка обявывъ, шо буде його заклынать.

— И заклынавъ?

— А якъ же, заклынавъ. Людей насходылося—и—и багато! И моя сестра старша ходыла.

— Ну якъ же батюшка заклынавъ? Сестра чула?

— Шо тамъ вона розбере! Значыть, якось тамъ вычытували.

— Шо жъ, не стало спиваты?

— Одъ того дня не стало. Такъ теперь и не спивають у насъ шей писни. Батюшка не звеливъ,—сказавъ, шо вона заклята.

С. Жеведь Черниговскаго уѣзда М Н Гринченко отъ дивчины
въ 1899 г.

305. Крипакы дожыдалы воли.

Моя матка росказувала, шо якъ ише булы панськымы, то оце було орють на поли, а старецъ иде, то вони й бижать до дороги та пытають старця:

— Дидусю, чы скоро воля?

А винъ каже:

— Скоро вже, диточки, скоро.

То вони пооддають йому свойи лусточки, а самы увесь день голодни. А якъ иде старецъ изъ бандурою, то те жъ попрыбигають та просять заграты, та повиддають йому лусточки за те, шо грае, поставляютъ плугы, а самы якъ заходються танцюваты. Ну вже жъ якъ и попадутся, то й пудъ розкамы потанцюють добре.

С. Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко, въ 1899, отъ дивчины.

306. Про Т. Шевченка.

Тарасъ является людямъ трычи на день: рано хлопцемъ, удень чоловикомъ, а ввечери дидомъ.

Записалъ въ 1880 г на Шевченковой могилѣ отъ селянъ Е. С. Гривинюкъ

XI.

Преданія о льстивостяхъ.

307. Преданіе о ручьѣ „Буковище“.

въ с Юриновкѣ Новгородсѣверскаго у Черниг губ

— Не пагнѣвуйся, Ѳедька Трахимовичъ, я маю папитаць, чи нѣма нашайи рѣчки Буковища у книзи? Вы людзи хоть и млады, да на чужбини пабували, нехристьянъ павидали и нашимъ Юрнавцамъ то то, то сьо, бачъ, па письменному карпаяце: то чи не бачили ейо тамъ па вописи?

(Записыватель сказалъ, что рѣчка не важна, чтобъ быть извѣстной).

Няважна?

Да вы нязапамятуяце, — вана кались була — и Божачка мой, яка правялика, шо и вокамъ ня скинишь! Нѣ, вы смяетесь, — наша рѣчка йость на бумази.

— Не знаю.

— Якъ ня знаяте? Стала быть вы ня всьо въ бумази перчитали. Вы папытайця у малаго дятъоначка, и той зная, да й дякъ нашъ, Иванъ Кузьмичъ (бачъ, вонъ письмака, да ище якій ловкій), — той разъ разсказувавъ... Бачъ, вонъ найшовъ у церкви — у книзи, а вы нѣ.

— Слухайтя жъ, кали не гнушяетесь! Се було, — рас-

казувавъ майму бацку бацкинъ бацка Антипъ, а бацка мини,—за Бѣлага царя Петра, за Святаго Оядоса, що просвятывся въ Чарнигови и праклятаго мацапуру—Мазепу, що змянивъ Бѣлому за хлѣбъ-соль и передався Швейцамъ и аглицкимъ людямъ, — да ище тады, кали наша Юрчавка була падъ монастыремъ. Бачъ, жила у Юрнавци маладыца вѣдьма ище съ хвостомъ, звали яйи Степанида, а у яйи була дачка Хадора. Вотъ такъ лѣтамъ, не скажу вамъ кали, — чи передъ Петромъ, чи передъ Спасамъ святымъ,—Хадора пашла купаться—да й утопись... вонъ тамъ—подъ вербами, супративъ шинку. Канечна, такъ було на раду написана, такъ Богу святому угодно; но якъ пачула акаянная matka, такъ и взблянилась, будцомъ дурнапъяну абѣлась, — кричить да вищить, галосе и кляне рѣчку; да изъ сердца взяла и швирула у яйи гарячую, якъ жаръ, сковараду, примовивъ: вотъ тябѣ.

(Тутъ старикъ остановился, снялъ съ головы еломокъ и, перекрестясь набожно три раза, какъ бы нехотя, шепотомъ сказалъ: «Сказана, не при насъ говорено, съ нячистымъ зналась,—ей не жаль було православнаго народу». Далѣе продолжалъ уже громко):

— Тади рѣчка изъ Юрнавки перешла въ Бялицу; а сама вѣдюга, надѣлавъ много пакасти православному народу, згинула безъ святаго сакрументу лютою смертію: яйи скорчило, языкъ выперло, раздуло, — и канчилась три дни, пакуда людзи не дагадались да не сняли столи, не ототкнули верха и не разбили балонокъ. Бацка казувавъ, що вана акаянная хадила мертвая дадому и часто хлопци, якъ пасли на начлѣжкахъ каньовъ, то бачили, якъ вана галасила тамъ, идѣ утопилась яйи Хадора. Да й вашъ прадзедъ, якъ прабивавъ акаяннюю асиновымъ каломъ, то бачивъ, що ляжала ниць и рятала. Такъ вѣрна Богъ наказавъ акаяннюю.

— Нѣтъ, — сказалъ я ему, — все, что говорятъ люди про рѣчку—это басня, ложь.

— Якъ!— какъ бы въ ужасѣ вскричалъ онъ — Ахъ вы жъ якия! Да вы папитайтя у млада и стара, и тая вамъ скаже, шо правда. Да и Тимохавъ бацка Забалотный расказувавъ, якъ пахавъ кала Деряжни, то бачивъ, шо ишла изъ Юрнавки наша рѣчка въ Бялицу дѣвкою—въ красной плаhti, съ манистами, личманами и червоными стьожками на шийи, въ пригожихъ сярьожкахъ, въ панчохахъ и чорявикахъ, съ растрепанай касой и вельми плакала, выла и галасила, ажъ дуброва стогнала! Бачили хлопци, бачили дѣвчата, бачивъ пакойный Качубей, якъ вана сядѣла на цамри, шо на криници, вокала бялицы, и часала касу сваю, — а якъ вонъ кашлянувъ, такъ въ воду и згнула. Ну, и тяперь няमितьо вѣры? Да пажалуста, я вамъ вялю, пашукайця ка у церкви, у книзи; да кали найдице, тади и мяни скажице!

С Юриновка Новгородсѣверскаго у Черниговск. губ Записалъ ученикъ Черниг Духовн. Семинари Ѳедоръ Богуславскій. Изъ «Черниг Губ Вѣд» 1854

308. Озеро Синее.

Въ Новгородсѣверскомъ уѣзлѣ, между селомъ Каменкою и деревнею Дупликовкою, на полѣ, есть озеро «Синее». Оно окружено со всѣхъ сторонъ непроходимымъ очеретникомъ и лозою, и ведетъ къ нему только одна узенькая тропинка, проложенная, вѣроятно, для водопоя. Окрестные старожилы говорятъ, что никогда лодка самага искуснаго пловца, достигнувъ середины этого озера, не возвращалась назадъ, и что не одинъ уже смѣлый парубокъ сдѣлался жертвой своей отваги Под-

шучивая надъ храбростью какого нибудь хвастуна, говорятъ:—А вже жъ ты храбрый, и мы се знаемъ: може ще й Сынее переплывешъ?—Или.—Ты бь переплывь и Сынее!

Изъ этого озера идетъ, какъ бы нарочно вырытый ровъ, на пространствѣ около трехъ верстъ и оканчивается въ лѣсу. извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ «Желѣзница», у подошвы одного небольшого холма. О немъ разказъ полуслѣпного старика

— Вы може коли чули про Зелезницу? Тамъ и доси е — слыветъ вже зовсимъ зравнявсь—бугоръ. Вотъ калысь ще не въ запамятныйи годы, тоды нехристи въ притузи держалы православныхъ, и люде спасалысь, де хто попавъ; а набалышъ хавалысь у лиси. И отъ въ тые крутые годы жылы два чаловика и у насъ тамъ въ лиси, що теперацки зовуть Жалезница; тады ще не звали ййи Залезницаю, а такъ сабы—пуца та й пуца. Нихто навирну не скаже, якъ йихъ звали — хто каже Кузьма и Демянъ, а хто—инше. Да й дякъ, бачъ, гаманивъ, що не ваны, а хтось другый живъ. — бачъ вонъ па книзи все вѣдае. Ну, да се дарма... се друга казка... Тилько воны булы ридные браття; жылы въ симъ лиси, малились Богу ивыкапавши зъ земли кузню на бугарку, що казавъ я, начали кавать железо да прадавать православнымъ и симъ кармить себе. Зъ тыхъ поръ сей лисъ якъ «Зализница», такъ «Зализница»,— и теперь кали хто пытае тебе: Куда идешъ?—Въ Зализницу.—Гдѣ будемъ орать?— Въ Зализницы.— А косить?— Въ Зализницы.— Такъ отъ разъ литомъ, откуда ни паявись, чи вана гадына, чи то така звярука — хто вже яии зна, тилько вона ни давала пропуску ни чалавику, ни бѣдной скатынцы,—такъ цѣлыкомъ всяку всячину и ковтала. Папужалысь бѣдны люде, никуды ни ходять, ни ѣздыть—ни па грибы въ дуброву, ни па дровы, и въ хати трясутця, ажъ кожа ходаромъ ходе,—мовъ отъ лихоманки. Ска-

тына зъ голоду на загороди пухне, бо сино въ дубровы. А дали пошла ся змяюка на сихъ братьявъ, шо спасались въ Зализнишы. Ваны якъ забачилы, то й спужались; вбегли въ кузню, яка вона тамъ була вже въ йихъ,—та й заперли двери; а вана акаянная, подбѣгла и давай гризть йихъ. Шо дѣлать въ такой притузи? Порадились та й рѣшились зкавать саху и запрегти, бо вже ничимъ помогты горю

— А може жъ Богъ и поможе уходить ейи акаянную!—гамоне братъ брату.

— Охъ, навдаку, братику роднынъкы, — отзывается другы—се, кара.

— А вже жъ шо буде, то буде! — промовляе старшій,—а свое будемъ дилать,—давай ковать!

Вже саха гатова, и вана двери прагризла и языкъ въ шелку прасунула. Одинъ братъ,—не скажу вже вашій милости сяго—чи старшій, чи малодшій—распекши клещи, да хвать за языкъ!.. Вана суды—туды,—никуда небораку и повырнутыся—языкъ клещами вывертають; а другы атчинывъ квартиру, выскочивъ да й запрегъ въ саху,—таку пакуту на яйи налажили... Тады вже кой якъ ваны зправились, забриталы яйи небогу, да адынъ клещами за языкъ веде, а другый одною рукою хутка соху въ землю запырае, а другою зелизнымъ кнотомъ наяруе. Отъ вана оттуда проарала, ажъ до сіого балота,—вонъ до тыхъ поръ иде вото плавъ. Тады ще не було балота, а була невеличка лужа... Да якъ змарнила акаянная, впала са всѣхъ ногъ и давай жрать зъ сйии лужы воду, жрала, жрала, да й тамъ лопнула: такъ згинула

Тады ать вони довго повзъ се озеро нельга було ни пройты, ни пройихать; вода адъ сйии погани праванялась и зробылась сньюю. Зъ тыхъ поръ се озеро и началы звать «Сынее» та й «Сынее». Патъ канецъ вода начала въ йомъ прибувать да прибувать,—такъ, шо и близко нельга вже здѣлалось подайти, и стало вано та-

кее жъ пражирливе, якъ тая гадина, що втапилась въ йомъ. Отъ аткуда взялось «Сынее»,—взялась канава и лисъ назвали «Зелезныцею».

Теперь, паничу, не въ пагнивъ будь сказано, хоть ваша милость и знае «Зелезницу, да вже вана далеко не та, що була — и сотойи доли нема! Кались я запамятую ще тилько небо да земля,—и, Божа!—яка правялика була пуца,—теперачки зкаренилы; знавъ иде и кузня була братьявъ; бувало тамъ зъ хлопцами жужаль и зелезяче кой яке збираймъ, якъ пагонимъ було каньовъ пасти. Да й народъ було—чи хто зане може, — скорей жужали одъ братьявъ да напоють чаловика въ притузи: його лыхо й праходе марно на сухи леса. Теперь вже и сяго нема.

Новгородсѣверскій у. Черниг. губ. Записаль ученикъ Черниг. Духовн. Семинарія Ѳеодоръ Богуславскій.— Изъ «Черниг. Губ Вѣд.» 1854

309. Про Глуховъ.

Разказъ старожила *)

Башта була Московська и Киевська и крипость кругомъ. Башта Московська разобрана билшъ двадцаты годовъ, Киевська стоить, а була проты ей на другимъ конци города, де теперь крамни лавкы камъяни, розійшлысь, за Спасомъ трохи бльжчъ, на тры сажени сказати, одъ произду мыжъ лавками; поставлена була та башта Московська не прямо на сей шляхъ, що въиз-

*) Разказъ знакомиць нѣсколько съ прежнимъ видомъ Глухова, до пожара 1784 года, и дополняетъ живыми красками очевидца оффиціальную картину этого пожара, переданную публикѣ благодаря извѣстному почетному любителю отечественной старины, въ 30 № Ч. Г. В. (Всеподаннѣйша донесенія Гр. Румянцева) *Примѣчаніе редакци «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (1852, № 32), откуда заимствованъ этотъ разказъ.*

дять у городъ зъ того боку, а мовъ бы на яръ укрьвы-
лась и одъ ей ишовъ шляхъ такъ, якъ стоить теперъ
домъ Котлярова, черезъ двирь, а сей домъ якъ ставылы
(годъ дванадцять буде вже), яму саженой въ дванадцять
одкопалы, мо, погребъ якый бувъ за дедивъ. Башта
була въ валу, бо и изъ сего боку йшовъ валъ наливо
надъ яръ, а направо на путывльськый шляхъ, и по гори
по краечку зверта въ обаполы на Киевську башту; за
валомъ шинковая продажа була: Вынокурки жылы (такъ
и прозвыще имъ було—Вынокурки—хазяины таки), за
городомъ, за валомъ, на ливо одъ Спаса. Пры Кураки-
ну выганялы насъ, плата —звисно—була, тамъ уже якъ
усимъ платылы отъ мы валъ розривнялы... березкы въ
пушу сажалы, булеварты робылы; скотъ заганялы и сви-
ней, и на острогъ бралы, щобъ не хадылы. Було такъ
годывъ чотыри, а потомъ того булеварты розвалылыся.

Нашъ увесь городъ выгоривъ назавтра Спасъ, тому
уже годъ шесдесятъ; с. Билополовка, Виригень и Усовка
осталысь, а городъ на гори весь; зъ Поганого-Ставка
почало, въ городи тилько духовне правленіе осталось:
лавкы, дома, церкви— все якъ не було. Кладбыська-
поминальная церковь Вознесенія не згорила. Церква
Мыхайла Архангела оттуть, де Хаменко живе, надъ
валъ, стояла; якъ пожаръ бувъ, престолъ перенесли и
колокольню перевезлы сюды у Тройци. Манастирь Ди-
вычій тогди жъ згоривъ, а сыльна була постройка страхъ,
не одинъ десятокъ и не два престоалы стины, дакъ якъ
довелось разбивать, оце годъ п'ять, яму щобъ засыпать,
дакъ мы не привмылы що казать имъ, рубалы якъ
камень-щырець... — Тогди вольна продажа була,— дакъ
горилкы на Спаскій улыци розлылыся. Боже мій!—земля
горыть... Бочки зъ дегтемъ, де лавкы булы, пудъ ва-
ломъ, дакъ ихъ зорвало на воду и на води горилы..
Одъ поганои хаткы завелось ото, баба стовпци пекла,

одъ Поганого-Ставу; на городъ саме витерь бувъ изъ Москвы...

На казенній гребли машина за Киевською баштою стояла и два млына. По однимъ лотоку три колеса ходылы, подсобойни булы, а не наливныи;—то вже мельницы якъ поставылы, дакъ по три колеса булы наливныи. Ии не вырвало бѣ (машины), дакъ греблю роскопалы—черныговскый Бахуровъ спустывъ воду, якъ мость строилы. Тутъ рыбы що було народъ поповравъ...

Государевъ дворець стоявъ, де теперь лыпки, де Куксынъ домъ. У ему Румянцевъ живъ.

Ярмалкы становылысь. Троицкая, Ильинская по Путывльскому шляху, де теперь манежи и Салдатська Слободка,—воно часомъ и теперь Старе-Ярмалкове зветьця, по улышньому;—а Михайловъ день и Новый годъ—Васылевская ярмалкы булы у самому городи. А теперь уси по Киевському трахту на Виригени.

Подымне платылы трыдцять копійокъ зъ двора.

На Билополовци поставлена камъяна церква до мене ше.

Г Глуховъ Черниговской губ.

310. Преданіе о построеніи церкви св. Иліи въ Черниговѣ.

Въ Черниговѣ разказывають среди мѣщанъ, что церковь св Иліи выстроена каменщиками, достроившими соборъ Мстислава. У нихъ былъ атаманъ Илья. Увидѣвъ, что плотники берутъ шабашки, онъ, а за нимъ и его каменщики то-же начали брать шабашки — кирпичъ, изъ котораго и выстроили церковь. Строили они ее по праздничнымъ днямъ. Сперва каменщики не хотѣли работать въ праздники, считая это грѣхомъ, но

атаманъ объяснилъ имъ, что строить церковь въ праздникъ не грѣхъ. Въ честь атамана церковь названа была Ильинскою.

Черниговъ, 1896

311 О м. Красномъ Колядинѣ.

(Черниговской губ. Конотонскаго уѣзда *)

I.

Давно, ще якъ я бувъ маленькымъ, живъ у мого батька старый престарый дидуганъ; винъ не злазывъ зъ печи и ходывъ зъ оселедцемъ, якъ стари люде ходылы. Такъ винъ намъ, малымъ хлопцямъ, и росказуе, було, про наше село. Казавъ ще винъ, що зазна Ромень чыстою и бигучою ричкою, що по йому байдакы и стругы великы ходылы **).

А теперъ чортъ-зна-що, просты мене Господы болото—не болото, а такъ щось таке. Ще я зазнаю:

*) Въ углу, образуемомъ изгибомъ р. Ромна, стоитъ на правомъ возвышенномъ берегу, прислонясь другою стороною къ вѣковѣчному лѣсу, мѣстеко Красный Колядинъ, посрединѣ мѣстечка находится неглубокій прудъ, называемый *Краснымъ ставомъ*, черезъ который проходитъ широкій ровъ соединявшійся, вѣроятно, нѣкогда съ р. Ромномъ. За новою деревянною церквю находится возвышенность изъ взгроможденныхъ одинъ на другой кургановъ,— это мѣсто называется *замкомъ*. Замокъ этотъ представляетъ видъ острова, потому что здѣсь р. Ромень обтекаетъ его съ трехъ сторонъ, а съ четвертой находится глубокий яръ, который, очевидно, былъ прежде рукавомъ Ромна и обтекалъ этотъ островъ и съ четвертой стороны. На этомъ островѣ и теперь видны остатки вала, составлявшаго крѣпость. *Изъ описанія записывателя*

**) Слова стараго рыбака подтверждаютъ тѣмъ, что недалеко отъ города Ромна нашли остатокъ кормы большого судна, к- жется, барки *Записыватель*

якъ Роменъ дуже була гарна ричка, якъ вырвала уси гребли, ше тоди утопывся хлопець Очеретянчылы; а теперь весною у бридъ можна перейты. Такъ тоди по Ромну струты ходылы. Роменъ, вы знаете, тече поузь Соснивку; тамъ жыла пани Покорська съ сыномъ. Сынъ бувъ такый гарный панычъ. Винъ бувъ разъ у гостяхъ у айвороньского пана. Ото якъ ставъ винъ плысты на пороми додому, пиднялась велька хвыжа, — поромъ и одирвало зъ вирьовкы. Отъ винъ бачыть, шо лыхо, узявъ та й кынувсь посередъ ричкы зъ конемъ у воду зъ порома. Отъ, маты, стара Покорська, якъ почула се, дакъ такъ росердылась, шо й Боже! Прокляла Роменъ! А клятва та слёзы матерынськы—звисно яки. Ото вони стали сушыть Роменъ. Дакъ съ того часу и начала ричка пересыхаты, а теперь зовсимъ стала болотомъ. Дакъ уже передъ самою смертю стара Покорська сказала, шо тоди буде чыстою ричкою, такою, якъ була першъ, якъ хлопець семилитокъ на кони, тожъ семилитци, найде у болоти очеретинку: половынка золота, а половынка срибна, та й вырве ййи; дакъ вода и його, и коня його залле, а ричка упъять зробыться чыстою и бигучою.

II.

Ше колысь, не за нашойи памъяты, розказувавъ мени старый дидъ, шо у насъ живъ, шо на цьому мисци, кодре й теперь замкомъ зветься, стоявъ велькый замокъ, кругомъ которого стоялы высоки стины, на стинахъ було крыи Боже скільки гарматъ! Оцимъ усимъ замкомъ владивъ ляхъ Коляда Винъ бувъ дуже багаты и дуже злы, — багато перемучывъ народу. Гайдамакы дозналысь о такыхъ неправдахъ Коляды и пидплылы у темну ничъ пидъ замокъ. Сталы збираться на стины, колы ляхы й побачылы гайдамакывъ. Заразъ давай одбываться одъ нихъ, а наши, котри булы у замку, змо-

вылысь та й одчынылы вороты. Отъ Коляда якъ побачывъ се лыхо, дакъ заразы насыпавъ багацько возивъ зблотыхъ та срибныхъ грошей и одправывъ на село тайныкомъ, который выходывъ ажъ у село, на долыну де теперъ ставокъ. Отъ Коляда и звеливъ выкопаты три колодязи и высыпавъ туды гроши; потимъ звеливъ розгатыты греблю, дакъ вода зъ Ромна и пишла, и затопыла всю долыну. Ти колодязи теперъ е въ ставу, тилькы ихъ неможна знайти, бо занесло муломъ.

III.

Мени старый росказувавъ, що якъ було йому, прымирно, литъ п'ять, дакъ уси люде, опричь старого батька, котрый лежавъ на печи—нездужавъ, пишли на Велькдень до церкви. Отъ, якъ стали такъ якъ на Достойне дзвонить, шось якъ загуркотило!... Мы выбиглы зъ хаты, колы наша церква сидае въ землю, тилькы мы й побачылы хрестъ святой,—церковъ зо всимъ народомъ провалылась крузь землю. Тилькы на тому мисци, де церква стояла, инколы люде чують, що звонить пидъ землею.

М Красный Колядинъ Конотопск. у Черниг губ. Записалъ Н. Трубицкий отъ рыбака 90 лѣтъ. Изъ «Черниг. Губ Вѣд» 1858.

312. М. Понорница.

(Кролевецкий у Черниг. губ.).

Давно вже ся штука була, добродію, що ще я вамъ казатему; ни дѣдъ муой, ни прадѣдъ сього не зазна. А все таки и теперъ у насъ е чималенько людей, що тее жъ расказують — видно таки тутъ не безъ правды.

Тутъ де наша таперь Панарныця, була колысь, зволте знать. пуца, гущина да еры булы, кажуть, такіе, що безъ хреста на шыи да безъ добрай дубыны на плечахъ и прайты було страшно. Було, кажуть, чиѣде хто, чи йде тою пуцаю, некому не пруйдыще безъ пришты або засвыще ішо по лѣсу, або засмееце, або чупырне пудъ коней да коней злека, такъ що не одному, прасля ціѣ дароги, прыходылось сорочку надѣвать пазухою на спину. Отъ хто його зна и адкуль не вазмись—хто каже палякъ, хто—такъ екась невѣра, збудававъ въ туой пуци хату, да й пасельвсь наче въ батькавшини. Спершу людцѣ Божи думалы, що то нечиста сила ека, а деле пригледылись—чалавѣкъ, туольки, звѣсно, на хрещеныхъ не пахожи. Вадкуль вуонъ узавсь, чего вуонъ тутъ живъ, що вуонъ тутъ рабывъ—усѣ бажалы знать да пудступитъ до його не въ кого фабрости не було. Такъ прайшло гадуовъ два, чи й лучче. Негде вуонъ не бувавъ, не зъ кимъ не гомонѣвъ, живъ собѣ у лѣсѣ неначе вавчуганъ тей та й годи; зустрѣне було, кажуть, чаловѣка и насупыть пику въ въ землю; чи магайбу хто, чи шо друге—вуонъ не пары зъ устѣ, наче не до його. Спершу то людцѣ хрещеные и геть, кажуть, баялысь ціѣ невѣры, а якъ пригледылись да разшалопалы, що вуонъ самъ баицце людей—давай глузовать. Именья його некто не знавъ, спитать нѣ у кого, а сусѣду не жить же безъ именья—його и прозвалы—панура, за те, бачъ, шо, наче та панура, пику держитъ у землю. Ну, панура, панура—й мала нужды. Чи астапранцяватѣло то паляку таму жить такъ, чи шо друге, туольки вуонъ взявсь присля за розумъ—обчалавѣчивсь трохи, ставъ гомонѣтъ зъ людьми, хадыть па селахъ, а деле и кунпанью вадыть зъ сусѣдами. Да шо, кажуть, за бестыя була! усе вуонъ знавъ, про всячину гомонѣвъ до кожного ласкаве слово умѣвъ приладыть—його, кажуть, усюды и вподобалы. Скуольки

такъ прашло гадовъ—не знаю, туольки, кажуть, скоро людцѣ Божы разшалопалы, що тей палякъ—вовкѣ въ авечуой шкури; що вонъ хочъ и гарна про все гомонить, да правды въ його бесма. Ходыть, було, кажуть, у жупанахъ, а плаче, що хлѣба нема да наровить, якъ бы въ кого мешочокъ барашенця выдурить. Звесты людей на лайку да на буюнку йому падай; прапыть чалавѣку астанню капѣйку—вонъ паможе! обцыганить кого, обдурить—його дѣла; а якъ да чого дуойдыще, вонъ и правъ; зъ усього й выкрутеще, наче його негде и духу не було — звѣсна кательцька натура! Якъ разшалопалы, що за птыця палякъ цей, дакъ то звалы Панура, а то прибавили ще ницій за те, що лукавить усюды. Такъ и пашло: Панура-ницій, або Ницій-панура; стали звать и старе, и мале, другого ему и имения не було. Асвуйчилильсь людцѣ съ тымъ лѣсамъ, де живъ Панура, да и сабѣ де яки бѣдалаги стали тамъ куренѣ будавать,—зробывсь хуторець, а въ йомъ Панура слыве атаманомъ ескимъ. Прасля, не скоро, кажуть, зробилось сельцо, Пануры вже и духу не було, а йде було кажуть, чыѣде чаловѣкъ у те сельцо:

— Куды?—спытай.

— До Пануры—ниці!

У насъ теперечка мѣстечко наше величаютъ Понорница, або ще й Понорница, да тыльки жъ що въ насъ, а дея не бувъ, дакъ його усюды зовуть Панурныця.

П. К въ Поворницѣ Кролевецк. у Черниговск губ

313. Легенда о Поганомъ полѣ.

Кольсь *), якъ ишовъ войовать шведъ на Билого нашого цара и ставъ на симъ поли да й пославъ гонцивъ

*) Жаль только, что записавшій эту легенду о. Трифонъ Стефановскій передаетъ ее не въ такомъ видѣ, въ какомъ она

до цара, що винъ иде до його въ гости и жде витатись зъ йимъ на симъ поли; а до Мазепы пославъ другихъ, щобъ и винъ, и його козацтво якъ йому пристали иты вмисти на билого цара. Дакъ не такъ зробылось. Билый царъ позвавъ його въ друге мисце да й давъ йому и Мазепи табаку такъ, що не обзираючысь насылу попали у Бендеры. А якъ стоявъ винъ на тимъ поли, то жывъ тогди у Плоскому отаманъ Мирзунъ Билыменко, чоловикъ сукретный и письменны. Въ його була дочка Катра, да така прегарна, така хороша, що якъ краля, якъ намульована. Самъ хорунжий хотивъ ййи сватать, якъ бы лихо ййи не спиткало. Якъ заговорыть, дакъ мовъ щечече, а заспивае, дакъ пречъ твй и соловейко!

Отъ вона разъ изъ товаришкою своею, Фесею Шевченковою, пйшла въ гай за губамы. Де не возьмысь чотыры шведы! Заразъ йихъ поймали, и такъ якъ Катра була прехороша, то вистымо, щобъ угодыть своему старшому, повели ййи въ шатеръ, а Фесю хотили одпустыть. Дакъ Катра вчепылась за нейи и каже:

— Коли мене ведете, то ведить и мою товаришку.

Воны туды и Фесю. Продержали йихъ у шатри може изъ тыждень. А батькы да маткы сумують, плачуть и не знаютъ, де дивалысь йихъ дочкы. Коли жъ вони и прыходять. Пытають йихъ, а вони, вистымо, тее лихо зъ ляку, давай брехать да божытця, що ходылы до родычывъ у Кукшынь*) и Хотыновку въ гости. Ну, такъ йому и быть, да ни—шыла въ мешку не втайишь! Все наши дивчата охкають да сумують, не ходять на улыцю, до храму Божого не витають и ховаютця одъ людей,

разсказывалась старожиломъ, а подѣлалъ нѣкоторыя свои измѣненія для плавности разсказа, въ чемъ и самъ признается. Впрочемъ редакция усердно благодаритъ его за этотъ памятникъ народности.
Прим. редактора Ч. Г. В.

*) Сосѣднее селеніе *Записыватель*

мовъ зазуля по крапыви. Дакъ де вже схватця! Стало гласно по всьому селу, де вони були, а парубки, гуляючи на улыци, взялись сміятця да гукать:

— Передай кодолу! (?)

Другий крычыть:

— Котору?

— Катру развору!

— Кому?

— Поганцямъ шведамъ!..

А инчи писеньку спивае:

Пошовъ Миръунъ до млына,

Мироньха спать лягла,

А Катруся--люба донька--

Къ шведамъ тягы дала.

Прылетила зузуленька

Да й стала коваты,—

Затужыла Катрусенька,

Не выходыть съ хаты.

Не плачь, не плачь, лебедыно,

Така твоя доля:

У гай иты за губамы

Була твоя воля.

Крыкнувъ пивень опивночи,

Въ поли завыхрило,—

То шведоньки въ походъ идуть—

Катри занудыло.

Прощай, прощай, Катрусенько,

Прощай, сира утко,

Изъ-за моря далекого

Шведъ вернется хутко.

Ударылы изъ гарматы

На пилтавскимъ поли,

Полетили зъ плечь головы

Въ шведовъ по неволи.

Летыть гонецъ зъ пидъ Пилтавы,

На-взагоды скачѣ,
Що вси шведы леглы лоскомъ—
И Катруся плаче.
Плачъ, Катрусю, плачъ, небого,
Такъ тоби судылось;
Щобъ не вернувсь шведъ никола—
Тоби се й не снылось.

А ще гирше стали говорить да смиятця Катри и Феси, бо до году обыдвизробылись накрытками. Фесья жъ свою дытну на роду утлуныла *), а Катра на свить Божи пустыла. И де то вже такее лыхо сховаты!

Заразъ йихъ обохъ на громаду. Воны, ничого вже робить, признались де булы, що и якъ. Громада й прысудыла:

— На обохъ живцемъ сорочки спалыты!

А посля того кажуть:

— Ни, Феську простыть, що вона на свить Божій поганойи крovy не пустыла, а Катру одвесты до отца-батушки—яку винѣ наложыть покуту, такъ тому и бутъ.

Отъ Мирьунъ слухавъ, слухавъ да й каже:

— Ни, панове громадо, не такъ, а ось якъ буде: я свойму дытяти батько,—моя сыла, моя й воля!

Прывъйивъ Катру додому, роспытавъ хорошенько—що, де и якъ? а посля взявъ заступъ да лопату и пошовъ на те мисце, де поганого старшого стоявъ шатерь; выкопавъ яму да изновъ вернувсь додому, забравъ Катру зъ дытною, прывъйивъ до ямы да й каже:

— Не спомынай же мене, моя дытню, лыхымъ словомъ... оце тоби хата!

Катря въ голось, до Бога руки знимае, за ноги батька хватае, крычыть и рветця, у груди бьетця, а Мирьунъ ничого того не чуе, мовъ лозакладало, да въ могылу ййи прямуе. Отъ, ставъ ййи закыдаты землю,

*) Уморяла. Запис.

дакъ неякъ не засыпле: усе Катра пудныметься вгору. Шо робыть? Звисно, чортяка заразь йому указавъ. Винъ вырубавъ колокъ, застругавъ його, ускочывъ у яму, убывъ той колокъ посередъ ямы, звязавъ Катри ноги й руки да й привъязавъ до колка. Оттуть то Катри уямы и повернутця не можно. Засыпавъ йийи живую въ дытною землю. И прышовъ додому опивночи, да хотивъ лягты спать. Отъ задремавъ... Якъ скопытця бура, якъ пудныметця выхоръ—хоромы трещать, двери въ синьцяхъ и въ хати рочынылысь, гремьть, реве, блискавыця смальть, а пидъ викнамы усе шось неначе тужыть да голосыть. Винъ—шо робыть?—давай передъ образами страсну свичку ставыть,—свичка тухне; давай хрестытця—хрестъ не кладетця; давай молитця—слова не промовыть...

Стало свитать... Винъ боржій до отця Ивана, все йому, якъ на папири росказавъ. Отець Иванъ, выслулавшы, йому и каже:

— Поганю жъ ты, пане Мыроне, зробывъ; аже жъ не такымъ гришныкамъ, а ще гиршымъ, мылосердны Богъ прощае, а ты молодій людныи, своей дытныи, не простывъ и дви души' зъ свиту стребывъ. Воны не по своей воли такій пидпалы доли, за сее тоби мій судъ такый: симъ литъ нема причастя, симъ годъ у храми не бувать и хвалы Божойи не слухать, а въ Воскресеные (свѣтлый праздникъ) якъ уси мыряне будутъ иты на всеношну до храму, то ты боржій бижы на ту яму, де закопавъ свою дытну, и якъ почувешъ, що вона тоби скаже: «Воистыну воскресъ!» тогди й покути твоей конецъ. Богъ и я тебе прощаю.

И щожъ послы сього? Нашъ Мырѹнъ не выживъ и трохъ дней: бигавъ, гукавъ, сміявся, казывся да пидъ тыномъ звальвся и Богу духъ оддавъ...

Якъ бы да теперь хто умеръ, то бь полежавъ руськи мисецъ, выглядаючи станового да дожыдаючиьс ликара, а то Мыроныха заразь до пан-отця и дяка... Прыхо-

дять, зобралысь люде на похоронъ, кладуть його въ домовину и понесли, спиваючы *Святый Боже...*

День ангельски тогди бувъ: не було на неби и маленькой хмарки. Якъ принесли до ямы и стали його упускать туды, — де не возьмысь хмара, насупыло, якъ ничъ, схопылась бура, выхоръ, выкынуло Мырона зъ домовины и закотыло не знять куды. Гледять, ажъ у домовини лежить той колокъ и верьовка, що винъ прывъязувавъ дочку, якъ ййи закопувавъ. Оттутъ то уси полякалысь и розбиглысь—куды хто попавъ, тильки отець Иванъ била маръ усе хрыстытця да чытае: Святъ, Святъ, Святъ!..

На другый день Мыроньха поклыккала де-яку родню, бо зъ чужыхъ людей усякъ боявсь туды прыступыть,— знайшлы Мырона за поверсты одъ ямы: лежить, чубъ стрымить дыбомъ, зубы выскальвъ, очи вытрещывъ и чорны, якъ сажа. Изновъ уси полякалысь и не знаютъ, шо тутъ робыть, а посля перехрестылысь, напылысь горилкы, якъ и теперъ водытця на похоронахъ, выкопалы коло його яму, положиы на дручче и внеслы зъ домовиною у яму. Сталы закыдать, дакъ нивидь щось стогне да тужыть. Прыслушаютця, ажъ мертвецъ зубами скрыгоче и нимо мовляе:

— Просты мени, моя доню, простить уси, добри люде!

Що жъ посля того? Якъ наложивъ отець-батюшка покуту на симъ лять, то симъ годъ усе у тую ничъ, въ яку Миръунъ закопавъ дочку, пуднымалась велика бура и выхоръ, и булы такійи смильчаки изъ паробкивъ, що якъ тильки пудныметься бура, то ходылы на ту могылу, де Катра захована да ледви видтуля до дому допихалысь. Такъ усе за ными щось вые, плаче, тужыть, а инколы крычыть: «Просты мини, мій тату, простить уси, добри люде!» Отъ, одъ тыхъ поръ и по сей день якъ начали, дакъ и начали те поле *Поанымъ* звать.

С. Плоское Нѣжинск. у. Черниг. губ. Записаль священникъ
Трифонъ Стефановскій въ 1856.

314. Могила Деречыха.

При истокахъ р. Удая, на границѣ Борзенскаго и Прилуцкаго уѣздовъ, съ востока на западъ, вдоль южнаго возвышеннаго берега рѣки, идетъ рядъ холмовъ, между которыми мѣстное населеніе выдѣляетъ «могилу Деречыху», расположенную нѣсколько въ сторонѣ, еще далѣе на югъ. Деречыха—большая могила съ двумя глубокими котловинами посрединѣ. Вокругъ нея въ разныя стороны радіусомъ расходятся распаханныя, но еще замѣтные валы. Вотъ какое преданіе сохранилось объ этой могилѣ въ с. Рожновкѣ, Борзенскаго у.

«На Деречыси, кажутъ, жылы колысь шведы и вельку обиду робылы нашимъ людямъ: було поймають чоловіка, закънуть у ляхъ та й годують канкветамы та волоськымы орихамы, ажъ покы стане такый сытый, шо урижъ пучкы, то й кровь не йде; тоди заколють якъ кабана та й йидять. Мою бабу тежъ поймали. Пишовъ дидъ изъ бабою, молодымы ще бувшы, на Удай по опенькы. А по Удаю тоди росли гайи та лозы здорови. Бачыть дидъ, шо шведы наскочылы, пидирвавъ михъ та й сковавсь пидъ михъ. Баба и соби туды, дакъ дидъ: «Куды ты,—каже,—заберуть и тебе, й мене». Баба тилько закрыла дида, ажъ тутъ и шведы. И взялы ййи.

Дойшла чутка до гетьмана у Батурынъ, шо шведы обыжають народъ. А винъ саме затявъ вйину вельку,—дакъ вйиська у його вовсимъ не було. Трохы зибравъ и хотивъ иты на шведивъ. А сынъ його каже:

— Пиду я, тату, прожену шведивъ.

— Э, молодой ще ты, сынку, гетьмануваты: одурять тебе шведы.

— Ни, не одурять.

— Ну, йды!

Отъ пидходить гетьманенко до Деречыхы. Шведы выйшли йому на зустрічь, просять до себе на родыны.

Винъ пишовъ до йихъ у замокъ. Справди: и жинка стогне, и дытна крычыть. Сталы його частувать, та й пиднеслы такого, що винъ тамъ и сконавъ. Выйшлы тоди шведы до козакивъ та й кажуть:

— Идить, люде добри, додому почеськи, бо вже вашъ гетьманенко на *) лежыть.

Козаки не вирять—якъ? шо? Вынеслы йимъ шведы гетьманенка. Узялы його козаки та й повезлы у Батурынъ. Заплакавъ гетьманъ, поховавъ сына. А тутъ же війська нема! Отъ винъ зробивъ млынъ, до валу прывъязавъ довбешкы, попрычиплювавъ барабаны та й повизъ той млынъ до Деречыкы. Витеръ віс, барабаны пиднялы торохняву таку, що якъ зачулы шведы, то подумалы—кто його зна й яка до йихъ сыла прыступае—злякалысь та й втеклы ажъ за Чорне море.

В. Т. Андриевскій въ с. Рожновкѣ Борзевскаго у. отъ 70-лѣтняго козака Омелька Бондаря, въ 1898 г.

315. Ричка Роменъ.

Жыла соби одна удова козачка въ сыномъ. Ничого на свити вона такъ не любила, якъ своего сына; да й берегла вона його, якъ свое око. Однакъ, якъ вона за нымъ ны глядила,—не вберегла його, и винъ утонувъ у ричци Ромни. Маты, якъ почула се, давай тужыть; усе тужыть да й тужыть. Росердывшысь на ричку, вона узяла да й забыла тее жерело, видкиль вона текла, а дали узяла да й прокляла ййи. Отъ посли сього ричка й стала тее жъ болото. Якъ не стало ричкы, дакъ люде якыйсь хотилы одбыть ййи, а маты сына, того, що утонувъ, сказала тымъ людамъ, що вони пропадутъ, якъ

*) Слово не разобрано.

изроблють те, що думаютъ, бо вода вырветьця и затопить ихъ тамъ. Одъ тыхъ поръ никто не смивъ и подумать, щобъ одбыть жерело.

С. Голенка Конотопск. у. Черниг губ. М. Исаенко.

316. Г. ЗИНЬКОВЪ.

(Полтавск. губ.).

Жывъ чоловикъ Зинець тамъ, де теперь кузни,— одъ його й прозвалось мисто Зиньковомъ.

Запись неавѣстно чья.

XIII.

***Сказки фантастическія, игра словъ и
остроумія.***

317. Ракова скоро работа.

Колысь ище, якъ дрижожи булы таки риденьки, якъ водычка, такъ ракъ пишовъ по дрижожи и ходывъ симъ годъ. Отъ прыйшовъ винъ додому, ставъ черезъ поригъ перелавыть, упавъ и глечыкъ зъ дрижоками розбывъ та й каже:

— Скоро работа, такъ нагла смерть.

Записала Н. Г. въ Черниговск. у.

318. Про хлопця, що ничего не боявся.

Булы соби чоловикъ и жинка, и бувъ у йихъ такый сынъ, що ничего не боявся. Ходыть сынъ за батькомъ та усе й просыть:

— Тату, покажи мени, що воно за страхъ!

А дякъ почувъ та й каже:

— Хай же я його злякаю.

Попросывъ винъ того хлопця звонить на утреню, а самъ упередъ злизъ на звоньцю, одягся у билу довгу сорочку, ростопырывъ руки и стойить.

— А що се,—пытае хлопецъ,—стойить?

Дякъ мовчыть. Винъ у друге: /

— Кажы, що стойить, а то штовхону!

Дякъ думает, що винъ злякается, и зновъ мовчыть. Тоди хлопецъ якъ штовхоне: дякъ и покотывся зъ звоныци, и зломывъ соби ногу. А сынъ зновъ прыстае до батька:

— Покажы, та й покажы той страхъ!

— Веды його,—кажутъ люде,—у гай: тамъ высыть ажъ симъ висилныкивъ,—хай винъ йихъ стереже.

Одвивъ батько сына у гай. Розложывъ хлопецъ огонь, та й давай тыхъ висилныкивъ грить: зниме, погріе, та й зновъ повисыть.

— Ну,—пытають люде,—спужався?

— Ни,—каже,—не спужався: вони мовчали, а я йихъ гривъ, та й зновъ вишавъ.

— Поведы ще його,—кажутъ люде,—у тей домъ, що ниhto не живе.

Одвивъ батько сына туды у кимнаты, а у тыхъ кимнатахъ, та таке страхитте! Спершъ побачывъ хлопецъ багато голодныхъ котивъ, и давай вони його дряпать. Узывъ хлопецъ и поодрубывавъ йимъ лапы. А потимъ якъ почало тамъ стукотить та кыдаты каминюкы,—и чого, чого винъ тилькы тамъ не бачывъ! Лигъ винъ на м'який услонъ, и якъ почало його носыть по комнатахъ, та стукотыть, та гуде, а винъ лежыть соби и ничого не бо-йиться. Такъ и переночывавъ.

Якый бы ще тоби страхъ показаты?—думаетъ батько. Отъ разъ хлопецъ заснувъ, а батько возмы та й лыны на його видро холоднойи воды. Сынъ якъ скопыться, та такъ испужався. И съ того разу годи вже пытаты, що то за страхъ.

Записала отъ крестьянъ с. Б. Муравейки. Черниг. у.

М. С. Чудновская.

319. Негода.

Одынъ чоловикъ заколовъ свыню та й ставъ обривувать сало, та де товще—само соби, а тонше—само соби, а жинка и каже:

— Чоловиче, на що це ты одкладаешъ?

А чоловикъ и каже:

— Та це тонше негоди, а товще намъ.

А жинка и пыта чоловика:

— А яка то негода?

А чоловикъ и каже:

— Та, шо въ сыньому халати, то й негода.

Ото чоловикъ пойхавъ на поле, а жинка була дома и дывыться, колы йде жинка въ сыньому халати по вулицы, а вона выбигла та й каже:

— Жинко, жинко! Иды сюды, на сало!

А жинци шо жъ одказуваться? Ото прыйхавъ чоловикъ до дому та й каже:

— Изжарь сала!

А вона й каже:

— А-ге! Я оддала негоди.

Ото чоловикъ росердывся та й каже:

— Ну, ходимъ наздоганять!

Ото вони й побиглы... (Отрывокъ).

С. Исакова, Славяносербск у Екатеринославской губ

Б Д. Гринченко

320. Нужда.

Жылы соби дидъ и баба. Дидъ и каже баби: «Збирай, бабо, гроши про нужду!» Стала баба одкладувать гроши и назбирала цилый рукавецъ.—Зайшовъ разъ до нихъ москаль,—дида не було дома. «Чого се ты такой обидранный?—пытае у москаля баба. «Охъ, бабка, нужда,—

потому и ободраный.»— «А у насъ,—каже,—е гроши про нужду.» Унесла вона той рукавецъ и оддала москалю. Трохы згодомъ приходить дидъ, вона йому и похвалылась, шо уже оддала нужди гроши: Дидъ на коня, та за москалемъ Бачыть москаль, шо беда,—ставъ коло кривойи березы и держыть ййи рукамы. «Чы не бачывъ,—пытае дидъ,—нужды?»—«А ось тилькы шо пройшла; подержы березы, а я заразъ на кони дожену » Сивъ москаль на коня, та й бувъ такый.

Записала въ д Гусавкѣ черниг у. отъ Адриана Мольки
М. С Чудновская

321. Маты зрадныця.

Жылы у лиси чоловикъ и жинка. Чоловикъ зане- дужавъ и вмеръ. Тоди жинка заховала його. И скоро у тиейи жинкы народылось двое дитей. И лежыть та жинка и дума: «Господы! хто мыни оцыхъ дитей охры- сте, якъ я не знаю ни слободы, де вона есть, ни люде сюды не заходятъ,—хто мени йихъ перехрысте?» Колы дывыться—иде двое: Святыи Петро и Богъ. Перехресты- лы: Святыи Петро дивчынку, а Богъ хлопчыка; Святыи Петро давъ имъя дивчынци Настя и ще давъ йй гребеныкъ и дныщечко. А Богъ давъ имъя тому хлопчыкови Петро и ще давъ жупанокъ и рушныцю. И той хлоп- чыкъ прегарный бувъ стрелець, такый, шо якъ нацильвся, такъ и вбѣе. А дивчынка якъ сяде було на дныщечко, такъ и зна, де шо робыться. И той Петро було якъ пиде на охоту, набѣе птыци, звиру всякого и назбиравъ стилькы шкуру, шо нигде йихъ диваты у хати вже. Ото одынъ разъ йидуть чумаки по шляху, а Петро и каже чумакамъ

— Купить у мене шкуры!

А ти чумаки й кажуть

— Де вони у його взялись, ти шкуры?

А Петро й каже чумакамъ:

— Ось грошки подождить, я заразъ принесу вамъ шкуръ.

Ото пишовъ Петро, прынись багато шкуръ, що стало уси возы понавалювать, ти люде тоди пойихалы, а Петро пишовъ додому. Прийшовъ винъ додому и каже матери:

— Мамо, дывиться, мени чумаки дали грошей за шкуры.

Ото скільки тамъ годъ промынуло. Петро усе бувъ зайцивъ, птыць, вовкивъ, лысыць, усе, усе. Олынъ разъ Петро пишовъ на охоту, а маты осталась дома. Колы це иде чоловікъ якыйсь, прийшовъ у хату:

— Здрастуйте!

А маты каже:

— Здрастуйте!

Отъ, той чоловікъ и каже:

— Давай сына твого стребымо, а съ тобою будемо жыты.

И вподобався той чоловікъ матери, а то бувъ змій, и пытається вона:

— Якъ же його стребыты?

А той чоловікъ и каже:

— Якъ прыйде винъ изъ охоты, такъ ты прыстався, наче хвора и кажы:—Сынку, якъ бы ты мени прививъ дыкойи поросятыны, то я бъ може одужала бъ.

Отъ, прыходе сынъ, змій заразъ пидъ кровать и сыдыть, а маты и прыставылась, наче хвора; сынъ пыта:

— Чого вы, мамо, хвори?

А маты й каже:

— Та хто його зна, чого я нездужаю; якъ бы ты мени, мій сыночку, пойихавъ та прививъ дыкойи поросятыны.

Отъ, Петро узявъ свого конька и пойихавъ, та

просто до сестры, (а сестру тоди уже замижъ оддалы).
Отъ, прыйхавъ Петро до сестры и каже:

— Послала маты мене за дыкымъ поросямъ.

А сестра й каже:

— Ой, братику! У нашойи матери есть уже другой
чоловикъ, такъ хотять тебе стребыть. (А вона така, що
якъ сяде на дныщечко, такъ и зна, що и де робыться).

А Петро й каже:

— Ни, нема, сестрычко, никого у хати.

Тоди й каже:

— На, братику, оцього мого коня, та гляды жъ ты
мени, що я тоби буду казать: не беры одного поросята,
а то свыня якъ нажене, такъ изысть, а хапай двое; якъ
двое ухапашъ, такъ якъ бигтыме свыня, такъ ты одно
кынешъ, а зъ однимъ прыбизышъ.

Отъ Петро пойхавъ. Приыздыть, колы дывыться,—
лежать поросята, а свыни не було, паслася десь. Отъ
Петро ухопывъ двое поросятъ и подався. А свыня якъ
почула, що хтось поросятъ забравъ, давай бигты, давай
бигты,—отъ отъ нажене; а Петро узывъ и кынувъ одно
порося, а зъ однимъ побигъ до сестры. Прыбигае до
Насты, тоди Настя оставыла те порося, а свое дала.
Тоди Петро пишовъ додому. Прыходыть додому, а той
змй заразы пидъ лижко, а маты на лижко и упъять
хвора. Приыздыть до матери Петро й дае порося. Ма-
ты його спекла, попойила трошкы й каже:

— Отъ, сыну, наче я трошкы одужала; тилько якъ бы
ты, мй сыночку, ще доставъ дыкого яблука, то тоди бъ
я, може, и одужала зовсимъ.

Треба тоди упъять йихаты Петрови. Переночувавъ
винъ дома и пойхавъ упъять до сестры. Прыыздыть
винъ до сестры и каже:

— Упъять мене послала маты, щобъ я ище привизъ
яблукъ.

А сестра и каже:

— Гляды жъ мени, братику, тамъ птыця изъ зализанымы носамы, такъ ты якъ будешъ рваты яблука, такъ не рвы одного, а рвы такъ, щобъ уси осыпалысь, бо якъ не попадають вонны, такъ птыця тебе нажене и заклюе.

Тоди Петро узявъ коня ййи и пойхавъ.

Прийиздыть Петро до тйи яблуні, дывытыся, колы нема птыць; винъ ухопывъ одну, та якъ трусне, такъ и осыпалысь. Птыця до тыхъ яблукъ, почала збирать, а Петро уже втикъ далеко. Прийиздыть винъ до Насті. Настя тоди узяла ти яблука, а свойихъ дала. Тоди Петро пойхавъ до матери. Прийиздыть, отдавъ. Маты извила, тоди и каже:

— Отъ, сыну, якъ извила я оци яблука, такъ наче я не хворала.

Походыла такъ маты недиль тры, тоди Петро упъять и пыта:

— Чого вы, мамо, нездужаете?

— Та хто його знае, чого я нездужаю. Мабуть уже коса за плечыма. Якъ бы ты мени, сынку, привизъ воды сцилющойи и жывушойи. Десь за тры-дев'ять земель въ иншимъ царствіи есть така гора, що вона на одынъ часъ росходытыся, и съ тйеи горы леться вода сцилюща й жывуша, — такъ ты мени привезы тйеи воды, може бъ я одужала тоди.

Пойхавъ Петро упъять до сестры и каже:

— Ну, сестро, упъять мене маты послала, щобъ я прынесъ воды сцилющойи и жывушойи.

Тоди сестра и каже братови:

— Ну, на, братику, тоби оцього коня (а той кинь бувъ такый, що пробига у часъ 400 верстовъ) та на ище тоби, братику, оцей глечычокъ, та гляды жъ мени, не жды, помы набереться повно, а то задаве гора.

Тоди Петро пойхавъ до тйеи горы.

Прийиздыть винъ до тйеи горы, гора ище не росходылась; винъ пидождавъ, помы гора розійшлась.

Тильки гора розійшлась, винъ заразъ туды,—колы дывиться, вода сцилюща й жыгуща; винъ заразъ тоди пидставивъ кубушечку, и не набигла половынка, винъ заразъ и гайда назадъ. Бижыть винъ и бижыть, а та гора завдовшки 400 верстовъ,—отъ уже й сходяться; винъ бижыть, ажъ пылява стовпомъ иде, насылу, насылу выскочыть; тутъ заразъ и гора изійшлась.

Прийздыть винъ до сестры, сестра тоди узяла ту воду соби, а своєї дала. Тоди Петро пойихавъ до матери, оддавъ воду. Маты узяла ту воду и выпыла и наче уже зовсимъ одужала. Отъ маты и змій бачуть, шо ничего не зроблять, то тоди уже и не посылали никуды.

Петро шо-дня ходивъ на охоту, бывъ звиривъ, птыць,—усе чисто. И той Петро якъ надине жупанокъ той, шо Богъ йому давъ, такъ такый сыльный, шо дубы ирве. Ото одынъ разъ той змій каже жинци:

— Ты ще спробуй такъ: якъ прийде винъ зъ охоты, такъ ты кажи: сыночку мій, а ну давай, я въ тебе спробую сылу.

Та й навчыть ййи, шо робыть. Отъ прийшовъ Петро зъ охоты, а маты й каже сынови:

— А ну, дай я, сыночку, сылу твою спробую.

Винъ давъ. Маты умотала усього у дритъ, той якъ надувся, такъ и лопнуло. Тоди маты й каже:

— А ну бо, сынку, искинь жупанокъ.

А Петро тоди й каже:

— Та ни, мамо, не треба скидаты.

А маты:

— Та скинь бо, сыночку, я спробую сылку.

Отъ винъ тоди скинувъ, маты умотала його шовкомъ,—отъ винъ якъ надувся—не перервавъ. Колы дывиться Петро, лизе съ пидъ кровати такый мацапура,—надивъ заразъ жупанокъ, а тоди каже:

— А ну, давай теперь быться!

Тоди винъ заразъ убывъ Петра, порубавъ на шмат-

кы, привъязавъ до коня и пустывъ. А той кинь побигъ та просто до сестры. Сестра побачыла, що братъ убыйтъ та заразъ до його:

— Охъ, мій братику! Я жъ тоби казала тоди, що убють, а ты мени не вирывъ.

Узяла його тоди сестра, вбрызнула водою сплющю, винъ исцильвся; вбрызнула вона водою живущю, винъ оживъ. Тоди уставъ и каже:

— А й заснувъ я крипко!

А сестра й каже:

— Заснувъ бы ты навикы, якъ бы не я.

Тоди Петро zostався жыты въ сестры, и живъ винъ у нейи годъ девъять. Разъ сестра й каже:

— Оце, братику, зробысь ятлыкомъ, полеты до йихъ у садокъ, — вони теперь тамъ гуляють, такъ ты прылеты та такъ наче смирною птычкою.

Отъ винъ перекрынувся птычкою и полетивъ. Прылетивъ винъ и сивъ била йихъ, а въ йихъ була вже дытна. Отъ маты й каже:

— А ну, старенькый, пймай оту птычку дытны.

А та птычка узяла й сила на дереви. Винъ полизь за нею на дерево, а жинка каже:

— Та скынь бо, старый, жупанокъ, а то порвешъ.

Отъ винъ искынувъ, а птычка усе выще, а винъ за нею. Доманывъ його ажъ на самисинькый верхъ дерева ятлыкъ, а тоди пурхъ на нызъ та перевернувся та й зробывся чоловикомъ, ухватывъ жупанокъ, надивъ, а тоди каже:

— А ну, излазь сюды!

Винъ зливъ, а Петро тутъ заразъ и зарубавъ його. Тоди матиръ узявъ до сестры, и живутъ поживають та добра наживають.

Славяносербскій у. Екатериносл. губ. записалъ Б. Д. Гринченко.

Въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1858, № 21, стр. 161—162) напечатанъ слѣдующій вариантъ этой сказки, записанный С. Д. Носомъ.

Якъ бувъ соби дидъ та баба; дождалы соби дочку и сына. Умеръ батько и маты, довелося йимъ—нигде жыть. Отъ вони узялы и пишы зъ своего дому:

— Ходимъ, сестро, на заробиткы!

Идутъ та йдутъ, колы стойить хата у гайи; вони тамъ стали жыть. Жыуть та й жыуть, дакъ до тоейи сестры и парубка унадывся змій. Теперъ вони жыуть та й жыуть, хочуть брата зъ змиемъ зъ свита згубыть. Отъ:

— Якъ його,—каже змій,—зъ свита згубыть?

Сестра и каже:

— Послатъ його заячого молока достать, такъ його зайци зйидать.

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала зайчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти!

— Дамъ тоби молока, а старшого сына на послугу.

Прынисъ те молоко, отдавъ сестри, вона взяла, на черинь высыпала та й каже:

— Не помогається! Иды,—каже,—лысычого молока дѡстанъ!

Прийшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала лысыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажала сестра ѡзпого покорму.

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ прышовъ, загнавъ ту лысыцю зъ зайцемъ у хливъ, прынисъ молоко. Вона вылыла на черинь, каже:

— Не помоглося! Пиды лучше вовчого прынеси!

Винъ прышовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала вовчыця выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, требуешь? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажалось сестри вашего покорму!

— Дамъ я тоби покорму, а старшого сына на послугу.

Винъ узявъ, прынись те молоко, вовка загнавъ у хливъ. Вылыла вона й те на черинь:

— Не помоглось! Пйды,—каже,—ведмежого достань!

Прыйшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала ведмедыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ, требуешь? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти.

— Дамъ я тоби покорму и старшого сына на послугу.

Винъ прынись те молоко, отдавъ, загнавъ ведмедя въ хливъ. Вона вылыла на черинь, каже:

— Пйды, левого достань молока!

Прыйшовъ до лужка, ставъ лучокъ направлять, стала левчыха выбигать:

— Чого, Иванъ Ивановичъ? Чы по воли, чы по неволи?

— Бильшь того, що по охоти: забажала сестра вашего покорму.

— Дамъ я тоби покорму, старшого сына на послугу.

Прынись, отдавъ йй. Вона вылыла на черинь:

— Не помоглось! Пйды,—каже,—достань млынця того, що на мори машына стойить, що самъ и мелеться, и мисыться, и самъ выкыдається, и въ тй машыни дванадцатеро дверей.

Винъ пишовъ зъ тым хортамы, ускочывъ у машыну, ухватывъ млынецъ, оглянеться, ажъ хорты остались тамъ, у тй машыни.

Ото йде, а сорока билобока летыть:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ: уже твои хорты двое дверей прогрызлы!.. Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ, уже твои хорты четверо дверей прогрызлы! Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановичъ, уже твои хорты

шестеро дверей прогрызлы!.. Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твои хорты восьмеро дверей прогрызлы!..

Летыть та й летыть сорока:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твои хорты десятеро дверей прогрызлы!..

Изнову летыть сорока билобока:

— Огынайсь, огынайсь, Иванъ Ивановычъ: уже твои хорты одынадцяти двери прогрызлы!..

Прийшовъ додому, принись млынця. Загадала йому сестра окропы грить, ножи гострыть. Сорока билобока каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, мокрець (мокрыи дрова, щобъ не швидко горило).

Знову каже:

— Клады, Иванъ Ивановычъ, сухыи дрова (що хорты бижать).

Кыпляют окропы, ото вже його зовсимъ ризать.

— Пождить,—каже,—пйду на дуба свысну!

Винъ свыснувъ,—бижать хорты. Хорты попрыбигалы, излизъ изъ дуба, увійшовъ у хату, хорты за нимъ повбигалы и полягали пидъ лавою; отъ-отъ вже зовсимъ, вже його рубать, то й каже на хортивъ:

— Беры, левко!

Той якъ ухватывъ змя, дакъ такъ и рознись його. Тыйи кынулись, дакъ и ничего. Такъ винъ узявъ сестру, у погребъ заперъ и сказавъ йй:

— Наплачь бочку слизь, тогди выпущу!

Вона плакала, плакала, да тамъ и зотрухла. Той братъ узявъ ружья да зъ тымы хортамы и пишовъ у лись.

322, Про хлопчика Повотыгорошка.

Жылы собъ дѣдъ де баба, не було въ ихъ дѣтей. Ены хоть старые уже були, но скучали сами жить на свѣти. Вотъ начали ены хадить до ворожокъ, щобъ ены

посовѣтовали имъ еке нибудь средство, щобъ и у ихъ було дитя. Вотъ разъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Хадемъ, бабо, ше куда нибудь до ворожки.

Приходятъ до ворожки въ другое село. Вотъ ворожка имъ и каже:

— Здѣлайте вы такъ: екъ знесе курка ейцо, то возмите его завертѣте въ тряпку и положите его въ печерку и ней лежить въ печеркѣ да тыхъ поръ, закуль родица изъ его мальчикъ Покоти-Горошко.

Вотъ дѣдъ зъ бабою заплатили ворожкѣ шо слѣдувало и пошли додому. Приходятъ додому, живутъ день, живутъ други,—курка не несе ейца. Вотъ дѣдъ и каже своей бабы:

— Бачъ, пене бабо, екіе мы щасливые, шо вотъ и курка наче знае,—не несе ейца.

Ажъ отъ послѣ того, екъ сходимъ дѣдъ до ворожки, пройшло десеть дней,—знесла курка имъ ейцо. Израдувалисе, завернули ейцо въ тряпку и положили его въ печерку. Ждутъ дѣдъ да баба собѣ дитяти' и ниякъ не дождуца.

Вотъ вишло петнацать недѣль послѣ того, екъ положили ены ейцо въ печерку, ажъ отъ проявивсе мальчикъ Покоти-Горошко. Израдувалисе дѣдъ да баба. Вотъ живутъ ены, ниякъ не налюбуюца на его. Вотъ разъ дѣдъ поѣхавъ орать на поле, а на бабу каже:

— А ты, бабо, принеси минѣ обѣдать.

Такъ поѣхавъ дѣдъ орать. Вотъ орае дѣдъ утро, а баба готовица нести обѣдать. Вотъ сынокъ ее каже:

— Понесу, мамо, и я съ тобою обѣдать.

А баба каже:

— Якъ же тобѣ, мой сынокъ, нести обѣдать, шо ты совсѣмъ маленечки.

— Дарма, пене мамо, шо я маленьки. Я буду съ тобою ити.

Баба каже:

— Ну, понесемъ.

Собралися и понесли об'їдать. Несуть об'їдать, и баба нїякъ не надивуеца на свого сьнка. Принесли ены д'їду об'їдать.

Вотъ хлопчикъ и каже:

— Давай, тато, я буду орать, а ты иди об'їдай.

Д'їдъ каже:

— Якъ же ты будешъ орать, шо ты не достанешъ и за соху держать?

А енъ каже:

— Дарма, пене тато, шо не достану за милицу, я и такъ буду орать.

Вотъ д'їдъ и каже:

— Ну, ори!

Вотъ малчикъ с'ївъ волю на роги и оре, покрикуеть на ихъ, а д'їдъ пошовъ об'їдать.

Вотъ їде въ те врем'є дорогою панъ и чуе, шо хтось ле воловъ и кричить, и воли ходять съ сохою якъ сл'їдуе. Вотъ панъ и питае у д'їда:

— Хто се у тебе воре? И нема никого ле воловъ, а хтось кричить.

Д'їдъ каже:

— А се у мене есть таки малчикъ, шо сидить у вола на рогахъ и воре соб'ї.

Вотъ пану завидно стало на такого малчика, вотъ енъ каже д'їду:

— Продай мин'ї сего мальчика.

А д'їдъ и самъ радъ, шо дождавъ малчика:

— Н'їтъ, баринъ, я сего малчика не продамъ, енъ мин'ї самому годящи.

А малчикъ подб'їгъ къ д'їду да и каже тихенько:

— Продавай мин'ї, тато, я утеку отъ пана.

Вотъ мужикъ тоды и согласивсе продать малчика. Вонъ панъ давъ мужику тимало грошей за малчика, забравъ малчика и по'їхавъ домой. Вотъ привозить панъ додому малчика и каже:

— Погледи, барине, екого я малчика привезъ.

Барине погледѣла на малчика да екъ закричить:

— На що ты его привезъ, щобъ минѣ покою не дававъ?

Панъ и каже:

— Ты не гледи, що енъ маленьки, а енъ уже и орать умѣ.

Барине каже:

— Якъ же енъ воре—таки маленьки? Енъ не достане и за соху держаца.

— А енъ сяде волу на голову де воре.

Вотъ живе малчикъ у пана день, живе други, а потомъ разъ урани вставъ, подѣвъ хорошенько да пошовъ домовъ до свого батька. Пришовъ малчикъ додому, дѣдъ израдувавсе, що малчикъ утѣкъ одъ пана.

Повставали панъ исъ панею, челядки приготовили имъ обѣдать. Вотъ барине и зове малчика обѣдать, ажъ его уже и въ дому нема. Побѣдкалисе паны, да нечего дѣлать... А потомъ панъ разъ и каже своей баринѣ:

— Се нашъ малчикъ видно утѣкъ до свого батька.

Барине и каже пану:

— Дакъ ты коли нибудь ѣдъ, забери його опять къ собѣ.

Вотъ панъ запрогъ коней и поѣхали съ челядникомъ въ те село, де живъ малчиковъ батько. Пріѣхали къ нему дѣду, що панъ купивъ у его малчыка, ажъ малчыкъ гуляетъ по двору. Вотъ увишевъ въ дворѣ панъ, а малчикъ сейчасъ побѣгъ у хату и сказавъ батьку, що пріѣхавъ панъ. Вотъ мужикъ виходивъ на встрѣчу пану. Панъ якъ стрѣвъ мужика, такъ начавъ питать у его, ти не втѣкъ малчикъ къ ему. Мужикъ каже:

— Хоть и втѣкъ, дакъ я тобѣ вже не дамъ малчика.

Дакъ панъ тоды и каже:

— Якъ же минѣ не даси малчика? Я жъ тобѣ гроши заплативъ за его.

Мужикъ каже:

— Заплативъ, дакъ було берегти, щобъ не втекъ.

Ажъ отъ входитъ и малчикъ до пана. Дакъ панъ и питае у малчика:

— Чего малчикъ, отъ мене втьокъ?

А малчикъ каже:

— Въ тебе я не хочу жить. У тебе нечимъ орать, а я гулять не хочу.

Вотъ мужикъ и каже пану:

— Ну, забери малчика, де больше не пускай, щобъ не втѣкъ.

Вотъ панъ забравъ малчика и поѣхали додому. Привезъ малчика додому да тоды и каже:

— Ну, теперъ уже не втечешъ.

А малчикъ каже:

— Нѣ, екъ захочу, то изновъ утеку.

Панъ каже:

— Нѣ, вже будешъ въ одной комлати проживать.

— Дакъ що, що въ одной хати? Я у вокно утеку.

Вотъ панъ тоды росердывсе на мальчика да и каже:

— Я тебе зарубаю, екъ будешъ лѣзти въ вокно.

Вотъ малчикъ надумавсе: подожди, я тебе обманю опять. Вотъ разъ гулявъ малчикъ на городи и найшовъ тамъ екусь костку изъ коня и забравъ зъ собою. Принесъ додому, положивъ въ ту комлату, де начовавъ съ паномъ. Дождавсе малчикъ вечера и ввечери и каже пану:

— Вотъ я екъ захочу, то я и сю ночь утеку.

А панъ самъ собѣ и думает: погуляй же, я тебѣ шаблею голову отсѣку. Вотъ часовъ у десеть вечера полегли панъ съ малчикомъ спать. Вотъ малчикъ собѣ не спитъ, не спитъ да думает: якъ бы утекти? Отъ а панъ вставъ тихенько съ постели, взявъ шаблю, пошовъ на дворъ и сѣвъ подъ вокномъ съ шаблею. Вотъ малчикъ уже знае, що панъ его стереже подъ вокномъ. Вотъ

малчикъ взявъ костку и ладица, якъ бы утекти. Придивсе тихенько, подъ екимъ вокномъ стоявъ панъ съ шаблею. Вотъ малчикъ взявъ костку де попередъ посунувъ ее въ окно. Вотъ пану думалосе, що се мальчикъ у вокно лѣве, дакъ панъ тоды екъ сѣконувъ костку шаблею, дакъ и пересекъ пополамъ, де тоды и кричить:

— Барине, неси свѣтло, я уже малчика зарубавъ.

А малчикъ тоды вылѣзъ въ вокно да и пошовъ додому. Принесла барине свѣтло, розгледилисе ены, ажъ то панъ не малчика пересекъ, а костку. Малчикъ тоды живе собѣ зъ батькомъ да зъ маткою, живутъ и красуюца.

Записалъ Яковъ Бондаренко, кр. с. Деревныи Городнянцкаго у. Сообщилъ В. Т. Андриевскій.

323. Про багатаго купця дочку.

У одного купця було трое дитей: два сыны и одна дочка; синивъ винъ оставивъ дома торговать, а дочку отдавъ учыться до одного далекого попа; а у того попа учылось багато дивчатокъ, тилько красывишойи одъ дочкы того купця не було. Учылась купцивна у того попа три годы, вела себе чесно и розумно. Тилько той пипъ бувъ ще молодой и задумавъ приввести на безумье ту купцивну, а вона на те не согласылась; пипъ дуже росердывся на нейи и напысавъ ййи батьку, що дочка його не учыться, а балується и робить негарно. Гирко було сее чуты батьку, дуже винъ росердывся и приказавъ свойимъ сынамъ пойхать до дочкы и одрывать ййи голову, вынять изъ нейи сердце и його йому, купцю, привезты, а тило щобъ спалылы на огни и попелъ пустылы на воду. Сыны пойхалы до своейи сестры и чуть тилько уйихалы до попа у двиръ, якъ йихъ стрила сестра, зрадила здорово

такъ, що не знала, що и сказать йимъ одъ радости. Браты тежъ порадили побачывши сестру, признались йй, чого прыйихалы, потимъ заризалы собаку, выняли зъ його сердце и те сердце повезлы до батька, а сестру оставылы жыву. Зажурылась та купцивна и пошла у лиса да горы и тамъ ходыла ажъ симъ годивъ. Ходыть соби та й ходыть, йистъ кориння, а сама хороша, хороша. На сьомый годъ стричае ййи охотныкъ—купецъ; роспытавъ ййи и взявъ соби ййи за жинку. Пойиде було сей купецъ за моря за товаромъ и прыйихавшы росказуе, що бачывъ тамъ, що чувъ. По росказкамъ догадалась вона, що винъ буває у ййи батька. Черезъ скилько то годивъ той купецъ заболивъ, а треба було йихать за товаромъ. Отъ винъ и пославъ свою жинку изъ кумомъ за море. У йихъ уже була и дытынка. Пойихалы вони кораблемъ. Кумъ захотивъ привезты на безумъе купчыку и ставъ ййи пидговарувать, тилько вона не согласылась. Кумъ росердився и вкынувъ ййи дытынку у море, а потимъ укынувъ и ййи. Дытынка потонула, а вона выплыла на берегъ и пошла у той городъ, де живъ ййи батько. Прышла до батька и нанялась до його. Ни батько, ни браты ййи не позналы. Годивъ черезъ тры, або чотыри прыйизжае туда до батька и ййи чоловикъ. Батько и пытае його, чого довго не бувъ? Той росказавъ свое горе, що винъ заболивъ, пославъ за товаромъ свою жинку зъ кумомъ. Дорогою дытына умерла, а жинка його зъ гора утопылась у мори. Слухае йихъ мову наймычка, бачыть, що ниhto ййи не познае и говорить тоди все те надогадъ, що зъ нею було ще змалечку и до того, якъ вона наймычкою стала. Догадавсь тоди старый купецъ, що сая наймычка—його ридна дочка, а молодого куиця жинка. Зрадилы вси, що вона жыва и здорова. Молодый купецъ узявъ ййи съ собою и, прыйихавшы додому, одризавъ голову тому паганючому куму. Отъ грамотнаго крест Гавриила Вврияча въ селѣ Русановѣ, Остерскаго уѣзда Черниг губ, записалъ И. Е. Коноваль.

324. Шептуха.

Була соби стара баба и така вона була вбога. Отъ пишла вона до батюшки та й пытається, шо ййй робить, шо вона своєї души не прогодуе, бо сама вона не здужае робить, а люде не дають. Отъ батюшка ййй и каже:

— Ты окажысь шепетухою.

Вона й пытається въ його:

— А якъ же мени, батюшко, казать?

— Ты,—каже,—кажы: я баба шепетуха одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и' духъ у тоби, а якъ я одъ тебе, такъ и духъ изъ тебе.

Отъ та баба и оказалась шепетухою, и вси ййй несутъ и везуть, и стала вона багатою. Теперкы у батюшки у горли зробився нарывъ, винъ забувъ, шо винъ ту бабу вчывъ, та й поклыкавъ йййи до себе. Отъ вона й стала йому шептать, винъ и пытається:

— Якъ же ты кажешъ?

Вона каже:

— Я баба шепетуха одъ святого духа: якъ я пры тоби, такъ и духъ у тоби, а якъ я одъ тебе такъ и духъ изъ тебе.

Батюшка зареготовався, нарывъ прорвався, и батюшка одужавъ.

Черняговскій уѣздъ. Записала Н. Г.

325. Вачылы очи, що куповалы.

Чоловикъ мавъ тилькы одну копійку; ходыть винъ по базару, выбирае, щобъ його купыть. Побачывъ хринъ. Пытае, килькы стойить. «Вовьмы,—каже передерійка,—за копійку.» Узявъ, ставъ йисты—не йистыся: гиркый, сльозы

йдуть. «Ни,—каже,—плачте скільки хочете, а йижте, хочъ повылазьте: бачылы очи, що купувалы.»

Записала отъ Орины Непомнящей, въ с Выбляхъ Черн у.
М. С Чудновская

326. Кавунъ-Рябчыкъ,

Насадывъ чоловикъ баштанъ. Добре вродылы кавуны. Бильшъ усихъ бувъ одынъ рябый кавунъ, котрого хазяйинъ дуже кохавъ и прозвавъ «рябчыкомъ». Кавуны поспилы; хазяйинъ наклавъ визъ добрыхъ кавунивъ, зверху положывъ «рябчыка» и повизъ на продажъ. Йиде соби и курить люльку, замыслывшысь. Коло дороги була могыла, на котрій поросла гарна травица. Волы звернули до могылы попастысь, и хазяйинъ тоди огледивсь, якъ вони вже зйихалы на могылу. «Цабе! цабе!» крычыть... Але вже було пизно. Визъ пйшовъ шкаребертъ, и кавуны покотылись зъ горы на дорогу. Самъ хазяйинъ тежъ полетивъ зъ воза, але не пускае люльки зъ зубивъ; дывыться, якъ кавуны котяться, да й каже: «А рябчыкъ усихъ попереджа».

Борвенский у. Г. В. Дорошенко.

327. Смерти спужалась.

Одна жинка мала чоловика пъяныцю и усе просыла соби у Бога смерты. Якъ прыде було чоловикъ изъ шинку, та почне ййи быть та нивечыть, то вона:

— А, Господы, пошлы мени скорищъ смерты!

И почувъ сее москаль, що стоявъ у йихъ на квартири. Пйймавъ винъ индыка, обскубъ пире, и якъ пъяный чоловикъ, попобывшы жинку, захрыопъ, а жинка стала прычытатъ: «А, Господы, пошлы мени скорищъ смерты!»—москаль упустывъ у хату индыка та й каже:

— Молодка, вотъ смертъ за тобой идють.

Молодыця тоди якъ кинеться, та якъ закрычыть:
— До чоловіка иды, смерть, до чоловіка!

Записала въ с. Выбляхъ Черниг у отъ Ульяны Ключицкой
М. С Чудновская

328. СКУПЫЙ ЧОЛОВИКЪ.

Одынъ чоловікъ та загубивъ у лиси кобылу. Блукае винъ по лисови, шарыть кобылы, бидкається й за ушыма шкребе, а нигде не знайде—мовъ кризъ землю провалылась. Отъ ставъ винъ, здійнявъ шапку, утеръ пить та й каже:

— Господы! Якъ бы мени оце знайти кобылу, то купывъ бы на цілого пивкарбованця воскову свичку до божого дому.

Не встыгъ чоловікъ останнихъ сливъ сказаты, колы кобыла якъ заирже на весь лись. Вдарывъ винъ по кышени рукою та й каже:

— Отъ слава Богу, и полтынникъ не пропавъ!

В. Ф Степаненко, въ с. Полствинѣ Каневск. у.

329. Дрова.

— Отъ, кумочко, яки въ васъ дрова: повну пичъ наклалы и вси горять, та ще й якъ жарко. А въ мене такы прѣкляты, шо однимъ-одне полинце положу, та й те не горять.

Записала М. Н Гринченко.

330. Розмова.

Два селяныны йидучы на волахъ вустрились въ

степу пидъ хуртовьну:

- Здоровъ будь!
- Здоровъ!
- Ты видкиля?
- Кто, я?
- Э-жы!
- А ты видкиля?
- Кто, я?
- Э!
- Я въ Чепеля.
- О, ба—и я видтила.
- Кто жъ ты такый?
- Кто, я?
- Э-жы?
- А ты хто?
- Я?
- Э!
- Я Чепеливъ сынъ.
- О, ба, а я його зять.
- Тпру! Закуримъ!

В. Ф. Степаненко, въ с. Полствинъ Кіевской губ.

331. Добре, та не дуже.

- Здоровъ!
- Здоровъ!
- А що нового?
- Ничого; шага тилькы знайшовъ.
- Це добре.
- Не дуже то й добре, бо щербатый.
- Це погано.
- Не дуже то й погано; бо хоча й щербатый, а мир-ку гороху за його кущывъ.
- Це добре.

- Не дуже то й добре, бо зъ червоточною.
 - Це погано.
 - Не дуже то й погано, бо хочъ зъ червоточною, а свынню цымъ горохомъ выгодувавъ.
 - Це добре.
 - Не дуже то й добре, бо вовкъ свынню вкравъ.
 - Це погано.
 - Не дуже то й погано, бо я вовка вбывъ.
 - Це добре.
 - Не дуже то й добре, бо панъ шкуру виднявъ.
- Г. В. Дорошенко въ Борзенскомъ у. Черниг. губ. 1897.

332. Чого хоче.

- На шага.
- Не що.
- На два.
- Не бачу.
- На три.
- У торбу пры!

333. Нисенитныця.

То жъ бувъ я колысь поганимъ хазяйиномъ и було въ мене худобы стара собака та коза та кобыла, що якъ положишъ два мишки, до зъ горы ще й бижить. То жъ пойхавъ я у биръ по хмызъ. Дывлюсь—вельчезна купа хмызу, а зъ нейи злетивъ здоровенный ведмидь. Я туды—ажъ тамъ дванадцятаро яецъ. Давай я ти яйця на визъ котыть. Котывъ-котывъ, одынадцятаро скотывъ, а дванадцятаро не мистытьсѧ. Я тоди йихъ уси въ шапку. Набравъ хмызу та й додому. Прийижджаю, ажъ моя свыня заквоктала. Я ти яйця пидъ комору, и высе-

дила мени свиня дванадцять паръ воливъ якъ соколивъ.

Треба, думаю, погоняча наймать; колы дывлюсь—у мене батько родився, а диди ще й на свити не було. Пойихали мы зъ батькомъ ораты Оралы, оралы, а дели якъ нападе на волю опадъ—уси до одного повыздыхали. Що тутъ його робить? А тутъ поля-поля,—дакъ и окомъ не скинешъ: усе те мисце, де собака качався та одъ мухъ одганявся. То жъ мени батько й рае:

— Не беры ты кобылы, а нумо мы ораты козою та собакою.

Запрягли мы козу въ соху, а собаку впередь. Собака лягла, а коза бойтись йты. Що тутъ робить? Огъ батько й придумавъ: «Запряжемъ козу впередь, а позадъ, у саму соху, собаку». Запрягли та ще й шматокъ хлиба на рогы кози привъязали. Собака за хлибомъ, а коза на втьоки. Батько бижить та поганяе, а я навскачъ за сохою. Тры дни бигалы якъ непрыкаяни, та такы выоралы поле. Сталы оддыхать. Дывимось—дровъ нема, та й сокры забулысь. Малый батько якъ насыплеться на мене! Лаявъ, лаявъ та й пославъ по сокры ажъ додому. Йиду я, йиду, прыйихавъ до ричкы: нема броду, а тутъ и перевозу не дають. А йисты хочеться и не прыведы, Господы! Дывлюсь я—верба, а въ тій верби щось пыщыть. Прислухаюсь—ажъ то жарени курчата. Я въ дупельце, а воно манюсеньке-манюсеньке. Я туды пальцемъ—не лизе; я руку—не поговпыться. Я розигнався та й ускочывъ у дупло Найився, назадъ треба лизты—не можна: розийвся та потовщавъ, до й не вылизу вже. Що тутъ його почать? Побигъ я додому, ухопывъ сокры, прорубавъ дупельце, вылизъ та й пойихавъ за ымъ, за чымъ батько пославъ. Вертаюсь на поле—запхнувъ сокры за поясъ. Моя кобылка тюпъ-тюпъ, а сокрыка йийи по спыни цюкъ-цюкъ! Ото прыйихалы до воды, ставъ я кобылку пойить. Пъе моя кобыла, пъе,—няякъ не напъеться. Що воно таке? Оглянувся назадъ—ажъ у мойи кобылы заду нема: одрубала сокры. Верта-

юсь я назадъ, дывлюсь—ажъ задъ пасеться. Облупивъ я вербу, сшивъ лыкомъ задъ исъ передомъ и пойхавъ. Йиду, йиду, колы моя кобыла стала. Я ййи пугою, я ййи пугивъямъ—не йде. Оглянувся, ажъ изъ лыка выросла верба, вчепылася въ небо, та й нема намъ съ кобылою ходу. Полизъ я обрубать шыть. Ставъ обрубывать гилля та якъ зацижу у небо—такъ дирку й прорубавъ. Излизъ на небо—товару тамъ, товару—и окомъ не скинешъ. Пытаю у пастуха: «Що вы зъ шымъ скотомъ робыте?»—Э,—кае,—мы його на комари та мошкы миняемъ. Бачъ, у пекло багато сьойи пакосты треба, такъ отъ и прыходьтсья минять.—Злизъ я та въ болото. Наловывъ цилый кившъ и хутній на небо. Наминявъ добру отару—до диркы, а вербы пидъ диркою чортмае. Моя кобылка попасалась, попасалась та й одыйшла. Я й туды, я й сюды—нема ходу. Ото лыхо! Узявъ я вола, зачепывъ рогамы за небо, узявъ я другого та привъязавъ до хвоста першому та й пойшовъ изъ скоту верьовку плесты. Усихъ воливъ упливъ, спустывъ той канатъ зъ неба—лизу та лизу,—до кинця долизъ, а до земли ще далеко. Я хутенько до неба, канатъ одъ неба одирвавъ, а внызу на пальци повисывъ Отъ-отъ земля! Якъ издыметсья жъ витерь, якъ розгойдае мене зъ воламы—литаю я одъ Одесу та ажт до Беремецького *). Обирвався та въ болото по самисиньки уши Сыжу та горюю. А тутъ гемоньска чапля на голови кубло мостыть. Терпивъ я, терпивъ, а тутъ и терплячки не хватае. Колы це унадывъсь вовкъ чаплыны яйця йисты Прыходьтъ винъ одного разу, а я за хвистъ «Тю!» крычу. Вовкъ якъ рвонеться та й вытягъ мене зъ болота.

Прыхожу додому, ажъ тамъ гульня Пытаю: «Що це таке?»—Э,—кажуть,—у тебе дидъ найшовся!—Роска-

*) Веремецко—хуторецъ бля оповидачового села.

завъ я йимъ усе, що було. Дидъ якъ учувъ це, та схопыться съ колыски та за чуба мене! «А чому ты,—каэ,—сучый сыну, не привъязавъ кобылы?» Бый, думаю соби, бый, це жъ на те ты й дидъ! А батько й каже: «Иды жъ да гостей на хрестыны зовы. Та щобъ бильше назбирать, до ты одну хату мыны, а въ другу не йды, одну хату мыны, а въ другу не йды». Сталы мы частуваты гостей: у безодній бочци горилкы прынесли, у безбоки барыла розльывалы, а недовбанымъ ковшемъ обносылы.

Писля хрестынъ давай мы за хазяйство браться. На тимъ поли, що козою та собакою оралы, уродыло такого проса, що й чысла нема. Пойшовъ я одтыкать тійи копы: «Це чуже, це не наше; це чуже, це не наше». Наодтыкавъ такого, що й страхъ.

Давай мы радыться, куды його складать. У клуни? Не зложышь. У скырты?—погные. Дакъ уже дидъ старою головою, спасыби йому, надумався: зибравъ полукопкы въ рукавець та на комень. И просторо та й сушка жъ не абы яка

Багато було бъ корысты съ поля, та десь не судывъ Богъ розбагатить намъ. Унадылысь вражи мыши та й точяють пашню. Надумалысь мы одъ мышей кота посадыть. Сыдыть кить у горшкахъ та въ макитрахъ. Якась мышка—шкрябъ, шкрябъ! Кить туды та штовхнувъ наше просо, а воно зъ комена та въ помыйныцю! Отакъ и розвiялось наше хазяйство прахомъ!

С. Евминка Остерскаго у Г С Неводовскій

334. Нисенитныця 2.

То жъ пойшовъ я ходыть по базару. А въ мене грошей була одна дурна копiйка. Отъ выбиравъ, выбиравъ я соби товару та й купывъ кручене дурне порося. Збираю колiйивъ. Колють колiйи те порося—не зако-

лють,—уже зъ десятокъ голокъ поламалы. Де не взявся добрый чоловикъ—однымъ ножемъ одразу заколовъ. Бачу я: треба порося пекты. Укутавъ я його кожухамы та въ холодну нетоплену пичь—хай, думаю, упріе; а самъ пойшовъ у церкву поблагословитись порося йисты. Де не взявся паламаръ: «И такой ты, и сякий ты! Иды додому: твое кручене дурне порося по печи бигае!» Прыйшовъ я додому. Хочу я йисты, нигде мени систы. Посадылы мене за плечыма та дали мени пыригъ изъ очыма. Я за той пыригъ та за поригъ. Де не взялася вража оса, да хватыть мене за волоса да понесе на небеса. Излетивъ я на небеса—дывлюсь—стежечка. Пойшовъ я тією стежкою—дывлюсь церковця, изъ калачыка дверци, попрянычкомъ пидперта, бублычкомъ заперта. Укусывъ я бублычка, церковця одимкнулася; укусывъ я попрянычка, церковка прочынылася; укусывъ я калачыка, церковця розчынылася. Увійшовъ я у ту церковцю—стойить пипъ, якъ грецькы снипъ. Укушу я... дакънемае ніякого прысмаку.

С. Евминка Остерск у Г. С. Неводовскій.

335. Нисенитныця 3.

Бувъ соби та не мавъ соби, затесавъ соби тесана, та нетесана... То жъ подарувавъ мени дидь вола Якъ пойшовъ я тымъ воломъ ораты, та наоравъ на прыпечку на тры горшки кваши. Та вродылы вербы, та зацвилы раки, та поспилы уюны Якъ полизъ я тыхъ уюнивъ трусыты: трушу та трушу та натрусывъ папушу тютюну. Повъязавъ я той тютюнъ и продавъ по тры копійкы голова въ голову. Та купывъ я руно вовны, та покройивъ заступомъ свыту, та приставывъ изъ подушкы комиръ, дакъ выйшли такі штаны, що й не пидоймешъ.

С. Евминка Остерск у Г. С. Неводовскій.

336. Нисенитныця 4.

(Видкиль взялась Смолянка, болото била Вертійивки).

Давно було це, колись, якъ бувъ я ще маленькимъ, а дидъ уже парубкувавъ, батька жъ не було на свити ще. Достатки въ насъ звисно яки чортмало ничего. Отъ пошлы мы зъ дидомъ на Дуинъ на заробуитки. Заробуитки трапылысь правда, добри, заробылы страхъ куилько: якъ бы прыложывъ копійокъ тры, такъ мабуць набиралося бъ шагуивъ шистъ. Ото жъ, вештаючысь по тыхъ заробуиткахъ, розсмакувалы мы, що земля тамъ дуже добра, такъ мы и надумалысь зъ дидомъ розвести и въ себе такойи земли. Ну, порадылысь, набралы шаньку и пошлы. Прыходимо додому, колы жъ батько саме народывся, на прыпичку сыдыть и вже порядкуе намъ: пославъ у лисъ по дрова на хрестыны. Идемъ, колы жъ пидъ лопухомъ на «Ташлыку» ведмидь лежить. Мы до його, а вуинъ на втикы, мы пидъ лопухъ, ажъ тамъ кубло, а въ кубли шестеро яецъ, та нїякъ не выкотымо зъ кубла та вже я ледьве въ шапку забравъ. Прыходимо додому, ажъ у насъ свыня квокче, такъ мы й пидсыпалы тїи яйця пидъ свыню, такъ вона высыдила шистъ волуивъ-соколуивъ,—п'ять парыстыхъ, а одынъ шосты. А въ насъ уже и земли донськоїи доброй розвелось чывало. Налагодылысь оратъ мы, прыиздымо, ажъ лыхо тяжке! Вовкы внадылысь и выносылы всю землю, а на тимъ мисци верстовъ на двадцять гныле болото, гнояка чорна, смола неначе. Отъ дидъ объ полы «Осе Смолянка!»

М Веркїевка, Нїжинскаго у. Е Н. Гаврялей.

337. Приказки.

Доставлены Е. Н. Гаврилоемъ—изъ Нѣжинскаго уѣзда, В. П. Горленко—изъ Прилуцкаго у, Б. Д. Грищенко—изъ Сумскаго, Харьковскаго и Черниговскаго уѣздовъ, М. Н. Грищенко—изъ с. Жеведи Черниговск. у, Т. А. Зимковскимъ (одна), М. М. Коцюбинскимъ—изъ Винницы, Лопатинецъ и Балты Подольск. губ., Оробиевки Прилуцк. у и Рени Бессарабск. г., Г. С. Неведовскимъ—изъ Остерскаго у, В. В. Полуботковомъ—изъ Осняковъ Черниг. у, В. Ф. Степаненно—изъ Каневскаго у, В. П. Цымбаломъ (свои записи и Т. Галуши)—изъ г. Звенигородки и Звенигородскаго у, Киевской губ. и М. С. Чудновской—изъ с. Выбель Черниговск. уѣзда.

1. А бреше!—и въ землю ны дывытєся. Г. Звенигородка.

2. Абы голова—буде й борода. Нѣжинск. у.

3. Абы медь, а мухы нализуть. Нѣжинск. у.

4. А щобъ тоби дыка коза прыснєлася! Звенигородка.

5. Безъ примхы (прышты) смерти не буває. Нѣжинск. у.

6. Безъ хлиба и куска не зйисы. Нѣжинск. у.

7. Бидному куды не кынь—то все догоры диркою. С. Лопатинцы, Под. губ. Ямп. уѣз.—Чуб., I, 232.

8. Бидность не грихъ, а неволя не смихъ. Нѣжинск. у.

9. Благодареныкы за вареныкы: борщу не йивъ, каши не бачывъ та й такъ выбачывъ. Каневск. у.

10. Блызенька солуимка лучче далекого синця. Нѣжинск. у.

11. Бодай чорты въ дядька служылы, якъ бы дядько въ мене! Нѣжинск. у.

12. Борода по колина, а дровъ не полина. Нѣжинск. у.

13. Борщъ, каша, кисиль, кваша, мамалыкга зъ молокомъ, прысыпана табакомъ. Каневск. у.

14. Будьмо, та цуръ никого не гудьмо! Каневск. у.

15. Бытому собаки не показуй палкы, бо заразы удере. Прилуцкій у.—Номись, № 5800.

16. Васылъ баби сестра въ первыхъ, а бабына Гапка—сама соби титка. Каневск. у.

17. Васылю! Я нароблю тоби на шыю, ше й шкурлатомъ прышыю, умрешъ, а не оддерешъ. Звенигородск. у.

18. Вашъ вуизъ—вамъ и везты. Нѣжинск. у.

19. Велька птыця, якъ горобецъ. Сумск. у.

20. Весилля тры дни, а цилый викъ злыдни. Г. Винница Под. губ.

21. Весна очи краде. (Кажуть, шо передъ весною якъ увийдешъ у хату, такъ поночи. Я помитыла, шо це звычайно въ соняшный день кажуть). С. Жеведь Черниг. у.

22. Весною—насиння, а въ осены купуй кориння. Звенигородка. (Зъ прыводу, шо черва пойила насиння).

23. Видчныяйтеся врата—чортъ несе тата. Лопатинцы, Ямп. уѣзд. Под. губ.

24. Винъ такъ живе, якъ гуся на води. (Ни о чемъ не заботяся). Прилуцкій у.

25. Владыка! мылость твоя велька, та чарка мала. Звенигородка.

26. Вона тоди випчатиметься, якъ собаки лынять-муть, а ложки гулятьмуть. С. Жевель Черниг. у.

27. Въ умилогѣ руки не болятъ. Нѣжинск. у. Номисъ, №№ 6021 и 6022.

28. Выйде, ляше, на наше. Звенигородка

29. Гарбузь струплеваты — безъ молока пранцеваты. Нѣжинск. у.

30. Гарный, якъ свиня въ дощъ. Звенигородка.

31. Гобидайте ротато, бо завтра съвято. Звенигородка.

32. Говоры на волы! Каневск. у.

33. Говоры та годуйся. Каневск. у.

34. Горе вашимъ, горе й нашимъ, але вашимъ все такы лучше хочъ картопля своя. Звенигородка.

35. Горе въ роскоши можна забыть, а роскоши въ гори николы не можна. Прилуцкій у.

36. Горивонько мученице! перешлась безъ вогонь, безъ трубы, не попадайся въ мои зубы! Пашпортъ есть?—«Нѣтъ, нема.»—Вотъ тобі и тюрьма!—Хлопъ та й выпывъ. Подольск. г. Киев. Стар. 1892, XI, 179.

37. Горохъ по дорози качається,—поповъ челядникъ высыпається. Выбли Черниг. у.

38. Гындыкъ думає та й здохъ, то й ты здохнешъ, якъ будешъ думать. Звенигородка.

39. Дай же, Боже, щобъ ваши ворогы рачкы лазылы, а вамъ очи повылазылы (здоровкаюгься шуткуючы). Каневск. у.

40. Дай, Боже, диты, да у дитячъ щастя! Выбли Черниговск. у.

41. Дай, Господы: хлиба, солы, всего доволи. Звенигородск. у.

42. Дай тобі, Боже, здоровья повенъ жывить. (жинци). Каневск. у.

43. Дай тобі, Боже, повни груды здоровья, щобъ никуды було й дыхаты. Каневск. у.

44. Де днювавъ, хай тамъ и ночує (про мертвого). Осняки Черниг. у.

45. Де стари кони диваються? У бидного на шыйи чепляються. Нѣжинск. у.

46. Диду, диду, я тобі въ поле пойиду. Звенигородск. у.

47. Дило робыть—голова болыть, а за скокы обибью й боки. Остерск. у.

48. Добра пряха й на скипку напряде. Нѣжинск. у.

49. Добре въ дурныкаль буты. Каневск. у.

50. Добре слово—не полова. Винница, Под. губ.

51. До зла шыроки ворота ввиты, та узьки выты. Нѣжинск. у.

52. До свого роду хочъ черезъ воду. Нѣжинск. у.

53. Достанеться и въ хвистъ, и въ гриву. Остерскій у.

54. Дрита-дрита середъ лита, прыйшла зима—хлиба нема. Сумск. у.

55. Дурни чудеса не йдутъ пидъ небеса. Прилуцкій у.—Чуб., I, 279.

56. Дурный такой якъ сорока. Звенигородка.

57. Жинка до пояса—чужа. Лопатинцы, Ямпольск. у. Подольск. губ.

58. Зажурывся, що молодымъ оженився. Звенигородка.

59. За ткачемъ хлибъ зъ плачемъ. Нѣжинск.

60. Здоровый якъ быкъ. Звенигородка.

61. Зерко до зерка, та й выйде берко. Звенигородка.—Чуб. I, 245.

62. Зъ кого сміються люде,—съ того й Богъ буде. Нѣжинск. у.

63. Иванъ - барабанъ, Семень - бусурмень и Каленкы - вареныкы напъялы 'соби куреныкы. Каневск. у.

64. И вже! мертвого личыть, або вченого вчыть. Нѣжинск. у.

65. А. Избавы, Боже, огня, меча, села Бигача, Вересоцькой гребли и березенської жинки. Выбли, Черниг. у.

Б. Щобъ ты не мынувъ окружного суда, кошеливського бога, або вересоцькой гребли. Нѣжинск. у.—
Номись, стр. 72 и 285, № 3674.

66. Изъ дужымъ не борысь, а зъ добрымъ не судысь. Нѣжинск. у.

67. И клипае очыма, якъ китъ на глыни. Каневс. у.

68. И совається, якъ Марко голоколивный. Кан. у.

69. Йивъ бы вуиль и нежаръ, та хазяйинъ лежень. Нѣжинск. у.

70. Йижте, люде добри, годуйтесь... Якъ бы вы зналы, скільки то стойты! Каневск. у.

71. А. Йижъ, покы ротъ свижъ, а якъ зовъяне тоди не стане. Звенигородка.

Б. Йижъ, якъ ротъ свижъ, а якъ помрешъ, то й коломъ не вобъешъ. Нѣжинск. у.—Номись, № 5932.—
Гринченко, П, № 61.

72. Йижъ, Хома, та хлиба нема. Выбли Черниг. у.

73. Йому це робыты такъ, якъ дурному пирря драть (легко). Черниг. у.

74. Назавъ чортъ: Кузьму соби озьму,—та й доси не бере. Черниг. у.

75. Козы не товаръ, а дивкы не люде. Выбли Черниг. у.

76. Колоть - колоть да й на плотъ! (Якъ хто погапно пере або купається). С. Жеведь Черниг. у.

77. Колы голова обляже, тоди всякъ докаже. Выбли Черниг. у.

78. Колы пыты, то не мутыты. Балта Под. губ.

79. Колысь и нашъ богъ проспытыся (поталаныты и намъ). С. Жеведь Черниг. у.

80. Кому служышь, того й слухай. Нѣжинск. у.

81. Корова въ двори, а середа въ хати. Нѣжинск. у.

82. Кумынойи свахы наймытъ. Черниг. у.

83. Курка на сидало,—жинка додому. Сумск. у.

84. Кыдай сапку, та полы грядку. Звенигородск. у.

85. Летивъ крукъ черезъ сукъ, черезъ безверхе дерево. (Скороговорка). Нѣжинск. у.

86. Лизь у пекло, тамъ буде тепло. Каневск. у.

87. Линывому що дня празныкъ. Нѣжинск. у.

88. Лучче пропыть, нижъ солы купыть. Нѣжинск. у.—Номись, № 11718.

89. Люде—божи собаки. Каневск. у.

90. Люде хотили, щобъ бувъ зъ мене хазяйинъ, та не диждуть. Каневск

91. Мовчанка не пушыть,—де положишь—тамъ лежыть. Нѣжинск. у., и Харьковск. губ.—Номись, № 1117.

92. Може, кумо, вы будете дуже на горилку сылуваты (якъ просять у гости, такъ одмагаються) — я бильшь не выпью, якъ пъять - десять, а пъятнацять найбильшь Каневск. у.

93. Мынулься диды, мынулься й меды. Лопатинцы, Ямп. уѣзда Под. губ.

94. Мыши пойилы лемешы. Каневск. у.

95. На днуій гради, да тры биди. Нѣжинск. у.

96. Найився, напывся—лигъ та й укывся. Звенигородка.

97. Налетили горобци, зговорылись про крупци, не про крупци, та про пракрупячко. (Скороговорка).— Нѣжинск. у.

98. На очы не несы, а въ ротъ не надасы. Прилуцкій у.

99. Наче бѣ и не Хома, та й миста нема. Выбли Черниг. у.

100. На що тобі гроши, якъ ты самъ хороший Звенигородка.

101. Не бійсь крыкльвого, а нышкльвого. Нѣжинск. у.

102. Не бійсь, та стережись. Звенигородка.

103. Не буде зъ пвачкы багачкы, а зъ ткача багача. Лопатицы, Ямпольск. уѣзда Подольск. губ.

104. Не все й макъ,—нехай буде такъ. Черниг. у.

105. Не доведеться свини на небо дывыться. Нѣжинск. у.—Номысь, № 3830.

106. Не завсигды якъ на диды по три ложки меду. Выбли Черниг. у.

107. Не карай, Боже, ничымъ, якъ борць ни съ чымъ. Выбли Черниг. у.—Чуб. I, 232.

108. Не кыдай дровъ—до печи знадобыться.—Нѣжинск. у.

109. Не лай старого, самъ старый будешъ.—Нѣжинск. у.

110. Нема дурныхъ: поженылись. Звенигородка.

111. Нема ключа—якъ у тань утонувъ Жеведь, Черниг. у.—Номысь, № 10818.

112. Не напряла пидъ дымкомъ (у зимку) та на пряла пидъ танкомъ. (Багато нарядешъ, якъ литопочнеться!)

113. Не пры дитяхъ кажучы. С. Осняки Черниг. у.

114. Не родывся ще той на свытъ, щобъ себе гудывъ. Сумск. у.

115. Не родыся краснымъ, та родысящ асенъ (шас-нымъ) Черниг. у.

116. Не сердься на Бога самъ выновать. Нѣжин. у.

117. Не ты хлибъ носышь, а винъ тебе носыть. Прилуцк. у. См. № 245 этой книги.

118. Не хвалы самъ себе—есть луччи тебе. Нѣжинск. у.

119. Не хвалысь, рано вставшы, а багато наробывшысь. Нѣжинск. у.

120. Не хватайся попередъ батька въ пекло лизты, бо не знайдешъ, де й сисы. Каневск. у.

121. Ни гысь, ни брысь (ни на шо не способна) Выбли Черниг. у.

122. Нихто не баче й не чуе, якъ сырота плаче й горюе. Каневск. у.

123. Ну, дай же, Боже,—чуешъ, куме, и ты, небоже,—помершымъ чаркы та пляшчата, а намъ, живымъ, горилка й дивчата (здоровкаются). Каневск. у.

124. Ну та й морозъ прыпикае! — За те мухъ та комаривъ немає. Каневск. у.

125. Обидравсь, якъ цыганъ пидъ ярмалкомъ. Нѣжинск. у.

126. Облышь, Катре, нехай твое на завтра. Чернигов. у.

127. Одведы въ монастырь,—вона й сама кгыкгне. Каневск. у. См. № 284 этой книги.

128. Одынъ годокъ подвойила, другы потройила, а на трети збазныла—одно Нѣжинск. у.

129. Охота не сердыться. Нѣжинск. у.

130. Оце твоя дочка ходыла праты, бо и праныкъ у загати. Каневск. у.

131. Парася, Парася, на все ты здалася—и у панстви панувать, и якъ лыхо—горювать. Выбли Черниг. у.—
Номись, № 5733

132. Пеня не пѣе, а (имья) пѣе. (Кажуть частуючы). Остерск. у.

133. Першый хвистъ кобыли. Каневск. у.

134. Пойхавъ по сино, та й у души посило. Нѣжинск. у.

135. Покиль позычышъ грошей на нови чоботы, то въ смакъ находышся въ старыхъ. Нѣжинск. у.—Гринченко, II, № 131.

136. Покрыдида, поты й хлиба: якъ бувъ дидъ, бувъ и хлибъ, була й рыба на обидъ. Каневск. у.—Номысь, № 9137—Гринченко, II, № 129.

137. Получывъ два бильхъ, а третій якъ снигъ. Звенигородка.—Номысь, № 13824.

138. Пообидавшы хто не оддыше, того Богъ за гришныка пыше. Нѣжинск. у.—Номысь, № 11293.

139. Попередъ невода рыбу ничого ловыть. Харьк. губери.

140. А. Пора йой у Глыбовъ изъ дошкамы іѣхать. Б. Боюсь спать на дворіѣ, щобъ не пошуміѣть у Глыбовъ изъ дошкамы.—У який Глыбовъ?—На той свіѣтъ. Бо теперь уже холодно. С. Жеведь Черниговск. уѣзда.

141. Пошлы дурного, а за нимъ другого. Черн. у.

142. Про мене, сынку, хотъ свынку абы на мене не роккала. Остерск. у.—Номысь, № 8926.

143. Пропало билше, нехай пропадае й менче. Звенигородка.

144. Приходъ жыдуивськы, а расходъ попуивськы. Нѣжинск. у.

145. Пусты сусида у хату та й дай йому волю. Выбли Черниг. у.

146. Пьяны дурному братъ. Нѣжинск. у.

147. Пыво не дыво и медъ не хвала, а честь дорога. Нѣжин. у.

148. Рогожа на все згожа! (погордливо про людуну). Черниг. у.

149. Рукавички дороги, то на рукахъ берегы. Нѣжинск. у.

150. Рябий приходявъ до рябойи качаты бараболи. Каневск. у.

151. Сало скоро растало. Нѣжинск. у.

152. Свого дида якъ бы помѣявъ до обида, а послѣ обида та зновъ до дида. Нѣжинск. у.

153. Свуй хлибъ лучче чужого калача. Нѣжинск. у.

154. Се добре мѣясце, колы й дытына його сце. Каневск. у.

155. Серпъ—робота, коса—охота, а ципъ—сухота. Звенигородка.

156. Скуилько не литай, а сидать треба. Нѣжин. у.

157. Слугы, на барыню пугы! Выбли Черниг. у.

158. Слушайте, громадо, що намъ панъ бреше. Каневск. у.

159. Слюсаривъ Гордій та ковалева Йивга булы соби Мыкыта въ первыхъ. Каневск. у.

160. Смергъ та родыны такъ не ждуть добройи годны. Нѣжинск. у.

161. Соби та мени, то не буде пени. Каневск. у.

162. Собъ, сири, бодай вы выдохлы,—черезъ васъ, чортивъ, я й паскы не йивъ. Каневск. у.

163. Соломы жминька—копійка, а сина жмачокъ—пятачокъ. Черн. у.

164. Сонечко—золоте виконечко. Прилуцкій у.

165. Сохы та прысохы, та соломы трохы. Каневск. у.

166. Спасыби Богу, найився йй Богу, а якъ бы сивъ, до й вола бъ зивъ. Остерск. у.

167. Спасыби за обидъ,—найився дармойидъ. А божыться ййбогу не буду, бо ще десять разъ до вечора буду. Остерск. у.

168. Спасыби твоему батьку, що тебе такого гарного зробывъ. Черниг. у.

169. Старого учыть, а кривого лечыть Выбли Черниг. у.

170. Стары, якъ песь, а бреше, якъ шеня. Оробиевка, Прилуцк уѣзда Полтавской губ —Номысь, № 6905.

171. Стережысь, горилко-сывухо, бо буду пыты, псяухо! Каневск у.

172. Суивкы засуивкы прыйикалы гости зъ Носуивкы. (Якъ свитае). Нѣжинск у.

173. Сяты Гаврыло побѣе й рыло (громомъ), Пантелемонъ вытопче й ромень (грядомъ), а сяты Илля наробыть гнылля (негоддю). Нѣжинск. у.

174. Така свыта, — тилкы не такъ шыта Звенигородка.

175. Такой ты гарный, якъ комень навыворотъ Нѣжинск. у.

176. Гато маму продае, бо му хлиба не стае. Лопатинцы, Под. губ Ямп. уѣзда.

177. Тилькы й не було, що гусыного молока. Выбли Черниг. у.—Чуб I, 230.

178. Тоди винъ буде женытыся, якъ будуть бычкы тельтыся.—Г. Рени, Измальск. уѣзда Бессараб. губ.

179. Тоди маты дурненька, якъ диткы маленьки. Остерскій у.—Номчсь, № 9190.

180. Тоди соромъ загубыла, якъ ще безъ плахты ходыла.—С Жевель Черниговск. у.

181. Тоди це буде, якъ у поли ракъ свысне.—Черн. у.

182. Треба кебизь и на печи сидить. Нѣжин. у.—Номысь, №№ 6580 и 6581.

183. Трудно, трудно Грыцькомъ звать,—та й Грыцько—гу! Выбли Черниг у.

184. Туркы летять якъ цуркы, а наши безъ голивъ стоять.
185. Ты жъ мени, я жъ тоби, ты жъ пропъешь, на жъ тоби. Остерск. у.
186. Ты хочешъ упасть и не забыться. Канев. у.
187. Ты хочешъ, щобъ чортъ та Богу молився. Каневск. у.
188. Тыше кабанъ пыше, а свиня дыктуе. Звенигородка
189. У безодню дижку воды не настачышъ. Нѣжинск. у.
190. У Бога всего по многу. Прилуцкій у.
191. У Божу путь, де горилку пъяють. Выбли Черниг. у.
192. У діѣжку гребйонка впала (воды мало, кухоль объ дно черкається). С. Жеведь Черниг. у.
193. Укравъ та й побіѣгъ, зогнувшысь. С. Жеведь Черниг. у.
194. У лиси не безъ звира, въ болоти не безъ чорта. Прилуцкій у.
195. У осень и горобецъ мъясо. Нѣжинск. у.
196. У понедилокъ родылась, у вивторокъ хрестылась, у середу зльвкы, у четвергъ допывкы, у пъятныцю грихъ прясты, а въ субботу помыть да поместы и гребенюовъ у хату не несты. Нѣжинск. у.
197. Усе, усе наше, тилькы грихы не наши. Каневс. у.
198. Устряешъ не мижъ свои лыка. Харьк. г.
199. Хай йому заморочыть! (Лаяно злодя). Черниг. у.
200. Хай йому очи грають, а зубы танцюють. Звенигородка.
201. Хлиборобъ полемъ живе. Нѣжинск. у.

202. Хоть мене родычи й не зовуть, такъ я знаю, де жывуть. Нѣжинск. у.

203. Хоть нывку покынь, хоть свынку вбий. Нѣжинск. у.

204. Хочъ дурный. та хытрый. Звенигородка.

205. Хочъ крупнѣй, абы додому хутнѣй. (Якъ ха-паються поденныци полоты). С. Жеведь Черниг. у.

206. Хочъ маты моя, абы не я. Нѣжинск. у.

207. А. Хочъ не дойжно, такъ долижно. Сумск. у.
Б. Хочъ не вбжно та влижно. Остерск. у. — Номысь, № 10387.

208. Хочъ поганный, такъ багатый. Каневск. у.

209. Кто бреше, тому лехше, а хто ны йме виры, тому въ голови дыры. Звенигородка. — Гринченко, I, № 234.

210. Кто знае й той умирае. Нѣжинск. у.

211. Кто потрудыться, — той натрубыться. Сумск. у. — Номысь, № 7198.

212. Кто пытае, той не блуде. Харьк. губ.

213. Кто рано встае, тому Богъ дае, а хто пуизно ходыть, той самъ соби шкодыть. Нѣжинск. у.

214. Кто рано пидводыться, за тымъ и дило во-дыться. Каневск. у.

215. Худъ обидъ, колы хлиба нить. Нѣжинск. у.

216. Хура не ходе здура. Нѣжинск. у.

217. Хы́а свиня ззисть гарбузъ, покы не вкача въ болото? Звенигородск. у. — Номысь, № 12270.

218. Царь на слъозы не вдаря. (Що некруты хочъ якъ плачуть, а йихъ у салдаты такы берутъ). С. Жеведь Черниг. у.

219. Цыганови забожыться, що батогомъ ляснуть. Каневск. у.

220. Чого ты такъ пейсы попустыла, наче багатырка? — А чого жъ багатырки пейсы понускають? — Та йимъ

за багатствомъ и росчесатыся никола). С. Жеведь Черниг. у.

221. Чортъ його беры пропалы вивци, пропалы й кони (а не помырюсь, позываючысь). Звенигородка.

222. Чый ты? — Гапчынъ. — А Гапка чья? — Жинка моя. Каневск. у.

223. Чы принесли (горилки), чы не принесли, а васъ вже чорты й знесли. Каневск. у.

224. Чытае такъ, якъ бобомъ сыпле (гарно). Жеведь Черн. у.

225. Шыстомъ-кыстомъ, да не велькымъ пыстомъ. (Говорится, когда человекъ горячится или требуетъ не имѣя права).

226. Щасливому по грибы ходыть, а нещасному на печи сидыть. Нѣжинск. у.—Гринченко, I, № 247.

227. Що вбѣшъ, те и вйидешъ. (Что заставишь, только то и сдѣлаеть). Звенигородка.

228. Що въ поли вырастае, все дома знадобыться. Нѣжинск. у.

229. Що иконка, то й молювка. Звенигородка.

230. Що майстеръ—то мошенникъ, що пысаръ—то пъяныця. Нѣжинск. у. Чуб. I, 266.—Ном., № 10411.

231. Якъ бере цыганъ сино, каже: я сокрыу наста-лю; якъ набравъ—ножа зроблю, а якъ за ворота вже пиде—и цього зъ його буде. Каневск. у.

232. Якъ будешъ йисты булки, то нападуть думкы. Звенигородка.

233. Якъ бы вси люде жылы, то бъ свить затьмылы. Лопатинцы, Ямпольск. у. Под. губ.

234. Якъ голоденъ, то йивъ-бы, а найився, то спавъ бы. Звенигородка.

235. Якъ гужа ворвать, тоди за хуру гроши по-
брать. Нѣжинск. у.

236. Якъ корыться постолу, лучче просыть чобота.
Нѣжинск. у.—Номысь, № 1041.

237. Якъ любовь та совить, такъ и у листъ
мясойидъ. Выбли Черниг. у.

238. Якъ не дась Богъ смерти, то не визьмутъ
черты. Звенигородка.

239. Якъ пасе (дывьтсья)—якъ кить на сало. Зве-
нигородск. у.

240. Якъ пиде кому зранку, то й до вечора. Сум-
ской у.

241. Якъ пойидешъ навпростецъ, то николи дома
не будешъ. Прилуцкій у.

242. Якъ посылатъ до мыскы—такъ страму наби-
рається, а якъ до рота ведеться, то радистъ прибавляеть-
ся. Прилуцкій у.

243. Якъ схоче, то й на гору выйде, а якъ не
схоче, то й зъ горы не зйде. Звенигородка.

244. Якъ удавнытсье, то ще й піѣсня буде (якъ
довго побуде, то стане писнею). Жеведь Черниг. у.

245. Якъ щытать корову по вдою, то молока не
йисты. Каневскій у.

Загадки.

Доставлены Е Н Гавриловъ (Нѣжинск у), Г С Неводовскимъ
(Остерск у), В. Ф Степаненкомъ (Каневск у) и М С Чудновской
(с Выбли Черниг у).

1. **Верства.** Самъ не бачыть, не чуе, а всимъ доро-
гу вказуе.—Нѣжинск. у.

2. **Видро.** Деревьяне, подвязане деревомъ—Нѣж. у.

3. **Виль.** Народытсья—на дудку грае, вырасте—поля

копает, а вмре—прочыщает,—Канев. у. Номись, № 109.—
Гринч. П., 310, № 1.—Семент., 336.

4. **Выла.** Вынузу рогы, а вверси хвистъ—Нѣжин. у.

5—6. **Вытушка.** 1. Прийихалы гости, стали на помости,
розипъялы, розставылы свои руки-кости. Каневск. у.—

2. Въ одному гнизди чотыри ярма.—Нѣжинск. у.

7. **Голка.** Кынувъ Орыну черезъ долину,—де впала,
тамъ и пропала—Каневск. у.

8. **Жорна.** Чотыри стоять, одынъ верне.—Нѣжин. у.

9. **Замокъ.** Мовчанъ собачка всього дому стереже.
Нѣжинск. у.—Номысь, № 274.

10. **Заступъ.** Изъ тюрьмы та въ тюрьму скаче.—Выбли
Черниг. у.

11. **Звидъ до крыныци.** Журавель у нору, а яйца
нагору—блысь!—Каневск. у.

12. **Наблучка и палець.** Сыдыть пани на майдани,
прийшовъ панычъ, каже: — «Позычъ».—Вельке маешъ, у
мое не вбгаешъ».—Остерск. у.

13. **Каганецъ.** Чорна мавнычка. а золоты пыпныкъ.—
Нѣжинск. у.

14. **Кинь: хвистъ, очи, уши.** Симсотъ свыще, чотыри
тупоче, дви дывытсья, два слухает.—Нѣжинск. у.

15—16. **Ключъ и замокъ.** 1. Сандачыть, сандачыть,
поки дирку побачыть, а якъ дирку знайшовъ, по шыю въ
ней зайшовъ.—Каневск. у. — 2. Бижыть гонецъ, выстро-
мывъ конецъ, якъ дирку побачывъ, туды й засандачывъ.—
Каневск. у.

17. **Колеса и кинь.** Чотыри браты та уси горбати,
а пъятый Хома и той зъ хвостомъ.—Выбли Черниг. у.

18. **Колядки** Загадаю загадку, перекину черезъ хатку,
пошла загадка въ походъ, а вернулась черезъ годъ.—
Нѣжинск. у.

19. **Конопли.** Стойить верба, на верби много гилля.
Нѣжинск. у.

20. Корова и овечна. У рули чотыри кгули, а у стрыли дви.—Нѣжинск. у.

21. Коромысло. Бисъ на бабу полизъ, на баби впотивъ та на дивку схотивъ.—Остерск. у.

22. Кропыва жалыть. Олена зелена, поцилуй—свербыть, болыть и чухаты хочеться.—Каневск. у.—Номысь, № 211.

23. Курна. Бигает Мотрушка у ста кожушкахъ, якъ витерь повие, то й спына замрје.—Каневск. у. Чуб. I, 310; Ном., № 75; Закр., 84; Семент., 360—361.

24. Ложна. Булава, а въ ротъ лизе.—Нѣжинск. у.

25. Лысыци на викии. Що саме лучче квиткы робыть?—Нѣжинск. у.

26. Льонъ. Стойить трава зеленая, а на верси 20 голуивъ.—Нѣжинск. у.

27. Лянтва (?). Не гришнее, а повишене.—Нѣжинск. у.

28—29. Млынъ. 1. Крутыться, вертыться й Бога не бойтыся.—Нѣжинск. у.—Номысь, № 425.—2. Дубъ-вертолубъ, а на дуби хатка.—Нѣжинск. у.

30. Молоно птыче. Чого не було й не буде, а його называютъ люде? —Конотопск. у.—Нѣжинск. у.

31. Мрець у труни. Деревяный пырожокъ начыненный мясомъ.—Нѣжинск. у.

32. Муихъ. И въ васъ, и въ насъ поросюкъ завъязъ.—Нѣжинск. у.

33. Небо, зирны, сонце, мисяць. Розисланный кожушокъ, посянный горошокъ, а на краяхъ хлибъ и пивъ хлиба.—Каневск. у.

34. Нижь. Изъ кинця колодочка, а на кинци гостре.—Нѣжинск. у.

35. Нисъ и пальци. Одынъ пыщыть, а пъять тащыть.—Нѣжинск. у.

36. Овоць. Що безъ диркы налывается?—Нѣжин. у.

37. **Очи, нись и ротъ.** Моргунъ, хапунъ и сопунъ.— Нѣжинск. у.— Номысь, № 222. Закр., № 14. Семент., № 73.

38. **Павутыния.** А що въ хати нетесане й чоловикомъ не роблене? — Каневск. у.— Номысь, № 329;— Чуб., стр. 313;— Закр., № 115;— Семент., № 250.

39. **Палерьъ.** Кынь на землю—не ровбѣться,—кынь на воду—росплыветься.— Нѣжинск. у.

40. **Перо.** Безъ языка, а все скаже.— Нѣжин. у.

41. **Пивень.** Родывся, не хрестывся, писнею Богу згодывся.— Нѣжинск. у.— Номысь, № 72.

42. **Пичъ.** Злизъ на мене, поялосъ мене,— я покрашаю.— Нѣжинск. у.

43. **Помело.** Прыйшла пани въ сыньому жупани, шаталася, моталася, пудъ пичъ заховалася.— Остерск. у.— Номысь, № 331 и 334;— Семент., № 239 и 240.

44. **Ратыще.** Изъ конца гостре, а изверху хвистъ.— Нѣжинск. у.

45. **Росколына.** Що въ хати само робыться?— Нѣжинск. у.

46. **Рыба.** Есть крыла,— не летаю, нуигъ нема, а гуляю, по земли не хожу, на небо не гляжу, зуйръ не щятаю, людей не знаю.— Нѣжинск. у.

47. **Самуваръ.** Стоить хлопецъ на мосту, кричыть: «Усихъ оболлю».— Нѣжинск. у.

48. **Снигъ нашии.** Тысяча бративъ звязаны, на матиръ поставлени.— Нѣжинск. у.

49. **Сонце.** Стоить дубъ-вертолубъ, на туимъ дуби вертолуби сидитъ птыця-вертолыця, ни хто ййи не доста не—ни царъ, ни цариця.— Нѣжинск. у.— Номысь, № 17;— Семент., № 5.

50. **Соняшныкъ** Стоить дубокъ, а на верси картузокъ, въ картузку много дитокъ.— Нѣжинск. у.

51. **Соплянъ.** Що морозу не бойться, а ще на верхъ вылазыть?— Нѣжинск. у.

52 **Сосульки на стриси.** Що вверху коринемъ росте?—
Нѣжинск. у.

53. **Стриха.** Що внизъ дывиться?—Нѣжинск. у.

54. **Телямъ** Чымъ сперва вуиль ходывъ?—Нѣжин. у.

55. **Трое.** Ишлы мужъ изъ жоною и братъ изъ сестрою, и шурынъ изъ зятемъ, найшлы воны яблуко й розризали на четверо та й не подиляться: взять по четвертynie — одна остається; а взять по дви—одному не стае. Скуилько йихъ було? — Нѣжинск. у. — Номысь, № 257.

56. **Хата, покривля.** Основа соснова, пидткання соломъяне.—Каневск. у.

57. **Ципокъ.** Ни очей, ни плечей, а старцуивъ водыть.—
Нѣжинск. у.

58. **Ципъ.** Лишынка й дубокъ, въ середины шкуратокъ.—Нѣжинск. у.

59—60. **Цыбуля.** 1. Марушка-семыкожушка, якъ допече, то й вода потече.—Нѣжинск. у.—2. Сыдыть сыдуха въ семы кожухахъ, а ще посынила.—Нѣжинск. у. Номысь, № 184.

61. **Чоботы.** Дусели, дусели, лизте на мене.—Нѣжинск. у.

62. **Навищо жыто сiють?**—Бо садыть не можна.—
Каневск. у.

63. **На чимъ стойить викно?**—На дирци.—Канев. у.—
Номысь, № 281.

64 **По чому жыто сiють?**—По рилли.—Нѣжинск. у.

*Матеріалы, поступившіе во время
печатанія книги.*

Нъ отдѣлу I-му.

339. Кишка.

1 Якъ киньмы йидешъ, такъ не можна кишку або kota на визъ браты, а якъ воламы такъ можно.

С. Жеведь Черниг. у М. Н. Гринченко.

2. Не можна кишку на визъ браты, бо хочъ вона и не важка, якъ ййи пидняты, а конямъ дуже важко, якъ вона на вози, такъ, шо й прыстануть. Хочъ такъ положи, шо кони й не бачытумуть и хочъ четверыкъ запряжи, такъ усе одно прыстануть.

Богодух. у Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

340. Мыши.

Якъ мышей багато заведеться, то выжывуть съ того мисця.

Нѣжинск у Е. Н. Гаврилей

341. Гадюка.

— Моя невістка такъ оце журытьсе: Кузьма вже чотыри дни хворый лежить.

— Шо жъ йому такє?

— Погана штука йому случыласє: самъ собіѣ лыха здобувсє. Бачытє, вуонъ на поліѣ бувъ, оравъ и вже чы вуонъ выоравъ гадюку, чы де вона взеласє, я вже не знаю. Ну, туюлькы бачытє вуонъ, шо гадюка и така здорова, а вуонъ излякавсє и давай йійѣ люшнею бытє. Вуонъ же бѣє, а вона проты його такъ и зопнетьсє, такъ на хвостъ зопретьсє да такъ и зопнетьсє та такъ сычытє. А вуонъ йійѣ люшнею. Добре попоганявсє, покуль убывъ такы. Та съ того дня й лежытє: болытє усє и такъ начє пропасныця трусытє. И зовсимъ не здужає ничого робытє. Волочытє уже чоловіѣнка одного попрохавъ за сєбє. Хто зна, шо йому й робытє теперь? И на шо було йійѣ займаты?

с Жеведь Черниг. у. М. Н. Гринченко.

342. Жывє сєребро.

II. Це озєрцє мабутъ одъ розльву восталосѣ? Довго якъ не высыхає.

— Ни, цє озєрцє не одъ розльву. Цє такє озєрцє, шо може колысь и Дєсна высохнє, а воно ни.

— Чому жъ то такъ?

— Цє, бачытє, якєє озєро. Колысь тутъ, кажутъ, зовсимъ трохы воды було. А одынъ чоловікъ и вкынувъ туды жывого сєребра. Не мало й укынувъ: хунтъ, чы може й два. Такъ воно якъ почало крутытє, якъ почало крутытє, та выкрутыло такъ, шо й дна не можна достать. Вы гляньтє, якъ по йому витєрь хвилью гонє. Такъ и выдно, шо глыбыня.

— На шо жъ той чоловікъ жывого сєребра кыдавъ?

— Ну, значытє, уже йому треба було. То такыи чоловікъ бувъ, шо...

Звощикъ озырнувся на озеро и не ставъ билше про його розмовляты.

М Н. Гринченко по дорогѣ изъ Чернигова на вокзалъ 1898.

II. Чы правда, що живого серебра не можна у ріѣчку кыдаты? У насъ кажуть, шо не можна.

— Чому жъ `не можна?

— Кажуть, шо яму здорову выкруте. У насъ у ріѣчциѣ не було ямы, а теперь стала та така глыбока. Такъ хлопци кажуть, шо то вони живого серебра вкынули, такъ воно й выкрутыло.

С. Жеведь Черниг у. М Н. Гринченко, въ 1900 году.

Къ отдѣлу II-му.

343. Про годуны.

1. Качкы и горобци хлюпощуться на дощъ, а якъ двюбки ховають пидъ крыла—холодъ.

2. Якъ у вуси свербыть,—буде дощъ.

Веркевка Нѣжинск у. Е. Н. Гаврилей.

344. Дытына.

1. Якъ нарощенному завязують пупокъ плоскинню, то не буде йому ладу у жытти.

Каневск у. В Ф Степаненко

2. Якъ дытына стуляе кулакы, то скупе буде, а якъ растуляни долони держыть, то буде щедре.

3. Якъ пелюшка заночуе на двори, то дытына не спатыме.

4. По заходъ-сонця не вынось купелю на двуиръ—дытына неспокойна буде.

ЖЖ 2—4 записалъ въ м. Веркiевкѣ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

345. Хвороба. Смерть.

1. Не годяться личить зубивъ у роти, бо падаты-мутъ.

2. Переступаты черезъ коромысло не годяться, бо спына болитыме.

3. Якъ несуть мерця, то не годяться у викно дывыться.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко,

4. Хворы мисце перемина—на смерть.

5. Нисъ свербыть — на покойныка, а переносья на смерть.

М. Веркiевка Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей

6. Якъ хто гукае уночи пидъ викномъ, такъ треба лаять: «Иды за чортовымъ батькомъ!» або «За лысымъ дидомъ!»... Воно й пиде. А обзываться не можно, а то ще хто вире.

В. В. Полуботкова въ с. Оснякахъ, Черниг. у., въ 1900 г. Харьк. г.

346. Йижа.

1. По заходи сонця не годяться почынаты хлиба ризаты.

2. Не годяться зъ ножа хлибъ йисты.

3. Не годяться въ молоко крышыты хлиба ножемъ, бо корова захворіе на жывить.

4. Якъ умре хто въ сели, не клады въ той день ва-рева въ погрибъ—буде сныдиты.

Каневскій у. В. Ф. Степаненко.

347. Кваша.

— А то ще хоті́лося мині́ дознатьсе, якъ квашу звать, такъ matka, ажъ была мене, щобъ не дознаваласе.

— Та якъ же це якъ квашу звать? И за що жъ васъ matka была?

— Та знаете, въ насъ такъ кажуть, шо квашу якось звать, ну не коженъ знае якъ, и не можна визнавати, бо якъ хто есть у хати такой, шо знае, такъ уже тоды хочъ не робы кваши, бо не вдастьсе Такъ мене matka й была, щобъ я не визнавала, а то бъ и въ насъ кваша не вдаласе.

— А есть же въ васъ у сели таки, шо знають, якъ квашу звать?

— Ну, звісно есть. Тамъ у насъ одинъ чоловікъ, такъ вунъ до безконешности квашу любить, ну знае, якъ ййй звать, такъ у йййх зроду не вдастьсе. Уже якъ схочуть, щобъ удаласе, такъ у сусі́дъ роблють, або хочъ и дома, такъ такъ, щобъ вунъ не знавъ, бо якъ узнае, такъ усе одно хочъ заразъ геть выльй, бо не вдастьсе. Спасыбы матці́, шо мене тоды побыла, а то якъ бы визнала, такъ и въ насъ бы не вдаласе, а я жъ ййй шо люблю!

С Жеведь Черниговск у М. Н. Гринченко 1900.

348. Одежа.

1. На соби одежи не зашивай, бо й розумъ запыешъ.

2. Хлопцямъ не годыться намыста надиваты, бо будутъ вовка боятысь, а дивчатамъ—шапки, щобъ урокивъ не боятысь.

3. По дви шапки не годыться надиваты, бо дурнымъ будешъ.

Каневскій уѣздъ В. Ф. Степаненко

349. Гарбузы.

I. Ты жъ гледы, у Переплавну середу гарбузы посады. Та не поленись, раненько встань, щобъ до сходуъ сонца вже й посадыла. Такъ шо солодкии будутъ!

М Н Гринченко, отъ дивчины изъ с Котовъ Черниг у., въ 1900.

II. Треба пустоцвить зъ гарбузивъ позриваты та мижъ череду кнуты, такъ дуже багато гарбузивъ буде. И зъ огиркивъ такъ саме.

С Жевель Черниг. у М Н Гринченко 1900

350. Свійська тварь.

1. Якъ собака потягнется на кого,—той подарокъ получе.

2. Якъ собака вые, пиднявшы вгору голову, то ам пожаръ, а якъ унызъ опускае—на мерця.

Веркиевка Нѣжинск у. Е. Н. Гаврилей.

3. Не колядуй у пистъ, бо куры не нестымутъся.

4. Не перевертай куркы, бо не нестыметься.

5. На Благовисныка ничего не шля гребты, щобъ куры не греблы грядокъ.

Каиевскій уѣздъ В Ф Степаненко

6. Вы знаете, шо якъ буюбъ цвите та макъ, такъ гусятамъ тоды дужей погано бувае. Якъ попрыходють до дому, такъ якъ пъяныи, такъ и валяютьсе, та дохнуть. Я вже й сама незнаю, чого воно такъ, а туюльки добре знаю, шо покуойна матка такъ було плаче, якъ макъ цвите, бо то вже знае, шо дохтымуть. Уже було вона йихъ и гнѣздомъ подкуруе, знарошне було гусяче гнѣздо зоставляе, и чого вона йимъ не робить! И чого воно такъ? Шо вже жъ вони тоды й чымалыйи перостуть, а дужей йимъ нездорово бувае. Чы то може духъ такый одъ маку недобрый на йихъ бувае?

С Жевель Черниговск у М Н Гринченко, въ 1903 г

351. Не годыться робыты на порози.

1. На порози не годыться зустричатысь.
2. Черезъ поригъ ничего не подаваты: не годыться.
3. Рубаты до порога не шля.
4. На порози йисты не годыться.

Каневскій уѣздъ. В Ф. Степаненко.

352. Що и колы не годыться робыты.

1. Проты п'ятныци не годыться мыты ложокъ.
2. Винька не годыться кыдаты у пичь,—сажа займатиметься.
3. Жинкамъ топтаты помела не годыться.
4. Проты велького свята зъ свитломъ не годыться выходыты на двирь.
5. Понедилокъ та четверь важки дни.

Каневск. у. В Ф Степаненко.

353. Якъ продаваты.

Якъ несешъ або везешъ на базарь шось продаваты, такъ не треба ставаты на дорози, якъ хто хоче купыты, бо добре якъ купыты, а якъ не купыты та заторгуе, то вже никто бильшойи цины не дасть, а то й зовсимъ не продасы.

С Жеведь Черниг у М Н Гринченко

354. Злагода.

1. Шобъ була злагода, треба суиль на хлиби передавать.
2. Ножа не даруй: посердышся

Веркиевка Нѣжин у Е Н. Гаврилей.

Нъ отдѣлу III-му.

355. Ночныця.

Я бѣ хотила, щобъ на мене ночныця напала, щобъ не спаты. . А то такъ сплю!

С Жевель, Черниг у. Б Д. Гринченко.

356. Золотуха.

Одъ золотухы помагають золоти сережки, куплени безъ торгу.

Веркиевка Нѣжинск у. Е Н Гаврилей.

357. Грызь.

— Прийшла до Одарки, щобъ нуогу погрызла. Оце прийшла въ городъ, а вона такъ дужей заболіѣла. Думаю, шо жъ воно такее? Уже жъ миніѣ не первына въ городъ ходыть. Коны слухаю, ажъ рыпыть,—ну, грызь, значыть. Такъ оце й прощу Одарку, щобъ погрызла. Вона жъ посліѣдняя, такъ одъ йіѣ поможетьсе. Одъ первого й одъ посліѣднього помогаетьсе, а одъ середульшыхъ уже ніѣ. И чого воно такъ?

М Н Гринченко, отъ дивчины изъ Черниговск. у, въ 1900 г

358. Отрута жабою.

— Ой Боже ми! Така въ мене болисть, шо вже ма-
буть навикы я нещасна черезъ нейи буду. Хоть бы вже
и вмерты, такъ не дае Богъ смерты.

— Шо жъ у васъ болятъ?

— У животи болыть. Дано мени. Ось нате, полапайте, якый у мене живить; а теперь прытулиться отуть вухомъ та послушайте. А що, чуєте?

— Ничого не чую.

— Ой, Боже мій, якъ же такы вы не чуєте? И шо жъ мени на свити Божому ись такымъ лыхомъ робыты?

— Та розкажить же, шо вамъ таке?

— Охъ, лышенько мое тяжке! Хазяйинъ мій, то жывъ якъ слидъ, а то й почавъ ходыты до однейи удовы, полюбовныця, значыть, вона йому була. Мени й сказано. Господы, шо я попомучылася! Уже жъ такы мы не молоденьки, сына оженыты диждали, а винъ отаке надумавъ. Я вже ййи й не чипаю, бо такы жъ и проты своихъ дитей, и проты людей соромъ, шо отаке на старисть. А йому кажу нышкомъ, уговоряю. Такъ и не блызько, такымъ важкымъ духомъ на мене дыхаты почавъ. Ну, вже терплю, а винъ уже такъ почавъ носыты до нейи, шо вже й сынови выдно. Такъ йй же мало того: схотилося замижъ за його питы, шобъ уже все хазяйство посисты. Такъ вона й надумала мене зъ свиту звесты и сына. На весилли увъ одныхъ людей гулялы мы, и вона гуляла, такъ вона тамъ и дала и мени, й сынови.

— Чого жъ вона дала?

— Мени чоловикъ такый, шо знае, розказувавъ. Я, якъ сгалося мени лихо, поихала до його, такъ винъ и каже: «Це,—каже,—тоби дано, чорнява молодыця у горилци дала». А шобъ дала, такъ и казаты страшно. «Узяла,—каже,—жабу та съ чорнойи гадюкы голову, высушыла, зомъяла та въ горилци й дала И я,—каже,—тоби не поможу, шукай людей». Я зновъ до бабы поихала,—не пособылося. Нездужаю та й годи: сама сохну, а жывить росте Бачыте, якый вырись, це його кубло такъ роспирае.

— Яке кубло?

— Та вони жъ выплодылися тамъ. Та, Господы, якъ заворушуться, якъ почнуть крюкаты, то вже, якъ бы гриха не боялася, то смерть бы соби заподіяла. Другый годъ оце мучымося и я, и сынъ.

— И въ сына жъ така хвороба?

— Ни, винъ тилькы сохне. Йому такъ и дано, щобъ сохъ. Де вже я не була, кого не пытала, такъ никто не пособляе одъ цього лыха. Оце прыйшла до святителя Феодосія, одговюся, та може чы не напытаю людей, бо тутъ, кажуть, багато народу буває.

— Хочете, бабо, я поведу васъ до ликаря та попросю, щобъ прыняли васъ у ликарню, може тамъ пособлють?

— Э ни, спасыби вамъ, що клопочетеса, а тилькы я туды не пиду, не хочу.

— Чому?

— Мени вже давно казано: иды, бабо, до ликаря! а я не йду. Хыба я ликаривь не знаю? Вони, звисно, рали булы бъ, якъ бы я до йихъ пишла исъ такою болистю: «Отъ, бабка, харашо сдилала, шо прыйшла, мы тебе выличымъ». А якъ бы бабка була дурна та послухала бъ йихъ, то вони бъ ййи швыдко выличылы. Дали бъ бабци такого, щобъ заснула та ничего не чула, та жывй и розризали бъ жывить.

— На шо?

— На те, щобъ подывыться, що тамъ таке, бо така болисть не часто буває, такъ йимъ и треба роздывытыся. А тоди зварылы бъ бабку на кгокголь.

— На якый кгокголь?

— На такый, щобъ людей нымъ личыты. Та й нечай диты шукають тоди матери. Ни вже, спасыби вамъ, що клопочетеса, а я до ликаривь не пиду. Вже якъ не найду соби людей, щобъ пособылы, такъ пиду додому та й дожыдатыму смерты. И высповидаюся, и запрычастюся, и поховаючь якъ слидъ. А то пишла бъ я до ликаривь, щобъ

заризалы та зварылы, та й пропадай хрыстыянська душа...
Ой-ой-ой, уже заворушылыся!..

М. Н. Гринченко отъ прочанки изъ Полтавщины, въ 1898 г.

Нъ отдѣлу IV-му.

359. Нечыста сыла у непосвяченій хати.

Була въ чоловіка хата непосвященная. Винъ бувъ самъ, а до його ходывъ небожъ ночуваты. На ту ничъ старшый небожъ не хоче йты: — «Дидь,— каже,— говорыть зъ кымсь». И меншый не хоче, вже сылоу його вытаскалы. Дидь спавъ на печи, а хлопецъ на полу. Ажъ влитае наче коршыкъ красный зъ верха. Дида заразъ за глотку, перекусывъ йому глотку, подравъ бикъ, а хлопця давывъ, а той кынувся тикать, а хата защабнута (хто його знае звидкиль). Коло порога языка йому вытягъ, подравъ когтымы груди...

Назавтра не одмыкаються, ничего не чуть. Такъ люде зибралыся, одбылы двери, ажъ дидъ совсимъ мертвый, а въ хлопця языкъ вытягнутый.

В В Полуботкова въ с Оснякахъ Черниг. у, въ 1900 г

Нъ отдѣлу V-му.

360. Москаль и упырь.

Ишовъ москаль зъ службы, ажъ у лиси стойть хатка, а у хатци лежить мертвецъ и всього наготовлено: и горилка на столи, и сало, и все... Винъ найився, напывся, та тилкы ставъ хрестытыся, ажъ мертвецъ и встает. Москаль перелякався и сивъ на лавци. И собака чорный

лежавъ тамъ. Такъ мертвецъ зсунувся, а москаль хотивъ зъ хаты; мертвецъ його за полу, повалывъ його та й задушывъ. Людей насходилося та москаля однесли въ церкву, одправили надъ йимъ панахыду, а того мерця положили въ труну, обложили дошками, та тоди привели другого москаля, щобъ винъ штыкомъ пробывъ труну, щобъ и груди мерцю проколовъ. Пробывъ той труну, высочыла кровь, попала попу на рызы, пидняло його високо и той убывся.

В В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

361. Щобъ видьма не влисла.

Протывъ Ивана застыркують кропыву за викна, щобъ видьма не влисла.

В В. Полуботкова въ с. Оснякахъ Черниг. у., въ 1900 г.

Къ отдѣлу IX-му.

362. Про жинку скупого чоловика.

Бувъ соби на сели одинъ чоловикъ—такый скупый, що не дай Господы! Жинка його скільки не заробить, а все ходыть у драному и боса й гола, ше й голодна. Жалко йй дитокъ, та ничего не може вдіять, гакый поганый у нейи бувъ чоловикъ скрыню одъ нейи замыкае и ничего йй не дае, а самъ на себе тратыть. Пишла тая жинка до попа—росказала усе А пипъ каже:

— А ты ось що зроби—умры. Я тебе наче поховаю, потимъ побачымъ, що буде. Нехай тилькы про це знае твоя кума, а бильшь нихто

Пошла тая жинка та й каже усе куми, щобъ вона прийшла, якъ вона вмирать буде. На другой день жинка тая лягла та й стогне. И кума ййи прийшла.

— Идить, каже, куме, жинка ваша вмирае.

Вона певне знае, що то тилькы кумедія.

Прийшовъ чоловікъ, подывився, баче, що справди такы вмирае. А винъ ййи не любывъ.

— Дайте жъ хочъ билу сорочку на мертву надить,— каже кума.

Винъ вытягъ зъ скрыни таку драгу сорочку, що кума якъ надила, дакъ и соромъ дывыться: ажъ гришне тило свитыться. Закрыла вона ййи рядномъ, поклала вже й у труну.

Тая жинка чуе, що бия нейи диты плачуть. Якъ ййи, бидній, було лежаты! Але вона все терпила. Тоди була зима, то на кладовыще нихто не пишовъ: тилькы чоловікъ, кума, та тйи люде, що неслы. Оце вже треба ййи ховать у яму, та ни на чимъ спуськаты. Батюшка каже до чоловіка:

— Иды додому да прынесы полотно.

Винъ пишовъ додому за полотномъ, а батюшка вже каже жинци:

— Вставай швыдче!

Вона встала. Кума надила на нейи кожушанку.

— Бижы,— каже пипъ,— до мене.

Побигла жинка до попа. Прынисъ чоловікъ тее полотно, труну порожню поховалы. Жыве тая жинка у батюшки, а чоловікъ зъ дитьмы бидуе: хата не топлена, диты голодни й не мыти. Не знае винъ, що зъ ными робыты. Клыче його батюшка до себе на роботу. Кольсь увйшовъ тый чоловікъ у хату, баче— жинка коло печи порается.

— Якъ бы оце я самъ не бачывъ, батюшко, якъ вы мою жинку ховалы, то подумавъ бы, що це моя жинка,— каже мужыкъ до попа.

А пипъ йому каже:

— Се удова зъ сусиднього села; вона въ мене другый рикъ живе, дуже гарна жинка: роботяща така.

Черезъ килькы днивъ прыходыть чоловикъ зновъ до попа.

— Се я,—каже,—хочу одружыться, та не знаю, чы пйде жъ хто за мене, що въ мене дитей багато?

— А може моя наймычка й пйде? Та тилькы я боюся ййй и казаты про тебе, бо ты и зъ нею будешъ такъ жыть, якъ зъ першою. Ты въ гости и до шинку, а вона дома. Ты гарно вдягнутый, а вона въ драній спидныци.

— Ййй Богу, батюшко, теперь уже я такъ не буду, абы ся жинка пишла за мене.

— Та хто жъ його знае? Може й пйде? Я зъ нею поговорю—каже пипъ.

Дакъ у того чоловика ажъ очи загорились—такъ уже йому тая жинка подобалась. Винъ до нейи усе прыдвляється, а вона скаже слово, два, та й зновъ за роботу. Не дуже то на його й дывыться.

Зновъ прыходыть чоловикъ до попа, а його нема дома. А пипъ уже навчывъ жинку, що треба й казаты.

— Се,—каже,—я до васъ. — Та й ставъ коло порога и очей не зведе.

— Та чого жъ вы стали коло порога? Идыть сюды,—каже його жинка.

Вытягла зъ педы млынцы, поставыла на стиль горилку. Винъ такый радый. Пойивъ, попывъ, потимъ каже—«Се я прыйшовъ до васъ, та боюсь, що вы й слухаты мене не схочете».

— Та кажить уже, може й послухаю.

— Чы не пйдете вы за мене замижъ? Въ мене дитей багато, та ще й мали.

— Дакъ шо жъ? Я дитей люблю.

Винъ такый радый, а вона ще бильшъ. Повинчавъ йихъ батюшка. Якъ увишла вона въ хату, то старша

дочка думает:—Якъ вона похожа на нашу матинку, та чы буде жъ вона така добра, якъ маты?

Чоловикъ каже:

— Мы ляжемъ на пичъ, а диты нехай доли сплять.

А въ нейи ажъ серце болить, та вона йому ничего вже не каже. Винъ клыче старшу дочку:

— Нахыльсь, нехай маты на твою спыну стане, щобъ на пичъ злизты.

Бидна дытына думает: Якъ наступыть мачуха на спыну, то й кисткы поламае. А вона легесенько ступыла— тилькы що доторкнулась ногою.

Тоди диты лежать та нышкомъ розмовляють: «Мабудь и мачуха така буде добра, якъ маты». Зъ того часу взяла тая жинка все добро въ свои руки. Диты вже не спалы доли. Вона гарно одягнута. Що хоче те й робыть. Чоловикъ зовсимъ другый ставъ. Выйдутъ диты на вулицю, дакъ инши кажутъ: «Въ насъ мачуха лыха». А вони кажутъ:—«А наша мачуха така добра, якъ ридна маты».—Такъ отъ якый чоловикъ вробывся, якъ удруге побрався зъ своею жинкою.

Записала Одарка Романова отъ крестьянки с. Филевки Нѣжинскаго уѣзда, Черниг. губ., Василисы Наконечной.

363. Стрыжено! Стрыжено!

Йихавъ чоловикъ зъ жинкою полемъ. Було се литомъ, саме о ту пору, якъ на поли такъ хороше, такъ весело та любо, що й додому не хочется. Йихалы вони дорижкою помижъ пашнею. Кобыла тупае соби помаленьку, а лоша попереду—вскубне трохы травыци, зробыть выбрыка та й дали. Дывыться чоловикъ, хтось на ныви ячминь покосывъ.

— Дывись,—каже,—жинко: вже й ячминь покопшено.
А жинка каже: «Стрыжено».

Булы вони въ кума въ гостяхъ, дакъ ще тамъ жинка чогось роспрындылась. Чоловикъ подывывсь на нейи та й каже:—«Опъять?»—А вона закопылыла пысокъ та й одвитуе:—«Опъять».—«Жинко, — ставъ винъ изновъ каваты,—мовчы колы хочь!..»—«Чого я буду мовчаты?»—«А чого жъ ты перечышь: стрыжено, колы воно кошено.» А вона изновъ:—«Ни, стрыжено!»—«Ой, та будешь быта; кажуть тоби: кошено!»—«Стрыжено!» Чоловикъ зопынывъ кобылу. Зливъ винъ зъ воза та й пытае, держучы батигъ наготови: — «Чы кошено?»—«Стрыжено!»—«Злизъ зъ воза!»—grimнувъ на нейи чоловикъ: А вона:—«Не злизу!»—«Геть зъ воза, кажуть тоби!»—«Не злизу я зъ воза... чого я злизу?»—«Злазь, тогда побачымо, чы кошено!» А вона изновъ:—«Стрыжено!»—«Брешешь, кошено!»—закрычавъ чоловикъ та й почавъ ййи чустрыть батогомъ. Чустрыть та прыговорюе:—«Кажуть тоби: кошено! Кажуть тоби кошено! Бисова баба ажъ пыщыть пидъ батогомъ та знай свое грае:—«Стрыжено! стрыжено!»

Кобыла, почувшы, якъ чоловикъ трактуе батогомъ свою жинку, стала комывыться, трохы воза не перекинула; побигла бъ, дакъ хазяинь въ одній руци вижки держыть. Бачыть чоловикъ, що зъ сього дыва не буде пыва. сивъ на визъ та й пойхавъ дали. — «Ось потрывай,—каже,—суча дочко, прыйидемо до господы: буде въ мене кошено!»—«Стрыжено!»—«Буде й кошено!»—«Стрыжено!»—«Потрывай! потрывай! Буде й кошено!»

Прыйихалы додому. Ставъ пытать чоловикъ жинку:—«Чы кошено?» А вона изновъ:—«Стрыжено!» Пиймавъ винъ ййи за космакы та й потаскавъ до коморы.—«Кажы, суча дочко, чы кошено?»—«Стрыжено!»

Роздягъ винъ ййи, прывязавъ до стовпа та й почавъ частуваты батогомъ. Бывъ, бывъ, а потимъ пытае:—«А чы, що кошено?»—А жинка изновъ свое:—«Стры-

жено!»—«Ось постой же!—каже ййй чоловикъ: я тебе, проклятушу бабу, втоплю!»—та й потягъ йййи до ричкы. А ричка була недалечко, заразъ на городи.

Прывивъ до берега, пытае:—«Кажы, що кошено, бо втоплю!» А вона:—«Стрыжено!» Винъ йййи шубовть у воду!.. Подержавъ трохи въ води—вытягъ, пытае:—«А що, чы й теперъ стрыжено?»—«Стрыжено!»

Винъ ййй изновъ у воду... Отъ-отъ пропаде дурна баба.. ажъ бульбашкы стала пускаты, а ще такы пидняла зъ воды руку та й стала выробляты пальцями такъ, наче кравецъ ножицями риже: се бъ то: — «Стрыжено! стрыжено!»

Бачыть чоловикъ, що нельзя здолаты завзятойи бабы, вытягъ йййи зъ воды та й плюнувъ.

Полтавская губ. Л. И. Гавбовъ.

364. Чортъ посварывъ чоловика зъ жинкою.

Бувъ соби на сели мужыкъ зъ жинкою, жылы вони гарно багато рокивъ, николы мижъ ними не було сваркы. Чорту ажъ нудно стало, що вони такъ гарно жыють. Винъ всякъ думавъ, якъ бы йихъ скусыть. Прийшовъ винъ у хату до жинкы, вона саме пичку топыла. Самъ одягнутый якъ мужыкъ.

— Ось, каже, якъ ты гарно зъ чоловикомъ живешъ, а винъ сю ничъ умре.

А вона каже:

— Лышенько! Чого жъ се винъ умре?—Злякалась.

А винъ каже:

— Стий, молодыце, не лякайся! Ось я тебе навчу, що робыть. Якъ винъ засне, то ты йому пидъ шыєю одрижъ три волосыны. Та якъ будешъ ризать, то не рижъ ни ножемъ, ни ножицями, а брытвою. Тоди твй чоловикъ буде живый.

Дакъ жинка не знала, якъ дождаты вечера. Приготовыла брытву, а чортъ пишовъ до ййи чоловика, шо въ поли оравъ. Чоловикъ зъ наймытомъ оддыхають писля обиды, и чортъ сивъ зъ нымы; попросывъ у мужыка воды. Выкресавъ вогню. Закурылы. Тоди чортъ каже:

— Отъ якъ ты гарно зъ жинкою живешъ, а вона тебе сю ничъ зариче.

А чоловикъ не йме виры.

— За шо?—каже.

А чортъ каже:—Отъ побачышъ.

Чортъ попрошався та й пишовъ, а чоловикъ засмутився дуже.

— Чого жъ се вона мене вбъе? Мо въ нейи другый е? Ще й рано було, а винъ каже наймыту:

— Пойидьмо вже, сыну, додому.

А наймытъ каже:

— Та чого жъ, дядку, такъ рано додому? Може огонь дви ще проженемъ?

— Коны мени, сыну, щось не спокійно: руки трусуються и плуга не вдержу.

— То й пойидьмо.

Прыйихалы до ворить, а жинка выскочыла зъ хаты.

— Чого се вы такъ рано прыйихалы? Поламалось шо, чы шо?

— Не поламалось. Утомывся,—каже чоловикъ. А сердце въ його болыть, болыть, шо отъ-отъ смерть.

Попоралы скотыну. Силы, повечерялы. Жинка скромненьки послала постиль.

— Лягай, чоловиче, коны тоби недобре, а я ще горшки помую та ложки писля вечера.

Винъ лигъ. Чуе жинка, шо чоловикъ спыть (а винъ нарочыто прытайився), закачала рукава. Поставыла каганецъ бльжче, щобъ краше роздывиться, де тйи волосыны на горли. А въ його справди була тамъ бородавка зъ трома волосынамы.

Взяла жинка бритву и приступае до чоловіка зъ жахомъ. Серце въ ней затайлося, руки трусются. Тилькы простягла зъ бритвою руку, а чоловікъ ййи за руку:

— А що се ты хочешъ скойиты? Надойивъ?

Та й давай ййи быть. Бывъ, бывъ—тилькы шо жыву оставывъ.

Посидалы воны на лавци, та й плачуть обое. Жинка каже:

— За шо ты мене вбывъ?

А чоловікъ пытае:

— На шо ты мене заризать хотила?

Вона одъ болю та плачу не може говорыть.

— Подожды, переплачу.

Отъ, потимъ уже, якъ выплакалась добре, тоди усе розказала, якъ було.

А чоловікъ и соби розказуе. Колы чують, щось якъ зарегоче въ синяхъ, та заплеше въ долони.

— А шо, каже, и дождався, а то я вже засохъ пидъ пичкою сыдячы та дывлячыся, якъ вы гарно живете.

Сказавъ и щезъ.

Тоди мужикъ упавъ навколишки и почавъ у жинкы прощеніе просыть: — Поки миру, не буду тебе вже бильшъ быты.

Записала Одарка Романова отъ Василисы Наконечной, крестьянки с. Филевки Черниговской губ., Нѣжинскаго уѣзда.

365. Якъ жинка чоловіка вбывала.

— Чы вы не чулы чого про Мытрохвана? Чы вуюнъ очунявъ?

— Про якого Мытрохвана?

— Та про того, шо йому дивчына межи очы кислоты лынула.

— А! Кажуть шо очунявъ, туюльки на одно око сліфный воставсе. А це зновъ, кажуть, дівка лежыть. Мо-

лодыця якась хотіла йой очи выпекты, да якась Буогъ давъ, шо не попала въ очи. а туольки выдъ попалыла та руки, не въ мою міѣру міѣраючы, отъ поты. Та ще, кажуть, такъ хытро: повночи лынула та й побіѣгла, шобъ и не зналы, хто, шобъ, значыть йой ничего за тее не було. Такъ дозналисє: діѣвка сказала, на кого вона думає. До йие, ажъ у йие юпка попалена. Вона, значыть, якъ лынула, такъ и собіѣ на юпку та й попалыла. По тому й узналы, шо то вона зробыла. Якъ по вашому: я думаю, шо тую кислоту скоро зовсіѣмъ зныштожуть?

— А воно добре було бъ, якъ бы зныштожылы, бо таке теперъ повелосє, шо якъ шо, такъ заразь кислоту очи выпекты. Бо кожне пидє въ обтеку й возьме, абы гривенькъ.

— Ніѣ, оцє въ насъ гомоніѣлы людє про одну сторію, до кравца прыйѣздылы, такъ розказувалы. Кажуть, у Рабцахъ случылосє. Одъ насъ и Рабцы тлє недалечко. Дакъ розказувалы, якъ одна жуонка чоловіѣкови своему хорошей зробыть хотіла. Пошла, значыть, до доктора и каже: «Дайте миніѣ мышаку». Докторъ пытає: «На шо тобіѣ мышаку?» Ну, вона вже тамъ шось исказала йому, звіѣсно, збрехала. Докторъ заразь и догадавсє та й думає: Ну постуой же, голубко, яжъ тебе выверу! И давъ йой, заміѣсто мышаку, того, шо горло нымъ полошуть, якъ болятъ. Ну, вона вже забрала тую суоль, чы шо воно тамъ такеє, и пошла, радіѣє вже, шо одурыла доктора. А докторъ знавъ, шо вона не въ согласіи съ своимъ чоловіѣкомъ живе. Заразь пославъ по того чоловіѣка и каже: «Твоя жуонка въ мене мышаку просыла, то вона мабутъ тебе отруйить хоче. Такъ ты не бойся— усє йѣжъ, шо даватимє, бо я йой такого давъ, шо не отруиссє. Туолькы приміѣчай, шо якъ вона дасть тобіѣ такого, шо сама не йѣстымє, такъ ты посліѣ його зробысє неначє хворый. Побачымо, шо вже вона тоды ро-

бытме». Той чоловіккъ пошовъ додому и вже прыгледається до йие, приміѣчае, значыть. Отъ вона:

— Шо це въ мене ця курка така чогось смутная! Мабуть йие заріѣзати треба!

Заріѣзала, натерла тымъ мышакомъ, шо докторъ давъ, бо вона жъ думала, шо то мышакъ, ижжарыла и подае. Подала, а сама не сіѣдае йѣсти. Чоловіккъ каже:

— Чому жъ ты сама не сіѣдаешъ йѣсти?

А вона: «Я, каже, впроси іѣстиму, бо теперъ ми ніѣ ніѣколи».

Ну, вуонъ самъ найѣвсе добре, тоды й починае, такъ, наче йому вже погано:

— Охъ-охъ! Чогось у мене живуоть такъ дужей заболіѣвъ!—Такъ стогне и вже й піѣну зъ рота пустывъ.

—Охъ-охъ! Пойду въ хліѣвиѣ ляжу!

Пошовъ, а вона радіѣе, шо вже його взяло. Туольки до хліѣва все біѣжыть, наслухе, чы ще вуонъ живый. А вуонъ то дужей стогнавъ, а то вже тыхшей-тыхшей, а тоды вже й замовкъ. Вона думас:—«Ну, слава Богу, вмеръ уже». Заразъ узела вировку, пошла въ хліѣвъ, зачепыла його вировкою за шыю и тягне, щобъ повіѣситъ.

— На шо то ще й вѣшати, колы вже вона думас, шо вуонъ и такъ неживый уже?

— Такъ щобъ не подумалы люде на йие, щобъ поподумалы, шо то вуонъ самъ завіѣсивсе. Ну, значыть вона його зачепыла вировкою и хоче тую вировку перекрынуть угоріѣ та ніякъ не перекрыне. Кыдала-кыдала—ніякъ.

— Треба,—каже,—палку взяти, такъ палкою перекрыну.

Пошла палку шукать, а чоловіккъ уѣставъ, узывъ товкачъ изъ ступы и зачепывъ вировкою, заміѣсто себе, значыть, а самъ пошовъ у хату и люогъ на печи. А вона прышла съ палкою, тоды вже палкою перекрынула вировку и тягне його. А товкачъ вѣжкый и повночи въ хлєвиѣ, такъ йой не выдко, и думас вона, шо чоловіѣка

тягне. Повісила той товкачъ и тоды вже голосыть и біѣжыть до сусіѣдъ, крычыть:

— Ой ретуйте, муой чоловікъ завіѣсивсе.

Сусіѣды позбіѣгались, засвіѣтили свіѣтло, попли въ хліѣвъ, ажъ тамъ товкачъ изъ ступы высыть. Вони въ хату, а той чоловікъ на печіѣ лежыть та смейтысе:

— Дывытысе, люде добри, яка въ мене жуонка! То жъ вона мене и труйила, и віѣшала!

Такъ ѣе заразыть и забрала. Кажуть, шо на віѣки въ каторжну роботу пуойде.

М. Н. Григченко отъ молодыци Марьи Коваленковой изъ с. Пѣвцовъ Черниг. уѣзда, 1900.

366. Старшына.

Въ окружномъ суди чытають ришинецъ одному старшыни: — Ришаемо всихъ правъ состояннѣя ѣ видъ должности устраняемо.

— Покирно вамъ дякую, господа судди, за ласку; та ще бъ я васъ просывъ по ласци, шо-бъ ослобоннылы ѣ видъ сильського одбутку, та щобъ и на греблю не го-нено.

Нѣжинскій уѣздъ Е Н Гаврилей.

367. Старцевы гроши.

Хто ѣ зна, чы се правда, чы такъ брехенька. Кажуть, живъ у одного пана старецъ, и такыи винъ бувъ бидный, ну зовсимъ старецъ. А тоди винъ умеръ. И осталася його свыта така погана, шо дворникъ погыдувавъ ѣйи и въ руки взяты, а взявъ та выламы ѣ закинувъ на хату. Отъ вона тамъ и лежыть. Ну, треба було хату перекрывать. Сталы тую свыту исъ хаты ски-

дать, а вона вже зогнула. Тильки взяли ййи на выла, а вона й распалася, зогнула значыть, а гроши зъ нейи такъ и посыпалыся. Воны тоди до пана:

— Такъ и такъ, гроши въ старцевій свыти найшлыся.

Ну, забралы ти гроши и думаютъ, шо зъ йимы роботы. Панъ людей избравъ и пытае:

— Шо съ цымы гришмы старцевымы роботы?

Люде присудылы, шобъ йихъ на вбогыхъ людей виддаты. А панъ каже:

— Ни, не можна на вбогыхъ отдаваты. Ти гроши зъ жадности, бо винъ якимъ старцемъ приставлявся та все йихъ збиравъ. Йихъ не можна на добре дило повернуты.

Думалы, думалы и надумалы за ти гроши купыты свыней и годуваты. Ну, купылы свыню й кабана и годуютъ йихъ за ти гроши. Свыня поросятъ навела и йихъ годуютъ. Отъ и не стало вже грошей. Панъ каже:

— Вже свыни вси гроши пойлы, шо жъ теперъ изъ йимы роботымемя?

И присудылы такъ, шо нехай теперъ свыни самы себе йидять. Якъ зачалы свыни самы себе йисты,—усихъ поросятъ пойлы, восталыся тильки свыня то кабанъ. А тоди кабанъ и свыню ззивъ. Отъ иззивъ та й пишовъ. А панъ каже:

— Визьмите десятеро коней и йидьте за нымъ назырци,—куды винъ пиде?

Отъ посидалы на кони и йидуть за кабаномъ, назырци, звисно —не швыдко, бо винъ не швыдко йде, та ще й стане, и воны стануть—дожыдають його. Отъ винъ прийшовъ на кладовыще и ставъ, старцеву могылу рыты.

А панъ каже:

— Нехай рые!

Отъ винъ рывъ, рывъ, дорывся до труны, тоди расплатався на ййи та й здохъ.

Отаки то старцевы гроши. Такъ воны й пропалы.

С. Жеведь Черниговск у. М Н. Гринченко, въ 1898г

368. Про добру панію.

Звісно, всякій пань бувалы... Отъ у нашуомъ селіѣ одна панія, К—ка, такъ, кажуть, дужей гарна до людей ла.бу Вона знала, шой сама вона до людей гарна, и було каже своимъ уже панськимъ (я сама не знаю, а матка покуойна було розказуе, шо було каже): «Молить за мене Бога, шобъ давъ меніѣ царство небесне, шо я до васъ добра». Такъ шо вы думаете? — и молылы Бога. Оце й застуолъ посядуть, такъ молютьсе и спать лягають, молютьсе. Ще бъ не молылысь, колы йимъ куды жъ луччей було жыть, якъ у иншихъ якихъ пануовъ. И вона така була, шо все знала и людямъ розказувала. Оце вже хочъ и не панськи булы, а йдуть до нейи пытать, колы шо робить, колы тамъ шо сіѣять чы садить. Такъ вона й розказуе, бо вже вона знала. Отъ було не велыть кіяхы садить тоды, якъ у печи горнтъ; а то головня въ кіяхахъ буде. И-и-и багато було чого розказуе людямъ про хазяйство! Такъ шо вы думаете?— плакалы наши люде, якъ вона вмерла и Богу за йие молылысе.

С. Жеведь Черниговск у. М. Н Гринченко, въ 1900 г.

369. Догадавсь.

Ще за панського права одынъ чоловикъ та зробивъ соби парникы и выкохавъ уже пару огиркивъ передъ Велькоднемъ. Отъ и понисъ до пана на подарунокъ. Зрадивъ панъ, шо такый у його хазяйноватый мужыкъ и подарувавъ йому за пару огиркивъ пару воливъ.

Зачувъ се багачъ та й думаете соби: «Ну, вже жъ я лучче зроблю! Я йому визъ огиркивъ повезу. Дастъ мени панъ не пару воливъ!»

Та диждавшы лита, якъ зародылы огиркы, насыпавъ йихъ визъ та й до пана.

— Такъ и такъ, пане,—прывизъ вамъ огиркивъ.

— Спасыби! спасыби! — каже панъ, — оддай тамъ на кухни.

Стойть чоловикъ, не йде зъ хаты.

— Чого жъ ты стойишь?

— Та дождыдаюся—що ваша мылость пожалуете.

— За що?

— Та за огиркы-жъ... Онъ Мытрови за пару огиркивъ пару воливъ дали, а я жъ визъ прывизъ.

Якъ росердытьсѧ жъ панъ, якъ закрычыть на слугы:

— Визьमितъ його! прывъязжитъ його до стовпа!

Заразъ його вхопылы та й прывъязалы въ двори до стовпа.

— Берить огиркы, цияйте въ його огиркамы, быйте!

Беруть слугы огиркы та й ну влучаты въ багача.

То оде тилькы который—лусь! то заразъ той: «Догадавсь!» Другый—лусь! а сей знову: «Догадавсь!» И такъ за кожнымъ разомъ. Почувъ сее панъ, крычыть:

— Стрывайте! ведить його сюды!

Одъязалы, прывелы.

— Що ты тамъ кажешъ? шо ты догадавсь?

— А вже жъ догадавсь! Жѣнка казала: визьмы,—каже,—чоловиче' ще й кавунивъ, а я й не скотивъ узяты... Хыба жъ и не догадавсь? Шо бы то воно було, якъ бы ще й кавунамы почалы цияты?

Зареготавсь панъ та вже й пустывъ його.

Харьковский уѣздъ, Б. Д. Гринчѣнко

Прибавление.

Старая рукопись.

Цѣликомъ печатающаяся ниже рукопись представляетъ изъ себя тетрадку въ четвертушку сѣрой бумаги, въ которой заполнены только первыя 14 листковъ Письмо начала XIX вѣка

Кошя сдѣлана небрежно, очень много искаженныхъ словъ. (Гдѣ могли, мы возстановляли въ скобкахъ первоначальный текстъ). Правописание непоследовательно, мы удержали его, сдѣлавъ лишь, для облегченія чтенія, слѣдующія измѣненія: а) разставили почти отсутствующе въ рукописи знаки препинанія (кромѣ нѣсколькихъ испорченныхъ мѣстъ), б) отдѣлили союзы а и и, которые систематически стоятъ въ рукописи вмѣстѣ со слѣдующими за ними словами, в) раздѣлили нѣсколько словъ, случайно написанныхъ переписчикомъ вмѣстѣ (напр. ботяти, покриего), г) большія буквы, разставленныя въ рукописи случайно, безъ всякой системы, поставили только тамъ, гдѣ требуетъ современное правописание. Необходимо сдѣлать еще слѣдующее замѣчаніе. Въ рукописи отмѣчается йотированіе и, производится это тѣмъ же знакомъ, который обозначаетъ и краткость и, т е °, напр. «тийи, що дѣти свои стратятъ» написано такъ тий, що дѣти свой стратятъ». Этотъ же значекъ (°) стоитъ иногда и надъ і

Рукопись доставлена намъ В Ф. Степаненкомъ изъ Каневского у Киевск губ.

Сторія о мудромъ младенцу.

Билъ нѣкоторый младенецъ изпростаго стану, барзо мудрый и учоний внауцѣ своей и умудрости своей. Мовить: «пойду где воинное панство и пристану доякого цара, жемъ зласки Божой науки маю доброй». Але онъ неимѣлъ зашо сукнѣ справити. Теди продалъ оца,—купилъ коня, матку продалъ,—сукнѣ справилъ. И всѣвши наконя поехалъ вдалеку страну. Случилося ему зихатися здругимъ младенцемъ, которому онъ (конь!) присталъ, и дали собѣ добриденъ. Запиталъ его мудри младенецъ: «околь ти идешъ? Вижу, же тѣбѣ конь присталъ». И они мовить младенецъ: «иду доцаря злистомъ». Мовить м(у)дри младенецъ «дай мнѣ той листъ, я знимъ поѣду доцаря, бо мой еще конь добри». А они младенецъ уклонился и далъ листъ мудрому младенцу, а самъ пойшолъ додому. Мудрый мла-

дениць, взявши листъ, и мислить себѣ: щобъ би втомъ листу написано? Отволилъ и почаль читати, и тамъ написано: хто той листъ доцаря донесе, тому чоловіку утьяти (голову) и напаль избити. Почитавши, подраль: «хвалю тя, Боже мой, щомъ о(т)безумія моего незгнулъ!»

И прихаль дотого мѣста, которого о(т)чотирехъ странъ оточили води, и обачиль мудрий младенець около замки голови напаляхъ челоуѣчи. Барзо собѣ мислилъ: Що то запричина? Будѹ я того питати. И сталь уедной жени ночовати, барзо старой. А второй жени билъ единъ синь, и натои часъ умеръ, и она уфрасунку била посвоему сину. И обачила того младенца и мовить: «сину мой, младенцу!» Увойшовши оній младенець удомъ ей и назвалъ ей маткою, и она его засина приняла. И мовить младенець: «матко моя, щото заголови напаляхъ позбитія?» И рече: «сину мой, то мѣсто царское, а утого царя только една дочка, барзо учона, не только, але и отецъ ей слухаетъ. Тая скаждимъ гадаеть, и нѣхто ей неперегаетъ, бо жаденъ челоуѣкъ неможеть ей о(т)казати нетолько, але всвѣтѣ ей нихто неоткажеть что загадаеть и така есть красна и учона. Много младенцовъ ей скарбовъ показовали, а она натое негладѣла, только зними онаукахъ диспутовала, мовить: мнѣ скарби непотребя; хто хочеть мене взяти нехай отъкаже тую науку, чого я запитаю и коли би мене хто перегадае, той мене озметъ; а неперегаетъ мене, то кажу ему голову отяти и напаль избити». Жена мовить: «сину мой, то голови паничовъ тихъ, которіе царевнѣ неотповѣдали». А потомъ жена младенца запитала: «околь ти, младенче, прихаль?» И оповѣдѣлъ ей: «матко моя, я затвоимъ благословіемъ пойду доцаревни обозьку науку гадати й спробую щастя. Я тую науку добре знаю: за Божию помощію перегадаю ей и озму засебе». Мовить жена: «для Бога прошу я тебе, сину мой, дай тому по-

кѣй, бо жаденъ невийшовъ о(т)тоей царевне вцѣлости». Младенецъ мовить: «матко моя, хто боітся смерти, нѣколи добраго дѣла незробить». Жена мовить: «Богъ тебѣ впомощь».

А потомъ младенецъ пойшолъ доцаревни, пришолъ до вратъ царскихъ и обачилъ стражу стоячую и мовить младенецъ: «позвольте мнѣ доцаревни увойти!» И вийде первіе доцара и мовить: «найяснѣйший цару! позволь мнѣ с(с)воею цоркою поговорити». И риче царь: «нейди! мало ти науки знаешъ,—нинѣшняго дня страченъ будешъ». И рече младенецъ: «и я позволяю, тилько, цару, дай знати царевнѣ отомъ». И заразь дано знати, и сказала прийти досебе. Младенецъ пришолъ доней и далъ ей добридень, а она, поздоровивши его, казала принести кресло злоцѣное. Сѣвши млладеницъ безпечне, неглянулъ нацаревну и умисли своей гадае: «если буду нацаревну пилно глядѣти,—скваплюся ей красотѣ, той зийду зрозуму». Якъ сѣлъ, и мовить доцаревни: «питай мене чого хочешъ,—буду тебѣ о(т)казувати».

Царевна мовить: «уцѣмъ сидишъ?»

Младенецъ мо: «шати мой намѣнѣ, оусвоихъ сижу».

Царѣвна мовить: «хто такой безмеча воюе?»

Мла: мо: «риба вморѣ, же кораблѣ вивертае злюдми».

Ца: мо: «хто такой умогилѣ лежалѣ три днѣ?»

Мла: мо: Иона пророкъ вочревѣ рибномъ».

Ца: мо: «хто такой умогилу увойшолѣ, да гробной муки невидѣлъ?»

Мла. мо: «той, котораго Богъ о(т)ъ гроба четверодневнаго воскресивъ».

Царѣвна мо: «хто такой родился безъ матки?»

Мла: мо: «1-й—Адамъ, 2-а—Ева, 3—барановъ (баранокъ!), которій закланъ бисть вмѣсто Исака, 4—крестъ, накоторомъ Христось распятся булъ».

«Которій ангели (лгали!) и посвари чинили?»

Младенца: «братій Иосифови, породавши (продавши!) его, оцу своему Иякову лгали».

Ца: мо: «которихъ Богъ дванадцять принялъ и грѣхи имъ прибачилъ вмѣсто воини (?) изновъ вийшли шесть тысяць народу?»

Мла: мо: «Ияковъ зда надесятима вийхалъ до Мисера мѣста и тамъ сина своего знайшолъ и радъ билъ, що его синъ Иосифъ уцарствѣ осѣлъ, потомъ тая шоста своего добра догала преведене пророка Моисея».

Ца: мислить собѣ: «кождое рече, що тилько запи-таю, тое минѣ откаже».

Мислить себѣ: «о Боже мой милостивий, аби мой младенець неперегалъ мене!»

И мовить царевна: «сего дня вѣлости о(т)мене видешъ, а завтра рожнихъ клопотовъ учиню тобѣ».

Младенець мовить: «сего дня Господь помогъ мнѣ и завтра поможе».

И потомъ, вставши, и пошолъ до господи. Господиня мовить: «якъ вийшолъ еси отоей царевни здоровий?» Младенець мови: «хвалю Бога моего Спасителя, жемъ вишолъ.» Другаго дня вставши, пойшолъ зновъ до царевни и далъ ей добридень, накрѣслѣ (сѣлѣ).

И царѣвна почала гадати: «що то есть за древо, що внемъ есть 12 гѣлей и на каждой гѣлѣ потридцять листовъ, уверху древо болѣ (бѣло!), а усподѣ черно?»

Мла: мо: «латво мнѣ тое угадати: древо то есть рокъ, а дванадцять гѣлей, то есть дванадцять мѣсяцѣвъ, а вкаждомъ мѣсяцѣ потридцять дней, уверху бѣле, то есть день, а усподѣ черне, то есть ноцъ».

Ца: мо: «що то з(а)птахъ: яйце несе, дѣтей неплодить?»

Мла: мо: «то есть рокъ: нѣпребувае, нѣодбувае».

Ца: мо: «много есть птаховъ именемъ названихъ?»

Мла: мо: «1 ластовицу, 2 воронъ, 3 голубъ, 4 пчелѣ, 5 удолю, 6 соловей, 7 жайворонокъ».

Ца: мо: «скажи мнѣ, кому Богъ далъ прирожену науку?»

Мла: мо: «то есть пчелѣ».

Ца: мо: «скажи мнѣ двѣ речи: (кто)то есть двое людей, що правду реклі и допекла поишли?»

Мла: мо: «то есть тии люди едни есть умрене (вѣрмене!), а другѣ жици. (Жици) мовять: увѣр(м)енъ вѣри нимае, урмяне мовять: ужидовъ вѣри нимае». И блудять и допекла идуть».

Ца: мо: «Якъ Сатанѣ имя било?»

Мла: мо: «харись твой часъ, якъ билъ нанебеси; Адама и Еву прелстилъ еднимъ ото вещь и о(т)того часу сатаню ставъ».

Ца: мо: «много лѣтъ Адамъ жилъ насвѣтъ?»

Мла: мо: «девять сотъ тридцать лѣтъ и умерлъ».

Ца: мо: «кто такой нетворить (не говоритъ?), тѣла и кровѣ неийметъ, и особѣ вѣдомости дае?»

Мла: мо: «то есть в(ѣ)теръ»

Ца: мо: «божѣе створеніе (що) уводитъ допекла?»

Мла: мо: «кажди человекъ безбожни загрѣхи упеклѣ застае?».

Ца: мо: «явикомъ якимъ будемъ упеклѣ говоритъ?»

Мла: мо: «Жидовскомъ, а врай греческимъ».

Ца: мо: «пойди додому! хочай рицеромъ хочешъ бути,—заутра зновъ прийдешъ».

Младенецъ вставши и поишолъ, Царевна зостала увеликимъ фрасунку и младенцивимъ словамъ дивовалася. Другаго дня приходитъ младенецъ, далъ день добрый и сѣлъ знову накреслѣ. Ца: мо: «сегодня невидишь отмене вѣлости, бо смѣся измене и ругаеся, а если неотгадаешъ загадки моей, кажу тебѣ голову отяти и напалъ избити».

«Нинѣ мнѣ Господь поможе».

Ца: мо: «есть жена альбо пан(н)а,—много говоритъ непопански».

Мла: мо: «царевно, много есть губила паничовъ, а нехочешъ ся каяти!»

А той царевни имя било Сельгадка грецкими словами.

Мла: мо: «ну вже три дни гадаю стобою и все тобѣ отказую. Теперь я тобѣ запитаю одной речи, але якъ неоткажишь, то я (скажу) тобѣ голову утяти и напаль избити, а если откажешъ, то будешъ мнѣ женою».

Ца: мо: «на я натое позволяю; любо твоя власть надомною, а мой надтобою».

Мла: мо: царевнѣ: «хто таки мудрий и уродоу хорошій и зотца учинилъ коня, а зматки учинилъ сукнѣ».

Ца: мо: «прошу тебе, младенце, вижу тебе предсобою якъ свѣшу свѣтлу, немашъ тилко, якъ ти много разумѣешъ! Прощу тебе, дай мѣне по(ко)й натую ношъ, завтра прийдешъ, откажу тобѣ, а еслѣ неоткажешъ (не откажу!), волно тобѣ шо моя (твоя?) мисль поднесе: хочъ голову отяти, хочъ важену узяти».

Младенецъ далъ ей добривѣчоръ, а царевна зосталася звеликимъ фрасункомъ. И почала мислити: «обоже мой! дивуюся барзо, шо неоткажу загадки тоей, тилько уставши и пойду дотого младенца, питаючися его озагадку (онъ мя невидѣлъ много, неп(о)знаеть мя), питаючися, чий онъ есть синъ: если царскій, то пойду занего, а если простаго стану,—непойду занего. Вѣдаю я добре, же онъ мнѣ скаже свою загадку». И убравшиися вшати дорогѣ: «хто намене гляне, то изровуму зийдетъ!» И взяла ис(с)обою напитки дрогѣ и пянїе, а младенца (младенцу!) Богъ напомощъ. И приїде царевна догосподи, закалатала и виїшла донеи господиня и мовить: «небога дѣво, чога ти приїшла?» Ца: мо: «Матко моя, позволь минѣ увойти удомъ свой: маю потребу подлюю (пилнуну?)»—И поблагословившиися и поїде до младенца и мовить: «добривѣчоръ, младенце!»—Мла: мо: «здорова ходила,ясная! скоро (скажи?) очемъ приїшла?»—«Мисль твоя приїшла (привела?)мя дотебе»—

Младенець мовить: «якого ти роду?»—Она мовить: «естемъ ковалѣвна, мой отецъ коваль и слюсаръ. А ти, младенце, що маєшь запотребу унашомъ мѣстѣ? Тебе люди хвалять и рипаромъ називають».—Мла: мо: «естемъ я такий, якъ мене бачишь».—Ца: мо: «якого ти роду?»—Младенець мовить: «непамятаю, бомъ уночѣ виїхавъ здому».—Ца: мо: «тебе люде хвалять, же царевну перегадалъ, немѣла тобѣ отказать. Отець мой приволилъ (прислалъ) мя престерѣгати, я тежъ, просячи (милуючи) тя приймалъ (прийшла). Ца:

Отъ (онѣ!) бачиль ей красоту, немогль ся догадати. И почали напитки пиѣти, царевна сама наливаєть. И стали межу собою увеселятися и сидячи наложку его едно другого сѣловати. Царевна мовить: «мой мили младенце, прошу тя для Бога, скажи мнѣ, чого питала царевна тебе? Повѣдали люде, що царевну перегадалъ».—Мла: мо: «я то власни отца продалъ,—коня купиль, матку продалъ,—сукню справиль и учужое панство служити поїхалъ и того я запиталъ,—она мнѣ неотказала». Ца: мо: «мой милый младенце, я нѣзкимъ нѣила, нѣпила, а дотебе пю люблячи тебе».—Мла: мовить: «дай тобѣ, Боже, здоровіе и мисль долгу!»—Отакъ розмовляючи (зѣ) младенцемъ и сѣлующися, ношъ щося младенцу уподобало, то робили. Заразъ ся младенцеиъ (младенець!) зпянчилъ, а вона вставши злужка, заразъ поїшла до покоювъ своихъ, бо южъ близко день билъ.

И рано младенець ледво доровуму прийшолю, зафрасовался барзо, нипозналъ, що царевна била. Младенець уставши, глянуль налужко свое и знайшолю ей золотий (перстинь), наверху перстня камѣнь аспѣшовий, имя ей написано било. И взявши той перстинь, пошолю доцаревнѣ, далъ ей добридень и сѣлъ накреслѣ. Царевна мовить: «я твою загадку отгадаю. Ти самъ той оца продалъ,—коня купиль, матку продалъ,—сукнѣ справиль,—ото твоя загадка, младенце!» И уволала слугъ своихъ

и мовить: «повидѣте его настрату, бо его перегадала».

И взявши его слуги повели доцаря наросудокъ. И мовить младенець: «найяснѣйши царю! маю одно слово мовити». Царь говоритъ: «мовъ смѣле!»—И рече младенець: «шщо то такое есть, же летѣвъ голубъ одцарского двора и прелетѣвъ навѣдовинъ дворъ яко нѣби чужоземичъ, надѣл того голуба хорошего и поймалемъ его, що хотѣлемъ, той изнимъ чинилъ. Обезпечившись, привикъ домене и обознался зомною и полетѣлъ зновъ доцарского (двора). Але хвалю Бога моего, же стого голуба одно пиро зосталося оумене».—Царь питае: «що то запричина?»—Перстень показаль: «отожъ, царю, перо, которое я знайшолъ на своему лужку».—Царь обачиль, зафрасовался о цорцѣ своей и мовить: «о цорко! що той перстинъ чинить, у того младенца?»—Царевна мовить: «то перстень немой, але сей гдижъ перстень неподобенъ моему, а в мене (мене?) онъ нецѣнотливи (не цнотливу?) передочима вашими вдаеть».—Царь мовить: «а чомъ я твоего невижу перстиня притобѣ?» Царевна вставши и пошла и казала закликати и превести золотара, и превели. Ца: мо: «прошу тебе, золотару мой, изроби минѣ перстинъ загодину злоцѣсти, зроби камень аспѣсовий, имя мое напиши». И заразъ сталъ робити. И дала ему кѣлка черво(н)ихъ и почала просити: «Мой мили золотару, невидавай мене оттого!» И взявши той перстинъ и пошла доцара своего и мовить: «отожъ, отецъ, мой перстень примѣнѣ, а то немой, що умладенца, але его визволяю».

Оттого часу били доца(ра) гостѣ далекие, воеводи. И взяли воеводи оба перснѣ и приклали еденъ додругого и немогли зрозумѣти,—оба равние, только вцаревни новий билъ. Теди царъ мовить: «одамъ я тебе, цорко моя, ванего и будешъ въ мудрости царствовати». Цурка мовить: «я(къ) твоя воля, оче, билъ, и я рада що билъ (би-мъ?) клопоти болшъ немала». Учинилъ царъ веселя,

а посмотри отримати (по смерти цара отримали) царство, и жили собою и потомъ болшу власть мужъ имѣеть, нижели жена. Амѣнь.

Повѣсть о царѣ Филименѣ.

повѣсть оагий оцару.

Бисть воградѣ Филименѣ царѣ славенѣ зѣло и богатѣ. И прилучися ему стояти всоборной церкви въ престолѣ божественной литургій (литургии!), а чтуше иерей святое евангеліе, вънемже написано: «богатий обнищаша и нищій обогатиша». И слиша царѣ Агїя они евангельскія словеса и размыслиша воумѣ своемъ вой(с)тину ложь сие въсвятѣмъ евангелій написано, (понеже естемъ царѣ славенѣ и богатѣ, а нишему невозможно обогатѣти). А егда скончися святая евангелія, то царѣ Агїя повелѣлъ иерей втемницу всадити, а взявъ евангеліе, листь вонѣ видралѣ. И поиде царѣ Агїя сомногими боляри вцарскія свої палати и началъ пити. Его вѣркій слуга и возвѣсти цару: «проявися вотвоихъ лукахъ елень вельми красенѣ, и нѣкто его несмѣеть безтвоего царского велѣнїя ловить». И слишавъ царѣ Агїя, повелѣлъ предстоимъ осѣдлати коня своего и взявъ (съ) собою двадцять одного юношу, и поиде въ царскіе свої луга и увидѣлъ царѣ Агїя еленя зѣло прекрасного и погна заеленемъ послѣдѣ. И прибѣжа елень зарѣку, царѣ же Агїя устремися заеленемъ и глагола кюношамъ: «стойте ви здѣ, азъ еденѣ уловлю еленя». И скинувъ зсебе царскую одежду заеленемъ попли, препли рѣку и наеленя порегу вслѣдѣ его жебѣ ради царѣ Агїя вельми утомленѣ бисть, ангелъ Господенѣ вообразѣ царя Агїя прииде креченимъ кюношамъ соонаго полу рѣки и рече имъ: «подайте мнѣ платѣе и коня моего! Елень бо убѣжа изочей моихъ». И одѣлся ангелъ Господенѣ воодежду

Агѣя цара. Сядеть на коня и поиде вградъ Филимень сославою царскою.

Агѣя же царь гнавъ заеленемъ, елень же невидимъ бисть. И возвратися впятъ, препли рѣку и невидимъ коня своего, ни платя, ни юношей, сталъ нагъ, задумался и смотри сѣмо и овамо и видѣ пастуха, пасучи овци. И прииде к нему нагій просить: «пастуше-братія! гдѣ видѣлъ коня и юношей?» Пастухъ же глагола к нему: «ти хто еси?»—Царже отвѣща к нему: «азъ есть царь вашъ Агѣя, града Филимена». Пастухъ же рече к нему: «окаяни! како ти смѣешъ царемъ наречися? Азъ видѣлъ царя Агѣя, прижалъ сославою вельможи и сомногими юноши, а ти окаяний нагій и нарикаешъ себе царемъ Агѣемъ!» И началъ его бити долгимъ батогомъ и трубою, Агѣя же началъ бѣжати. Пастухъ же гнаше волци (овци!) вослѣдъ его и бѣяше кнотомъ и швиграя трубою. Егдаже Агѣя бѣжа далече о(тъ) пастуха и нача плакати и умильно каятися предбогомъ: «войстину согрѣшилъ и Бога прогнѣвилъ и святое евангеліе похулилъ и ерея втемилицу посадилъ безвине и листъ ивевангелій видрахъ написаніе: богатій обнищаютъ, а нищій обогатѣють. Загрѣхи своя азъ жукшее (хужшее) всѣхъ неимущихъ: царствія своего лишися и царици». И воставъ поиде Агѣя царь, пойшолъ незнаемимъ путемъ и стрѣтоша его напути торговѣе люде, глаголя к нему: «человѣче, чтоти еси нагъ? гдѣ твоя одежда?» Агѣя же поклонися имъ доземъли и рече к нимъ: «одежду мою разбойники похитиша».—Ониже даша ему худую одежду, вкаторою одѣяся царь Агѣя, поки (паки?) поиде путемъ и стрѣтишася снимъ нищія братія. Агя же поклонися нищимъ братіямъ: «возмите мене (съ) собою, азъ вамъ готовъ служить, понеже я работаѣ неумѣю, а просить стижуся». Онеже (они же!) воспрояше его: «ти хто еси таковъ?»—Агѣя же рече к нимъ: «азъ естемъ единъ отубогихъ и нищихъ». Взяша его (съ) собою и даша ему суму засобою нести, и поидоша нищій во свояси. Агя же воспросиша оунищихъ: «братія моя,

скажете ви мнѣ: кто есть воградъ Филименъ царь
есть?»—Ониже рекоша к нему: «безумни! или ти нина-
шой земли, яко невѣси? унасъ царь Агѣя царствуетъ
воградъ Филименъ, оуже тому пятьдесятъ и единъ
годъ». Агѣя же воздихниль (воздихнулъ!) сосълезамн и ка-
яся: «Господи Боже!» день и(но)щъ освоемъ согрѣшеній. И
пристъ (И пребистъ?) Агѣя царъ впорабошеній, внишетъ два
года, и услыша Господъ моленія его и покаяніе и тепля сле-
зи. По третѣмъ же лѣтѣ ангель Господень сотвори пиръ про-
убогихъ и понишихъ братій и повелъ собратъ повсе-
му градъ Филименъ и покаждимъ силамъ и деревнямъ
водворецъ царскій. И повелѣнію ангеловому поставиша
трапезу изобильная пища. И снищею братією приде
царъ Агѣя вовеликомъ оужасъ и трепетъ и стояше на цар-
скомъ дворѣ и помишляше воумъ своемъ: «како азъ
окаяни лишень бистъ чертога своего царскаго з(а)грѣхъ
свой!» И услыша Господъ воздыханіе Агѣя царя. Ан-
гель Господень глаголя копредстоящимъ: «возмнѣ ко-
мнѣ снищія братій единаго мѣхоношу, котораго азъ
самъ повелю, преведите в мой царскіе палати!»—Пред-
стоящимъ же повелѣнію его превидоша Агѣя царя, (не)
вняше, что царъ ихъ есть. Ангель же Господень поятъ
его сособою и его наказа, Агѣя царя, и научи его
евангельскія слова нехулити, абистъ коротку и смирну
доубогихъ и нишихъ милостивий и вручи ему царство
и заповѣда ему никому осебѣ повѣдати сие, ангель
Господень невидимъ бистъ. Агѣя же царъ попрежнѣму
нача царствовати и вельми донишихъ много милостивъ
и кротокъ билъ и тако сконча жизнь свою, воблагоду-
ший. А: Ко: Жи:

Печатные варианты этого разсказа укаваны въ «Этнографическомъ,
Обозрѣніи» 1894, III, 126

Чудо святителя Христова Николая.

Чапу одного ствятий Николай ишоль путемъ пищею (пушею) навидѣти святаго Макарія пустиножителя. И тамъ срѣтилъ его дияволъ напути, образомъ барзо страшнимъ, сталъ великъ и косматъ, очи ему огненіе, зуби ему железніе, языкъ ему голи и росоховати, ноги ему якъ уведмедя, волоси ему наголовѣ, набородѣ—якъ стрѣли огненіе, огнемъ лутимъ и страшнимъ дише, изухъ его димъ виходить якъ спечи, и весь страшни показался, хотячи устрашити святителя Христова Николая справою тута (пути!). Видевшеегосвяти Николай, знаменается крестомъ святимъ и рече: «Господи, оружіе надѣявола крестъ Твой даль еси намъ». Изнову рекохъ: «небоюся страха бѣса полуденаго». Потомъ придетъ нанего Духъ Святій и покри его и укрѣпилъ мощно Святителя Николая. Святитель Николай, ставше смѣле посередѣ пути, и риче кодияволу: «Ктоти еси, идоль, идешъ, якъ имя есть тебѣ.» Дияволъ рече: «имя минѣ есть Вселзавишъ и иду свѣта повѣжати и святихъ божнихъ посѣщати». Святи Николай рече ему: «але ти есть зли духъ неприязни, отийди отмене, сатано!» Дияволъ рече святому Николаю: «о Неколаю, якъ ти смѣшешъ мовити такому ангелу велікому, которому и весь свѣтъ кланяется и хвалитъ и вси людіе мнѣ повинуются». Тутъ Святи Духъ указался святому Николаю и повелѣ узяти его вруцѣ свой и бити мощно того лютого диявола. И такъ святи Николай оузявъ его заволоса, извернулъ его наземлю и вложилъ ему мѣзиний вротъ палець свой и рече ему: «Повѣждь ми, сатано, отъколь ти ходишъ и где ти идешъ и що твоя заробота?» И такъ дияволъ сталъ молити святаго Николая: «о святителю Христовъ Николае! молютися, оче святи, ослабити ма-ло и вийми святи свой палець изрота моего, онъ бо мя палетъ, немогу терпѣти, и все тебѣ повѣмъ». И тако попустилъ ему святи Николай, и тако сталъ повѣдати святому Николаю: «теперь естемъ избездний, амо едѣло таковое

есть я сна сотцемъ звожу на свари, цорку изматкою невѣстку зосвекрухою, нагнѣвъ привожу врага, избратомъ и систрою наблудъ привожу; и я дитину приотцевѣ и приматцѣ сномъ твердимъ одавляю; я на все злое тий, шо дѣти свой стратятъ и живихъ вземлю закопають, наводу вътопятъ, научаю, всякого злого дѣла чинити и труити людей на(у)чаютъ, аби своихъ власнихъ мужей труили и отрукъ ихъ умерали и мужи своихъ власнихъ женъ вабивали и загубляли, въ корчмахъ и нагосподахъ и(з)води чиню, шо единъ другаго забивае насмерть; я кума скумою наблудъ привожу; я навеселяхъ мижи святими наймилишими приятелями изводи чиню безобитнаго руганя, крово пролитія и межи молодыми нелюбовъ укидаю, межкати (мешкати) имъ недаю; я напразникахъ зводи и збойства чиню я въсего злого дѣла приеожу; я тамъ, где хошетъ добрее дѣло изробити, то я тамъ, и перешкоду роблю, и тамъ где хто хошетъ рано доцерквити ити, то я его сномъ тяжкимъ пресипаю; я тамъ, где хто хошетъ офіру Богу принести, то тое згубить; я тамъ где хто хошетъ наотпустъ ити, тоя его и женою нагнѣвъ изведу, альбо то(до!)смертельнаго грѣха приведу; я и тамъ где отецъ сина любить, альбо и matka дочеръ свою кохае, я тамо между ними осуругу въ кидаю еше забийство великое, которое неможется насвѣтъ показати. Я теперь шобъ града кирскаго сина наотца изводити, аби синъ отца своего роднаго забиль, и еше стога града возвратившиися назадъ догемона и тамо булаби мнѣ похвала вилика отнашего цара Фамадея и зплату себѣ затое дѣло отрималъ би иеъше вознелся, а теперь ти, святей Николае, пости (пусти!) мя и(з)своихъ святыхъ рукъ, боуже немогу отвоего страха видужати, пусти мя хочъ ницѣла, аби жива и большъ незабиваема». И тутъ Духъ Святей показался Николаю и сказавъ его связати и бити и заклинати именовъ Господа Бога Творца, которій оувесь свѣтъ сотворилъ. И тако роступайся зем-

ля, увернулъ его вбездну и тако яму Духъ Святой глагола: «иди во свой путь». А конецъ житѣя

Слово о смерти и рицеру богатомъ и славномъ.

Слово осмерти. Билъ нѣкотори рицеръ веляможній годний панъ и во всемъ рицерствѣ потежній и грозный и моцній, которій рицерствѣ своемъ много вѣску также потежне побиваль и поражаль кождаго дня (слово не разоб.) и пиваль, гайноваль а набога неуповаль, непамяталъ. Еднаго часу самъ всобѣ: «шщоту люде много биваютъ, же яка смерть есть потужная и страшная, радъ я ей видѣти, щото она затакая рицеръ, щося ей люде боютъ и лякаются. Много, чую, людей и пановъ и кролевъ побираетъ, щото она затакая рицеръ. Гди би я ей хочъ окомъ накинулъ, нехайби вомною пограла, погралася бъ я ей? То глупіе що ея боютъ, або и дають побирати, я естемъ панъ славни, потежни и богати, а дотого и рицеръ моцній и потужній».

И графилося еднаго часу, альбо еднаго дня, оубравшися рицеръ ведлугъ строю своего вовшелѣку зброю свою рицерскую и взявши оружие свое барзо подуфалое, шукаюче скимъ бися попограти або речи и побити, и заихаль вполе далеко седнимъ хлопяткомъ своимъ и то не великимъ. А кди южъ издили пополю много, надибали смерть. Барзо страшнимъ образомъ ему показала: самие голие кости, худая, сухая, блѣдая, голенатая, кострубатая, зубатая, окатая, ногатая, во всемъ непристойная, головатая, плечистая, постредѣ барзо суптелная, во всемъ зѣло страшная, косячи косою своею всѣ зброй, всѣ свой риштунки: косу кривую а острую, серпъ, пилу, мечъ, лопату, заступъ, мѣтелъку, грабли, мѣтлу. Видѣвше рицеръ такую отособи страшную, непристойную, засмѣялся и до-

бывши своего меча, хоцетъ тости (тяти!) изближившия и рече: «хто еси такое, повѣждь ми, жесь такая ходишь оружиемъ непристойнимъ доволно? чого ходишь пополю?» Рече смерть ему: «человѣче, хочъ мое оружие здается непристойне, але я пристойнихъ людей тимъ оружиемъ посѣкаю и всего свѣта побѣраю, да не слухай ти коли предя осмерти, бо смерть бо я. Самъ потребоваль абымъ я видѣль, изомною ся побити,—отомъ готова зовсѣмъ своимъ риштункомъ». Глагола рицерь: «да чи того смерть, що побираетъ краснихъ людей сего свѣта, даже щося люде боятъ и лякають». Рече ему смерть: «отож тою якъ мя видишь, яковая ся то здаю воочахъ твоихъ?» Глагола рицерь: «тфу своимъ рицерствомъ, своимъ риштункомъ та своею уродою!» И риче ему смерть: «неплюй, але перше да спитай да спробуйся зомною, якъ видишь никрасную, але я людей мно(го) краснихъ сего свѣта побирала, и ато и потѣбе прийшла? Що ти гадаешъ?» Глагола ей рицерь: «щоти, страшилище, страшишь людей слабихъ, а дотого еще душнихъ охъ, бѣдо сухая, куструбатая, голѣнатая, носатая, зубатая, окатая, головатая, та ти мене хоцешъ узяти а чи неслухала ти орицере вѣмоцномъ и славному и пану богатомъ, а неслухала ти омоей моци, якихъ я людей, войсковъ, рицеровъ позабиваль, порубиль, посѣклъ, накопие отой моей рицерской голови досвоего вобозу приношалъ? Ото то коли слухала овеликомъ пану—осимъ моимъ билитовимъ (булазовимъ) мечемъ посѣкаль, а ти мене хоцешъ оузяти! Есть умене мечъ рицерскій, копие надахъ остріе, стрильба барзо огнистая. Если хоце еще потомъ долю ходити та немного говорити, бо чого хоцешъ достати оумене, заразъ достанешъ».—Рече ему смерть: «да що ти ся хвалишь своимъ риштункомъ? тое все вмене врукахъ, маю я на тебе косу кривую, серпъ барзо остри, лопата, мечъ, долги пила, заступъ, граблѣ, мѣтла, отого штука, человѣче, отожъ слухай що тобѣ повѣдаю: хочъ оружие просте, але шляхетнихъ людей руба-

еть». Глагола ей рицерь. «що ти ся хвалишь своимъ неужитнимъ оружиемъ и непристойнимъ и нестройною зброєю своею, коси ти косою поболоту шувахъ, жни ти своимъ серпомъ полугахъ тростини, сѣчи ти своимъ долгимъ мечемъ сухии хащи, три ти своею пилою гнилие колоди, копа ти своимъ рискелемъ суху землю, мечи ти своею лопатою гной, загриба ти своими граблями солому, загрѣба ти, своею мѣтлою полову замѣта ти,—твой риштунки дотого подобній, а не довойни. Умене натебе мечь булатовий рицерскій, дотого подобни, а не довойни, а вмене натебе котори внемъ я возму потохъ сухихъ голенатихъ и високихъ вѣчимъ симъ умене стрѣли которий очи твой окатие повыстрилю, есть умене копие дахъ остріе, котримъ я наскрузъ прободу, есть у мене стріла барво огнистая, копие кости твой сухие, намя смотри и поїди отмене собѣ безбѣди, еще то мя догнѣву и доохоти рицерской и нерушися, о смерти и нерожважная да подобно и глупая, нетакимъ я рицаромъ сего свѣта погубихъ, да нетакихъ я головъ рицерскихъ постинахъ, а ти, смерте сухая, голенатая омнѣ ся видишь воочахъ яко муха изгинешъ; яколи хочешъ зомною грати, грайже!»—Рече смерть: «человѣче, послухай перше моей бесѣди, которую я тебѣ повѣдати буду, и перше собѣ побесѣдуймо, то вжеся будемъ сѣчи хто будетъ знась лѣпши, альбо дужши».—Глагола ей рицерь: «южъ вижу, жися мя большъ (боишь) такого славного пана и рицера потужного и (з)витяжци мощнаго, вижу же трохи небудешъ ся озгоду умене просити. А втомъ—мовъ що маешъ, даю ти волю».—Рече ему смерть: «человѣче, що тия хвалишь своимъ рицерскимъ, же много позвितязалъ, посѣкалъ и войска побивалъ? Отожъ то я знаю добре, що безмене тамъ небило, що есь тамъ вовахъ и втинахъ, стрѣлахъ, забивахъ, колохъ, топтахъ, которихъ пробивахъ, то я тобѣ помагала, иншихъ прибивала, хочъ ти мене невидѣлъ, а я тамъ завужди стобою била».—Глагола ей рицерь: «о смерте! тожъ иль-

жешъ, яко неправдивая и нецнотливая! Та ти зомною тамъ бувала? Нѣгди то неправда! Я розумѣмъ, ошосми (що сми!) мовити мешъ доречи, а ти плетешъ нѣте, нѣте. Я тебе нѣвидѣвъ ажъ донинѣ».—Рече смерть: «я хожду невидимо и некождому явни. Где кого застану, тамо его втомъ и озму, рече, забожимъ росказомъ. А теперъ а тобѣмъся показала явно, бо тяти згола хочу взяти, бо я по тебе додвора твоего неходила, самъ ти потребоваль,—отожъ теперъ конечно ходи, южъ тобѣ впанскомъ домѣ небути и слугъ своихъ неоглядати и впалацахъ роскошнихъ негуляти, але тутъ натоми чистомъ полю лежати, и звѣримъ будетъ и пташки тѣло твое около костей обѣрати и кости твой розносити, абися смерти мogle бояти».—Глагола ей рицеръ: «а пойди собѣ, напасниче, прочъ отмене, бо достоися тутъ бѣди оумене, бо умене тилько жаль моего меча булатового, абомъ его обтвой голие и сухие кости непритупилъ, а що больше стрѣлба огнистая, а зѣло певная, а сухи кости намуку потреть, коши надахъ остріе мню и велѣзо просадить,—обачимо чійся кости будутъ жмежи насъ валяти будутъ наполю». И южъ ся барзо рицеръ розгнѣвахъ, добивши мича, хошетъ тяти наню,—сежъ ему рука всхла, альбо зомлѣла. Рече ему смерть: «що ти, человекче, робишь? вижу, жеса розгнѣвахъ, а я твого гнѣву небоюся. Ти мя хочешъ нипорицерску, але позрадецку тяти. Постой, моцній рицеру и богаті пане, зачимъ ся будешъ бити волно ти (ми?) исобою и поговорити. Нехай тимъ булатовимъ остримъ мичемъ!—острѣшая моя пела, певнѣшая моя мотика albo рискель, неж твоя огнистая albo певная стрѣла, лучая моя лопата и мѣтла, нѣжъ твоя надахъ коши остріе, нихъвалися самъ собою, albo силую твоею противъко моей уроди сухой, блѣдой, еще и гагеречь (на герець?) зомною неиздиль, и южъ ти рука умлѣла».—Глагола ей рицеръ: «когожъ би то такіе слова поганѣ догнѣву незрушили, якъ ти

мовишь и ганишь нетилко мене самого, але оружіе, що мовлю надахъ остріе, коли хочешъ его дознати,—озмѣмся пробовати, южъ я багато такихъ страшнихъ пловихъ ялити тися натое взяла, що ми рука отмича умлѣла, недивуюся, бо живъ; южъ ти пополудню третяя наспѣла».—Рече ему смерть: «шоже такъ ослабѣлъ, що килька годинъ неилъ? я мало коли що идаю, але прудко ся зсвоимъ отимъ всѣмъ оружіемъ убиваю. Южимся болше небавмо, далѣ южъ будетъ вечеръ,—шо маешъ мовити,—мовмо».—Глагола ей рицеръ: «твой слова порожнѣй и неуважнѣй нѣгди мя непреприть и допокори мя претобою недоведутъ, атъся ти поколонихъ плетешъ, нѣсе нѣте правишь, о Адамѣ и потопѣ (слово не разобрано) тихъ копѣе твое будетъ вроботѣ». И то ся порветъ докопѣя. Рече ему смерть: «постояно, человекѣ! щося такъ розгнѣвахъ? послухайно, человекѣ, щоти мнѣ плотки завдаешъ о Адамѣ альбо о потопѣ? послухай, що повѣмъ! Еще отсотворенія свѣта амъ (я-мъ?) другая по Адамѣ родомъ, бо коли Богъ доАдама: аще будете воотцу (овощу?) одревати заказного,—смертію умрети; скоро Адамъ воотцу (овощу?) вкусивъ, я варазъ ся тамъ знайшла. Послуха(й)же: Адамъ вашъ прадѣдъ билъ,—того я взяла; Аврамъ билъ патриарха старозаконѣ,—того я взяла; тайже Исаакъ, Ияковъ, царей, крелевъ предпотопомъ и попотопѣ—и тихъ я взяла; Ной билъ которий животъ людски о(т)потопу у(ков)чезѣ заховалъ,—того я взяла; Александеръ крадмакедонскій (краль македонскій) и немензскій, барзо моцнѣй и славнѣй билъ,—и того я взяла; Моисей пророкъ божи, игаманъ игаманъ жидовскій,—и того я взяла; и такъ ти иНавинъ, Самсонъ силнѣй билъ, та кій моцнѣй, ижъ онъ самъ повѣдалъ мнѣ—та кій найшолся майстеръ, жебы втой села(?) посродку руску управни абися некрушила тоби якъ млиное имъ каменемъ албо карповимъ и оберто,—и того я взяла, кромихъ и всякаго стану мужескаго и жейскаго и малихъ

дѣтей краснихъ и некраснихъ, старихъ и молодыхъ
вещаду, але варовне косою своею кошу и граблями
загрѣбаю и лопатою закидаю, мѣтлою замѣтаю и сер-
помъ пожинаю и пилою потираю и рискелемъ приси-
паю, нѣкогоса небою, нивстидаю и грози небою нѣ-
чией».—Тое вислухавши рицеръ зумѣлся, сердце внемъ
нача трепетатися и натѣлѣ почаль слабѣти, южъ сила
почала отступати

Притѣчанія и параллели.

№ 1.

Сч. Гринченко, Этногр. матеріали, II, № 10: Гадюка.

№ 2—7.

По истолкованію крестьянъ, метеоры — это огненные змѣи, которые есть не что иное какъ тѣ-же нечистые духи, летающіе къ женщинамъ, какъ нѣтъ любовники, или-же, чтобы носить деньги людямъ, съ которыми они имѣють дѣло. Поэтому рассказы о метеорахъ незамѣтно переходятъ къ рассказамъ вообще о чертяхъ и специально о «перелесныкахъ» (см., напр., въ этой книгѣ № 120, стр. 94).

Различные рассказы, относящіеся къ этому предмету: Чубинскій, «Труды», I, Падающія звѣзды, Падающіе камни, 16—17; Перелестникъ, 193.—Гринченко, «Этнографическіе матеріалы», II, № 2: Змій (метеоръ).—Харьковскій сборникъ, IX, 271—274: Огненный змій, Змій-любовникъ.—Манжура, «Сказки», 9: О змѣяхъ.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр. Новоросс. края, 78: Лятавецъ (перелесныкъ).—Данильченко, 21—22: Перелесныкъ.—Къ легендамъ о летающихъ змѣяхъ, И. Манжуры (Этнографическое обозрѣніе, 1892, II—III, 254).—Этнографическое обозрѣніе, XXXV (1897), 126—128.—Сборникъ Харьковскаго историко-филолог. об-ва, V, 58—59.—Этногр. Обозрѣніе, XIII—XIV (1892), 81—82, 254; XXXI (1896), 153—154; XXXV (1897),

126—128; XXI (1894), 87, 91—94.—Сумцовъ, Культурныя переживанія, № 125: Украинскіе инкубы и суккубы. (Кіевск. Стар. 1890, I, 68—73).—См. примѣчаніе къ № 125 настоящей книги.—Кіевская Старина, 1899, IX, 396—400.—Аванасьевъ, Зооморфическія божества у славянъ, III, 1, 98, 109—110, въ «Отеч. Запискахъ» 1852, №№ 1—3).—Nowosielski, Lud Ukraiński, I, 251.—Ивановъ: Разск. о вѣдьмахъ, 216. (Сб. Харьк. н-ф. о-ва, III).—Руданський, Творы, II, 237.

№ 9.

См.: М. Васильевъ, Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа: Вѣтеръ—въ «Этногр. Обзорѣніи» 1892, IV, 159.

№ 10.

Етнографичный Збирникъ, V, 78, № 8: Градь.—Харьковскій Сборникъ, II, 88.—Чубинскій, Труды, I, 28: Градь.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр., 7.—Bartoś, Moravsky lid, 293.

№ 11.

Совершенно обратный взглядъ на климатъ земли: Гринченко» Этн. мат., II, № 1: Тепло въ старовину.

№ 12.

Жыте и слово, III (1895), 386, № 21: Дытна зиму зшла.

№ 14—18.

Разказы эти перепечатаны изъ «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей» 1859 г., гдѣ они помѣщены въ №№ 23 и 38. Первые три нумера передаютъ нар. вѣрованія въ то, что волками управляетъ или св. Юрій, или волчій богъ Полисунъ (Лисунъ); послѣдніе два не имѣютъ отношенія къ волкамъ, но ихъ связываетъ съ предыдущими образъ Лисуна, почему мы и помѣстили

ихъ здѣсь, а не въ отдѣлѣ IV-мъ. Вотъ относящаяся къ предмету литература: Харьковскій Сборникъ, I, 75—76; VIII, 117.—Ястребовъ, Мат. по этн., 11, 71.—Драгомановъ, Мал. пред., стр. 5, № 9: Волки.—Манжура, Сказки, стр. 147: Св. Юрій та вовкы.—Этнографическое Обзорѣне, VII (1890), 85—86 (св. Юрій замѣненъ св. Петромъ).—Кіевская Старина, 1887, XI, 405—408; 1894, XII, 495—497.—Чубинскій, Труды, I, 51—52: Волкъ; 171; II, 7, № 1.—Вулгаковскій, Пинчуки, 179: Св. Юрій.—Гринченко, Этн. мат., II, № 69: Вовкъ та св. Юрій (сказка, связывающая рассказы о волкахъ и волчьемъ богѣ со сказкою о чертѣ, отслуживающемъ краюшку хлѣба).—Помысь, Укр. прыв., №№ 434 и 435.—Этнографичный збирникъ, II, Дикаревъ, стр. 12—13, № 11: Гр. Побидоносець, № 12: Про св. Георгія, еще стр. 34—35.—Ефименко, О Ярилѣ (отд. брош. и въ «Запискахъ И. Р. Г. О-ва, II, 77).—Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій храбрый—въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1879, XII; 1880, I и II.—А. Н. Веселовскій, Разысканія etc., II, 1—227.—Н. Сумцовъ, Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольск. сказкахъ — въ «Этногр. обзор.», 1890 III, 18—20.—Аванасьевъ, Поэтич. воззрѣн., I, 699—711.—Valjavec Красчанов, Narodne pripowiedke, 93—94.—Черниговск. губ. вѣд., 1861, № 4: Ефименко, Нѣск. словъ о Полисунѣ; № 6: Павловскій, Волчьи праздники.—Nowosielski, II, 225.

Къ этой темѣ близко примыкаетъ тема про *бидного вовка* (вовка-дурня): Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, 1—12, №№ 1—5: Видный вовкъ, Кравецъ и вовкъ, Марко и убогий вовкъ, Кравецъ и вовкъ.—Чубинскій, Труды, II, 124, № 42: Про вовка; стр. 126, № 43: Куцый вивкъ та кравецъ.—Этногр. збирникъ, I, 25—26: Дурный вовцюга, Вовкъ и кравецъ; IV, 167, № 2: Про вовка, що не мавъ нигде щастя.—Черниг. Губ. Вѣд. 1861, № 21, стр. 159—161.—Записки наук. Т. и. Шевч., XXIX (1899), Верхратскій, 149—150.—Аванасьевъ, Р. и. сказки (1897), I, 31—43, № 24: Волкъ-дурень.—Даль, Повѣсти, сказки и разск. козака Луганскаго, II, 459.—Эзопъ, басня «О лошади и львѣ».—Евоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Фалельфа, перев. Д. Т. Москва (1792), стр. 36 и

348—350. — Haupt und Smolar, Volkslieder der Wenden (1843), II, 161—164: Des Wolfes glucklicher Tag.—Gluński, Bajarz polski (1853), III, 177—191.—Матер. для изученіе нар. словесн., 42—47.—Библиотека для чтенія, 1836, томъ XIV, стр. 133.—Шейнъ, Матеріалы для изуч. быта и языка р. нас. сѣв.-зап. края, II, 344—348: Голодны воукъ, 262—263: Баранъ и волкъ.—Materiały antropologiczno-archeolog i etnograficzne, T. II, 2, стр. 61—62, № 33.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 267—269: Vuk-Rimljan. — Романовъ, Вѣлорусскій сборникъ, т. I, вып. III, стр. 15—20.—Hahn, Griechische u. albanesische Marchen, II, № 92—93.—Wolf, Deutsche Hausmarchen, 419—421.—Руданський, Творы, I, 146—148, № 90: Старый вовкъ.—Erben, Vybrané báje a povesti národní, 256—258: O hloupém vlkovi.—S. Barącz, Bajki, 215—219.—Видный вовкъ. Нар. казка, Харьк., 1885. (Недпечатка № 1 изъ Рудченка).

№ 19.

Гринченко, Этногр. матер., I, № 192: Дрикъ та вилъ.—Киевская Старина, 1888, VI, 359 (въ «Молотникахъ» Г. Барвинокъ).

№ 20.

Разсказчикъ очевидно забылъ легенду и напуталъ.

№ 21.

Гринченко, Этногр. мат., I, 253, № 196.

№ 23.

Разсказъ взятъ изъ № 26 «Черниг. губ. вѣд.» за 1852 г. Иные разсказы о дятлѣ: Чубинскій, Труды, I, 61.—Гринченко, Этн. мат., I, № 155; II, № 5.—Ястребовъ, Мат. по этн., 164—165, № 24.

№ 24.

Подобное относительно журавлей и гусей: Драгомановъ Млр. пред., 7—8, № 24 и 25. — Ефименко, Млр. закл., 37, № 112.—Номысь, Укр. прык., №№ 327 и 13387.—Чубинскій, Труды, I, 62.—Правда, журн., 1867, № 13.—Етногр. збирникъ, V, 80, № 5: Журавель.—Nowosielski, Lud Ukr., II, 127, 128.

№ 25.

Данильченко, 16: Липа. — Чубинскій, Труды, I, 76: Липа.

№№ 27—112.

Указатели различнымъ примѣтъ, повѣрій, заговоровъ и пр. см.: Гринченко, Этн. мат., II, 27—30, 48—54, 355;—Сумцовъ. Заговоры, библиогр. указат. — въ Сборникѣ Харьк. ист.-ф. о-ва, IV, 258—273; а также тамъ-же стр. 291—292.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» взяты: въ № 27 примѣты 6, 8, 10, 13, 14, 19 и 23 (изъ № 9-го 1863 г.), въ № 30 примѣта 1 (оттуда-же), въ № 33 прим. 6 (№ 46-й 1862 г.), въ № 39 пр. 9 (изъ № 9 за 1863), въ № 43 прим. 4 (изъ № 23 за 1859), въ № 68 средства 3 и 4 (изъ № 6 за 1860), № 85 (изъ № 23 за 1859), (въ № 36 прим. 13, въ № 38 прим. 4, №№ 48, 55, 59, въ № 60 средство 1, № 67, въ № 99 ср. 4, въ № 101 ср. 2—взяты изъ брошюры Исаенко: «Село Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860 (первоначально была въ №№ 43, 44 и 46 «Черн. губ. вѣд»).

Въ № 112, на стр. 80, слѣдуетъ исправить опечатку: въ строкѣ 6-й сверху должно быть: а; ѱ; к; і (1712).

№ 115.

Иной разказъ о появленіи черта въ видѣ паныча: Чубинскій, Труды, I, 184.

№ 122.

Изъ брош. Исаенка «С. Голенка», стр. 12—13.

№ 123.

Драгомановъ, Млр. прел., 54, № 2: Чертъ заводитъ чело-
вѣка съ дороги.

№ 125.

Гринченко, Этн. мат., 95, № 79.—Сборникъ Харьк. ист.-ф.
о-ва, III, 225; V, 58, 59.—Аванасъевъ, Р. н. сказки (1897),
II, 331, № 212: Вдова и бѣсъ.—Кіевская Старина, 1899, IX,
381—382, 384. — Казанскія Губ. Вѣдомости, 1859, № 7, стр.
62.—Podania i legendy Семеньскаго, 36—37.—См. еще при-
мѣчаніе къ №№ 2—7 настоящей книги.—Харьк. Сборникъ,
VIII, 391—392.

№№ 127 и 128.

Различные рассказы о чертяхъ, слушающихъ музыку и тан-
цующихъ: Чубинскій, Труды, I, 186, 187, 190; II, 364, № 99.
—Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, V, 64—65.—Драгомановъ,
Млр. прел., 52—54, №№ 19 и 20.—Рудченко, Н. ю. р. сказки,
I, № 41.—Гринченко, Этн. мат., II, №№ 60 и 61.—Давильчен-
ко, 20. Nowosielski, II, 32—34, 38—41.

№ 132.

Чубинскій, Труды, II, 379, № 105: Про бидного чоловика
и чорта.—Эварницкій, По слѣдамъ запорожцевъ, стр. 117: Чо-
ловикъ у чорта на повычкахъ; стр. 133—134.

№ 133.

Номысь, Украинскіи приказки, 284, № 1254.—Tausend
und eine Nacht, ubertr. v. M. Henning (Leipzig, Verlag v.
P. Reclam), T. I, 35: Der Fischer und der Ifrit.—Этотъ сю-
жетомъ воспользовался Le Sage . въ своей книгѣ: «Le diable
boiteux».

№ 184.

«Малор. преданія» Драг., № 1,3.— Основа, 1862, V, 80: Якъ Анцыболоть дражнивъ Бога.—Этногр. збирникъ, IV, 147, № 31: Чому громы б'ють.—Харьковскій сборникъ, II, 87; VII, 441.—Жыте и слово, III (1895), 218, 372; II (1894), 180.—Добровольскій, Смол. сб. I, 226, № 2, 3, 5.—Revue trad. рор. I, 94; II, 269; X, 222.—Этногр. Обзор. XXVIII, 116.

№ 185.

«Малор. преданія» Драг., 48, № 13.—Сборникъ Харьк. ист. ф. о-ва, V, 61—63.

№ 140.

Чубинскій, Труды, I, 192.

№ 141.

Чубинскій, Труды, I, 49: Лошадь.

№ 145.

Сборникъ Харьковскаго историко-фил. о-ва, V, 67.

№ 155.

Различныя сказки о смерти-кумѣ и о врачѣ, находившемся въ союзѣ со смертью (иногда съ замѣной смерти чертомъ): Ивановъ, Изъ области млр. н. легендъ—въ «Этногр. Обзорѣніи» V (1890), 154; VII (1890), 83—84.—Чубинскій, Труды, I, 217, № 93; 428, № 130. Про пятницю.—Кіевская Старина, 1892, VIII, 147—148; 1899, VII, 71.—Жыте и слово, III (1895), 219, № 31: Смерть кумою.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 31—32.—Moszyńska, Bajki i zagadki, № 22: Якъ баба чорта голыла.—Шейковскій, Быть подоланъ, II, 66—68: Смерть за куму.—Стороженко, Украинськи оповидання (Спб., 1897), 36—40: Жонатый чортъ.—Стихотворная передѣлка: Осташевскій, Ріw кору kazok (Wilno, 1850), 116—124: Мартынь Знахарь (то-же во второмъ изданіи той-же книги:

«Пивъ сотни казокъ», Киевъ, 1869, стр. 199—204, № XXX). — Гринченко, Этн. мат., II, № 75. — Зоря, 1890, 151. — Стихотворная передѣлка по русски: Данилевскій, Украинскія сказки, 6-е изд., стр. 58, № XIV: Смергь. — Шапкаревъ, № 241. — Carnoy et Nicolaides, 144, 172 (ново-греческая). — Сборникъ за народ. умотворенія, VI, 162. — Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1892, III, 299 (указаніе на слодное талмудическое сказаніе). — Добровольскій, I, 314. — Сотанинъ, Очерки с.-в. Монголіи, IV, 498. — Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, § 88, 92, 104. — Караджичъ, 145 (сербская). — Ciszewski въ IX т. «Zbiąg wiadomosci» (польская). — Потанинъ, IV, 498 (монгольская). — Фламандскія сказки, пер. Галибина (Сиб., 1893), 59—71: Кумъ смерти; 201—215: Крестникъ смерти. — Kápos, Oszmán torok nép koltésy gyűjtemény (см.: Гордлевскій, Обзоръ турецкихъ сказокъ, № 78). — 0 лубочномъ рисункѣ на эту тему см. въ «Кіевской Старинѣ» 1890, XII, 506—507.

№ 164.

Испорченная редакція. Подобное о вовкулакѣ см.: Гринченко, II, 126, № 93.

№ 166.

Кулишъ, Записки о Южной Руси, II, 43—44. — Чубинскій, Труды, II, 416—417, № 122. — Сборникъ Харьк. ист.-фил. о-ва, III, 225. — Малор. преданія, 392. — У Ястребова (135, № 10) за дѣвучкою гнались черти, а она старалась спастись отъ нихъ при помощи такой хитрости, какъ и въ нашемъ разсказѣ.

№ 170.

Легенда эта относится къ Василю Борковскому, сотнику выбельскому, впоследствии полковнику черниговскому (до 1686.) и наконецъ генеральному обозному. О существованіи легенды сообщалъ еще Н. Маркевичъ въ своей книгѣ: «Обычай, повѣрья...

малороссіяня» (Кіевъ, 1860, стр. 79). Кромя него см. еще: Кіевская Старина: 1883, VI, 376, 1894, III, 530 — 536: «Генер. обозный В. К. Борковский»; 1886, VI: Сялецкій, Колдовство въ юго-западн. Руси въ XVIII в., стр. 209—210; 1883, VI, 376: Ефименко, Ушыри.—Иловайскій, Черниговская старина по преданіямъ и легендамъ, 35—87.

№ 171.

Малорусск. преданія, 62, № 2: Мертвякова намитка.—Харьковский Сборникъ, IX, 259—261, № 36: О тинь, якъ дивка пошуткувала.—Чубинскій, Труды, II, 422.—Кіевская Старина 1899, VIII, 203.—Аванасьевъ, Р. н. сказки, 314, № 205.—См. еще № 174 настоящей книги.

№ 172.

Объ обсыпаніи мертвецовъ и ушырей макомъ: Ефименко, Заклинанія, 70, № 221.—Зоря, 1890, 152.—Етнографичн. збирникъ, I, 5—8; № 2: Чоловикъ безъ страху и ушырь.

№ 173.

О мертвецахъ, пребывающихъ временно среди живыхъ людей: Кіевская Старина 1889, VII; 88—89 (въ разск. Г. Барвинокъ «Русалка»); 1899, VIII, 198.—Буслаевъ въ «Вибл. для чтенія» 1864, III, 6

№ 174.

Чубинскій, Труды, I, 91: Битье о закладъ; II, 422, № 125. Про ковпакъ мертвеца —Данильченко, стр. 12: Битье о закладъ: Харьковскій Сборникъ, IX, 259: Якъ дивчына зняла хустку въ мары.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 314—315, № 205: Разказы о мертвецахъ. А.—См. еще № 171-й настоящей книги.

№ 175 и 176.

Иные разказы на ту-же тему: Харьковскій Сборникъ,

VIII, 44, 289.—Кіевская Старина 1894, III, 553.—Сборникъ Харьков. н. ф. о-ва, III, 170—172, 175.—Чубинскій., Труды, I, 198—199.—Nowosielski, II, 84—85.

№ 177.

Кіевская Старина, 1889, V—VI, 505.

№ 178.

Сборникъ Харьк. н.-ф. о-ва, III, 165. — Харьков. Сборникъ, VII; 449; VIII, 43, 290, IX, 245.—Манжура, Сказки, 135.—Малорусск. пред., 69 и 70.

№ 179.

Различные виды, въ которыхъ является вѣдьма: Гринченко, I, № 87.—Сборникъ Харьк. ист.-ф. о-ва, III, 177—202, 220.—Харьковский Сборникъ, VII, 449, 451, 452; VIII, 44, 83, 288, 290—291; IX, 248, 250.—Чубинскій, Труды, I, 199.—Малорусск. преданія, 68, 69, 73 (№ 15).—Этнографичный збирникъ, V, 216.—Ястребовъ, Матер. по этн., 64.

№ 181.

Сборникъ Харьков. н.-ф. о-ва, III, 166,

№ 187.

Кіевская Старина 1899, III, 139.

№ 188.

Гринченко, I, № 87.—Сборн. Харьк. ист. ф. о-ва, III, 167.—Кулишъ, Записки о Ю. Руси, II, 38.

№ 189.

Сборн. Харьк. н.-ф. о-ва, III, 165, 166; V, 41—43.—Этнографическій сборникъ, V, 97, 3.—Харьковский Сборникъ, VII, 449; IX, 24, 310, 427.—Малолорусск. пред., 35, № 41;

70, № 9.—Гринченко, Этн. м., I, № 87 и 207.—Чубинский, Труды, I, 198, 205.—Киевская Старина 1889, VII, 38.

№ 192.

Харьковскій Сборникъ, II, 86.—Сб. Харьк. н.-ф. о-ва, III, 214.—Малор. пред., 68, № 3.—Манжура, Сказки, 134.—Киевская Старина, 1890, I, 60.—Чубинский, Труды, I, 17.

№ 193.

Спеціальное изслѣдованіе о противодемонопическомъ значеніи собаки (преимуществ. объ нравскихъ повѣрьяхъ) принадлежитъ В. Ф. Миллеру. См. также *Revue d. trad. populaires* 1890, «Киевская Старина», 1895, V, 192—193. Объясненіе слова «Ярчукъ» см. у Потебни: «Этимологическія замѣтки» въ III вып. «Живой Старины» 1891 г., стр. 17.—Чубинский, I, 53, 198.—Ястребовъ, 9.—Киевск. Старина, 1894, III, 553.—Гринченко, Этн. мат., I, № 87.—Сборн. Харьков. н.-ф. о-ва, III, 177, 179—180. — Харьковскій Сборникъ, II, 93; VII, 451; VIII, 302.—Малорусск. пред., 69.

№ 194.

Сборн. Харьк. н.-ф. о-ва, III, 178.—Манжура, Сказки, 140.

№ 195.

Сборникъ Харьк. н.-ф. о-ва, V, 57.

№ 199.

Киевская Старина, 1889, XII, 588.—Г. Барвинокъ, Перемогла (Першый винокъ, альм., стр. 54—55). — Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 15, № 3. Орендаръ. — Nowosielski, II, 103—108.

№ 201.

О летаніи вслѣдствіе колдовства: Кулишъ, Записки о Ю. Руси,—II, 39. Ястребовъ, Этн. мат., 69—70.—Квитка, Конопотпська видьма. Nowosielski, II, 147. — Wojcicki, Klechdy I, 94—100.

№ 208.

Григаченко, Этн. мат., I, 283, № 208.

№ 208.

Малорусск. нар. преданія, стр. 79, № 3.

№ 214.

Чубинскій, Труды, II, 505, № 10 (вторая половина); 520 № 16: Скупый (первая половина).—Харьковскій Сборникъ, IV 35.—Григаченко, II, № 97: Задра на гроши.

№ 217.

Вторая половина этой сказки, разрабатывающая мотивъ о путешествіи къ солнцу, входитъ въ составъ сказки о Маркѣ Богатомъ. Параллели для этой половины: Чубинскій, Труды, II, 11, № 2; 133, № 47; 290, № 76; 341—344.—Драгомановъ, Млр. преданія, 329, № 22.—Kolberg, Pokucie, IV, № 5 и 6 Етнографич. збирникъ, I, стр. 3, № 1: Подорижъ до сонця; стр. 81, № 21: Дубъ-береза и його подорижъ до сонця; т. IV, 132, № 26. — Ивановъ—въ «Этн. Обзор.», кн. VII, 80—83. Moszyńska въ Zbiór wiad., кн. IX, № 1.—Данилевскій, Украинскія сказки, 6 изд., 76, № XIX.—Казки Игнатія зъ Никловячъ, 39—44 (то-же, что и въ «Млр. пред.»).—Обширная литература сказки указана М. Драгомановымъ въ статьѣ: «Славянскитѣ сказанія за рожденнето на Константина Великий»—въ «Сборникъ за нар. умотворенія», т. II, 132—184; т. III, 206—246; также Н. Сумцовымъ: «Сказки и легенды о Маркѣ Богатомъ»—въ «Этногр. Обзор.», XX (1894), стр. 9; см. еще IV томъ «Етнографичного збирника», стр. 136, при № 26-мъ. Národopisny sborn. csl. III, 5. sl., 118. sl. c. 55—Andrews, Contes ligures, № 52.

№ 219.

Григаченко, Этногр. мат., II, 151, № 103.

№№ 220 и 221.

Чубинскій, Труды, II, 432, № 132.—Харьковскій Сборникъ, VIII, 264. — Киевская Старина, 1885, XI, 186—187; 1887, XI, 415.—Этнографическое Обзорѣніе, XXV (1895), 147. —Руданскій, Творы, II, 223—225, 256, № 6: П'ятниця и ведмля.

№ 225.

Гнатюкъ, Гал.-р. анекдоты въ VI т. «Етногр. Збѣрника», №№ 382, 482, 483. — Аванасьевъ, Р. н. сказки, II, 419.—Вук Врчевич, Срп. н. прип., 58—59, № 131.—Magazyn anekdotów, IV, 17—18.

№ 226.

«Записки о Ю. Руси» Кулиша, II, 30.—Драгомановъ, Мало-русск. н. пред., 247, № II.—Ноймысь, Укр. прыказки, 10, № 430.

№ 227.

Вмѣсто ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разказа см.: Киевская Старина, 1886, III, 463: Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ укр. н. словестности.—La faccise del Piovano Arcotto ed Giuseppe Vassoni, Firenze, 1884, стр. 80.—Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ «Етн. Збѣрн.», VI, №№ 273, 274 и 298.—Жыте и слово, IV (1895), 366, № 4.—Аванасьевъ, Р. н. сказки, II, 434 ррр.—Насрадинъ-Ходжа, Београдъ, 1896, стр. 6—7, № 10.—Die Schwanke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reklam), 19, № 30.

№ 228.

Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, № 188: Смерть.

№ 230.

Вмѣсто ошибочнаго примѣчанія въ концѣ разказа см.: Этнографическій Збѣрникъ, I, стр. 10, № VI: Зъ подрыганіємъ; стр.

28, № V.—Рудченко, Н. ю.-р. сказки, II, 196, № III—Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 274.—Mozsyńska, Bajki, №28 (также въ «Zbiór wiadomości», IX, 142—146).—Сборникъ Харьковскаго и.-ф. о-ва, XI, 141.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 24.

№ 232.

Руданський, Твори, I, 151. Пигъ зъ кропытомъ.

№ 234.

Сказка эта принадлежитъ къ циклу сказокъ объ удостовѣреніи вѣрности жены (невинности дѣвушки); сюжетъ этотъ часто слѣдствуетъ съ другимъ: объ отсутствіи жены для выручки изъ неволи мужа и объ обвиненіи ее изъ-за этого въ невѣрности, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ являются иногда у супруговъ сорочки, остающіяся бѣлоснѣжными до тѣхъ поръ, пока сохранена вѣрность. Вотъ извѣстныя намъ сказки этого цикла въ обоихъ его развѣтленіяхъ: Аванасьевъ, Русскія в. сказки (1897), II, № 194. Оклеветанная купеческая дочь, 195. Царица-гусларь. — Вольфъ, Deutsche Hausmarchen, 98—115.—Zeitschrift für D. M., II, 377—384 (Die getreue Frau). — Нѣмецкая пѣсня: «Der graf v. Rom (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 638—639). — Московскій Наблюдатель 1837, XI, 350—352 («Германскія преданія») — Янчукъ, Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ (въ «Юбил. Сборникѣ въ честь В. Ө. Миллера» 1900 г., ст. 353 и слѣд., а въ отдѣльн. отискѣ 6 и слѣд.). Въ этой статьѣ приводится, какъ народная, «Дума про княгню-кобзаря» и говорится: «М. С. Ковноненко, пишущій малорусскіе стихи и перелагающій въ стихотворную форму нар. рассказы, сдѣлалъ, между прочимъ, изъ вышеприведенной думы «балладу» слѣдующ. ритмич. склада: «Не туманъ ото сивіе |И не курява чорніе, |И не хмара йде, |Ни, то лавою жывою, |Вже зваражене до бою |Військо, князя жде. (М. С. Ковноненко, Княгня Кобзарь. Баллада,

Кіевъ, 1893). На мой (г. Янчука) запросъ, откуда имъ взято содержаніе для этой баллады, г. Ковоненко отвѣчалъ мнѣ любовно, что его стихотвореніе есть не что иное, какъ искусственное переложеніе думы, которую онъ записалъ въ двухъ мѣстахъ, въ Харьк. и Кіевск. гуд., отъ стариковъ, почти безъ всякихъ отличій Харьковскій вариантъ и есть тотъ самый, который мы привели», (стр. 358 въ «Юб. Сб.» или 11 въ оттискѣ). Но приведенный въ статьѣ г. Янчука текстъ думы есть не что иное, какъ *собственное стихотвореніе* редактора настоящей книги, написанное въ формѣ малорусской кобзарской думы на сюжетъ сказки Аевнасьева, № 195. Царица-Гусляръ и никогда и нигдѣ не былъ записанъ отъ народа. Стихотвореніе это изданное въ 1891 г. въ сборникѣ «Колоски» (Одесса, 71—79), перепечатывалось потомъ въ журн. «Дзвиннокъ», 1891, № 10, и нѣсколько разъ въ сборникахъ стихотворнахъ передѣлокъ нар. сказокъ В. Гринченка (В. Чайченка), — см. «Книга казокъ виршошъ» (Львиль, 1894, стр. 99 и Одесса, 1895, стр. 72) и брошурки львовскаго (1891) и харьковскаго (1893) изданія. — На тотъ же сюжетъ, но, съ значительно отличными подробностями написана (въ 1859 г.) поэма чешскаго поэта Vitezslav'a Hálek'a: «Krásná Lejla» (Spisy Hálkovy, porada F. Schultz, V Praze 1879, díl II, p. 67—80). — В. Миллеръ, Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ, Этногр. Обзорѣніе, XVIII (1893), стр. 65—66. — Boccacci, Il Derameron. La seconda giornata, Novella nona.—Tran Kurelac, Jacke ili narodne pesme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga, Zagreb, 1871, стр. 138—147: «Aleksander», — стихотворная поэма. Издатель (стр. LIII) догадывается, что хорватскій текстъ, найденный въ двухъ копіяхъ XVII в., представляетъ переводъ какой-то старонѣмецкой поэмы, написанной вѣроятно въ Вѣнѣ и называвшейся должно быть: «Die schone Juliane». Этотъ текстъ послужилъ основой для малорусской «Поэмы про биду сорочку» Ивана Франка, первоначально появившейся въ V-й книгѣ «Литературно-научнаго Вистныка» за 1899 г. (стр. 117—140) и повторенной въ сборникѣ стихотвореній Франка: «Поэмы». — См. еще «Кіевскую Старину» 1900, VII—VIII, Библиогр., 39.

№ 235.

Номысь, Укр. приказки, 252, № 12827. — Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 50. — Кошаровъ, Нова збирка н. н. приказокъ, № 1011.

№ 236.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты въ VI т. «Ет. Збирн.», № 168.

№ 237.

Иные рассказы о мнимомъ мертвецѣ: Ястребовъ, Матер. по этн. 172, № 32. — Чубинскій, Труды, II, 540, № 31. — Мавжура, Сказки, 132: Наказанный скупецъ. — См. еще: Киевская Старина 1894, III, 440: Н. Сумцовъ, Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ; также Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 107—113, № XXXVI.—Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadem (Verl. v. P. Reklam), 26, № 45.

№ 238.

Гнатюкъ, Г.-р. анекдоты—въ «Етн. Збирн.», VI, № 697: Дурни люде. Тамъ-же указана и литература.

№ 241.

Указаніе на польскіе варианты у Ciszewskiego. См. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 89. — Вольвачивна, Кажы жинци правду, та не всю. Харьк. 1893.

№ 242.

Перепечатана изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1859, № 29, стр. 208.—Чубинскій, Труды, II, 530—537, №№ 25—28.—Сборникъ Харьковскаго ист.-ф. о-ва, VI, 177. — Киевская Старина 1883, XII, 701—703; 1894, XII, 395.—А. Торинскій, Жаръ птыця, Катеринославъ, 1884. — Cosquin, Contes popul. de Lorraine, II, 317—322. — Бѣлорусская сказка у Шейна въ

«Матер.», II, болгарская, Шапкарева, въ VIII кн. «Сборника». — Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 158, № 24: Иванъ.—Руданскій, Творы, I, 101, № 62: Чужая дытына не то, що ридня.

№ 245.

Номысь, Укр. прыказкы, 183, № 9450.

№ 246.

Изъ № 2 «Черниговскіиъ губ. вѣдомостей» 1854, стр. 7—11.

№ 247.

Оттуда-же, 1857, № 4, стр. 28—32.

№ 250.

Разсказъ принадлежитъ къ циклу сказокъ о попыткахъ дурня жениться. См. сказки этого цикла: Ястребовъ, Мат. по этн., 163.—Квитка, Пидбрехачъ.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 145 (Сб. X. н.-ф. о-ва, XI, 262). — Сумцовъ, Квитка какъ этнографъ—въ «Кіевск. Старинѣ» 1893, VIII.

№ 252.

Мѣсто этой сказкѣ собственно въ XIII отдѣлѣ; здѣсь она помещается какъ образчикъ примѣненія сказочнаго мотива къ извѣстной нравоучительной цѣли. См. Манжура, Сказки, 143.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, № 52: Морозко.—Жыте и слово, II (1894), 360: Морозъ.—Этнографич. Збирныкъ, VI, № 142.—Чубинскій, Труды, II, 434, № 133.—Сумцовъ, Сказанія о займѣ дней—въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» 1891, № 8.

№ 253.

Чубинскій, Труды, II, 543—546, № 33.—Ястребовъ, Ма-

тер. по этн., 170, № 31.—Этнографич. Збирникъ, III, 189, № 27: Царь, панъ и царивна (вторая половина сказки).—Стороженько, Укр. оповидання (1897), стр. 6: Вчы ливного не молотомъ, а голодомъ (то-же въ «Основѣ» 1861, № 1).—Илюстрована бібліотека для молодежи, 1891, № 6, стр. 86—88: Малына, Хто ся колыше, най ся колыше.—Добровольскій, Смоленскій этнографич. сборникъ, 359—361: Уширливая дѣвка.—Гомановъ, Вѣлорусскій сборникъ, III, 307: Празнишна жонка

№ 254.

См. стр. 365 настоящей книги, приказка № 117.

№ 255.

Рассказъ этотъ въ разныхъ селахъ прилагается къ определеннымъ людямъ. Въ дѣтствѣ составитель этой книги слышалъ его отъ своего отца, приуроченнымъ къ одному знакомому крестьянину на х. Немышля, Харьковск. у. Въ Черниговѣ отъ г. Зборовскаго составитель слышалъ его въ 1900 г., какъ мѣстное происшествіе. Вотъ еще вариантъ, доставленный Д. К. Лебедемъ изъ м. Веркиевки Нѣжинскаго уѣзда: «Два чоловіки йдуть уночи,—колы-жъ вовкѣ; посталы вони тай дивляться. Колыжъ вовкѣ проломавъ дырку у гливи та й полизъ туды. Отъ одиныхъ чоловікъ присивъ надъ диркою передомъ до тыву та й заслонивъ дирку, а другый побигъ людей нагукаты. Чуе вовкѣ, що люде бижать, та якъ розженеться у дирку. та головою у матню чоловікови; чоловікъ и повисъ на йому, а вовкѣ понисъ та й понисъ його. Але й вовкѣ такъ перелякався, що тилькы за село выбигъ та й здохъ. Отъ тоби й пймавъ вовка; на щотє сило та ружже!»

№ 257.

Folklore de l'Ukraine. Украинскій фольклоръ. Extr. des *Kpυπτάδια*, t V, 1898, Paris, p. 138—139: Tziganes.—M. Tewnik, Die Schwänke des Nassr-ed-din und Buadema (Verl. v. P. Reclam), 75, № 87.

№ 258.

Драгомановъ, Малорусск. преданія, 181, № 15: 'Сосѣдское добро.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 59.

№ 261.

Чубинскій, Труды, II, 647, № 108.—Этнографичныѣ Збирныкъ, IV, 187: Якъ цыганъ зъ паномъ обидавъ.—Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 204.—Жыге ч слово, III (1895), 70: Якъ цыганъ штукою найввся.

№ 262.

Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VIII; XIII, стр. 248
Ливыва куша.—Этнографичныѣ Збирныкъ, VI, № 201: Зюбрій.

№ 270.

Этнографичныѣ Збирныкъ, VI, № 60: Хлопъ и ищукъ, № 93: Видтяла.—Жыте и слово, IV (1895), 364, № 3: Богачи и бидни. 2.—Насрадин-Ходжа, Београд, 1894, ст. 32, № 48.

№ 271.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 15—16, стр. 3.

№ 272.

Гринченко, Этногр. Мат., I, 89, № 115.

№ 275.

Этнографичныѣ Збирныкъ, VI, № 237: Розмова (конецъ).

№ 276.

Тотъ-же анекдотъ составитель книгъ слышалъ въ дѣтствѣ въ Харьковскомъ уѣздѣ.

№ 277.

Этнографичный Збирникъ, VI, 194, № 441: Быколашъ.— Вотъ еще вариантъ, доставленный изъ Нѣжинскаго уѣзда Д. К. Лебедемъ въ 1900 г.: «Москали украли теля, заризали його та й шкуру зняли. А йнѣ начальныкъ и потуравъ йнѣ въ снѣгъ. Колю-жѣ пиднялася трусаньна, йдутъ трусыты й москаливъ. Вони положили теля на стиль, прикрыли його рядномъ, а одынъ москаль сивъ у головахъ та й псавтырь чыта. Колю ввходять и сюды трусыты; бачать — покойныкъ. Ну, якъ жѣ тутъ трусыты!—«Хто умеръ?—пытають.—«Бычковъ».

№ 278.

Различные рассказы о покражѣ солдатами масла: Рудченко Н. ю. р. сказки, II, 167, № 38: Чоловникъ зъ масломъ и москали.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 431 666.

№ 279.

Зеркало (юмор. газ.), 1892, № 17—18.

№ 282.

Драгомановъ, Малор. предавія, 195, № 38.—Гринченко, Веселый Оповідачъ, № 142.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 425 и.—Календарь Просвѣты на р. 1870, стр. 78.—Zbiór wiadomości do antrop. kraj., VII, 3, стр. 32, № 84.—Этнографичный Збирникъ, I, стр. 13, № III: Грынджолы; VI, 175, № 390: Русынь и мазуръ.—Ястребовъ, Матер. по этн., 186, № 3.—Билецкий-Носенко, Казки сліпого бандурыста (Кіевъ, 1871), стр. 34, № V: Лыцвынь да Украйинець.

№ 284.

Этнографичный Збирникъ, II, Дыкаривь, 22, № 21: Цыганъ-монахъ; IV, 185, № 6: Цыганъ у монастыри.—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, 410, № 248.

№ 289.

Записки Юго-Зап. Отдѣла И. Р. Геогр. Об-ва, I, 295.—
Кулишъ, Зап. о ю. Руси, I, 277.

№ 290.

Кулишъ, Зап. о Ю. Руси, I, 114: Легенда о Б. Хивль-
ницкомъ,

№ 291.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 295.—Кулишъ, Зап.
о Ю. Р., I, 277.

№ 292.

Записки Ю. З. Отдѣла Геогр. Об., I, 299—300: Ведме-
дивська попивна.

№ 293.

Различные рассказы, пѣсни и пр. о Паліѣ: Rulikowski, Zapiski
etnograficzne z Ukrainy въ Zbiór wiadom., III, 139—140.—
Легенды о Паліѣ въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша, I,
115, 117, 123.—Записки Юго-Зап. Отд. Геогр. О., I, 298.—
Основа, 1861, XII, 29; 1862, VIII: Замѣчат. варианты укр.
пѣсенъ,—Драгомановъ, Млр. пред., 201—208, №№ 11—13.—
Вл. Антоновичъ, Послѣднія времена козачества на правомъ бе-
регу Днѣпра, 61—73 (Архивъ юго-зап. России, т. II, ч. III,
Предисл., 61—73) — Киевская Старина: 1882, III, 611—615;
IX, 579; 1886, II, 405; 1888, V, 47: Легенда о
Паліѣ. — Черниговскія губернскія вѣдомости 1860, № 14.—
Grabowski, O gminnych ukraińskich podaniach—«Rubon»,
Вильно, 1845, VI, 169—174. — Чубинскій, Нѣсколько народ-
ныхъ ист. пред., Киевъ, 1873, 8—9 (тоже, что въ Зап. Ю:
З. О., I).—Полит. писни укр. н., т. I, вып. 2, 37—46.—Кіевля-
нина 1868, № 111: Комаръ Хмыничъ, Коростышевъ.—Кіевля-

нивъ, 1870, № 57: Свидницкій, Легенда о С. Паліѣ.—Черниговск. Епарх. Извѣстія, 1868, № 7, ч. неофф., 256-257.—Черниговск Губ. Вѣдом., 1888, № 11.—Новости. 1889, № 66, Мордовцевъ —Этнографическое Обзорѣніе, II (1889), 80. Каллашъ, Палій и Мазепа въ нар. поэзи.—Журналъ Мин. Нар. Просв., 1839, 5: А. Н. Веселовскій, Мелкія замѣтки къ былинамъ, XII.—Екатеринославскія Губ. Вѣдомости, 1888, № 10, Новицкій.—Эварницкій, Запорожье, II, 233.—Кулишъ, Укр. нар. пред., Москва. 1847, отд. I.—Киевлянинъ, 1888, № 34.—Якушвинъ, Сочиненія, Спб., 1884, стр. 312: великорусская легенда о Мазепѣ и Петрѣ.—Лисенко, Збирн. укр. писень, II, № 1.—Кіевск. Губ. Вѣд., 1868, №№ 14 и 147.—Полтавск. Губ. Вѣд., 1860, № 14.

№ 294.

Гринченко, Этногр. Матер., I, № 149.

№ 295.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей» 1853, № 10, стр. 69—71. — О Бондаренкѣ: Кіевская Старина, 1882. III, 530, XI, 393; 1886, II, 405; 1890, IV, 30, 31.

№ 296.

Кулишъ, Записки о Ю. Руси, I, 151 (иной рассказъ о пожеженіяхъ гайдамакъ въ Каневѣ).

№ 297.

Кулишъ. Зап. о Ю. Руси, I, 149.

№ 302.

Гринченко, Этногр Мат., II, 233, № 173.

№№ 303—304.

Различные рассказы, пѣсни и пр. о Кармелюкѣ: Кіевск.

Старина: 1882, X, 183: Кармелюкъ; 1883, II, 466: Визитъ Кармелюка; VI, 393: Гвидко, вариантъ Кармелюка; 1884, IV, 698: Е. Маковскій, Изъ рассказовъ о Кармелюкъ; 1886, III, 495: Ролле, Кармелюкъ; VI, 371 Олтаржевскій, Воспоминанія старожила о Кармелюкъ; VII, 553: Венгржиновскій, Еще кое что о Кармелюкъ; 1887, XI, 588. Пѣсни о Кармелюкъ, 1889, VIII, 533: Вариантъ пѣсни о Кармелюкъ; 1892, X, 118: На родинѣ Кармелюка — Этнографическое Обзорѣніе, XX (1894), 131: А. Малинка, Преданія о Кармелюкъ. — Основа 1862, VIII, Дневникъ Шевченка, 17: пѣсня. — Екатеринославскія Губ. Вѣдомости, 1889, № 70: Вариантъ пѣсни о Кармелюкъ. — Зоря, 1894, № 11: В. Боржковскій, Нар. згадка про Кармалюка. — Литературная обработка: Марко Вовчокъ, Оповідання (Спб., 1865): Кармелюкъ (то-же въ «Правди» 1867, №№ 4 и слѣд.). — Чайка, альм. 1875, № 4. — См. еще: Гринченко, Этногр. Мат., III, 618—619.

№ 306.

Различныя нар. рассказы и пр. о Шевченко: Киевск я Старина: 1882, VIII, 371: Взглядъ народа на Шевченка; 1885, IX, 187: Нар. пѣсня о Шевченкѣ; 1887, VIII, 711; 1894, II, 165: Н. Вѣляшевскій, Рассказы крестьянъ с. Пекарей о Шевченкѣ; 1896, II: А. Крымскій, Шевченко въ нар. рассказахъ; 1900, VI, 141: М. Васильевъ, Т. Шевченко въ легендѣ. — Зоря, 1891, № 5: Хв. Крымскій, Нар. пам'ять про Шевченка; 1892, № 5: М. Школыченко, Оповідання про Т. Шевченка (зъ нар. устѣ); 1895, № 3: Два анекдоты про Шевченка; №№ 5 и 6: Д. Писочинець, Шевченко и народъ.

№ 307.

Изъ «Черниг. губ. вѣд.» 1854, № 15, стр. 102—103. — Соединено два мотива: а) Заклятіе рѣчки матерью за утопленіе дочери (сына); б) переходъ рѣчки съ одного мѣста на другое. Параллели перваго мотива: Гринченко, Этногр. мат., I, № 153: Преданіе о болотѣ Замглай (то-же въ «Кіевской Старинѣ» 1893, VI, 521). — См. еще №№ 311 и 315 настоящей книги.

№ 308.

Изъ № 32, стр. 227—229, «Черниговск. губ. вѣд.» 1854.— Сюда вошелъ мотивъ о паханіи змѣемъ, имѣющій обширную литературу; къ нему примыкаютъ рассказы о Кир. Кожемякѣ и змѣѣ: Рудченко, Н. ю. р. сказки, II, № 23: Поповичъ Ясать.— Манжура. Сказки. 24—26: Марко Сучченко.— Гринченко, Этнограф. мат., II, 233, № 175.— Киевская Старина 1898, X, 13; III, 95.— Осташевскій, Пивъ сотни казокъ, 38, № 6: Змійивъ валь.— Moszynska, Bajki, № 10: Про Сучченка.— Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, 196—197, № 85; въ томъ-же томѣ №№ 75 и 76.— Русская Бесѣда, 1856, III, статья Максимовича, 74.— Аванасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, I, 560—562.— Кулишъ, Зап. о Ю. р., II, 27: Кир. Кожемяка.— Драгомановъ, Малор. пред., 248, № 1. Илья Шведъ и змій.— Nowoselski Lud Ukraiński, I, 133—135; 254—284.— Москвитининъ, XII, 146—149. Въ Малор. преданіяхъ Драгом., 248, указано еще: сербскую пѣсню о больномъ Дайчинѣ у Караджича, II, 460, № 78.— Древне-русскій рассказъ объ Усмошведѣ см. въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, I, 53.— Большой Георгій. Dozon, Chansons pop. Bulgares, № 40. О кракѣ и змѣѣ въ Вавелѣ см. San Marte Polens Vorzeit, 16.— Другіе примѣры у Вулаева: Клинообразныя надписи Ахешенидовъ, Рус. Вѣстн. 1873, № 12.

№ 311.

Изъ «Черниг. губ. вѣдомостей» 1858, № 51, стр. 400.— См. № 307 настоящей книги.

№ 312.

Изъ «Черниговскихъ губ. вѣдомостей», 1857 г., № 3, стр. 17—18.

№ 313.

Оттуда-же, 1856, № 48, стр. 372—374.— Стихотворныя.

обработки темы: П. Кузьменко, Погане поле (Черниговск. губ. вѣд. 1860, № 21;—Основа, 1861, II, 41;—Чайка, альм. 1876, стр. 9).—Осташевський, Пивъ сотни казовъ, 9, № 2: Гандзя кошового.

№ 314.

О вѣтряныхъ барабанахъ см. въ «Запискахъ о Ю. Руси» Кулиша, I, 114—115, гдѣ устройство ихъ приписывается Богдану Хмѣльницкому.

№ 315.

Изъ брошюры М. Исаенка: «С. Голенка Конотопск. у.», Черниг., 1860. стр. 4. (Печаталось первонач. въ Черн. Г. В. 1860 г.).—См. № 311 этой книги.

№ 317.

Гринченко, Веселый Оповидачъ, № 31.—Номысь, Укр. приказки, № 10970.

№ 318.

Сказка о безстрашномъ, желающемъ узнать что такое страхъ и отыскивающимъ его, существуетъ во множествѣ вариантовъ у различныхъ народовъ: Этнографичный Збирникъ, I, 5—8, № 2: Чоловикъ безъ страху и упурь.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, 49, № 85.—Чубинскій, Труды, II, 366, № 101.—Kolberg, Rokucie, IV, № 30.—Манжура, Сказки, 60.—Ястребовъ, Матер. по этногр., 81.—Аванасьевъ, Р. нар. сказки (1897), II, 310—314, № 204: Безстрашной.—Kolberg, Lud, III, 119, VIII, 133 (здѣсь указаны польскіе варианты).—Kozlowski, Lud, 336, 358.—Ciszewski, Krakowiacy, 209, 210.—Шапкаревъ, Сборникъ за нар. умотвор., №№ 122, 248.—Верещагинъ, Вотяки Соснов. края, 161.—Нѣмецкія сказки изъ Верхняго Пфальца указаны Кольбергомъ въ вышецит. мѣстѣ «Lud'a».—Grimm, Kinder- und Hausmarchen, I, № 4: Marchen von einem, der auszog

das Furchten zu lernen и въ III т. привѣчанію къ ней (стр. 13—19 изд. «Univ. Bibl.»).—Wolf, Deutsche Hausmarchen, 408—416.—Schleicher, Litauische Marchen, 79—83.—Gonzenbach, Sicil. Marchen, II, 237.—Hahn, 24, 32, 64.—Schott, Walach. Marchen, 27.—Cosquin, Contes pop. de Lorraine, II, 253—263, № LXVII. Jean sans peur (здѣсь указана литература).—Фламандскія нар. сказки, пер. Галибина, изд. Ледерле (Спб. 1893), стр. 95—116: Побѣдитель дракона.

№ 319 и 320.

Мотивъ объ отдачѣ обманщику женщиной предназначенныхъ для другого лица вещей и погонѣ за ними ея мужа, который въ свою очередь тоже оказывается одураченнымъ, разрабатывается въ двухъ версіяхъ: а) жена, не понявъ мужа, отдаетъ обманщику вещь, предназначенную для сбереженія, б) жена отдаетъ человѣку, выдавшему себя за идущаго съ того свѣта, вещи для передачи умершему родственнику (вторая половина—о погонѣ мужа—обѣихъ версій сходна). Вариантъ первой редакціи: Майжура, Сказки, 108.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва, XI, 110—111, 143.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 238—240.—У Цингерле—тирольскій вариантъ.—Этнографическій Сборникъ, III, 130, № 2. Дурна баба (литература къ этой сказкѣ въ т. IV «Этн. Зб.», 201).—Krauss, Sagen und Marchen d. sudslav, II, 232.—Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 122, 147 (то-же въ Сборн. X. п. ф. о., XI, 239, 264).—Аванасьева, Р. и. сказки (1897), II, № 227 в, стр. 367.

Вторая сказка существуетъ или самостоятельно, или является частью болѣе обширной сказки объ исканіи даннымъ лицомъ людей болѣе глупыхъ, чѣмъ его домашніе (плакавшіе о несчастной смерти возможнаго въ будущемъ ребенка). Излѣдованія (съ указаніемъ многочисленныхъ вариантовъ) послѣдней сказки (съ составными ея элементами), а также и сказки о передачѣ вещей умершему см.: Cosquin, Contes populaires de Lorraine, I, 237—245, № XXII, Jeanne et Brimboriau.—Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы.

Анекдоты о глупцахъ, стр. 23—56 (то-же въ Сб. Харьк. и ф. о-ва, XI, 140—173, а также 110—111).—Кузьмичевскій, Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности (Кіевск. Старина. 1886, III, 445—450)—Аванасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 220. Вороватый мужикъ.—Clouston, The book of poodles, 204 и слѣд.

Кромѣ всего указаннаго, см. №№ 696—697 въ «Галицко-р. анекдотахъ» Гнатюка (VI т. «Етн. Збирчыка»), гдѣ находятся и дополненія къ литературѣ предмета, а также Archiv fur slaviche Philologie, XXII Band, отдѣлъ критики, стр. 310.

№ 321.

Вариантъ очень распространенной въ Европѣ, Азій и Африкѣ сказки о матери-предательницѣ. См.: Kolberg, Pokucie, IV, № 17.—Маяжура, Сказки; 33—59.—Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 48—57.—Гринченко, Этн. Мат., I, №№ 157 и 158.—Чубинскій, Труды, II, 285—290, № 75.—Халавскій о Маркѣ Кралевичѣ, I, 17.—Zawiliński, № 4.—Садовниковъ, 69, 133.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, XVIII, 18, 79.—René Basset, Berberes, 222.—Къ этой темѣ примыкаетъ тема о сестрѣ предательницѣ: Kolberg, Pokucie, IV, №№ 13 и 14.—Рудченко, Н. ю. р. сказки, I, № 49 (перепечатана отдѣльн. брошурою въ Кіевѣ, 1890, подъ заглав. «Братъ и сестра»); №№ 50 и 51; II, № 22.—Чубинскій, II, 138—167, №№ 48—50.—Ciszewski, Krakowiacy, 89.—Kunoś, Oszmán-torok népköltésy gyűjtemény (см. Гордлевскій, Обзоръ турецк. сказокъ, № 71).

Литература входящаго въ эту сказку мотива о благодарныхъ мивотныхъ указана г. Сунцовымъ въ «Этногр. обзорѣни» XXII (1894), 103.

№ 322.

Драгомановъ, Малорус. пред., 355, № 39: Мальчикъ-низинець.—Худяковъ, Влкр. сказки, II, № 64.—Hahn, Griechische und

albanesische Marchen, I, № 55; II, № 99.—Schleicher, Litauische Marchen, 7—8.—Grimm, Kinder-und Hausmarchen (Verl v P. Reclam), I, 178, № 37: Daumesdick; 201, № 45: Daumerlings Wandershaft; III, 72, № 37; 76, № 45.—Norweg. Volksmarchen, II, № 14.—Zeitschrift fur D. M., I, 48—49 и 381.—Valjavec Краќманов, Narodne pripoviedke, стр 116—119 —Аванасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, II, стр. 738—739. —Аванасьевъ, Р. и. сказки (1897), II, 225—228, № 168: Мальчикъ съ пальчикъ.—Vogl, Volksmarchen (slawonische, 1851), № 6.—Cosquin, Contes populaires de Lorraine, II, 147—155, № LIII: Le petit poucet.—Данилевскій, Укр. сказки (6 изд.), 49, № XII: Коротышки (стихотв. русск. передѣлка).

№ 323.

Kolberg, Pokucie, IV, № 9.—Kolberg, Lud, XVII, стр. 180; XIV, № 15.—Kunoš, Oszmán-torok népköltésy gyűjtemény (см.: Гордлевскій, Обзоръ турецк. сказокъ, № 68).—Сравн. Cosquin, Contes popul., I, № XXVIII: Le taureau d'or; № LXXVIII: La fille du marchand de Lyon.

№ 324.

Чубинскій, II, 355, № 93.—Moszyńska, Bajki, № 24.—Этногр. Обзорѣніе, XXII (1894), 129.—Этногр. Збирникъ, VI, № 167.—Руданскій, Творы, I, 106, № 65: Крыва баба.—Жыте и слово, II (1894), 359: Якъ бідна баба ворожею стала; IV (1895), 357, № 22: Якъ баба пана вылчыла.—Zbiór Wiadomości do antr. Kraj., T. XI (3), стр. 62.—Календарь Просвѣты на рікъ 1872, стр 61—62.

№ 325.

Изъ малорусскихъ вариантовъ намъ извѣстны только литературныя обработки сюжета: прозаическая у Квитки: «Паримове свидання» и стихотворная у Руданскаго, Творы, I, 66, №

34: Цыганъ зъ хрономъ. —Сходная индусская сказка: Минаевъ, Инд. сказанія, 15. (М. Сумцовъ, Анекдоты о глупцахъ, 41.

№ 328.

Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897), II, № 248: : азсказы объ инородцахъ. z.

№ 330.

Подобныя «Розновы»: Гринченко, Этн. Мат., II, № 203.— Чубинскій, II, 679, № 146: Роспыталысь.—Гринченко, Веселый Оповидать, № 64 и 171.

№ 331.

Чубинскій, II, 677, № 142.—Руданський, Творы, IV, 15: Ни зло, ни добре.—Афанасьевъ, Р. н. сказки (1897), I, № 230: Хорошо да худо.

№№ 333—336.

Kolberg, Pokucie, IV, № 73: Кошалки-опалки.—Moszyńska, Bajki, № 29 и 30: Про мудрого дурня и Якъ то соби сынъ зъ батькомъ хазяйнували.—Манжура, Сказки, 83—84: Врохня; 123—126: Якъ мы зъ дидомъ багатили, а батька ше на свити не було, Небыльця, Приказки.—Чубинскій, Труды, II, 83—85, 336. № 85; 517—519, № 13; 678, № 143.—Ястребовъ, Матеріалы по этногр., 11—13: Одъ чого зайци куди? 178—180, №№ 35 и 36.—Драгомановъ, Малоруск. преданія, 372—374, №№ 42 и 44; 338—339: Дурень на неби.—Сборникъ Харьк. Ист.-фил. Об-тва, VI, 171—175 —Харьковскій Сборникъ, VIII, 29, 114.—Гринченко, Этногр. Матеріалы, I, №№ 176—179; II №№ 241—247.—Кулишъ, Записки о Южной Руси, I, 228—233. (Отсюда перепечатано: Гринченко, Веселый Оповидать, Черниг., 1898, № 74).—Дзвинокъ, газета для дѣтей, 1890, стр. 47.—Черниговскія Губернскія Вѣдомости, 1852, № 26, Сказка о трехъ братахъ Кондратахъ.—Етнографичный Збирникъ, IV,

157—161, №№ 37. Казка безъ правды, 38. Казка-небелыця.— Руданський, Творы, I, 126—133, № 85.—Этнографическое Обзорѣніе, 1894, I, 9; II, 176.—Wisła, 1890, стр. 76.—Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа, IX, 70; XII, 93; XV, 47.—Добровольскій, 659.—Календарь «Просвѣты» на р. 1894, стр. 111.—Wunderbare Reisen und Abenteuer des Freiherrn von Munchhausen (изд. Мейера, Реклама).—Этнографичный Збирныкъ, т. VI. Гнатюкъ, Галицько-руськи анекдоты, №№ 641—642, 645, 648—652, 657, 664, 665.—Этнографичный Збирныкъ, т. III, 49—51, №№ 16—17.—Литературная обработка въ стихахъ въ «Украинскихъ сказкахъ» Данилевскаго, 6-е изд., стр. 61, № XV: Сонъ въ Ивановскую ночь.—Пуцанський-Кривый, Перлы фантазійи югового-руського народу, 1894.—Записки наукового т-ва им. Шенченка, XXIX (1899): Верхратскій, Знадобы до признаня угорсько-руськыиъ говоривъ, 148—149.—Осташевскій, Пивъ сотни казокъ (Кіевъ, 1869), 314, № 50: Правда (стихотворная передѣлка).—Grimm, Kinder-und Hausmarchen, II, 117—118, № 112, Der Dreschflegel vom Himmel, 247, № 159: Das Dietmarsische Lugenmarchen; III, 208—210, 257—258.—Wolf, Deutsche Hausmarchen, 424—425.—Haltrich, Deutsche Volksmarchen aus d. Sachsenlande in Siebenburgen, № 56.—Wolf, Zeitschrift fur deutsche Mythologie, II, 201—203: Der Marchenerzahler.—Аванасьевъ, Р. в. сказки (изд. 1897), II, 374—383, № 231: Не любо—не слушай.—Худяковъ, Великорусскія сказки, II, № 74.—Нелюбо—не слушай, а лгать не мѣшай, пер. съ вѣмецкаго; было много изданій, по изданію И. Гурьянова (Москва, 1844) см. 213 и 448—449.—Народ. сказки, собран. сельскими учителями, изд. Эрленвейна, № 24.—Труды Яросл. Губ. Статистич. Комитета, V, 148—149.—Даль, Пословицы русскаго народа, стр. 1095.—Slovenski Glasnik, X (1864), 316, № 38.—Hahn, Griechische und albanesische Marchen, I, № 39 и 59.—Kylða, Moravske narodni pohádky a povesti, II, № 39 и 41.—Schleicher, Litauische Marchen, 37—38.—Stier, Ungarische Volksmarchen, № 18.—Norwegische Volksmarchen, I, № 1.—Valjavec, Narodne pripovjedke, 264—265.—Mate-

gwały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, II, 2, стр. 95—96, № 68; стр. 112, № 85.—Wisła, IX, 329—330, № 12: Niepodobieństwo.—Добровольскій, Смоленскій этногр. сборникъ, I, 467—470: Абъ старикѣ—«самъ на кутѣ, носъ на крѣку, ноги на грядкахъ»; 663—665: А мужикѣ, што лоука урать умѣу.—Романовъ, Вѣлорусскій сборникъ, I, вып. III, 413—418: Не любо—не слушай.—Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русск. населенія сѣверо-западнаго края, II, 244—257: Не любо—не слушай; 167—168: Шавецъ и рыбаць.—Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage, III, 221—229.—Караджич, Српске народне приповijetke № 44: Лаж за опкладу.—Ciszewski, Krakowiacy, I, № 194—196.—Chelchowski, Powieści i opow. ludowe z okolic Przasnycza, № 6.—Kolberg, Lud., т. XIV, № 103.—Zbiór wiadomości do antrp. kraj, т. VIII, 299; IX, 3, стр. 146; XVI, 2, стр. 19 и 71.—Dobsinsky, Slov. pohadky, T. III, 33—38.—Świętek, Lud Nadrabski, 429—431, № 52.—Kolberg, Lud. Kujawy, I, 193—194: Dziwy.—Караджич, Српске нар. приповijetke и заг., стр. 73—81: Усудъ.—Erben, Vybr. báje a pov. nář., 73—75: Stesti a nestesti.—Сумцовъ, Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. На стр. 181—197 подробное указаніе мотивовъ «нисенитыць» и литературы каждаго мотива.

№ 389.

Харьковскій Сборникъ, II, 93.—Ястребовъ, Мат. по этн., 10.

№ 358.

Объ отравѣ жабою см. еще: Гринченко, Этн. Мат., I, № 58.—Чубинскій, Труды, I, 136: Дання.

№ 359.

Разсказы о солдатѣ, боровшемся съ упыремъ: Гринченко, Этн. мат., I, № 86; II, №№ 83, 84, 85 и 88.—Аванасевъ, Р. и. сказки (1897), II, № 205.

№ 363.

Изъ Черн. Губ. Вѣдомостей 1858, № 16, стр. 120—121.—
Леванасевъ, Р. в. сказки (1897), II, № 237: Жена спорщица.—
Пыпинъ, Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ,
202, 268.—Русск. Вѣстникъ, 1857, IX, статья Забѣлина.—
Врчевич, Српске народ. приповѣд. [(1868), № 7.—Караджич,
Српске пословиц., стр. 159.—Гринченко, Этногр. матеріалы, II,
№ 113, Уцрта жинка.

№ 364.

Стороженко, Укр. оповідання (1897), 1: Се така баба, що
чортъ їй на наховыхъ вылахъ чоботы оддававъ (первоначально
было напечатано въ Основѣ 1861, IX, потомъ отдѣльно и въ пер-
вомъ изд. «Укр. оповід.»).—Н. Сумцовъ, Повѣсть о томъ, какъ
чертъ разсорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П.
Стороженко «Се така баба» etc)—въ «Юбил. сборникъ въ честь
В. Ѳ. Миллера», Москва, 1900, стр. 169.—Добровольскій, Смо-
левскій Этногр. Сборн., I, 346.—Худяковъ, Великорусскія сказ-
ки, II, 131—Schleicher, Litauische Märchen, 50.—С. Wurzbach,
Die Sprichwörter der Polen historisch erläutert, Wien,
2 Ausg., 1852, pp. 178—182.—Puibusque, Le comte
Lucanor, 402—409.

№ 365.

Разсказъ этотъ намъ приходилось в раньше слышать, если
не ошибаемся, въ Харьковской губ. Мы сочли его тогда переда-
чею (быть можетъ,—искаженною) дѣйствительно случившагося
въ названномъ намъ тогда селѣ событія и не внесли въ свои
записи. Теперь онъ оказывается живущихъ въ устахъ крестьянъ
Черниговскаго уѣзда. Уже послѣ доставленія этой записи при-
шлось прочесть въ № 159-мъ газеты «Киевлянинъ» за 1900 г.
слѣдующее:

Семейная трагикомедія. Въ станціи Роговской, Кубанск-
обл., по словамъ «Крыма», разыгралась семейная драма. Жена

казака Люльки, Минодора, влюбилась въ фельдшера Пацюка и, чтобы избавиться отъ мужа, попросила Пацюка дать ей, для этой цѣли, яду. Фельдшеръ пообѣщалъ. Встрѣтившись на улицѣ со своимъ противникомъ, Пацюкъ, рассказалъ ему о замыслахъ жены его и предупредилъ, что когда онъ вечеромъ выпьетъ стаканъ чаю, въ которомъ будетъ заключаться не ядъ, а гофманскія капли, то пусть притворится больнымъ. Поступая по совѣту Пацюка, Люлька, послѣ перваго стакана чаю, сватился за сердце и попросилъ жену вывести его на чистый воздухъ, въ сарай, гдѣ и притворился умершимъ. Жена, вида, что мужъ скончался, сватила веревку и, надѣвъ петлю на шею, другой конецъ ея забросила на балку съ цѣлю повѣсить свою жертву для отвода глазъ. Когда Минодора доставала конецъ веревки, Люлька снялъ съ шеи петлю, надѣлъ ее на деревянный чурбанъ, а самъ спрятался въ углу сарая. Когда же она созвала сосѣдѣй и стала кричать, что мужъ повѣсился, сосѣдямъ пришлось только убѣдиться, что виситъ не человѣкъ, а деревянный чурбанъ.

№ 369.

Сочиненія Г. и С. Карпенко на русскомъ и малороссійскомъ языкахъ, Спб., 1860, книга II, стр. 31—39 (пересказъ во русски).—Въ № 174 «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей» 1900 г. перепечатанъ изъ газ. «Гражданинъ» тотъ-же анекдотъ (по русски), при чемъ рассказъ уже поіуроченъ къ князю Потемкину, который является здѣсь въ роли пана. Въ ст. Кузьмичевского: «Турецкіе анекдоты въ украинской нар. словесности» (Кіевская Старина 1886, II, 213—220) указаны иностранныя параллели анекдота.

Сторія и мудрошь младенцу.

«Сторія» есть вариантъ восточной сказки о царевнѣ Тюрандо; сказка эта вошла въ составъ сборника «Тысяча дней и одинъ» (см. Von der Hagen, Tausend und ein Tag, morgenlandische Erzählungen, Prenzlau, 1836, т. I), сдѣлавшагося извѣстнымъ въ Западной Европѣ въ XVIII в.

Малорусская редакція ея (съ рукописи) опубликована впервые въ журналѣ «Жыте и слово», II (1894), 136—142; затѣмъ, если не ошибаеся, въ чернивецкой газетѣ «Вуковина» за 1897 г. (№ 144 ?) помѣщенъ былъ новый вариантъ.—См. еще: Moszyńska, № 25, Казка-загадка.—Kolberg, Pokucie, IV, № 49; польскій вариантъ послѣдней сказки въ «Wisła» 1891, I, 139, а сходная великорусская пѣсня въ соч. Хомякова.—Авчасъевъ, Р. и. сказки, II, 109—110, № 182: Царевна разрѣшаетъ загадки; I № 116а.—Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 127,, № 114: Vom klugen Schneiderlein; III, 210, № 114.—Walachische Märchen, №№ 9 и 16.—Караджич, Српске народne приповijetke, № 45: Краль и чобанинъ.—Гоцци воспользовался сказкой для сценическаго произведенія, а Шиллеръ передѣлалъ пьесу Гоцци по вѣнецки.

Повѣсть о Агнѣ царю.

Это вариантъ «Сказанія о Единоѣ цесари Іовнанѣ». Литературную исторію обоихъ вариантовъ см. у проф. Веселовскаго: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» и «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха», гдѣ напечатанъ и текстъ разсказа объ Аггѣ. Малорусскій текстъ «Сказанія о Іовнанѣ» см. въ «Запискахъ наук. Т. и. Шевченка», т. XVI (1897), Гнатьюкъ, 20—27, гдѣ указана и литература. Къ ней прибавимъ наиболѣе близкій къ нашему вариантъ у Рудченка, II, 159, № 36: Гордый царь.—Moszyńska, Bajki, № 14: Про царя Іона. Въ примѣчаніяхъ къ послѣдней сказкѣ г. Сумцовъ указываетъ литературу: Этногр. Обзор. 1894, III, 126—127.

Слово о смерти и о рыцери.

Рукописный вариантъ см. въ «Запискахъ наук. т-ва им. Шевченка, XVI (1897), Гнатьюкъ, Легенды зъ Хитарського збирника, 14—20. Здѣсь же и устный вариантъ, перепечатанный въ III т. «Етногр. збирника», 120—121, № 46: Про рыцаря и смерть. См. еще брошуру для народа: Рыцарь и смерть. Коломия. Зъ печати М. Вѣлоуса. 1894. (Второе изданіе).

Указатель содержания полъщенныхъ въ этой книгѣ записей.

I. Представленія и рассказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ.

1. Солнце плачетъ, если бросить на виду убитую гадюку. 2.
2. Змій летивъ (*метеоръ*), неся деньги сапожнику. 2.
3. Змій носить гроши явкоему П-чу. 3.
4. Змій якъ куль соломы летѣлъ по селу, неся деньги В. З.
5. Змій видѣми гроши носить и сидитъ у нея на крышѣ. 3.
6. Змій скидае свои крыла. Змій леталъ въ хату, гдѣ повѣсилась женщина, при чемъ оставлялъ свои крылья на дворѣ. Наймытъ перекрестилъ крылья, и змій не могъ ихъ взять до тѣхъ поръ, пока наймытъ самъ не отдалъ ему ихъ за кучу червонцевъ, насыпанную въ шапку съ дырой. 4.
7. Одуренный змій палывъ чоловика. Змій обзаялся навоситъ челоувѣку мѣрку денегъ, но не могъ исполнить этого, такъ какъ челоувѣкъ обманулъ его: желѣзную мѣрку безъ дна поставилъ надъ глубокой ямой. Разсерженный змій приказалъ челоувѣку расписаться своей кровью въ полученіи денегъ, а потомъ ежегодно жегъ его; челоувѣкъ избавился отъ этого тѣмъ, что началъ пристраивать ежегодно что либо новое; но все же обѣднѣлъ. 4—5.
8. Визъ (зирки). Свѣтатъ начинается, когда Визъ перевернется низомъ вверхъ. 6.

9. Витеръ сильно дуетъ отъ злости, что жена дала ему толстую рубашку. 6.

10. Грядъ—наказаніе людяхъ за работу въ праздникъ. Обереги отъ него. 6.

11. Зима стае теплѣе. Прежде бывали такіе холода, что пшца замерзала на лету, но земля поворачивается другою стороною и потому все теплѣетъ и теплѣетъ. 6—7.

12. Чомъ зима безснѣжна. Родился удивительный ребенокъ, который при крещеніи потребовалъ ѣсть. Ему дали снѣгу и потому будетъ семь (три) безснѣжныхъ зимы; а если бы дали хлѣба, то былъ бы голодъ. 7—8.

13 Обизяны. Бабы оставляютъ въ лѣсу ланты, въ которые обуваются любопытныя обезьяны,—тогда ихъ ловятъ. 8.

14. Вовнамъ Св. Юрій роздае що йсты. Св. Юрій указываетъ волкамъ каждое живое существо, которое они должны съѣсть. Три случая подслушиванья людьми на деревѣ распоряженій св. Юрія: одинъ окончился счастливо, а въ двухъ остальныхъ подслушивавшій былъ отданъ на съѣденіе волкамъ. 8—10.

15. Вовчій богъ Полисунъ—похожъ на человѣка, гоняетъ волковъ туда, гдѣ есть имъ пища, напр., на войну; онъ устанавливаетъ цѣну на ярмаркахъ. 10—11.

16. Лисунъ годуе вовкивъ. Вѣднякъ ночевалъ въ лѣсу на деревѣ и случайно видѣлъ, какъ Лисунъ раздавалъ волкамъ куски хлѣба, привезеннаго на возу; оставшуюся краюшку онъ отдалъ бѣдняку, который разбогатѣлъ отъ этого. Его богатый братъ, отправившійся за такою-же несъѣдаемою краюшкою въ лѣсъ, былъ разорванъ волками. Мѣсто жительства Лисуна и способъ узвать его. 11—12.

17. Лисунка выкупила свою дытму. Баба нашла въ лѣсу дитя Лисунки и возвратила послѣдней. Въ награду за это Лисунка подарила ей богатство, но по ея смерти, проплакавъ за ней три дня, сожгла ея жилище. 13.

18. Лисунка вирала чужу дытму. Украденное Лисункою дитя человѣкъ случайно нашелъ въ лѣсу и возвратилъ родителямъ. 44.

19. Вилъ и нимъ. Конь и волъ бѣгали въ перегонку, волъ упалъ въ ровъ, подумалъ, что земля провалилась и съ тѣхъ поръ не хочетъ бѣгать. 14.

20. Чомъ еманъ схожый съ свинею. Освященный на праздникъ паси въ церкви поросенокъ превратился въ ежа. 15.

21. Сорона, начинаетъ вить гнѣздо на Хресте. 15.

22. Бусоль. Поселившійся на хатѣ анстъ ежегодно выбираетъ изъ гнѣзда или анстенка, или яйцо: въ первомъ случаѣ будетъ урожай, во второмъ—наоборотъ. 16.

23. Дятель. Человѣка, рубившаго дрова по праздникамъ, Богъ обратилъ въ дятла, заставивъ его вѣчно рубить носомъ. 16—17.

24. Журавли вылетаютъ изъ нрїа на двѣнадцатой недѣлѣ; они любятъ, чтобы ихъ называли не журавлями, а «веселками». 17.

25. Лыпа та осына. (Де дивается жоноча клятѣба)—вся брань женщинъ, обращенная къ мужьямъ, падаетъ не на этихъ послѣднихъ, а на лыпу и осину, превращаясь тамъ въ наросты. 17.

26. Чого стали невромайм. Неурожаи появились отъ неуваженія къ старымъ обычаямъ и отъ заводящихся новшествъ; также отъ неуваженія женщинъ къ работѣ ратаевъ. 18.

339. Кишна. Кошку нельзя брать на возъ: лошади не повезутъ. 377.

340. Мыши выживаютъ хозяевъ. 377.

341. Гадюна. Крестьянинъ убилъ большую гадюку и оттого заболѣлъ. 377.

342. Жыве серебро, брошенное въ воду, вырываетъ въ днѣ глубокую яму. 378.

II. Примѣты и повѣрья.

27. Яка колы годына бува—примѣты о погодѣ по растеніямъ, животнымъ и различнымъ явленіямъ. 20—22. № 343—379.

28. Весиляя—примѣты о свадьбѣ. 22.

29. Дытына--пріяты о ребенкѣ. 22--23. № 344--379--380.

30. Здравле. Хвороба. Прияты. 23—24. № 345—380.

31. Сонъ—на какую сторону ложаться. 24.

32. Поганый на езыкѣ. Отъ поганыхъ глазъ или поганого языка человекѣ болѣеть. Одинъ генералъ, «поганый на езыкѣ» похвалялъ утятъ, и всѣ они передохли. 24—25.

33. Смерть—пріяты о смерти 25—26. № 345—380.

34. Мрець. Обычай при мертвецѣ; пріяты. 27—29.

35. Той свить—пріяты о загробной жизни. 30.

36. Йижа, напыты. Прияты о хлѣбѣ, блинахъ, варывѣ, огурцахъ, квасѣ, водѣ, ѣдѣ въ разное время. 31—32. №№ 346 и 347—380 381.

37. Одежа, обува—о времени мытья одежды и обуви, о пользованіи ею и пр. 32—33. № 348—381.

38. Хата. Погрибъ—о постройкѣ и пользованіи ими 33—34. № 351. Не годиться работы на пороги. 383.

39. Урожай—пріяты объ урожаѣ. 34.

40. Колы й якъ ораты й сіяты. 35—36.

41. Садъ. 42. Городъ. Прияты. 36—37. № 349—382.

43. Свійська тварь. Прияты о скотинѣ вообще, о коровѣ, теленкѣ, конѣ, поросенкѣ, птицѣ, гусяхъ, пѣтукахъ, пчелахъ. 37—39, № 350—382

44 и 352. Колы не треба работы. 39—40, 383.

45. Съ краденого краще заведешъ, нежели отъ купленнаго. Поэтому крадутъ, для разведенія, сѣмена и птицу. 40.

46. Даваты—когда и какъ давать. 40—41.

47. Жылавый понедилокъ—пріяты о немъ. 41.

48. Зустрічь—нельзя проходить посрединѣ между двумя идущими. 41.

49. Що вищуе. О ногтяхъ, косяхъ, глазахъ, носѣ, бородѣ, правой ладони, паукѣ, котѣ, углѣ, пѣтухѣ, ложкахъ. 41—42.

50. Злодій. Если громъ загремитъ когда еще деревья безъ листьевъ, то уворованное не будетъ отыскиваться. 42.

353. Якъ продаваты. 383.

354. Злагода. 383

III. Знахарство, заговоры и проч.

51. Угадать, чы довго промывешъ. 44.—52. Угадать, чы вси у сийи будутъ жыви. 44.—53. Щобъ быть здоровышъ. 45.—54, Щобъ -щастыло на войны и на суди. 45. 55. Одъ усякой болизни. 45—46.—56. Передать болизь другому. 46.—57. Одъ уренивъ. 46—47.—58. Видъ прыстриту. 48.—59. Одъ престуды. 49.—60. Одъ лыхоманны. 49—50.—61. Одъ жовтяныци. 50.—62. Голова. 50—51. 63. Одъ болячны у вуси. 51.—64. Одъ зубивъ. 51—52. 65. Якъ охрыпнешъ. 52.—66. Видъ очей. 52—53. 67. Одъ грудной боли. 53.—68. Одъ жывота. 53—54.—69. Якъ нудно. 54.—70. Одъ печайны. 54.—71. Одъ пияцтва. (55). 72. Щобъ не болилы руки и ноги. 55.—73. Одъ бежа, бешы и прыстриту. 55—57.—74. Опухъ. 58.—75. Огныкъ, 58.—76. Одъ бородавокъ. 58.—77. Раны. 58—59.—78. Кровъ замовляты. 59—60.—79. Дытячи хворобы. 60—61. 80. Щобъ довго не було дитей. 61.—81. Кумування. 61. 82. Змовленіе гада. 61—62.—83. Знахарка—ея лѣкарство. 62.—84. Позихання. 63.—85. Одъ вовнивъ. 63.—86. Шобъ плаваты гарно. 63.—87. Спать лягаючи, промовляты. 63. 88. Щобъ не посердытыся, даючи. 63.

89. Любоши, сватання, весилля. 1. Пряныкы зъ любоща-ны. 2. Шобъ хлопци въязлы. 3. Ворожнннн на сонъ (за кого замнжъ.). 4. За якого пидешъ замнжъ. 5. Старосты 6. Сватан-ня. 7. Весилля. 8. Щобъ зъ чоловикомъ вѣтыся. 64—66.

90. Варыво—щобъ не було слызьке. 66.

91. Дима—что дѣлать съ днжею, чтобы былъ вкусный хлѣбъ. 66.

92. Одежа—когда мыть, не надѣвать на изнанку. 67.

93. Чы гарна на мыття хата—способъ узвать. 67.

94. Щобъ у хати не велься прусы, жуны, жабы—раз-личныя средства. 67—68.

95. Огонь у хати й на поли—заклинанія огню, чтобы го-рѣть, способъ узывать время дня по огню. 68—69.

96. Сиотына, щобъ пишла у руку. Яка мастъ буде у руку. Якъ годувать, беретты и проч. 69—70.

97. Коровы. Купленная корова. Чтобъ корова больше молока давала. Вѣдьма учить, какъ кнѣть хорошую сметану. Обращеніе съ молокомъ. Исправить испорченную корову. Лѣченіе пералогевъ. 70—72.

98. Конь. 1. Если въ возъ, на которомъ должны ѣхать «иоледи», положить съ приговоромъ три стрючка, въ которыхъ въ каждомъ по девять горошинъ, то кони не могутъ двинуться съ мѣста. 2. Какъ понть потную лошадь. 73.

99. Свины—средства для успѣшнаго разведенія свиней. 74

100. Ягнята. Способъ кнѣть кудрявыкъ ягнятъ. 74.

101. Гусенята да нурчата. Средство отъ хищной птицы. 74—75.

102. Бджолы. Ловленіе роевъ; средство сдѣлать пчель злыни и сильныи. 75.

103. Садъ. Средство кнѣть урожай въ саду. 76.

104. Городъ. Уходъ за овощами. 76.

105. Поле. Средство чтобы не было «спору» въ хлѣбѣ, чтобы былъ урожай, чтобы не нападала птица. 77.

106. Щобъ дощъ ишовъ—вѣшать на плетень земляного рака. 78.

107. Бычъ на ципъ. Обрядъ отрѣзыванія его. 78.

108. Щобъ була удача. 78.

109. Щобъ була удача на охоти. 78.

110. Угадать, чы знайдеться пропама. 79.

111. Злодіеви одъ суда спосибъ. 79.

112. Изъ старой румописи. Сказаніе о пчелахъ. Отъ укушенія змѣи. Перелогн у коня. Заговаривать кровь. Черви вышептывать. «Лекарство статчннѣ». Вѣльмо у коня или вола. Гнилецъ замовити. Гостецъ. Рана ножная. Францѣ. Заговоръ отъ ружья. 79—87.

355. Ночныця. 384.

356. Золотуха. 384.

357. Грызь. 384.

358. Отрута жабою. 384.

IV. О сверхъестественныхъ существахъ.

113. Чорта не страшно: отъ черта вполне защищаетъ крестъ, а русалка и вѣдьма гораздо страшнѣе. 90.

114. Чортъ конемъ. Двѣ дѣвушки воалѣ рѣчки встрѣтили черта въ образѣ сѣраго коня. 90—19.

115. Чортъ панычемъ на пасици. Чортъ въ видѣ панича пришелъ къ пасѣчнику во время грозы, но когда тотъ перекрестился, бѣсъ исчезъ. 91.

116. Нечыстый на кони. Разсказчикъ видѣлъ черта, скакавшаго на сѣромъ пламенѣющемъ конѣ и бросившагося въ Десну, 92.

117. Нечыста сила йиде (на велосипедахъ). Черти въ образѣ велосипедистовъ ѣхали прямо по водѣ черезъ Десну. 92.

118. Нечыста сила голосыть. Нечыстая сила гоняла табунъ пасшихся лошадей и плакала, проклиная жизнь. 92—93.

119. Нечыстый просыть перевозу—у бабъ, ловившихъ бредень въ рыбу. 93.

120. Нечыста сила несе грешн: а) въ образѣ огненнаго полотна и б) огненнаго индюка безъ головы. 94.

121. Чортъ лякае на ночлигахъ. Чортъ хотѣлъ перевернуть будку пасѣчника, въ которой спало два человѣка. 94—95.

122. Чортъ копей гоня на ночлигаль, не желая, чтобы хлопцы пасли ихъ на извѣстномъ мѣстѣ. 95.

123. Нечыста сила возыла. Паны, ѣхавшіе въ каретѣ шестерикомъ, попросили встрѣтившагося крестьянина показать имъ дорогу къ парому. Онъ повѣхалъ съ ними и они, заплативъ ему за услугу, вдругъ исчезли, и оказалось, что это черти, завезшіе его въ чужое село, а вмѣсто денегъ они дали черепки. 95—96.

124. Чортъ лякае дитей, бо йихъ маты зналася зъ йимъ. Нечыстая сила ходила по ночамъ, стучала, бросала на дѣтей камнями, обливала ихъ и пр. 96—97.

125. Чортъ до молодыци ходыть йимъ чолвикомъ. Женщина нашла въ полѣ клубокъ ленточекъ и съ этого времени сталъ

къ ней ходить по ночамъ чертъ подь видомъ ея мужа, ночевавшаго на ночлегахъ. Узнавъ кто это, она избавилась при помощи средства, указанного знахаркою. 97.

126. Чортъ однявъ дытму. Черти отняли у женщины въ лѣсу дочь-ребенка. Черезъ много лѣтъ сынъ этой женщины нашелъ свою, выросшую уже, сестру въ пустой хатѣ за селомъ и, по совѣту дѣвушки, привелъ священника посвятить хату. Но когда это было исполнено,—все провалилось сквозь землю. 98.

127. Парубокъ гравъ чертамъ. Черта мужескаго и женскаго пола заставили парубка играть себѣ на скрипкѣ и цѣлую ночь танцовали. Они представлялись ему парубками и дивчатами, но на утро все исчезло, а онъ увидѣлъ себя въ болотѣ. 99.

128. Чортъ платитъ за танци. Чертъ въ болотѣ сидѣлъ около сундука съ деньгами и игралъ на скрипку. Человѣку, согласившемуся танцевать подь его игру, онъ заплатилъ такъ щедро, что тотъ разбогатѣлъ. 99.

129. Чортъ ченцешъ частуе человека. Чертъ встрѣтился человѣку въ полѣ въ видѣ знакомаго монаха и сталъ его угощать водкой; но когда тотъ перекрестился, все исчезло. 100.

130. Чортыци частують человека. Чертовки въ видѣ знакомыхъ бабъ угощали крестьянина водкой, но когда онъ, передъ тѣмъ, какъ выпить, перекрестился, все исчезло. 100.

131. Чортъ та русалки частують человека. Чертъ съ русалками пировалъ среди поля во ржи и угощалъ крестьянина; но предъ крестомъ все исчезло. 101.

132. Позычае въ чорта гроши. Вѣднякъ занялъ у черта на годъ деньги и когда принесъ долгъ, то оказалось, что его кредитора разорвали волки, а другіе черти сочли себя не вправѣ брать чужія деньги и оставили ихъ человѣку. 101—103.

133. Чортъ у неволи въ глечыну. Чертъ искушалъ на разные лады пустычника и наконецъ превратился въ рыбку и прыгнулъ въ кувшинъ, которымъ набиралъ пустычникъ воду. Пустычникъ перекрестилъ кувшинъ, завязалъ и бросилъ въ воду. Черезъ тридцать лѣтъ мужикъ, поймалъ събью кувшинъ, открылъ его, и чертъ очутился на свободѣ. Но мужикъ, посредствомъ хитрости, снова засадилъ его въ кувшинъ и бросилъ въ озеро. 103—107.

134. Стрелецъ застреливъ чорта, дразнившаго Бога. За это Богъ далъ охотнику постоянную удачу на охотѣ. 108.

135. Водяныкъ дытыною Рыболовъ вытащилъ изъ воды събьющагося ребенка, который потомъ исчезъ отъ креста. 108.

136. Манея не пуснала. Манея не давала рыболову пройти, онъ прочиталъ молитвы, ударилъ весломъ, и все исчезло 109.

137. Чы домовынъ, чы манея насила на чоловина. Чго-то, домовикъ или манея, сѣло парубку на шею и заставило вести себя, а потомъ толкнуло его и исчезло 109

138. Домовыкъ душывъ качиху разказчыцы 110.

139. Домовинъ не любить, янъ ночують у хливи, давить и выбрасываетъ вонъ челоуѣка, вочующаго тамъ. 110—111.

140. Домовыкъ кыдае коня въ ясла, что и подсмотрѣлъ челоуѣкъ, спрятавшіеся въ конюшнѣ. 111.

141. Домовыкъ зачинае сирого коня—путаеъ ему гри-ву и пр. 111.

142. Домовыкъ не дае роботы вночи и пугаетъ работавшаго въ клунѣ ночью ховяина. 111—112.

143. Домовыкови треба оиропу. Для домовыхъ нужно имѣть въ печи кипятокъ: они его пьютъ. За неисполненіе этого домовою сжегъ своего ховяина. 112.

144. Домовыкъ на ночлигахъ. Челоуѣкъ зоветъ товарищей, а домовою отвѣчаетъ ихъ голосомъ, а затѣмъ ночью душить спящаго. 113.

145. Дви чирточны зѣ нашихъ русалонъ. I. Женщина «на Зелену недилю» видѣла въ полѣ множество поющихъ, скачущихъ и плещущихъ руками дѣтей—это были русалки. II. Плачущей за умершей матерью дочери явилась во снѣ дивчина и сообщила, что мать ея превратилась въ русалку. 114.

146. Русалки менуться за минкою. Шедшая по полю женщина увидала во ржи двухъ дѣтей. Они сейчасъ-же превратились въ большихъ русалокъ и погнались за нею. Она убѣжала, но отъ страха заболѣла и умерла. 114—115.

147. Русалки не дали ловыты рыбы. Двѣ женщины «на Русалкы» ловили ночью рыбу, за ними погнались двѣ русалки

и хотъ не догнали, но женщины со страху долго потомъ были больны. 115.

148. Русалки прогнали человека зъ работы. Крестьянинъ копалъ въ полѣ канаву на саранчу, за нимъ погнались двѣ русалки, изъ которыхъ одна была съ книжкою; онъ заболѣлъ со страху. 115—116

149. У русальну недилю не можна работы: мужъ и жена, поѣхавшіе въ это время полоть просо, выдержали нападеніе русалки, отъ которой избавились они тѣмъ, что мужъ очертилъ возъ и воловъ кругомъ и отмахивался топоромъ, а жена читала молитвы. 116.

150. Человекъ сховався видъ русалки. Отъ погнавшейся за человекомъ съ поля русалки онъ спрятался въ клунѣ, въ которую русалка не вошла. 111

151. Русалка не може переступыты круга. Русалка, напавъ на человека въ полѣ, не могла сдѣлать ему вреда, такъ какъ не имѣла возможности переступить черезъ кругъ, которымъ онъ себя очертилъ. 117.

152 Русалки гойдаются на гильнахъ,—это увидалъ въ лѣсу человекъ, и тогда русалки бросились за нимъ и такъ его испугали, что онъ на другой день умеръ. 117.

153. Одавъ русалкамъ дытя. Человекъ, когда на него напали въ полѣ русалки, пообѣщалъ имъ, за сохраненіе своей жизни, дитя. Возвратясь домой, онъ засталъ своего ребенка мертвымъ. 117—118.

154. Русалки залоскотали дытнуу. На хлопцевъ и дивчатъ напали русалки; всѣ убѣжали, кромѣ маленькой дѣвочки, и русалки защекотали ее. 118.

155. Добра смерть. I. Человекъ служилъ у хозяина за одинъ обѣдъ. Отлуживъ свой срокъ и, возвращаясь домой, встрѣтилъ Бога, затѣмъ смерть, которую онъ накормилъ, а она дала ему краюшку хлѣба, которую, когда онъ пришелъ домой, никакъ не могла съѣсть вся семья. Затѣмъ смерть пришла къ нему въ гости и сдѣлала такъ, что у него всѣ закромы стали полны хлѣба.—II. Человекъ покумился со смертью, и она ему

посоветывала лѣчить больныхъ: если она будетъ стоять у больного въ ногахъ, то пусть смѣло лѣчить, а если въ головахъ—больной умретъ. Человѣкъ объявилъ себя знахаремъ, многихъ будто бы вылѣчилъ и разбогатѣлъ. Наконецъ смерть пришла за нимъ самимъ. Увидѣвъ ее у себя въ головахъ, онъ нѣсколько разъ заставлялъ переставлять свою постель такъ, чтобы лежать къ смерти ногами; но смерть перемѣщалась вѣстѣ съ постелью, и человѣкъ долженъ былъ умереть. 118—124.

156. Смерть у выходе въ хату. Смерть вошла въ хату и вышла, и какъ разъ въ этотъ моментъ больной дитя умерло. 124.

157. Смерть домовною встрѣтилась двумъ женщинамъ, и одна изъ нихъ упала мертвою. 124.

158. Смерть зострила на вулицы. Женщина шла съ больнымъ ребенкомъ отъ знахарки, встрѣтила смерть, и дитя умерло. 125.

159. Манея звицае смерть, встрѣчаяся въ черной одеждѣ съ людьми или плача. 125—126

160. Смерть голосыла, идя на кладбище,—это значить, что будетъ эпидемія. 126.

161. Моровыця трычи на рынкъ ходытъ въ видѣ коровы по улицамъ и въ какой дворъ войдетъ,—тамъ передохнуть всѣ коровы и собаки. 126.

162. Моровыця конешъ. Ковскій скелетъ, обтянутый шкурою трижды пробѣжалъ ночью по селу,—будетъ моръ животныхъ. 126—127.

163 Моровыця лянае молодимъ, явившись ночью хлопцамъ и дѣвчатамъ въ страшномъ видѣ, съ блестящими глазами; при ея исчезновеніи ударилъ громъ. 127.

164. Чудо. За то, что мужъ и жена работали на праздникъ Чуда, оно явилось ночью, а нечистая сила такъ сдѣлала, что мужъ съѣлъ жену. 127—128.

359 Нечыста сыла у непосвяченій хати. Дѣдъ съ племянникомъ ночевали въ неосвященной хатѣ. Ночью вылетѣлъ изъ печи красный «коршикъ», перекусилъ глотку и поцарапалъ бокъ дѣду, а племяннику изорвалъ когтями грудь и вытанулъ языкъ. 387.

V. О мертвецахъ.

165. Мертва маты прылтайе до сына. Мать-упырь прилетаетъ на крыльяхъ къ сыну въ мельницу. Ее откапываютъ и пробиваютъ осиновыиъ коломиъ. 130.

166. Мертва ридна маты нападае, мертва хрещена обо-роняе. Дѣвушку, попавшую въ церковь въ то время, когда тамъ говѣли мертвецы, выводитъ оттуда крестная мать, чтобы спасти отъ родной, которая съѣла-бы дочь. Другая дѣвушка, въ подобномъ случаѣ, спасла себѣ жизнь тѣмъ, что, не переставая говорить съ родной матерью, уходила отъ нея, стоя къ ней лицомъ. 130—131.

167. Завишенный не мае на тмиъ свити спокою, — ходитъ по селу, поетъ, плачетъ. 131.

168. Мертви говіють на второй недѣлѣ великаго поста. 132.

169. Мертвыхъ треба поминаты. I. Къ женщицѣ, ничего не приготовившей на поминки «на диды», явились мертвецы, и она спаслась отъ нихъ только тѣмъ, что поставила имъ на окно бутылку съ водою и рюмку.—II. Умершая баба по ночамъ ходила въ свою хату и дѣлала всякія неприятности хозяевамъ; а какъ только стали ее поминать, — всеэто прекратилось. 132—133.

170. Пань-упырь. I. Умершіи пань ѣздилъ по Чернигову. Архіерей заклалъ его на Красноиъ мосту, и онъ провалился подъ мость. Затѣмъ его откапали и пробили осиновыиъ коломиъ. II. Тотъ же пань пропалъ въ болотѣ на Трисвятской греблѣ отъ проклятiя встрѣтившагося ему человека. 133—134.

171. Не беры ничего зъ мертвца. Дѣвушка встрѣтила мертвеца и сняла съ него платокъ. Мертвецъ явился за нимъ, заставилъ дѣвушку надѣтъ на него платокъ, схватилъ ее за руку и провалился вмѣстѣ съ нею. 134—135.

172. Макъ дермытъ мерца у труи. При похоронахъ за гробомъ мертвеца, въ которомъ предполагають упыря, сѣють «макъ-выдуду», также и въ гробъ кладутъ узелокъ съ макомъ. Тогда упырь, отправляясь съ кладбища, долженъ предварительно посчитать весь тотъ макъ, который у него въ гробу и на дорогѣ, чего онъ не можетъ уснѣтъ сдѣлать. Но одна баба-упырь все таки уснѣва-

ла и ходила въ свою хату до тѣхъ норъ, пока священникъ не закладъ ее. 136—137.

173. Мертва живе на земли. Мать молила Бога, чтобы хоть во снѣ увидѣть свою умершую дочь. Въ полнадцатый день она встрѣтила ее и ушла съ собою. Дочь жила у нея цѣлый годъ и затѣмъ исчезла въ тотъ-же самый день, въ какой явилась. 137.

174. Закладъ. Биться объ закладъ—грѣхъ. I. Парубокъ бился съ товарищами объ закладъ, что пойдетъ ночью на кладбище и прибыть къ кресту хустку. Но прибывая, онъ, невѣдомо для себя, прибилъ и свой рукавъ, и умеръ тамъ же со страху.—II. Подобное же (прикололъ къ земли свою ногу) и съ тѣмъ же результатомъ случилось съ парубкомъ, который бился объ закладъ, что оббѣжитъ ночью вокругъ старой богадѣльни, гдѣ жила нечистая сила.—III. Парубокъ, побившись объ закладъ, принесъ ночью съ колокольни языкъ церковнаго колокола; но что то бѣлое погналось за нимъ; всѣ парубки отнесли назадъ и повѣсили на мѣсто языкъ; но невѣдомая сила потребовала, чтобы виновникъ самъ его привѣсилъ. Тотъ отправился на колокольню и больше не возвратился: провалился сквозь землю. 137—142.

360. Мясаль-упырь. Солдатъ заходитъ въ пустую хату, гдѣ лежитъ мертвецъ, ѣсть и пить тамъ. Мертвецъ всталъ и задушилъ солдата. Двемъ упыря положили въ гробъ, другой солдатъ пробилъ его штыкомъ. Брызнула кровь, попала на ризу священнику, его подбросило высоко и убило. 387—388.

VI. О людяхъ съ чудесною силою (вѣдьмы, ворожки, волшебники и проч.)

175. Видьмы вчатся видьмыты. Костоправъ показавъ вѣдущей съ нихъ женщинѣ, какъ двѣ вѣдьмы доучивались своей наукой, стоя надъ берегомъ рѣки среди множества гадовъ. 144.

176. Въ науци у знахарни. Молодая женщина попросила знахарку научить ее «видьмуваты». Подробности науки, которая оказалась такою страшною, что ученица, все бросивъ, убѣжала съ перепугу. 145—147.

177. Одъ видьомъ—обереги. 147—148.

178. Якъ побачыты видьму—пять способовъ. 148.

179. Чымъ видьма являється. Разказы о явленіяхъ вѣдьмы: въ видѣ челоуѣка, оуцы, сороки, щенка, собаки, ката, сита, праныка, полотна, стѣны. 149—153.

180. Черезъ видьму убывъ чоловина. Вѣдьма вскочила на плечи одному челоуѣку, а другой, не зная того, что нужно бить не самую вѣдьму, а ея тѣнь, бросился бить ее и убилъ челоуѣка. 153.

181. Видьмы на Велыкденъ стараются прикоснуться къ ризѣ священника, но мужины отгоняють ихъ. Одна изъ вѣдьмы отомстила отгонявшему тѣмъ, что у него въ церкви опали штаны. 153—155.

182. Видьма на процессіи—не можетъ обойти вокругъ церкви трижды. 155.

183. Видьма вночи видьмуе. Дивчата заночевали у вѣдьмы, которая ночью раздѣлась и, съ пѣной у рта, начала бѣгать по хатѣ, ухвативъ «рубель и качалку». Испуганныя дивчата едва убѣжали при помощи ночного сторожа. 155.

184. Видьмыне молоко. Ночевавшій у бабы солдатъ видѣлъ, какъ она, возвратясь ночью, выблевывала изъ себя молоко. Утромъ онъ отказался его пить. 156.

185. Видьма продае масло. Вѣдьму, продававшую на базарѣ масло, панъ потащилъ въ полицію. Вѣдьма убѣжала, а за нею убѣжало и все масло изъ горшка. 156.

186. Будякове масло. Панъ не далъ поденнымъ работникамъ въ поле ничего, кромѣ хлѣба. Тогда одна женщина начала крутить верхній цвѣтокъ бѣлаго будяка и накрутила много масла, а пани жаловалась потомъ, что въ тотъ день не получила и капли масла отъ своихъ семи коровъ. 157.

187. Завитна и видьма. Когда крестьяне пригласили свя-

щеника вырвать въ житѣ завитку, прилетѣла вѣдьма и начала просить не трогать завитки, но ее не послушали. 158.

188. Видьмамъ треба поимъ съ купалового вогни, по-чему ояѣ и приходятъ за нимъ, когда хлопцы и дивчата разойдутся отъ огня. Но разъ двое хлопцевъ засѣли около остатковъ купальскаго огня, и одинъ изъ нихъ проганялъ отъ него вѣдьмъ дозою. 158.

189. Видьмамъ треба сыру зъ вареныма, що на заговны вариють. Если этого сыру оставить на ночь за зубами, то, шнѣя его, можно на Великдень увидать вѣдьмъ или вымѣнять за него неразѣнный рубль. Поэтому вѣдьмы стараются всякими способами похитить этотъ сыръ. 159—160.

190. Видьма ираде нехрещену дытну, а чтобы избѣжать этого, необходимо имѣть горящую свѣчу въ той хатѣ, гдѣ есть некрещеный ребенокъ. 160.

191. Видьма выпльовуе часточку св. Даровъ, которая превращается въ пчелку и улетаетъ вверхъ. 160.

192. Видьма здѣймае зирны зъ неба. Одна вѣдьма это сдѣлала и запрятала звѣзду въ горшкѣ въ погребѣ; но дѣти, играя, выпустили ее. Оттого и звѣздъ меньше стало, что вѣдьмы ихъ снимають. 160—161.

193. Видьма бойтися йирчуна и потому гдѣ таковой окажется, убиваетъ его. 161—162.

194. Видьмы возылы видьмана. Вѣдьмы, разсердясь на одного человѣка, который постоянно на нихъ указывалъ людямъ, вывели его во время сна на возу «на разстаньки». Но человекъ этотъ былъ видьмакъ и сдѣлалъ такъ, что вѣдьмы не могли уйти отъ воза до тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не отпустилъ.

195. Дядько Хведиръ знахарь—однимъ своимъ желаніемъ онъ останавливаетъ лошадей или мельницу, заставляя даже колесо ее вертѣться въ обратную сторону; если онъ захочетъ, то ружье не стрѣляетъ, рыба не ловится, дорога не находится, велосипедистъ падаетъ съ велосипеда. 163—166.

196. Видьманъ занастывъ чоловина—за то, что тотъ вкосился въ его сѣно: только глянулъ на него, тотъ заболѣлъ и умеръ. 166—167.

197. Свещоръ воромбытъ. Невѣстка не захотѣла податъ свекру воды и ушла, но не могла найти дороги и должна была возвратиться назадъ; подавъ воду, получила способность находить дорогу. 167.

198. Ягъ знахарь дебувавъ горилку. Знахарь служилъ у еврея старшинъ рыбакомъ, и если еврей не давалъ ему водки, то онъ свистомъ сзывалъ въ его хату гадовъ и держалъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не получалъ водки. 167—168.

199. Ягъ коняча шкура ползла у шныкъ. Шинкаръ, желая, чтобы богатый хозяинъ распялся, попросилъ его найничку добыть ему волосъ козявна. Та принесла ему волосъ съ ковской шкуры, которая сама собою ползла въ шинокъ. 168.

200. Гончаръ видѣманъ. Хлопецъ прогналъ гончара съ его мѣста, а тотъ сдѣлалъ такъ, что у хлопца голова повернулась задомъ напередъ. По просьбѣ матери потерпѣвшаго гончаръ возвратилъ ему прежній видъ. 168—169.

201. Лытвинъ поробывъ, ще носналъ летивъ. Солдатъ отказался поподчивать бѣлорусса водкою, за что тотъ такъ сдѣлалъ, что солдатъ полетѣлъ по воздуху. Знающій человекъ сьужѣлъ спустить его на землю. 169—170.

202. Лытвинъ одъ чаривъ вызволяе. Въ Нѣжинѣ одинъ парубокъ посваталъ дѣвушку, которая не знала, что у жениха была другая и двое дѣтей отъ нея. Покинутаая обсыпала «молоду» макнѣи то зельемъ при выходѣ ея изъ церкви, и та сошла съ ума. Случайно заѣхавшій въ хату бѣлорусъ вылѣчилъ ее своими шентавьями. 170—173.

203. Ягъ лытвинъ дывчину помаравъ. Дѣвчина украла два горшка у бѣлорусса-гончара, но онъ сдѣлалъ такъ, что она никакъ не могла дойти доокоя, а всю ночь и утро ходила отъ воза къ своему двору и обратно. 173—174.

204. Лытвинъ просывъ воды. Дѣвчата, идя въ поле жать, не дали воды бѣлоруссу-гончару. Изъ вода превратилась въ вѣну и вылилась на землю. 174.

205. Вовкуланъ переводючь черезъ конуть. Оскербленый на свадьбѣ «бойрынъ» перевелъ «молодыхъ» черезъ конуть,

и они превратились въ вовкулаковъ. Одного изъ нихъ, жену, поймали и возвратили ей прежній видъ, переведа черезъ хомутъ, а другой, мужъ, и до сихъ поръ бѣгаетъ. 175.

206. Панъ вовнулавою робить. Панъ превратилъ мужика въ волка; случайно этотъ волкъ забѣжалъ во дворъ къ прирожденному вовкулаку; послѣдній сорвалъ съ него шкуру и возвратилъ ему человѣческій видъ. 175—176.

361. Щобъ видьма не влизла—подъ Ивана Купала за-тыкають крапиву за окна. 388.

VII. О вкладахъ.

207. Скарбъ парубкомъ явился къ женщинѣ въ хату подъ Велькдень, прося ѣсть, и рассыпался деньгами отъ удара кочергою. 178.

208. Скарбъ у скрини появился ночью и надъ нимъ горѣла свѣчка. Хлопецъ дважды бралъ изъ него червонцы, а въ третій разъ скриня захлопнулась и провалилась сквозь землю и вышла потомъ вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимъ. 178—179.

209. Пожаливъ табану и утерьявъ скарбъ. Голосъ изъ оказавшейся въ лозахъ скрини попросилъ у прохожаго понюхать, а когда тотъ отказалъ, кладъ провалился. 179.

210. Скарбъ—Мазепина карета. I. Увидѣвъ свѣчу въ полѣ, человѣкъ бросилъ на то мѣсто носъ, но кладъ захохоталъ внизъ и свѣча потухла. Это была или Мазепина золотая карета, или скриня червонцевъ.—II. На мѣстѣ, гдѣ захпана около Выбель Мазепина золотая корета, полная денегъ, подъ землею грохочетъ и земля колыхается; но на Велькдень, при извѣстныхъ условіяхъ, можно откопать этотъ скарбъ.—III. Черезъ каждые три года Мазепина карета выходитъ на верхъ и бѣгаетъ надъ Десною въ видѣ коня, котораго и видѣли бабы. 179—181.

211. Злянався скарбу.—Кладъ явился человѣку въ видѣ скрини съ деньгами; онъ хотѣлъ было ихъ брать, но испугался и убѣжалъ. 181.

212. Скарбъ знимае одъ хреста. Человѣкъ выкопалъ два

сундука денегъ; предъ тѣмъ какъ братъ ихъ, жена его перекрестилась, и сундуки съ деньгами превратились въ гнилыя колоды. 181—182.

213. Снарбъ коровою, а также и другими животными, а именно: а) коровою, которая разсыпалась деньгами отъ удара, б) бѣлымъ кошемъ,—такой кладъ всегда на бѣду людямъ и его не слѣдуетъ брать; братъ кладъ можно, когда онъ является медвѣдемъ, волкомъ, свѣчкою; а кладъ, являющійся въ видѣ бѣлаго коня, кладутъ недобрые люди, какъ и здѣсь,—Шведы во время Мазепы.—Три разсказа о копаніи кладовъ, при чемъ въ одномъ случаѣ знахарь находитъ кладъ палочкою, но кладъ проваливается, такъ какъ копавшіе разсердили его бранью. 182—186.

214. Шнарбъ и панська мода. Человѣкъ откопалъ кладъ, но кладъ былъ съ заклятіемъ: имъ могъ пользоваться только тотъ, кто съѣстъ лежавшія на котелкѣ человѣческія испраженія. Пришлось исполнить это, и человѣкъ разбогатѣлъ. Его жена захотѣла одѣваться по пански, но, вмѣсто панскаго платья, надѣла воловью кожу съ рогами, за что ее и выгнали изъ церкви. 187—188.

VIII.

215. Каянова мѣуина была первою вѣдьмою и ходила донть коровъ Авелевой жены. Ей встрѣтился «богъ Валосько», но не могъ ей воспрепятствовать, а она заставила его стоять неподвижно на мѣстѣ. 190—191.

216. Громницы—праздникъ «на другой день після дарной недѣли»: когда воскресій Спаситель сошелъ въ адъ, то мертвецы отъ радости стали цѣловаться и обниматься; Господь, видя, что ихъ никакъ нельзя развести, загремѣлъ громомъ и только тогда они съ испугу разнялись. 191.

217. Чоловинъ у Бога. Богъ былъ въ гостяхъ у человѣка Пылыпъ, пригласилъ его къ себѣ и прислалъ за нимъ бѣлаго коня. По дорогѣ Пылыпъ видитъ: а) человѣка, бьющагося объ стѣны, б) человѣка, стоящаго въ водѣ и просящаго пить,

в) человѣка, переливающего изъ ковша въ ковшъ воду. Богъ объясняетъ, что это наказываются три грѣшника: а) не пустившій прохожаго въ ятель въ хату, б) не давшій жаждавшему воды, в) шинкарь, подливавшій въ водку воду. 191—193.

218. Богъ лучше знае, чего намъ треба. Человѣкъ угодилъ Богу, и за это Богъ ему далъ то, чего тому хотѣлось: возможности имѣть всегда, когда захочешь, дождь. Но хотя дождь и шелъ во время, однако человѣкъ забылъ попросить на время цвѣтонія пшеницы легкаго вѣтерка, и оттого пшеница уродилась безъ зерна. 193.

219. Камьяный горохъ. Сѣявшій горохъ человѣкъ на вопросъ Божіей Матери сказалъ, что онъ сѣетъ камень, и выросшій горохъ оказался съ каменными зернами. Одну такую горошину принесть человѣкъ изъ Іерусалима. 194.

220. Среда и пятница караютъ людей. Среда и пятница, въ видѣ двухъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ, ходятъ въ полночь по селу и спорятъ, какую кару на людей послать: моръ и пожаръ или голодъ и войну. 194.

221. Среда и пятница гниваются, що люде ихъ не шанують. Человѣкъ, заночевавшій въ пустой хатѣ, услышалъ жалобы пришедшихъ туда среды и пятницы на то, что первую колятъ, а вторую замазываютъ и засыпаютъ кострицею. Онѣ приказываютъ въ среду не шить, а въ пятницу не мазать и не ирять. 194—195.

222. Среда штовкнула съ мѣста спавшаго человѣка за то, что онъ въ среду вечеромъ ѣлъ сало, заявивъ, что среда уже спать лягла. 195.

223. Про Ерусалимъ. Одинъ здоровый парубокъ возвратился изъ Іерусалима больнымъ, такъ какъ за созерцаніемъ чудесъ забывалъ ѣсть. Тамъ, на Аѳонской горѣ, живетъ и Божія Матерь. Туда не пускаютъ женщинъ; одна женщина переодѣлась мужчиною и начала всходить на гору, но сорвалась и свалилась внизъ. Божія Матерь питается лишь святымъ духомъ, съ нея срисовали и прислали къ намъ икону. 195—196.

224. Хлопецъ, монахи и снарбъ. На болотѣ Трубайлѣ

стояла статуя человека съ надписью о томъ, что кто попадетъ ей въ голову, тотъ найдетъ деньги. Мальчикъ догадался, что нужно копать тамъ, гдѣ падаетъ тѣнь отъ головы статуи. Выкопавъ чугунный сундукъ съ деньгами и не будучи въ состояніи его поднять, онъ обратился къ игумену Михайловскаго монастыря; послѣдній послалъ съ нимъ двухъ монаховъ. Монахи утопили мальчика, а деньги взяли себѣ. Но мальчикъ остался невредимъ и вышелъ подъ престоломъ въ монастырь. Освобожденный оттуда, онъ обвинилъ монаховъ. 196—198.

225. Де больше празными—объ этомъ заспорили еврей и христіанинъ и рѣшили за каждый праздникъ вырывать по волоску изъ бороды: еврей за еврейскіе праздники у христіанина и наоборотъ. Побѣдителемъ остался христіанинъ. 198—200.

226. Чы Великдень вельмый донь? Это хотѣла узнать баба и пропала цѣлый первый день праздника въ погребѣ; день оказался такинъ же, какъ и въ филиповки. 200.

227. Непысьменный пипъ—находить каждый разъ причину не говорить проповѣди. 200—201.

228. Дви преповиди надъ покойникомъ—украинца и блоруца.—201.

229. Помымысь. Архіерей, услышавъ сильный голосъ плотовщика, сдѣлалъ его дьячкомъ; но дьячекъ какъ то разъ забылся и крикнулъ въ церкви вмѣсто «Многія гѣта»—«Прычальей!» Былъ изгнанъ. 201—202.

230. Жарына. Пріѣхалъ священникъ въ село, гдѣ люди никогда не были въ церкви. Онъ велѣлъ имъ слѣдовать,—когда они находятся въ—церкви, его примѣру. Но случайно ему упалъ за голенище сапога горящій уголекъ изъ кадилъницы. Онъ началъ тонать ногою, разуваться и проч., а міряне подражали ему. 202—203.

231. Хытрый бляхаръ, желая на обѣдъ самъ ѣсть куринное мясо, котораго ему не доставалось за священникомъ, сказалъ послѣднему, что бабы для священника рѣжутъ надыхающихъ курей. Священникъ послѣ того никогда не ѣлъ принесеннаго прихожанами мяса. 203—204.

232. Незвычайна хазяйна запряталась на печь (на чердакъ) отъ священника, пришедшаго съ молитвою, но такъ, что видны были ея ноги (юбка); священникъ (діаконъ) посоветывалъ ей брать съ собою, уходя, и ноги (не вѣшать юбки). 203—204.

233. Страшный судъ. Жгли жуковъ на свекловичн. плантаціи, а въ народѣ распространился слухъ, что уже земля горитъ и начинается страшный судъ. Ошибка обнаружена была осавлюю, приказавшимъ идти ловить жуковъ. 205—206.

IX. О явленіяхъ жизни семейной и общественной.

234. Вирна друмына. Чумакъ и его жена дали другъ другу обѣтъ въ вѣрности и, на время отсутствія перваго, надѣли онъ и она бѣлыя сорочки: кто согрѣшитъ, у того сорочка почернѣетъ. Узнавъ объ этомъ, встрѣтившійся чумаку купецъ бьется объ закладъ съ послѣднимъ, что онъ соблазнитъ его жену, ѣдетъ къ ней, принуждаетъ ее провести съ нимъ ночь, но она подиѣвила и вмѣсто себя подставила вдову, у которой и отрѣзалъ въ доказательство своей побѣды косу. По возвращеніи чумака оказывается, что купецъ ошибся. 208—210.

235. Хытра жинна силится залутаннымъ счетомъ скрыть отъ мужа растрату денегъ. 210.

236. Ленива жинна не пряде. Жена все откладывала пряденье до самой страстной субботы. Чтобы избавиться отъ нареканій мужа, она положила въ чугуны, подъ видомъ полотна, ленъ и конопля и начала парить, а мужъ долженъ былъ не пускать собаки-кудлы, иначе полотна «покудлаться». Заманивъ хлѣбомъ кудлу въ хату, жена обвинила мужа въ портѣ полотень. 211.

237. Ленива жинна чоловина на смерть убирае. Мужъ укорялъ жену, не любившую прастъ, что ей не во что будетъ и одѣтъ его на смерть. Притворился мертвымъ, и жена одѣла его въ сѣтъ. Онъ побилъ ее. 211—212.

238. Жинна безъ десятойи клепки. Жена, продала на базарѣ еврею яйца; деньги онъ долженъ былъ принести изъ

дому, а чтобы легче другъ друга узнать, онъ предложилъ ей одѣть свое негодное пальто, а самъ надѣлъ ея хорошій козухъ, съ которымъ и исчезъ. Услышавъ отъ мужа, что у нея нѣтъ «десятойи клепки», она упросила бондаря сдѣлать ее ей и зашлатила за это большини саломъ. 212—213.

239. Якъ минну ярмалокъ налянавъ. Жена, не бывъ никогда на ярмаркѣ, все приставала къ мужу, чтобы онъ ее туда повезъ. Мужъ повезъ, но подговорилъ полицейскаго назваться «ярмаркомъ» и побить его жену. Увидѣвъ послѣ этого въ церкви солдата, испуганная женщина убѣжала, подумавъ, что это «ярмарокъ». 213—214.

240. Момоча пошесть. Жена больна: лежитъ безъ присыпу и ѣсть безъ пощады. 214.

241. Чы момна миннамъ правду казаты. Желая провѣрить свою жену, мужъ сказалъ за тайну, что у него вылетѣла изо рта ворона. Жена рассказала о двухъ воронахъ и въ концѣ концовъ дошло до разбора дѣла на сходкѣ по обвиненію мужа въ излетѣ изъ него 12 воронъ. 214—215.

242. Батьнова правда. Умирая, отецъ приказалъ сыну съ паномъ не кумиться, съ евреями не брататься, женѣ правды не говорить, чужихъ дѣтей не усыновлять, собакѣ не вѣрить. Сынъ сдѣлался у пана приказчикомъ и покумился съ нимъ; послѣдній, отлѣзжая, поручилъ ему своего сокола. Желая провѣрить отцову правду, приказчикъ сказалъ женѣ какъ тайну, будто бы онъ зарѣзалъ сокола; жена сообщила кумѣ и т. д. Панъ хочетъ повѣсить приказчика, но дозволяетъ ему попроситься съ родичами. Приказчикъ идетъ изъ дому,—на него бросается собств. собака, еврей не отдаетъ денегъ, а приемышь готовъ за деньги принять на себя обязанности его палача. Въ концѣ концовъ приказчикъ разъясняетъ все дѣло. 215—217.

243. Удова. Обычай бросать во дворъ вдовы дрова, дерево. 218.

244. Недогадыва дочка, услышавъ отъ матери приказаніе мѣсить хлѣбъ, пока «съ стрихи почне капаты», все ходитъ смотрѣть стриху; а оказывается, что мать говорила о потѣ со лба. 218.

245. Якъ сыны мырылы батьмивъ. Сынвья хотѣли разнять дерущихся отца и мать, но потомъ рѣшили оставить ихъ, т. к. они сами родные братья, а тѣ «зводни черти». 219.

246. Батьмивъ промльонъ. Сынъ обращался съ отцомъ грубо, а когда тотъ заболѣлъ, оставлялъ его голодать. Отецъ проклялъ сына, вслѣдствіе чего онъ постепенно обѣдѣлъ, онъ и жена распьянствовались, самъ онъ умеръ отъ голода, понавъ пьяный въ пашенную яму, изъ которой не могъ выльзть, а жена—отъ пьянства. 219—226.

247. Сила клятвы. Умирая, отецъ-вдовецъ поручилъ своихъ малолѣтнихъ сыновей и ихъ имущество пріятелю, который поѣхалъ быть имъ вѣсто отца. Но, желая забрать итѣнне сиротъ, опекунъ отравилъ одного сына мышьякомъ, а другого рѣшилъ зарѣзать и отправилъ его на ночлегъ въ поле. Но сила клятвы покарала его: случайно вѣсто сироты поѣхалъ собств. сынъ опекуна, котораго послѣдній и зарѣзалъ. 227—236.

248. Гарно, якъ батьмо вмирае—такъ говорилъ малонькій мальчикъ убогой семьи, т. к., по случаю поминковъ покойника, было вдоволь ѣды. 237.

249. Одурена дивчына. Глухая дивчына жаловалась, что ее никто не сватааетъ. Парубокъ подслушалъ и предложилъ ей сдѣлаться его женой, убѣжавъ отъ матери и забравъ все приданое. Увези дивчыну съ скрынями, онъ повозилъ ее по селу и снова привезъ къ ея же хатѣ, которой она не узнала, а самъ скрылся съ скрынями. 237—238.

250. Брехливый староста. Сватъ посваталъ дивчыну для лѣнниваго парубка, выставивъ его работающимъ при помощи двузначнаго выраженія, потомъ истина обнаружилась. 238—239.

251. Якъ невестна маныла свиней—не разобравъ указанія свекрухи, она звала ихъ фразою «якъ у васъ, такъ и въ насъ». 239.

252. Якъ невестка навчылася свекруху шануваты. Въ семьѣ жили двѣ матери: мать мужа и мать жены. По требованію жены мужъ отвезъ свою мать въ поле. Къ ней приходитъ Морозъ и за ея вѣжливыя отвѣты награждаетъ ее шубою, послѣ

чего она возвращается домой. Позавидовавъ мужѣ, жена отправляетъ въ поле свою мать, которую Марезъ за грубость заморозилъ. Невѣстка стала тогда уважать свекровь. 240—242.

253. Якъ навчено лмыву немноту робыты. Отецъ и мать избаловали свою дочь, кот. ничего не хотѣла дѣлать. Когда она вышла замужъ, то въ семьѣ мужа ее приучили работать, обусловивъ полученіе нищи исполненіемъ работы. 242—246.

254. Хлѣбъ. Человѣку тяжело было нести хлѣбъ и онъ бросилъ его на дорогѣ. Проголодавшисъ, долженъ былъ вернуться за хлѣбомъ, сказавъ, что не онъ хлѣбъ несетъ, а хлѣбъ его несетъ. 246.

255. Якъ селянынъ піймавъ волна. Ночью волкъ забрался въ кошару; когда хозяинъ пошелъ туда, то волкъ, высканивая, попалъ ему промежъ ногъ, и человѣкъ воѣхалъ верхомъ на волкѣ. Волкъ съ перепугу издохъ, да и человѣкъ перепугался. 246—247.

256. Человикъ, заваленный у глыныци. Человѣка завалило глынице, его сочли тамъ похороненнымъ и отслужили надъ нимъ похоронную службу. Но онъ былъ живъ, выбрался и пришелъ ночью домой. Тамъ всѣ испугались, думая, что это мертвецъ. 247—250.

257. Лмы лмывому. Крестьянинъ попросилъ доктора вылѣчить его воловъ отъ лѣности; докторъ помазалъ имъ подъ хвостами скипидаромъ, отчего волю любѣжали. Не будучи въ состояніи ихъ догнать, крестьянинъ попросилъ доктора и ему сдѣлать то-же. 251.

258. Выпытавъ. Посредствомъ хитрости хозяинъ узналъ, что просившій у него топора парубокъ рубить дрова на землѣ, и не далъ ему топора. 251.

259. Якъ чоловикъ гостей пріймавъ. Хозяинъ такъ заговорился, что забылъ подчивать гостей и самъ съ женою выпилъ всю водку. 251.

260. Добри люде. Нѣтъ надобности въ собакахъ: люди «оббрешутъ». 252.

261. Убогій за столомъ у попа. Вѣдникъ и богатъ держали пари, что священникъ приметъ перваго лучше, чѣмъ вто-

рого. Вѣдникъ достигаетъ почетнаго приѣма, сказавъ священнику, что онъ нашелъ кладъ—боченокъ золота. 252—254.

262. Якъ куна куму не послушала. Куна просила куму помочь ей жать, но та отказалась подъ тѣмъ предлогомъ, что «жибырь колется». Но когда отказавшая въ помощи явилась къ кумѣ зною просить муки, то та отказала ей подъ тѣмъ же предлогомъ. 254—255.

263. Лакей и наймытъ не одно. Разговоръ, изъ котораго оказывается, что въ понятіяхъ крестьянъ должность лакея унижательна. 255—256.

264. Злодій жалуется, что нѣтъ удачи съ тѣхъ поръ, какъ началъ водить вмѣсто лошадей воловъ. 256.

265. Пре воровство. Кумъ укралъ у кума медъ на пасѣкѣ, а другой человекъ подсмотрѣлъ и потомъ указалъ вора. 256—260.

266. Писарь—требовалъ, чтобы отецъ ругалъ курицу словами: «Штобъ тебя писарь искушалъ». Отецъ принялъ это въ котенку. 260.

267. Судди. Вирша, описывающая несправедливый судъ волостныхъ судей-пьяницъ. 260—262.

268. Хытрый человекъ—заставилъ пана ловкою фразою отдать захваченные паномъ волю. 262—263.

269. Добре росназавъ. Панъ нобилъ не понимающаго словъ наймита; послѣдній находитъ этотъ приѣмъ подобающимъ способомъ разъясненія. 263.

270. Снупый панъ заставлялъ повара покупать все подешвле. Тотъ ему купилъ «хлякивъ» и сдѣлалъ обидное предложеніе. 263.

271. Допытався. Малорусская передѣлка фамиліи кн. Гоженлого. 263—264.

272. Черезъ чай сварна. Панъ угощалъ мужиковъ чаемъ: одному далъ съ сахаромъ, другому безъ, а третьему съ солью. Первый хвалилъ чай, второй былъ къ нему равнодушенъ, а третій находилъ его нигуда не годнымъ. 264.

273. Хто сильно чаю пье—выходить, что больше всѣхъ—мужикъ. 265.

274. Пехвалымъ. Деньщикъ сравнилъ офицера со львомъ при чемъ оказалось, что львомъ называется у него животное, на кот. възжалъ І. Христось въ Іерусалимъ. 265.

275. Одмова не щыросты. Денщикъ разъясняетъ офицеру, почему прислали къ нему самого плохого деньщика. 265.

276. Москали вкрали гуску и запрятали ее въ барабанъ, почему во время обыска ее и не могли найти. 266.

277. Москали вкрали корову, зарѣзали и во время обыска положили ее на столъ подъ шинель какъ будто покойника-солдата. 266—267.

278. Москали крадутъ масло—у бабы на базарѣ. 267.

279. Козаны вкрали коецъ зъ гусьмы у еврея, который поэтому не находилъ ничего удивительнаго въ томъ, что они потомъ взяли Плевну. 267—268.

280. Два звоцныны—малороссъ и великороссъ, заспоривъ изъ за пассажира, говорятъ оскорбительныя вещи относительно происхожденія «хохла» и «кацапа». 268.

281. Хохлу не давай объясняться а просто бей—это сказалъ панъ, ревизовавшій писаря, и старосту, которые очень удачно изворачивались во время объясненій. 269.

282. Не зрозумили. Вѣлороссъ и малороссъ, говоря объ одномъ (потерянной торбѣ), считаютъ, вслѣдств. непониманія языка, что говорятъ о различномъ. 269.

283. Лытвыны помынають дидимъ и сильно объѣдаются при згомъ. 270.

284. Цыганъ у монастыри. Сперва ему тамъ понравилось, но потомъ онъ такъ отощалъ на постной пищѣ, что совѣтывалъ челоувѣку, хотѣвшему повѣсить собаку, отвести ее въ монастырь: тамъ она издохнетъ отъ голода. 270—271.

285. Цыганъ зъ того свиту. Цыганъ совѣтуетъ, чтобы покойнику положили хлѣба, т. к. онъ самъ на тотъ свѣтъ былъ, но отъ голода долженъ былъ возвратиться. 272.

286. Обое иращи. Цыгану предоставили выбрать себѣ для ѣды что ему лучше: или сало, или поросятину. Цыганъ находить лучшимъ и то, и другое. 272.

287. Поповна за цыганомъ. Поповна влюбелась въ цыгана, вышла за него замужъ, но не могла жить цыганской жизнью и убѣжала къ отцу. 272—283.

288. Жыдъ-выхрестъ находитъ, что за крещеніе его на- левького сына слѣдуетъ брать дешевле, чѣмъ за крещеніе стар- шаго. 283.

362. Про жинку скупого чоловина. Скупой мужъ плохо обращался со своею женою. По совѣту священника, она при- творно умираетъ, скрывается у священника, а хоронятъ пустой гробъ. Мужъ узнаетъ всю тяжесть жизни вдовца съ малыши дѣтьми. Встрѣчаетъ свою жену у священника, женится на ней какъ на второй женѣ и старается изо всѣхъ силъ ей угождать. 388—391.

363. Стрыжено! Стрыжено! Мужъ утверждалъ, что ячень скошено, жена, что его острижено. Поссорились, мужъ бьетъ ее, желая заставить согласиться съ собою, бросаетъ въ воду, но она и утопая показываетъ изъ воды пальцами, что стрижено. Мужъ спасаетъ ее. 391—393.

364. Чортъ посварывъ чоловина зъ жинною. Желая пос- сорить хорошо жившихъ мужа съ женою, чертъ сказалъ женѣ, что мужъ умретъ, если жена не отрѣжетъ ему бритвою подъ бо- родою три волоска; а мужу, что жена его хочетъ зарѣзать. Увидѣвъ въ рукахъ у жены бритву, мужъ едва ее не убилъ. 393—395.

365. Якъ жинка чоловина вбывала. Жена взяла у док- тора мышьяку, чтобы отравить мужа. Докторъ его предупреж- даетъ. Мужъ притворяется отравленнымъ, мертвымъ. Жена хочетъ еще и повѣсить его, на время уходитъ, а мужъ привязываетъ вмѣсто себя товкачъ. Въ темнотѣ жена вѣшаетъ его вмѣсто мужа и объявляетъ людямъ, что ея мужъ повѣсился. Все от- крывается. 395—398.

366. Старшина, котораго судъ лишилъ правъ состоянія и устранилъ отъ должности, благодаритъ и проситъ еще и объ освобожденіи отъ натуральныхъ повинностей. 398.

367. Старцевы гроши Нищій умеръ и въ его святѣ нашлъ защитыми много денегъ, на кот. купили свиней. Свиньи про- ѣли всѣ деньги нищаго, поѣли другъ друга. Оставшійся кабанъ разрылъ могилу нищаго и умеръ на его гробу. 398—399.

368. Про добру панію. Крѣпостные плакали о смерти доброй помѣщицы, учившей, кромѣ того, ихъ козяйничать и постоянно за нее молились. 400.

396. Догадавсь. Соблазненный тѣмъ, что бѣднякъ за два вырощенные зимою огурца получилъ отъ пана пару воловъ, богачъ повезъ къ послѣднему лѣтомъ возъ огурцовъ. Панъ велѣлъ его бить этими огурцами. Мужикъ находитъ, что онъ былъ очень догадливъ, не привезя еще и зрбузовъ, взять которые совѣтывала ему жена. 400—401.

Х. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

289. Б.-та Ю. Хмельныци. Ю. Хмѣльницкій возсталъ противъ отца и сбилъ верхъ съ отцовской церкви въ Суботовѣ. 288.

290. Б. Хмельныцый та король. Б. Хмѣльницкій взбунтовался, но былъ пойманъ и приведенъ предъ короля, кот. его и простилъ. 287.

291. Про Хмилныцыйныхъ, про Мамай. Сынъ Хмѣльницкаго по бусурманялся, возсталъ противъ отца и сбилъ верхъ съ церкви въ Суботовѣ, желая найти тамъ деньги. За это онъ и до сихъ поръ бродитъ въ лѣсахъ, и зѣбя сосеть его сердце. Послѣ Хи. былъ съ запорожцами козакъ Мамай, въ честь его названъ Мамаемъ дубъ, подъ кот. былъ его лагерь. 287—288.

292. Орда въ Ведмедивку вошла при помощи измѣнника; село обороняла попадья. 288.

293. Про Палія. Палій застрѣдилъ (сжегъ своимъ выстрѣломъ черта), за что и прозванъ былъ Палиемъ. Онъ сталъ пьянствовать и заложилъ у Мошки свою сивую кобылу. Когда Мазепа возсталъ противъ царицы Екатерины, Потежкинъ посовѣтывалъ пригласить Палія. Палій перебираетъ лошадей, отыскивая свою кобылу и выставляетъ свое знамя, увидѣвъ которое Мазепа смиряется. 288—291.

294. Мазепина хрещениця. Къ стоявшему у Мазепина дома въ Черниговѣ часовому подошла женщина, прося креста. Онъ не далъ. Это Мазепина крестная дочь, выходящая на землю черезъ каждыя 7 лѣтъ. 591.

295. Гайдамаки. Разсказъ о кошовомъ запорожскомъ (?), вербовавшемъ гайдамакъ и трехъ гайдамацкихъ атаманатъ его ученикахъ: Гордіѣ Саповичѣ, Бондаренко и Рацьовѣ; плѣнь семьи Саповича татарами, освобожденіе и похороны ея; набѣги Бондаренка на поляковъ, пѣсня о немъ и Якименкѣ, смерть Бондаренка Рацьовъ былъ и чушаконъ. 291—295.

296. Гайдамаки у Нанови. Сожженіе и разграбленіе Канева гайдамаками; битва гайдамаковъ съ гетманцами; гайдамаки—«характерныкы»; Хмѣльницкій — гайдамацкій полковникъ. 295—297.

297. Золота грамота. Притѣсненія поляковъ; монахи Николаевскаго монастыря поддѣлали и дали запорожцамъ золотую грамоту отъ имени царицы, съ позволеніемъ рѣзать поляковъ. Восстаніе и еще худшія притѣсненія со стороны поляковъ. 296—297.

298. Понятовскій та царица Катерина. Понятовскаго паны хотѣли убить; онъ не захотѣлъ быть королемъ, подарилъ Екатеринѣ Польшу, а она сдѣлала его министромъ въ Петербургѣ. 297—298.

299. Конфедераты. Паны взбунтовались противъ своего короля, а такъ какъ до него далеко, то они мучили народъ. 298.

300 Запорожцы на Кубани. Насмѣшка надъ черноморскими козаками, жаловавшимися на свою плохую жизнь. 298—299.

301. Про смерть мозака Половаго, возвратившагося съ Гладкихъ изъ Турціи. Онъ приказалъ вывести себя въ поле и умеръ, обратившись лицомъ къ мѣсту бывшей Сѣчи. 299.

302 Звидны узялась панщина—о томъ, какъ паны постепенно обратили свободныхъ людей въ крѣпостныхъ. 300—301.

303. Кармалюкъ. I. Баба, встрѣтивъ въ лѣсу Кармалюка и не зная его въ лицо, бранила его. За это онъ подковалъ ее. II. Кармалюкъ далъ бѣдняку денегъ и велѣлъ ему устроить балъ, на который обѣщалъ явиться. Панъ, узнавъ о балѣ у мужика

отправился туда съ дѣлюю наказать мужика, а Кармелюкъ тѣмъ временемъ ограбилъ пана. 302—304.

304. Писня про Кармалюка будто бы заклата въ Пакульской церкви, т. е. ее пѣлъ нечистый. 305.

305. Крипаны домыдали воли и дарили тѣмъ ногли того, кто предвѣщалъ имъ скорое освобожденіе. 306.

306. Про Т. Шевченка. Шевченко является людянь трижды въ день: мальчкомъ, взрослымъ и старикомъ. 306.

ХІ. Преданія о мѣстностяхъ.

307. Преданіе о ручьѣ Буковище въ с. Юриновкѣ Нозгородсѣверскаго уѣзда. Въ рѣчкѣ Буковище утопилась дочь вѣдьмы; вѣдьма заклала рѣчку, и послѣдняя, въ видѣ дѣвушки, перешла въ Вѣлицу. 308—310.

308. Озеро Синее. Въ лѣсу жили братья кузнецы Кузьма и Демьянъ. Появилась змѣюка, пожиравшая людей и звѣрей. Она напала на кузню братьевъ и прогрызала двери. Братья ухватили ее за языкъ раскаленными клещами, запрягли въ соху и проорали ею ровъ до озера; здѣсь она начала пить воду и лопнула, отчего вода въ озерѣ провонялась и посинѣла. 310—311.

309. Про Глуховъ. Разсказъ старожила о расположеніи и постройкахъ Глухова въ прежнее время, о пожрѣ 1784 г., о ярмаркѣ и подынной подати. 313—315.

310. Преданіе о построеніи церкви св. Іліи. въ Черниговѣ, выстроенной будто бы по праздникамъ каменщиками, достроившими соборъ Мстислава. 315—316.

311. О м. Красномъ Колядинѣ Нонотонск. у. I. Рѣка Ромень высохла отъ проклятія цари Покорской, сынъ которой утонулъ въ Ромнѣ.—II. Нападеніе гайдамаковъ на жившаго въ Колядинѣ поляка Коляду; спрятанный имъ подъ воду кладъ.—III. О провалѣ церкви сквозь землю. 316—318.

312. М. Понорница Кролевецк. у. Объясненіе названія мѣстечка прозваніемъ основателя поселенія. 318—320.

313. Легенда о Поганомъ полѣ. Во времена Мазепы шве-

ды поймали двухъ дѣвчатъ: Катрю и Фесю; продержавъ недѣлю, отпустили. У обѣихъ родились дѣти, но Феся уморила своего ребенка и поэтому ее оставили безъ наказанія за пребываніе у шведовъ; а Катрю родной отецъ Миронъ живую закопалъ вѣсть съ ребенкомъ въ землю. Ночью сдѣлалась страшная буря, напугавшая Мирона. Терзаемый совѣстью, онъ умеръ. Земля его не принимала, пока не заклилъ его священникъ; но семь лѣтъ ежегодно въ ночь его преступленія поднималась буря и изъ могилы Катри слышалась мольба о прощеніи. 320—325.

314. Могила Деречыха Во время нашествія шведовъ послѣдніе забирали народъ. Гетманъ выслалъ противъ нихъ своего сына. Они его отравили. Не имѣя войска, онъ устроилъ на Деречихѣ мельницу съ барабанами, которые такъ напугали шведовъ, что послѣдніе ушли. 326—327.

315. Рична Роменъ высохла оттого, что мать утояувшаго въ ней сына забрала ея источникъ. 327—328.

316. Г. Зимьновъ названъ такъ по имени его основателя — Зинца. 328.

XIII. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія.

317. Ракова скоро работа. Ракъ семь лѣтъ ходилъ по дрожжи и въ концѣ—разлилъ ихъ. 330.

318. Про хлопця, що ничего не боявся. Сынъ все проилъ огда показать ему страхъ; его пробовали испугать: а) дьячекъ на колокольнѣ, нарядившись мертвецомъ, б) оставивъ его ночью въ лѣсу около висѣлицы съ трупами, в) оставивъ ночевать въ пустомъ домѣ, гдѣ обитала нечистая сила. Все напрасно. Наконецъ, отецъ испугалъ его, плеснувъ на соннаго холодною водою. 330—331.

319. Негода. Зарѣзавъ свинью, мужъ оставилъ часть сала «Негоди». Жена приняла за негоду женщину въ синей одеждѣ и отдала ей сало. 332.

320. Нужда. Мужъ откладывалъ деньги «про нужду». Жена передала деньги нуждѣ черезъ солдата. Узнавъ объ этомъ,

мужъ бросился догонять солдата верхомъ на лошади, но солдатъ хитростью получилъ отъ него и лошадь. 332—333.

321. Мать зрадницы. Вдова имѣла двухъ дѣтей, Петра и Настю, окрещенныхъ Богомъ и св. Петромъ; послѣдній подарилъ Петру жупанокъ, дающій ему силу, и ружье, благодаря которому онъ былъ превосходнымъ охотникомъ. Сойдясь съ змѣею, мать притворяется больной и даетъ сыну опасныя порученія, въ которыхъ онъ долженъ лишиться жизни; она ему велитъ а) добыть дикой поросятны, б) добыть дикаго яблока, в) добыть «сцилющюи ѿ живущюи» воды. При помощи сестры, уже вышедшей замужъ, Петро все исполняетъ. Подъ предлогомъ испытанія силы, мать заставляетъ сына снять жупанокъ и связываетъ его шелкомъ; змѣя надѣваетъ жупанокъ и убиваетъ его. Сестра оживляетъ брата «сцилющою ѿ живущюю» водою. Подъ видомъ птички онъ прилетаетъ къ матери. Змѣя хочетъ поймать птичку для своего ребенка и сбрасываетъ жупанокъ, который надѣваетъ Петро и убиваетъ змѣя.—II. Вариантъ той же сказки. 333—341.

322. Про хлопчика Покоти-Горошна. У бездѣтныхъ дѣда и бабы, при помощи ворожки, изъ яйца появляется крохотный сынокъ Покоти-Горошко. На полѣ онъ сѣлъ вогу на роги и оралъ. Увидѣлъ его панъ и купилъ у старика. Мальчикъ убѣжалъ домой. Панъ снова его взялъ, но не могъ и на этотъ разъ уберечь. 341—346.

323. Про богатога купца дочку. Купецъ отдалъ дочь въ науку къ попу, который напрасно дѣлалъ ей нечистыя предложенія. Онъ оклеветалъ ее предъ отцомъ. Отецъ послалъ двухъ сыновей съ приказаніемъ привезти сердце сестры. Пожалѣвъ сестру, братья привезли отцу сердце собаки. Дѣвушка бродила въ лѣсу гдѣ ее встрѣтилъ купецъ и женился на ней. Однажды онъ заболѣлъ и послалъ жену вѣстѣ съ своимъ кумомъ на кораблѣ за товаромъ. Она отвергаетъ нечистыя предложенія кума, который бросаетъ ее съ ребенкомъ въ море. Ребенокъ утонулъ, а она выплыла на берегъ, случайно набрела на домъ своего отца, гдѣ ее не узнаютъ и она нанимается тамъ въ услуженіе. Туда завѣзжаетъ ее мужъ, дѣло разъясняется, куму отрѣзываютъ голову. 346—347.

324. Шептуха. Не имѣя средствъ къ жизни, баба, по совету священника, сдѣлалась шептухою. Случайно она была позвана къ тому-же священнику дѣчить его отъ нарыва въ горлѣ. Увидѣвъ ее, священникъ расхохотался, и нарывъ прорвался. 348.

325 Бачылы очи що купувады: йнште, хоть повилазьте— такъ говорилъ человекъ, купившій на копейку хрѣна. 348—349.

326. Кавунъ-рябчыкъ былъ любимцемъ хозяина. Когда хозяинъ везъ арбузы, возъ опрокинулся, арбузы раскатились, а хозяинъ радуется, что рябчикъ впереди всѣхъ. 349.

327. Смерти спужалась. Жена пьяницы призывала смерть. Солдатъ пустилъ ей въ хату ошпаннаго нидюка, сказавъ, что это смерть. Испуганная жена посылаетъ смерть къ мужу. 349—350.

328. Скупый чоловікъ. Ища пропавшую лошадь, человекъ даетъ обѣтъ поставить въ церкви свѣчу за полтинникъ и во время произнесенія этихъ словъ находитъ лошадь. Радуется, что полтинникъ остался цѣлъ. 350.

329. Дрова плохіе: одно полѣно положить въ печь, и то не горитъ. 350.

330. Розмова. Неподдающійся пересказу разговоръ встрѣтившихся крестьянъ. 351.

331 Добре, та не дуже. Разговоръ, въ которомъ все хорошее, что ни случается, оказывается имѣющимъ дурную сторону. 351—352.

332. Чого хоче. Нищій не видитъ ни одного, ни двухъ грошей, но беретъ три. 352.

333—336. Нисенитныци. 352—357.—**337. Приказны—** 358—372.—**338. Загады.** 372—376.

Прибавленіе.

Старая рукопись.

Сторія о мудромъ младенцу. Мудрый и ученый младенецъ для покупки платья и ковы продаетъ отца и мать и ѣдетъ къ

царю. Получивъ отъ встрѣтившагося младенца письмо къ царю, прочитываетъ въ немъ, что подателя его должны казнить, и уничтожаетъ его. Вокругъ заика царя головы на кольяхъ. Усыновившая младенца вдова разъясняетъ причину этого: прекрасная дочь царя только за того выйдетъ замужъ, кто побѣдитъ ее въ диспутахъ; въ противномъ случаѣ долженъ потерять жизнь. Младенецъ хочетъ добыть царевну. Три дня щастливо отвѣчъ етъ на ея вопросы и задаетъ ей вопросъ: кто отца превратилъ въ коня, а мать въ одежду. Царевна проситъ отсрочки до утра, неузнанная приходитъ къ младенцу, опьяняетъ его напитками и поцѣлуями и вывѣдываетъ отвѣтъ. Но она забыла у младенца перстень со своимъ именемъ. Когда ведутъ его на казнь, онъ показываетъ перстень царю. Царевна отрицаетъ принадлежность ей перстня, утверждаетъ, что ея перстень у нея и представляетъ поддѣльный. Царь выдаетъ ее замужъ за младенца. 402—410.

Повѣсть о Агій о царю. Царь Агій нашелъ лжными евангельскія слова о томъ, что богатые обнищаютъ, а нищіе обогащаются, вырвалъ листъ съ ними изъ Евангелія, а священника заключилъ въ тюрьму. На охотѣ царь погнался за оленемъ, сбросилъ одежду, чтобы переплыть рѣку. Ангелъ принялъ на себя видъ царя, взялъ его одежды и царствовалъ вмѣсто него три года, Агій-же три года былъ нищимъ, послѣ чего царство было снова ему возвращено. 410—412.

Чудо святителя Христова Николая. Св. Николаю явился въ дорогѣ въ страшномъ образѣ діаволь. Укрѣпленный св. Духомъ, св. Николай повергаетъ діавола на землю и заставляетъ признаться въ его намяреніяхъ, затѣмъ ввергаетъ его въ бездну. 413—415.

Слово о смерти и о рыцере богатоиъ и славномъ, который не боялся смерти и искалъ ее; встрѣтилъ, хвасталъ своею силою, а смерть доказывала свою. Оружіе не помогло ему, и онъ умеръ. 415—420.
